Научный журнал по политологии

Теории и проблемы политических исследований

Том 6, № 1А, 2017.
С. 1-309.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»
Московская область, г. Ногинск

Journal of Politics

Theories and Problems of Political Studies

January 2017, Volume 6, Issue 1A.
Pages 1-309.

ANALITIKA RODIS publishing house
Noginsk, Moscow region

«Теории и проблемы политических исследований» Том 6, № 1А, 2017

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 6 номеров в год. Периодичность части В – 6 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Митрохина Татьяна Николаевна, доктор политических наук, завкафедрой политических наук, ***Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина*** – главный редактор журнала (по направлению «Политология»).

Дзуцев Хасан Владимирович, доктор социологических наук, профессор, директор ***Северо-Осетинского центра социальных исследований Института социально-политических исследований РАН***, завотделом социологических исследований и политологического мониторинга ***Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева***, завкафедрой социологии политических и социальных процессов ***Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова*** – главный редактор журнала (по направлению «Социологические науки»).

Стровский Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, ***Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*** – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются научные статьи, а также сообщения о выходе книг по вопросам теоретической и прикладной политической науки. Авторами статей выступают политологи и социологи, работающие в академических институтах и вузах, политики, а также аспиранты и докторанты. В журнале рассматриваются важнейшие проблемы теории и истории политологии, социологии, культуры, массовых коммуникаций на уровне общества (общественной группы), государства и международной системы, а также вопросы методологии политических и социологических исследований, теоретические поиски, новые концепции и проблемы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Теории и проблемы политических исследований» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор (по направлению «Политология»)	Т.Н. Митрохина, доктор политических наук
Главный редактор (по направлению «Социологические науки»)	Х.В. Дзуцев, доктор социологических наук
Зам. главного редактора	Д.Л. Стровский, доктор политических наук
Ответственный редактор	В.В. Галушкин
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректоры	Л.Л. Куприянчик, Л.Н. Икитян, О.Г. Лысяк, М.Б. Шишелева
Переводчики	В.Н. Ермаков, Р.Э. Бокова, И.С. Злобина, М.Б. Шишелева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, г. Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43673 от 24.01.2011.
ISSN 2223-5442. Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»
Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»:
43047 «Теории и проблемы политических исследований».
Цена договорная. Подписано к печати 15.01.2017. Печ. л. 41,25. Формат 60x90/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 6 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 70??.
Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, г. Москва, Сущевский вал, 49.

"Theories and Problems of Political Studies" January 2017, Volume 6, Issue 1A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 6 times a year. The frequency of part B is 6 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Mitrokhina Tatyana Nikolaevna, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of political science, ***Stolypin Volga Region Institute of Administration*** (Russia) – editor-in-chief (Political science section).

Dzutsev Khasan Vladimirovich, Doctor of Sociology, Professor, Head of the ***North Ossetian Centre for Social Research of the RAS Institute of Social and Political Research***, Head of the Department of social research and political monitoring, ***Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research***, Head of the Department of sociology of political and social processes, ***Khetagurov North-Ossetian State University*** (Russia) – editor-in-chief (Sociological science section).

Strovskii Dmitrii Leonidovich, Doctor of Political Sciences, ***Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin*** (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal publishes scientific articles and information about books on theoretical and applied political science. The authors of articles are political scientists and sociologists working in academic institutions, politicians, postgraduate students and PhD candidates. The journal deals with the major problems of the theory and history of political science, sociology, culture, mass communications at the level of society (a social group), a state and an international system, as well as issues of the methodology of political and sociological research, theoretical studies, new concepts and challenges.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Theories and Problems of Political Studies" ("*Teorii i problemy politicheskikh issledovanii*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief (Political science section)	T.N. Mitrokhina, Doctor of Political Sciences
Editor-in-chief (Sociological science section)	Kh.V. Dzutsev, Doctor of Sociology
Deputy editor-in-chief	D.L. Strovskii, Doctor of Political Sciences
Executive editor	V.V. Galushkin
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik, L.N. Ikityan, O.G. Lysyak, M.B. Shisheleva
Translators	V.N. Ermakov, R.E. Bokova, I.S. Zlobina, M.B. Shisheleva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.
The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Mass media registration certificate: PI No. FS77-43673 of 24.01.2011.
ISSN 2223-5442. Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"
Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia":
43047 "Theories and Problems of Political Studies".
Contract price. Passed for printing on 15.01.2017. 41.25 printed sheets. Format 60x90/8.
Offset printing. Offset paper. Periodicity: 6 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 70??.
Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.
P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val st., Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

Адилова Людмила Фёдоровна – доктор политических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Асонов Николай Васильевич – доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России.

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор кафедры инноватики, управления и права Пятигорского государственного лингвистического университета.

Гайнутдинов Рашид Ибрагимович – доктор политических наук, председатель Наблюдательного совета Санкт-Петербургского института региональных инновационных систем, профессор факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Елисеев Сергей Михайлович – доктор политических наук, профессор кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

Конышев Валерий Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Корконосенко Сергей Григорьевич – доктор политических наук, профессор, завкафедрой теории журналистики, заместитель декана по научной работе факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета.

Скиперских Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, г. Пермь, Россия.

Слинько Александр Анатольевич – доктор политических наук, профессор, завкафедрой международных отношений и регионоведения Воронежского государственного университета.

Хаски Юджин – доктор политических наук, доктор экономических наук, советолог, профессор, университет Стэтсона, Делэнд, Флорида (США).

Шешукова Галина Викторовна – доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических дисциплин и управления Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина.

Редакционный совет
по направлению «социологические науки»

Гуслякова Людмила Герасимовна – доктор социологических наук, международный магистр социальной работы, завкафедрой социальной работы Горно-Алтайского государственного университета.

Дагбаев Эрдэм Данзанович – доктор социологических наук, завкафедрой политологии и социологии Бурятского государственного университета.

Исаев Борис Акимович – доктор социологических наук, завкафедрой политологии факультета международной коммуникации Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова (Санкт-Петербург).

Островская Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Чойропов Цырен Цыдыпович – доктор социологических наук, профессор, завкафедрой социологии и политологии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления.

Редакционная коллегия

Ачкасов Валерий Алексеевич – доктор политических наук, профессор, завкафедрой международных политических процессов факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Баранов Николай Алексеевич – доктор политических наук, профессор кафедры культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех», завкафедрой международных отношений Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права.

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и мирового политического процесса Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.

Богомяков Владимир Геннадьевич – доктор философских наук, профессор кафедры политологии Тюменского государственного университета.

Васецкий Андрей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, проректор-директор Института дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих Северо-западной академии государственной службы.

Глухова Александра Викторовна – доктор политических наук, профессор, завкафедрой социологии и политологии Воронежского государственного университета.

Глушкова Светлана Игоревна – доктор политических наук, доцент, завкафедрой прав человека, заместитель декана юридического факультета Гуманитарного университета.

Гоптарева Ирина Борисовна – доктор политических наук, завкафедрой политологии, профессор кафедры теории государства и права и конституционного права Оренбургского государственного университета.

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, доцент, завкафедрой социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, завкафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета Адыгейского государственного университета.

Мухаметшин Рафик Мухаметшович – доктор политических наук, профессор, ректор Российского исламского университета.

Пеньков Владимир Фёдорович – доктор политических наук, профессор, завкафедрой связей с общественностью Тамбовского государственного технического университета.

Редакционная коллегия по направлению «социологические науки»

Ананьева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, проректор Российского государственного университета туризма и сервиса.

Василенко Инна Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии Волгоградского государственного университета.

Кононова Татьяна Михайловна – доктор социологических наук, завкафедрой иностранных языков Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий.

Савинов Леонид Иванович – доктор социологических наук, завкафедрой социальной работы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.

Слатинов Владимир Борисович – доктор политических наук, доцент, завкафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета.

Черняева Татьяна Ивановна – доктор социологических наук, завкафедрой социальных коммуникаций Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Editorial Board

Adilova Lyudmila Fedorovna – Doctor of Political Sciences, Professor at the Russian State University for the Humanities (Russia).

Asonov Nikolai Vasil'evich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of sociology and political sciences of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Astvatsaturova Maiya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of innovatics, administration and law of Pyatigorsk State Linguistic University (Russia).

Eliseev Sergei Mikhailovich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of sociology of political and social processes of St. Petersburg State University (Russia).

Gainutdinov Rashid Ibragimovich – Doctor of Political Sciences, chairman of the supervisory board of the St. Petersburg Institute of Regional Innovation Systems, Professor at the faculty of political sciences of St. Petersburg State University (Russia).

Huskey Eugene – Doctor of Political Sciences, Doctor of Economics, sovietologist, Professor, Stetson University in Deland, Florida (USA).

Konyshev Valerii Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of theory and history of international relations of the faculty of international relations of St. Petersburg State University (Russia).

Korkonosenko Sergei Grigor'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of theory of journalistic, Vice-Dean for scientific work of the faculty of journalism of St. Petersburg State University (Russia).

Sheshukova Galina Viktorovna – Doctor of Political Sciences, PhD in Philosophy, Professor at the Department of humanities, socio-economic disciplines and management of Orenburg Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of humanities of the National Research University "Higher School of Economics", Perm (Russia).

Slin'ko Aleksandr Anatol'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of international relations and regional studies of Voronezh State University (Russia).

Editorial Board in "Sociological sciences"

Choiropov Tsyren Tsydypovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of sociology and political science, East Siberia State University of Technology and Management (Russia).

Dagbaev Erdem Danzanovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of political science and sociology, Buryat State University (Russia).

Guslyakova Lyudmila Gerasimovna – Doctor of Sociology, international master in social work, Head of the Department of social work, Gorno-Altaisk State University (Russia).

Isaev Boris Akimovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of political science of the faculty of international communications, Ustinov Baltic State Technical University "Voenmekh", St. Petersburg (Russia).

Ostrovskaya Elena Aleksandrovna – Doctor of Sociology, Professor at the Department of theory and history of sociology of the faculty of sociology, St. Petersburg State University (Russia).

Advisory Board

Achkasov Valerii Alekseevich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of international politic processes of the faculty of political science of St. Petersburg State University (Russia).

Bakhlov Igor' Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of universal history and world political developments of Ogarev Mordovia State University (Russia).

Baranov Nikolai Alekseevich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of culturology and global studies of Baltic State Technical University "Voenmech", Head of the Department of international relations of St. Petersburg Institute for International Economic Relations, Economics, and Law (Russia).

Bogomyakov Vladimir Gennad'evich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of political science of Tyumen State University (Russia).

Dergunova Nina Vladimirovna – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of sociology and political science of Ulyanovsk State University (Russia).

Glukhova Aleksandra Viktorovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of sociology and political sciences of Voronezh State University (Russia).

Glushkova Svetlana Igorevna – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of human rights, Vice-Dean of the law faculty of the Humanitarian University (Russia).

Goptareva Irina Borisovna – Doctor of Political Sciences, Head of the Department of political sciences, Professor at the Department of the theory of state and law and constitutional law of Orenburg State University (Russia).

Mukhametshin Rafik Mukhametshovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of Russian Islamic University (Russia).

Pen'kov Vladimir Fedorovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of public relations of Tambov State Technical University (Russia).

Vasetskii Andrei Anatol'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Pro-Rector and Head of the Institute of Additional Professional Education for Public Servants of North-West Academy of Public Administration (Russia).

Zhade Zuriet Anzaurovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of the theory of state and law and political science of the law faculty of Adygei State University (Russia).

Advisory Board in "Sociological sciences"

Anan'eva Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Sociology, Pro-Rector, Russian State University of Tourism and Service (Russia).

Chernyaeva Tat'yana Ivanovna – Doctor of Sociology, Head of the Department of social communications, Stolypin Volga Region Institute, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Adminstration (Russia).

Kononova Tat'yana Mikhailovna – Doctor of Sociology, Head of the Department of foreign languages, Tyumen State Academy of Culture, Arts and Social Technologies (Russia).

Savinov Leonid Ivanovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of social work, Ogarev Mordovia State University (Russia).

Slatinov Vladimir Borisovich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of state and municipal management, Kursk State University (Russia).

Vasilenko Inna Viktorovna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of sociology, Volgograd State University (Russia).

Содержание

Теория и философия политики, история и методология политической науки

Донин Александр Яковлевич

Концепции демократии Ф. Шмиттера и Ю. Хабермаса в контексте дискуссий о будущем либеральной модели демократии 5

Тюрин Иван Владимирович

Концепция джамахирии в политическом процессе Ливии: обобщение идей Муаммара Каддафи 18

Колесников Вячеслав Александрович

Политическая идеология – феномен общественного и государственного развития 26

Политические институты, процессы и технологии

Вербицкая Ольга Юрьевна

Анализ политической информации в американских СМИ: современный образ России 39

Лопатин Иван Дмитриевич

Понятия экстремизма и терроризма в современной науке – социально-философский аспект 48

Сущенко Максим Алексеевич

Особенности функционирования политических традиций в современном Китае 58

Попиль Василина Андреевна

Роль личного имиджа губернатора в брендинге субъекта федерации (на примере Дальневосточного федерального округа РФ) 69

Миронов Сергей Александрович

Деятельность муниципальных органов власти по формированию и продвижению имиджа города (на примере г. Казани) 84

Прядкина Ирина Михайловна

Политическая модернизация в России: историко-политологический анализ 94

Руднева Елена Леонидовна

Молодежная политика как механизм формирования и реализации социальной ответственности власти 102

Островская Инна Валериевна

Русский мир Севастополя на рубеже XX–XXI веков: основные характеристики и особенности 114

Жученко Анастасия Михайловна

Приоритеты деятельности современных латиноамериканских интеграционных организаций в среднесрочной перспективе 126

Хадыров Равшан Юнусович

Политический рельеф Таджикистана: спектр и актуальные соотношения основных политических сил республики 134

Пинчук Ирина Викторовна

Политическая идентичность и политическое участие современного добровольческого движения России 144

Новикова Вероника Михайловна

Высшее образование и наука в политической призме 156

Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Ильина Юлия Игоревна
Роль Ирана в гражданской войне в республике Йемен ... 165

Гриценко Илона Александровна
Внешнеполитический курс правительств Н. Киршнера и К. Фернандес де Киршнер: императивы поиска новых партнеров ... 176

Дронова Светлана Юрьевна,
Куприянова Дарья Олеговна,
Шкинева Анастасия Владимировна
Испания и ЕС: разделение компетенций и проблемы политико-экономического суверенитета ... 185

Пелевина Екатерина Сергеевна
Особенности системы информационной безопасности как элемента международной безопасности в современном мире ... 194

Капустин Николай Андреевич
Территориальный конфликт в Южно-китайском море: причины и варианты развития ... 206

Самойлов Антон Витальевич
Геоэкономическое измерение внешнеполитической стратегии КНР ... 217

Железнякова Светлана Ивановна
Противоречия процессов массовой коммуникации в современном обществе ... 232

Люй Хуэй
Исследование состояния сельского хозяйства на острове Хайнань во время японской оккупации ... 241

Социальная структура, социальные институты и процессы

Осипова Мария Егоровна,
Винокурова Ульяна Алексеевна
Автомобилизация населения как социальная проблема в Якутии ... 252

Федосеев Владилен Валентинович
Социальное расслоение населения России и проблемы формирования среднего класса: состояние и динамика ... 262

Социология культуры

Олешкова Анна Михайловна
Медиативный функционал современного «новояза» (между онлайн и оффлайн культурой) ... 272

Политическая социология

Подорова-Аникина Оксана Николаевна
Развитие методологии социологических исследований мониторинга политических процессов ... 281

Социология управления

Исхакова Эльмира Ильдусовна
Дискурсологический подход к пониманию социальных технологий управления ... 290

Хазов Константин Николаевич
Обеспечение экологической безопасности как фактор устойчивого развития муниципального образования ... 301

Contents

Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

Aleksandr Ya. Donin

The concept of democracy Ph. Schmitter and J. Habermas in the context of discussions about the future of the liberal model of democracy 5

Ivan V. Tyurin

The concept of Jamahiriya in Libyan politics: synthesis of Muammar Gaddafi's ideas 18

Vjacheslav A. Kolesnikov

A political ideology: a phenomenon of social and state development..... 26

Political institutions, processes, technology

Ol'ga Yu. Verbitskaya

An analysis of the political information in the american mass media: a modern image of Russia..... 39

Ivan D. Lopatin

Concepts of extremism and terrorism in modern science: the socio-philosophical aspect 48

Maksim A. Sushchenko

Features of functioning political traditions in modern China 58

Vasilina A. Popil'

The role of governor's personal image in sub-federal unit's branding (on the example of Far Eastern Federal District of the Russian Federation)..... 69

Sergei A. Mironov

The activities of local government related to formation and promotion of city image (the case of Kazan city) 84

Irina M. Pryadkina

Political modernization in Russia: historical and political analysis 94

Elena L. Rudneva

The youth policy as the mechanism of formation and implementation of social responsibility of power..... 102

Inna V. Ostrovskaya

Russian world of Sevastopol at the turn of XX–XXI centuries: basic characteristics and features.....114

Anastasiya M. Zhuchenko

The activity priorities of modern Latin American integration organizations in the medium term 126

Ravshan Yu. Khadyrov

The political space of Tajikistan: the spectrum and actual proportions of the main political forces of the Republic..... 134

Irina V. Pinchuk

Political identity and political participation of the modern volunteer movement in Russia..... 144

Veronika M. Novikova

Higher education and science in the political prism 156

Political problems of international relations, global and regional development
Yuliya I. Il'ina
The role of Iran in Yemen's civil war ... 165
Ilona A. Gritsenko
Foreign policy in the kirchnerist Argentina: imperatives for the search of new partners ... 176
Svetlana Yu. Dronova,
Dar'ya O. Kupriyanova,
Anastasiya V. Shkineva
Spain and the European Union: distribution of competences and the problems of political-economic sovereignty ... 185
Ekaterina S. Pelevina
Features of information security system as an element of international security in the modern world ... 194
Nikolai A. Kapustin
Territorial dispute in the South China Sea: origin and development options ... 206
Anton V. Samoilov
Geo-economic dimension of foreign policy strategy of China ... 217
Svetlana I. Zheleznyakova
Contradictions of mass communication processes in modern society ... 232
Lyui Khuei
The survey of agriculture on the Hainan island during the Japanese occupation ... 241
Social structure, social institutions and processes
Mariya E. Osipova,
Ul'yana A. Vinokurova
Motorization of the population as a social problem in Yakutia ... 252
Vladilen V. Fedoseev
Social stratification of the population of Russia and problems of the middle class formation: the status and dynamics ... 262
Cultural sociology
Anna M. Oleshkova
Modern "newspeak" in media: between online and offline ... 272
Political sociology
Oksana N. Podorova-Anikina
Development of methodology of sociological research of political processes monitoring ... 281
Management sociology
Elmira I. Iskhakova
A discoursological approach to understanding of social technologies of managment ... 290
Konstantin N. Khazov
Ensuring environmental safety as a factor for sustainable development of a municipality ... 301

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 321.7

Концепции демократии Ф. Шмиттера и Ю. Хабермаса в контексте дискуссий о будущем либеральной модели демократии

Донин Александр Яковлевич
Кандидат политических наук, доцент,
кафедра социально-политических наук,
Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова,
194021, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Институтский пер., 5
e-mail: alexander_donin@ mail.ru

Аннотация

В условиях появления новых форм политической активности граждан и развития глобализации в политической науке западных стран получили широкое распространение рассуждения о кризисе либеральной модели демократии. Концепции, претендующие на выход за пределы либерального понимания демократии, но вместе с тем опирающиеся на принципы либерализма, предложили известные политические мыслители Ф. Шмиттер и Ю. Хабермас. Отличительной чертой ПЛД, по мнению Шмиттера, должно стать увеличение в обществе обменов и коммуникаций. Это не только преобразует демократию на уровне отдельных стран, но и сделает возможным использование ПЛД в качестве формы глобальной политической организации. Предложенная Шмиттером концепция ПЛД, по сути, является разновидностью концепций делиберативной (совещательной) демократии и тесно переплетающейся с ней концепции коммуникативной демократии. Это сближает ее с «теорией дискурса» Хабермаса и позволяет рассматривать идеи двух авторов в комплексе. Определяя свою теоретическую позицию, Хабермас пишет, что его понимание политики и демократии отличается от двух основных нормативных теорий демократии: либеральной и республиканской. Поиск модели демократии, с одной стороны, ставящей своей задачей преодолеть реальные или мнимые недостатки политического либерализма, а с другой стороны, сохранить его жизнеспособные черты, также сближает концепции Шмиттера и Хабермаса. Концепция «постлиберальной» демократии Шмиттера и теория дискурса Хабермаса рассмотрены в контексте предложений по совершенствованию демократии ученых, опирающихся на либеральное понимание демократии.

Для цитирования в научных исследованиях

Донин А.Я. Концепции демократии Ф. Шмиттера и Ю. Хабермаса в контексте дискуссий о будущем либеральной модели демократии // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 5-17.

Ключевые слова

Постлиберальнкая демократия, делиберативная демократия, либерализм, социальные коммуникации, политические институты, социальные процессы.

Введение

На рубеже XX и XXI веков в политической науке западных стран стали весьма заметными рассуждения о кризисе либеральной демократии и о необходимости ее трансформации как политического и гражданского устройства в некое новое состояние. Критика практикуемого в развитых странах Запада либерализма, естественно, осуществлялась и ранее, правильнее сказать, что она имела место всегда, но она была распространена, главным образом, среди сторонников радикально-левых и крайне правых оппозиционных политических течений. В настоящее же время рассуждения о проблемах и недостатках либеральной демократии стали характерны для ведущих политологов, что определяет актуальность рассмотрения этой темы.

Концепция «постлиберальной» демократии Ф. Шмиттера

Одним из первых известных авторов, заявивших о кризисе политического либерализма, стал американский политолог Филипп Шмиттер, работающий ныне в Италии. С его именем связывают появление понятия ««постлиберальная» демократия» (ПЛД). Уже в 1983 г. он писал о «постлиберальных развитых капиталистических государствах» [Шмиттер, 2006, 343, 344] как о неоспоримой данности. Постлиберализм, по его мнению, выражался в том, что корпорации, а именно имеющие социально-классовую природу иерархические общности: классы, отрасли и профессиональные группы фактически заменили личности и партии в качестве субъектов диалога общества с государством. Корпорации стали важнейшим инструментом социальной «интермедиации интересов». При этом корпорации оценивались Шмиттером как образования, играющие важнейшую роль в деле обеспечения стабильности развитых государств Запада и сохранения управляемости происходящих в них социально-политических процессов.

Ученый отмечал также появление новых, некорпоративных форм объединений, к которым относил группы лоббирования общественных интересов, участников спонтанных протестов, «зеленых», а также движений за образование государств на основе этнических, ре-

лигиозных и прочих признаков [Там же, 348]. Новые общественные объединения, по мысли Шмиттера, могут, с одной стороны, ослабить корпорации, а с другой – создать сложности для сохранения стабильности общества.

В последующие годы социальное развитие в большинстве стран Запада пошло по пути уменьшения роли корпораций в щмиттеровском понимании этого термина и значительного усиления значения некорпоративных форм объединения граждан. Среди активной части общества усилилось стремление к индивидуальным действиям, выходящим за рамки голосования на выборах. Оно подогревается растущим имущественным расслоением. Существующие в западных странах политические системы объективно переживают кризис, вызванный процессом глобализации. Этот кризис проявляется в ослаблении национально-государственного суверенитета, вызванного как негативными, так и позитивными внешними воздействиями на государства извне. В условиях глобализации перед теорией демократии встает вопрос о том, возможна ли демократия на международном уровне. Теория либеральной демократии создавалась для применения на уровне национальных государств, и она не содержит на данный вопрос ясного ответа.

Констатируя эти и многие другие вопросы и проблемы современного социально-политического развития, Шмиттер, перефразируя К. Маркса, пишет о бродящем по Европе «призраке постлиберальной демократии» [Schmitter, 2003, 152]. Как следует из его рассуждений, наличие данного призрака наблюдается и в Северной Америке. Шмиттер отмечает неудовлетворенность граждан успехами реально существующей демократии, причем это неудовлетворение, по его мнению, вызывает не демократия как таковая, а ее либеральные черты. Он справедливо указывает на то, что либерализм и демократия не одно и то же. Шмиттер пишет: «Тогда как либерализм в качестве концепции политической свободы или как доктрина хозяйственной политики в некоторых странах мог совпадать с подъемом демократии, он никогда не был неразрывно и недвусмысленно связан с практикой демократии. И это вовсе не он привел политический режим демократии к тому, чтобы включить в себя массовую общественность, избираемые народом правительства, специализированные объединения интересов и неконвенциональные социальные движения. Фактически либералы в каждом случае с этим боролись» [Там же, 153].

К отличительным принципам либеральной демократии американский ученый относит:

– постановку отдельных граждан и индивидуализма в субстанциональном, процедуралистском и методологическом смыслах в центр теории демократии;

– обязательство обеспечивать свободу и добровольность, что составляет форму и содержание участия, а также рекрутирования политиков;

– обеспечение прав и их защиту при помощи нерушимых конституционных и правовых форм, которые устраняют политические запреты на эти права;

– установку на территориальную форму представительства и партийную конкуренцию в качестве единственно возможной легитимной связи между гражданами и носителями политической власти;

– ограничение границами национально-государственных институтов и вытекающую из этого (молчаливую) связь (Komplizenschaft) с национализмом;

– отказ от государственного принуждения, прежде всего тогда, когда оно осуществляется от имени масс привилегированным меньшинством, и приверженность контролю власти при помощи сдержек и противовесов;

– ограничение принципа равенства формальным политическим равенством и равнодушие по отношению к стойкому и систематическому (хотя и неформальному) неравенству при распределении жизненных шансов и политических ресурсов» [Там же, 155].

Шмиттер высоко оценивает значение либеральной демократии в борьбе с диктатурами, однако отмечает, что ныне либеральная, «классическая» демократия нуждается в реформировании. Современную демократию следует признать устаревшей по следующим основаниям:

– она практикует совершенно иные, чем формируются в настоящее время, формы государственной гражданственности и ответственности;

– политические партии и территориальные общности образуют ныне не единственную и, в некоторых случаях, не наиболее значимую форму связи между гражданами и лицами, осуществляющими власть;

– выбор между конкурирующими кандидатами не всегда в состоянии обеспечить дальнейшую ответственность управляющих;

– в большинстве современных демократий подлинными гражданами являются не индивиды, а организации, которые пытаются представлять интересы граждан;

– существующая система участия и рекрутирования элит благоприятствует привилегированным социальным группам;

– основывающаяся на системе сдержек и противовесов и множественного права вето институциональная система приводит к патовым ситуациям, и/или защищает власть укорененных во власти и привилегированных меньшинств;

– в некоторых демократиях, особенно тогда, когда законы и судьи переходят им как бы им по наследству от ранее существовавших автократий, принцип правового государства благоприятствует власть предержащим.

По убеждению Шмиттера, «постлиберальная» демократия может стать привлекательнейшей альтернативой либеральной демократии. Однако он констатирует, что «в нашем современном контексте тренд сводится к еще более сильно либерально-акцентированной демократии» [Там же, 156]. К чертам этого политического тренда, по мнению Шмиттера, относятся такие способные вызвать противоречивые эмоции и оценки явления, как: приватизация общественной собственности; устранение государственного регулирования промыслами, индустрией и услугами; либерализация финансовых потоков; преобразование политических требований в юридические претензии, погашение коллективных претензий индивидуальными выплатами; придание святости праву на собствен-

ность; сокращение государственных чиновников и начисляемых им окладов; дискредитация политиков в сочетании с повышением значимости предпринимателей; усиление власти якобы нейтрально-технократических институтов, например, Центральных банков, за счет «политически охваченных» институтов [Там же, 156]. Шмиттер пишет, что отмеченные изменения имеют две отличительные черты: «во-первых, они сокращают ожидания, которые народ может связывать с процессами принятия политических решений и, во-вторых, затрудняют формирование большинства, которое могло бы преодолеть сопротивление хорошо организованных и привилегированных меньшинств» [Там же, 156-157]. Таким образом, по его мнению, процесс дальнейшей либерализации превращается в процесс дедемократизации.

«Постлиберальная» демократия, по мысли Шмиттера, не станет отрицанием либеральной демократии. Она будет формироваться на основе ее сильных сторон. Отличительной чертой ПЛД должно стать увеличение в обществе обменов и коммуникаций. Это не только преобразует демократию на уровне отдельных стран, но и сделает возможным использование ПЛД в качестве формы глобальной политической организации.

Шмиттер предлагает в своем наброске модели «постлиберальной демократии» преобразовать, прежде всего, следующие три группы элементов демократии:

1. Роль граждан и критерии гражданских прав в государстве;

2. Процессы конкуренции и кооперации между (различными типами) представителей;

3. Управляющих и правила, по которым они принимают решения» [Там же, 159].

Первая группа реформ включает в себя, прежде всего, преобразование статуса государственного гражданства в направлении расширения круга имеющих его лиц. В этом контексте Шмиттер предлагает предоставлять избирательные права с момента рождения лицам, родившимся как граждане. Осуществлять эти права до достижения молодыми людьми совершеннолетия должны получить возможность родители или опекуны. Лицам, не имеющим гражданство, но родившимся на территории государства, в котором они проживают, следует предоставлять право участвовать в коммунальных выборах с перспективой получения полных избирательных прав.

По мнению ученого, граждане должны получить возможность выбирать в качестве своих представителей не только кандидатов от партий, но отдельно, и не обязательно по территориальному признаку, участников различных общественных объединений и социальных движений. Работать вторая группа депутатов могла бы в специальных вторых палатах представительных органов власти. Важным в системе предложений Шмиттера является идея о предоставлении значимым общественным организациям «права вторичного гражданства» для признания их реального, по его мнению, статуса в обществе. Обычные индивидуальные права граждан при этом следует понимать как «права первичного гражданства».

Предполагается, что за участие в выборах граждане будут получать денежное вознаграждение.

Вторая группа предполагаемых реформ, по убеждению Шмиттера, особенно важна. Среди них:

– организация перечислений взносов граждан тем партиям, союзам и общественным движениям, которые выражают их интересы;

– организация новых форм привлечения граждан к непосредственной законодательной работе (например, проведение ежегодных месячных собраний представителей избирателей для подготовки законов).

Ключевое значение для выхода демократии за рамки национальных государств имеет предложение Шмиттера о введении обмена депутатами между законодательными органами различных стран для работы в них.

Необходимость третьей группы реформ Шмиттер обосновывает тем, что провозглашенный либеральной демократией принцип принятия решений большинством на практике может вытесняться постулатом «влияние весит больше, чем число голосов» [Там же, 162]. Это приводит к доминированию привилегированных меньшинств.

Для устранения такого доминирования, по убеждению Шмиттера, необходимо придание нового содержания сформулированной Джеймсом Мэдисоном в «Федералисте № 10» стратегии «умерения воздействия» фракционности. Напомним, что Мэдисон считал фракционность естественной для свободного общества, но несущей в себе, при определенных условиях, например, при гегемонии какой-то фракции, опасность общественному благу. Средством борьбы с ее негативными проявлениями этот мыслитель считал представительство в парламенте разнообразных партий и интересов, с недоверием и подозрением относящихся друг к другу. Противоборство различных сил должно мешать им договариваться с целью осуществления «злокозненных замыслов» [Мэдисон, 2006, 101] и, в конечном счете, обезопасить общественное благо, права личности и дух народного правления. Успешному развитию общества должно способствовать и то, что в органы власти, по мнению Мэдисона, должны проходить люди, отличительными чертами которых должны быть мудрость, любовь к отчизне и справедливости.

Предложенную Мэдисоном систему взаимоотношений между различными фракциями Шмиттер именует «правом вето». В современных условиях он считает необходимым распространить это право на электорат с тем, чтобы меньшинства в зависимости от обстоятельств могли и стремились кооперироваться с целью формирования того или иного временного большинства.

В связи с этим Шмиттер предлагает, во-первых, санкционировать все обязывающие политические решения большинством голосов независимых представительских инстанций, соотносящихся с соответствующими группами избирателей. Для осуществления этого процесса он и предлагает создать уже упоминавшиеся выше «вторые палаты» парламентов, избираемые «определенными функционально» группами избирателей. «Вторые палаты» должны работать параллельно с традиционными «первыми палатами», избираемые «определенным территориально» электоратом.

Во-вторых, Шмиттер пишет о необходимости того, чтобы «в тех случаях, в которых политическое сообщество «глубоко расколото» этическими, религиозными, языковыми или классовыми различиями, одобрению большинством в обеих палатах должно предшествовать одобрение большинством на коллегиях выборщиков (Wahlmänner-Kollegs), совокупность участников которых составляется из представителей названных конфликтующих групп» [Schmitter, 2003, 163].

По мнению Шмиттера, предлагаемая им новая система «права вето» не приведет к параличу политической системы, а, наоборот, будет способствовать совершенствованию процесса принятия решений.

Характеризуя перспективы перехода к «постлиберальной» демократии в странах Запада, Шмиттер пишет о том, что хотя недовольство традиционной либеральной демократией получило в них широкое распространение, но в общественных кругах отсутствует решимость к проведению радикальных политических преобразований в силу неопределенности их последствий и неясности их цены.

Предложенная Шмиттером концепция «постлиберальной» демократии по сути является разновидностью концепций делиберативной (совещательной) демократии и тесно переплетающейся с ней концепции коммуникативной демократии. Если исходить из того, что важнейшие из предложений Шмиттера – это развитие социальных коммуникаций и их институализация, то весьма близкой к шмиттеровской концепции, на наш взгляд, является теория дискурса немецкого политического философа Юргена Хабермаса.

Ключевые аспекты теории дискурса Ю. Хабермаса

Определяя свою теоретическую позицию, Хабермас пишет, что его понимание политики и демократии отличается от двух основных нормативных теорий демократии: либеральной и республиканской.

По мнению Хабермаса, минусами либеральной модели демократии является то, что на практике она выступает, прежде всего, «стражем экономического сообщества», абсолютизирует роль выборов и традиционных политических институтов. Из этого следует, что либеральное понимание демократии объективно сужает возможности для выражения интересов общественно-политических движений, различных новых, постоянно формирующихся социально-политических субъектов, а также отдельных граждан.

Республиканская теория демократии восходит корнями к теории общественного договора Ж.-Ж. Руссо. В ней подчеркивается право граждан на изменение государственного устройства. Недостатками республиканской модели является идеализм, выражающийся в переоценке добродетельности граждан, а также недооценка положительного значения универсальных и институциональных компонентов политической организации.

Характеризуя собственную концепцию, Хабермас пишет: «Теория дискурса воспринимает элементы обеих сторон и интегрирует их в понимание идеальной процедуры совещания и принятия решений. Эта демократическая процедура устанавливает внутреннюю связь между переговорами, дискурсами самосогласия и справедливости и обосновывает предположение, что при таких условиях достигаются разумные и соответственно честные результаты. Тем самым практический разум возвращается из сферы универсальных прав человека или конкретной нравственности некоей определенной общности в область тех дискурсивных правил и форм аргументации, что заимствуют свое нормативное содержание из базиса значимости ориентированного на взаимопонимание действия, в конечном счете – из структуры языковой коммуникации» [Хабермас, 2001, 392-393].

Делиберативная демократия в том виде, в каком ее понимает немецкий философ, должна основываться на такой коммуникации, которая представляет собой коммуникативное действие. «Коммуникативными я называю такие интеракции, – указывает Хабермас, – в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интерсубъективным признанием притязаний на значимость» [Там же, 91]. В ходе проведения обсуждений предполагается предельная свобода выражения позиций.

Вместе с тем Хабермас подчеркивает, что «теория дискурса делает осуществление делиберативной политики зависимым не от коллективно дееспособной совокупности граждан, но от институализации соответствующих процедур» [Там же, 395]. Это высказывание Хабермаса является чрезвычайно важным для понимания сути его теории. Оно содержит в себе требование легитимации тех или иных форм проведения общественных дискуссий, а, с другой стороны, подразумевает включение в процесс общественных обсуждений дискуссий, осуществляемых в системе представительных органов государственной власти. В результате административная власть будет формироваться и функционировать коммуникативно. Итогом этого процесса должно стать общество, которое из трех выделяемых Хабермасом ресурсов власти – денег, административной власти и солидарности – будет отдавать предпочтение солидарности. Власть, основанная на солидарности, в определенном смысле уже не будет черпать свою силу из источника коммуникативного действия. Она, по словам немецкого философа, «должна получить возможность как своего развития – при помощи глубоко специализированных автономных образований общественности и институализированных в рамках правового государства процедур демократического формирования общественного мнения и политической воли, – так и своего утверждения против других видов власти – денег и администрации» [Там же, 396]. Немецкий философ отмечает, что дискурсивно-теоретическая трактовка демократии рассматривает политическую систему ни как вершину, ни как центр, ни как структуропорождающую модель общества, а как одну из систем действия наряду с другими [Там же, 400].

Идеи Хабермаса, на наш взгляд, могут использоваться для обоснования и дополнения концепции «постлиберальлной» демократии Шмиттера. Поиск модели демократии, с одной стороны, ставящей своей задачей преодолеть явные или мнимые недостатки политического либерализма, а, с другой стороны, сохранить его жизнеспособные черты, объективно сближает концепции Шмиттера и Хабермаса и позволяет рассматривать их в комплексе.

Оценки перспектив либеральной демократии западными политологами

Разработка теории демократии в современной Германии осуществляется по многим, но часто взаимно переплетающимся направлениям. По словам известного немецкого ученого К. Оффе, «о демократии можно говорить только во множественном числе. Демократии выступают в многообразии структурных вариантов» [Offe, 2003, 9]. Значительный удельный вес в политической науке Германии продолжает сохранять либеральный подход, традиционно придающий огромное значение необходимости совершенствования правового государства как одной из двух, наряду с демократией, сторон современного политического устройства. Классик современного политического либерализма Ральф Дарендорф в связи с этим писал, что принципы правового государства являются основой интернационального регулирования и решающим тестом для принципов демократии в политических пространствах, выходящих за национально-государственные рамки [Dahrendorf, 2002, 113]. По убеждению этого ученого, на наднациональном уровне следует развивать правовые либеральные принципы управления, а не пытаться имитировать демократические принципы формирования и деятельности национальных парламентов.

В современной политической науке США продолжают преобладать либеральные трактовки демократии. Либерализм и в форме теории, и в форме мифа глубоко укоренен в американском обществе, поэтому делиберативная демократия обычно характеризуются американскими учеными как компонент либеральной демократии, а не как особая модель демократии. Так, Э. Гутманн и Д. Томпсон пишут: «В своей наиболее общей форме требование совещательности – давно известная тема в рамках американской конституционной традиции. По мнению отцов основателей США, это неотъемлемый компонент идеального республиканского правления» [Гутманн, Томпсон, 2006, 17]. Эти авторы придерживаются убеждения, согласно которому слишком широкое развитие совещательных элементов демократии несет в себе опасность принижения принципов свободы личности и равных возможностей.

Л. Даймонд также рассматривает расширение делиберативых процессов как фактор совершенствования либеральной модели демократии, а не конструирования какой-то иной. В качестве направлений развития демократии он называет повышение честности и открытости политического соперничества, увеличение вовлеченности общества в политические процессы, увеличение возможностей и компетенций граждан [Даймонд, 2006, 33].

Известный американский политолог Ф. Закария, констатируя нарастание в широких слоях населения на Западе разочарования и раздражения по поводу существующих политических систем, а также подъем популизма, направленного против существующего истеблишмента [Закария, 2004, 15], пишет, однако, о недопустимости отказа от либеральной модели демократии.

По мнению Закарии, для совершенствования демократии необходимо не расширение возможностей воздействия граждан на власть, т.е. не дальнейшее расширение демократии, а совершенствование правовых основ деятельности демократических институтов. Важнейшим направлением этого процесса в развитых странах Запада должно стать увеличение количества управленческих структур, работающих, подобно Федеральной резервной системе США, на основе делегированных полномочий. Делегирование полномочий представляется Закарии средством, которое в состоянии обеспечить эффективное и компетентное управление в условиях вызовов глобализации и терроризма. Кроме того, как считает Закария, «делегированная демократия» способна решить поставленную Мэдисоном проблему «умерения фракционности», так как система институтов, работающих на основе делегированных полномочий, не подвержена постоянному влиянию различных групп интересов и способна в большей мере учитывать интересы общества в целом, чем современная реальная демократия.

Еще один широко известный американский ученый, Ч. Тилли, выдвигает оригинальную теорию развития демократии, ориентированную не на жесткое использование какой-то ее модели (хотя и отталкивающегося в своих рассуждениях от либерального понимания демократии), а на необходимость изучения и преобразования социальных процессов. Процесс обсуждений занимает среди них особое место. «Мы считаем, – пишет Тилли, – что режим является демократическим в той степени, в какой политические отношения соответствующего государства с его гражданами строятся на широких, равноправных, защищенных и взаимообязывающих процедурах обсуждения. Соответственно, демократизация – это движение режима к такого рода обсуждениям; дедемократизация – движение отказа от них, движение в обратную сторону» [Тилли, 2007, 224-225]. Расширение процедур обсуждения, т.е. демократизацию, Тилли связывает со следующими социальными процессами: ростом связи сетей доверия (т.е. социально-экономических, политических, культурных и религиозных общностей) с публичной политикой, изоляцией публичной политики от категориального неравенства, ликвидацией независимых от государства и прибегающих к насилию центров власти. Большое значение для демократизации имеет и благоприятное внешнее влияние.

Понимание демократии Тилли, подчеркивающее важность процедур обсуждения, представляется объективно близким к воззрениям Шмиттера и Хабермаса. Однако сам Тилли не склонен настаивать на необходимости следования какой-то определенной модели демократии и является сторонником идеи о возможности многовариантного развития как демократии, так и человеческого общества в целом.

Заключение

В мировоззренческом плане концепцию «постлиберальной» демократии Шмитттера и теорию дискурса Хабермаса объединяет стремление выйти за рамки либеральной модели демократии в направлении обеспечения прав социальных и культурных общностей при сохранении некоторых ключевых элементов либерализма, прежде всего – принципа свободы личности. Важной составной частью воззрений Шмиттера является стремление обеспечить распространение демократии как политического устройства на наднациональный уровень. Обоим авторам присущи попытки предложить институциональное решение поставленных задач.

Среди сторонников либерализма концепции Шмиттера и Хабермаса прямо и косвенно критикуются за возможное принижение индивидуальных прав и свобод личности в пользу коллективных прав, за попытку отделить делиберативное понимание демократии от либерального. Кроме того, среди некоторых либерально ориентированных авторов распространено убеждение в том, что магистральное направление развития демократии, особенно в развивающихся странах и на международном уровне, состоит в применении и совершенствовании принципов правовой государственности, а не в изобретении новых демократических процедур.

Не подлежит сомнению, что после победы консерватора Д. Трампа на президентских выборах в США и в условиях активизации нелиберальных сил в Европе дискуссии о судьбе и формах проявления либерализма в мире активизируются, и не последнее место в этих спорах будет занимать обсуждение идей Шмиттера и Хабермаса.

Библиография

1. Гутманн Э. Демократия и разногласия // Теория и практика демократии. Избранные тексты. М.: Ладомир, 2006. С. 16-21.
2. Даймонд Л. Определение и развитие демократии // Теория и практика демократии. Избранные тексты. М.: Ладомир, 2006. С. 25-33.
3. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. 383 с.
4. Мэдисон Д. Федералист № 10 // Теория и практика демократии. Избранные тексты. М.: Ладомир, 2006. С. 98-101.
5. Тилли Ч. Демократия. М.: ППП «Типография «Наука», 2007. 264 с.
6. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
7. Шмиттер Ф. Увязка интересов и управляемость политических режимов в современной Западной Европе и Северной Америке // Теория и практика демократии. Избранные тексты. М.: Ладомир, 2006. С. 341-348.
8. Dahrendorf R. Die Kriesen der Demokratie: ein Gespräch mit Antonio. München: Verlag C.H. Beck, 2002. 120 p.

9. Offe C. Einleitung. Reformbedarf und Reformoptionen der Demokratie // Demokratisierung der Demokratie. Diagnosen und Reformvorschläge. Frankfurt/Main: Campus Verlag GmbH, 2003. P. 9-23.
10. Schmitter Ph. Wie könnte eine "postliberale" Demokratie aussehen? Skizenhafte Vermutungen und Vorschläge // Demokratisierung der Demokratie. Diagnosen und Reformvorschläge. Frankfurt/Main: Campus Verlag GmbH, 2003. P. 152-165.

The concept of democracy Ph. Schmitter and J. Habermas in the context of discussions about the future of the liberal model of democracy

Aleksandr Ya. Donin
PhD in Political Science, Associate Professor,
Department of social and political science,
Saint Petersburg State Forest Technical University,
194021, 5, Institutskii lane, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alexander_donin@ mail.ru

Abstract

In the context of the emergence of new forms of political activity of citizens and the development of globalization in the political science of Western countries the discussion on the crisis of the liberal model of democracy has become widespread. Concepts claiming to go beyond the liberal understanding of democracy but based on the principles of liberalism were proposed by well-known political thinkers Ph. Schmitter and J. Habermas. A distinctive feature of a post-liberal democracy, according to Schmitter, should be an increase in the society of exchanges and communications. This will not only transform democracy at the level of individual countries, but will also make it possible to use it as a form of global political organization. The concept proposed by Schmitter is, in fact, a kind of concept of a deliberative democracy and a concept of communicative democracy that is closely intertwined with it. This brings it closer to the discourse theory of Habermas and allows one to consider the ideas of two authors in a complex. Defining his theoretical position, Habermas writes that his understanding of politics and democracy differs from the two basic normative theories of democracy: liberal and republican. The search for a model of democracy whose task is to overcome the real or perceived shortcomings of political liberalism and to preserve its viable features, also brings together the concepts of Schmitter and Habermas.

For citation

Donin A. Ya. (2017) Kontseptsii demokratii F. Shmittera i Yu. Khabermasa v kontekste diskussii o budushchem liberal'noi modeli demokratii [The concept of democracy Ph. Schmitter and J. Habermas in the context of discussions about the future of the liberal model of democracy]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 5-17.

Keywords

Political science, democracy, Habermas, Schmitter, liberal model.

References

1. Dahrendorf R. (2002) *Die Kriesen der Demokratie: ein Gespräch mit Antonio*. München: Verlag C.H. Beck.
2. Diamond L. (2006) Opredelenie i razvitie demokratii [Democracy definition and development]. In: *The Democracy Sourcebook*. Moscow: Ladomir Publ.
3. Gutmann E. (2006) Demokratiya i raznoglasiya [Democracy and discussions]. In: *The Democracy Sourcebook*. Moscow: Ladomir Publ.
4. Habermas J. (2001) *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii* [Involving the other. Political essays]. St. Petersburg: Nauka Publ.
5. Madison D. (2006) Federalist № 10 [Federalist № 10]. In: *The Democracy Sourcebook*. Moscow: Ladomir Publ.
6. Offe C. (2003) Einleitung. Reformbedarf und Reformoptionen der Demokratie. In: *Demokratisierung der Demokratie. Diagnosen und Reformvorschläge*. Frankfurt/Main: Campus Verlag GmbH.
7. Schmitter Ph. (2003) Wie könnte eine "postliberale" Demokratie aussehen? Skizenhafte Vermutungen und Vorschläge. In: *Demokratisierung der Demokratie. Diagnosen und Reformvorschläge*. Frankfurt/Main: Campus Verlag GmbH.
8. Tilly Ch. (2007) *Demokratiya* [Democracy]. Moscow: Nauka Publ.
9. Shmitter F. (2006) Uvyazka interesov i upravlyaemost' politicheskikh rezhimov v sovremennoi Zapadnoi Evrope i Severnoi Amerike [The alignment of interests and the manageability of political regimes in modern Western Europe and North America]. In: *The Democracy Sourcebook*. Moscow: Ladomir Publ.
10. Zacharia F. (2004) *Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SShA i za ikh predelami* [The future of freedom: illiberal democracy in the US and beyond]. Moscow: Ladomir.

УДК 323.212

Концепция джамахирии в политическом процессе Ливии: обобщение идей Муаммара Каддафи

Тюрин Иван Владимирович

Аспирант,

кафедра «Философия политики и права»,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;

e-mail: super.tiurin@ya.ru

Аннотация

В статье рассматривается теория управления обществом, предложенная Муаммаром Каддафи – лидером Ливийской Народной республики до 2011 года. Цель данной работы – выявить ключевые особенности концепции джамахирии – прямого народовластия в ливийском государстве. Определены особенности джимахирии как проекта политического устройства страны и модель гармонизации межгосударственных отношений. Фундаментом исследования выступает анализ Третьей Мировой теории, представленной М. Каддафи в работе «Зеленая книга», а также его публичного выступления, состоявшегося 23 сентября 2009 года на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Представлены различные оценки вклада идей Каддафи в философскую и политическую мысль современности. Отмечены и критически осмыслены достоинства и недостатки философско-политической концепции истинной демократии, предложенной и на протяжении многих лет реализуемой в отдельно взятом государстве Муаммаром Каддафи.

Для цитирования в научных исследованиях

Тюрин И.В. Концепция джамахирии в политическом процессе Ливии: обобщение идей Муаммара Каддафи // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 18-25.

Ключевые слова

Джамахирия, Муаммар Каддафи, Зеленая книга, прямая демократия, третья мировая теория.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Муаммар Каддафи, возглавлявший Ливию с 1979 по 2011 год, является одним из наиболее известных государственных деятелей современности. Его теоретические исследования и попытка их практической реализации представляют особый интерес в рамках теории демократии, а также международных отношений. Идеи, предложенные М. Каддафи, не теряют своей актуальности и по сегодня, оказываясь полезными при изучении процессов, происходящих на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также в контексте глобальной геополитической системы.

Фундаментальной работой М. Каддафи является труд «Зеленая книга», первая часть которого была опубликована в 1976 году. Идеи, выдвинутые в данном произведении, привлекли внимание целого ряда исследователей, публицистов и журналистов. Например, Г.М. Имановым и А.И. Субетто признается фундаментальность и высокая значимость «Зеленой книги» для всего человечества [Иманов, Субетто, 2010, 32]. Положительную оценку деятельности М. Каддафи дает и А.З. Егорин [Егорин, 2009, 412] – человек, знавший ливийского лидера лично и написавший о нем значительное количество работ. Публицист Ф. Бригг, пытающийся выдержать в своей работе «Каддафи: бешеный пес или народный благодетель?» беспристрастное отношение к Каддафи и его джамахирии, указывает на неординарность ливийского лидера [Бригг, 2011, 178]. Стоит отметить частные случаи разделения идей «Зеленой книги», в частности, относительно антиглобализма, в понимание которого М. Каддафи существенно для развития современной философской и политической мысль [Громова, 2011, 4]. В целом его воззрения можно рассматривать в контексте современной теории демократии, поскольку, по мнению А. Ибрахими, «Третья Мировая теория» и практика ее реализации в Ливийской Джамахирии являются оригинальным решением социально-политических проблем, основанным на принципах народовластия» [Ибрахими, 2009, 139].

Джамахирия как модель народного правления

Среди большого количества теорий, задачей которых является выработка моделей управления государством, особо выделяется ряд политических проектов, опирающихся на демократические идеалы. Однако солидарность в идеализировании основ демократии, как правило, не влечет за собой понятийной и методологической схожести концепций, поскольку различные теории предлагают собственные пути установления народной власти [Сытин, 2012, 59]. Ярким примером тому является позиция лидера ливийской революции М. Каддафи, изложившего свои представления о способах установления народного правления. Основой его концепции является понятие «джамахирия», представляющая собой прямое народовластие, отличающееся как от западного капитализма, так и от марксистского социализма [Егорин, 2009,

4]. Проблемы, рассматриваемые в работе «Зеленая книга», лежат в плоскости взаимодействия идеальных и легитимных представлений о демократическом обществе. С одной стороны находятся постулаты демократии, являющиеся общезначимыми для большинства современных государств, а с другой – политическая реальность, в которой демократия зачастую приобретает формальный характер, представая в виде фикции. Прямая демократия, по мнению М. Каддафи, является незыблемым основанием достижения идеалов истинно демократического общества [Каддафи, 2011, 11]. Однако в современном мире подлинная демократия замещается псевдодемократией, представляющей собой откровенную диктатуру [Там же, 2]. Правящие элиты большинства стран используют идеалы классических представлений о реализации власти народа для достижения собственных целей.

М. Каддафи указывал на несостоятельность партий, выборных парламентов и референдумов и предлагал собственную программу достижения подлинного и вечного миропорядка, предполагающего установление гармонии и счастья на Земле. Автор «Зеленой книги» критикует не только установившиеся в псевдодемократическом мире политические порядки, но и экономические, а также социальные аспекты функционирования общества, связанные с господством капитализма. М. Каддафи предложил отменить все существующие представительные системы. Он отмечает порочность выборов, являющихся основным механизмом демократии. По его мнению, если один из кандидатов набирает 51%, а другой 49%, такое положение дел свидетельствует об угнетении оставшихся 49% избирателей [Там же, 2]. М. Каддафи критикует представительные политические институты за их неспособность выражать народную волю, поскольку после обретения властных полномочий избранный представитель, как правило, ставит свои частные интересы выше, чем стремление к общественному благу. А партия выхолащивает демократию тем, что отражает власть части над целым [Там же, 5]. Партия создается по объединяющему признаку, который не обладает общезначимым характером. Кроме того, противостояния различных партий нередко заставляют принимать меры, противоречащие интересам народа. Референдум, по мнению М. Каддафи, также не способен объективно отражать волю народа, поскольку он зачастую допускает искажения выдвигаемого тезиса, а также не обеспечивает возможность комментирования предложенных проблем, что демонстрирует невозможность полномасштабного участия индивида в политической жизни общества, и, как следствие, указывает на отсутствие демократии [Там же, 10].

Для обеспечения реальной власти народа предлагается создание новых органов управления: народных конгрессов и народных комитетов [Там же, 11]. Такой способ реализации власти, по мнению М. Каддафи, является единственно возможным с точки зрения демократии. Сущность данных органов власти заключается в повсеместности и тотальной подотчетности всех перед всеми. Все граждане общества разбиваются на конгрессы, внутри которых избираются управляющие комитеты. Данные комитеты составляют конгресс второго уровня, в рамках которого избирается главенствующий комитет как высший

орган власти. Для функционирования представленной модели также необходимо определить основы общественного порядка, в качестве которых могут выступать только религия или обычай, поскольку закон, представляющий собой часть внешней по отношению к национальному менталитету природы, является порабощающей сущностью. Кроме того, с уходом той или иной правящей надстройки меняется и закон общества, в то время как религия и обычай являются общезначимыми всегда [Там же, 16]. Следует отметить, что автор «Зеленой книги» отмечает важность народного самоконтроля, являющегося основой истинной демократии [Там же, 12].

В сфере экономики М. Каддафи предлагает кардинально пересмотреть взаиморасчеты трудовых ресурсов, институтов аренды и производственных отношений. По его мнению, любая деятельность, имеющая своей целью прибыль, с необходимостью является эксплуатирующей [Там же, 37], что противоречит естественному закону бытия – люди должны находиться в партнерских отношениях, а весь национальный капитал должен распределяться в равных частях между представителями джамахирии.

В области реформ общественного сектора М. Каддафи также не отступает от прорывных идей: например, начальным уровнем его теории является семья, т. е. основа гармонии общества, а вслед за ним выстраивается иерархия социального устройства, в рамках которой племя представляет собой множество семей, нация – объединение племен, а мир, соответственно, совокупность наций [Там же, 43-49]. Именно гармония между членами общества на каждом уровне предложенной мультисоциальной иерархии способна обеспечить миру всеобщее счастье. М. Каддафи подвергает критике и иные составляющие общества: СМИ, которым свойственна коррупционность и предвзятая субъективность [Там же, 20], феминизм, представляющий собой извращение заложенной природой гармонии семейного быта [Там же, 52], а также образование, которое характеризуется унифицирующим подходом.

Следующим важным пунктом программы М. Каддафи являются его внешнеполитические воззрения. Ярким примером тому может служить речь, прочитанная ливийским лидером на 64-й сессии Генассамблеи ООН в 2009 году, в рамках которой была представлена программа реорганизации ООН, а также выдвинуты обвинения в адрес сверхдержав, неправомерно превышающих свои полномочия. Муаммаром Каддафи были приведены аргументы, обнаружившие глобальную несправедливость сильных держав по отношению к малым и менее развитым государствам, указаны противоречия Устава ООН [Каддафи, 2012, 138], отмечена несостоятельность Совета Безопасности и поставлено под сомнение сам факт существования ООН в ее видена тот момент. М. Каддафи призывал реформировать Совет Безопасности ООН с целью обеспечить эффективное функционирование данного органа управления глобального масштаба [Там же, 142]. Во-первых, автор «Третьей Мировой теории» предлагал упразднить функции Совета Безопасности для предоставления реального управления аппарату ООН. Во-вторых, он выступал за реформирование регламента формирования Совета Безопасности ООН, разработанного в рамках биполярной системы между-

народных отношений. Поскольку в современном мире число государств, входящих в ООН, выросло, каждое из них должно иметь право на то, чтобы быть представленным в Совете Безопасности напрямую для крупных государств и косвенно через союзы для малых государств [Там же, 145]. Такая реформа, по мнению М. Каддафи, позволила бы каждой стране находиться в равном положении с остальными государствами. Речь, с которой выступал ливийский лидер, критикуя современное ему устройство ООН, стала логическим продолжением идей «Третьей Мировой теории» на условиях равенства между государствами [Там же, 142], а также установлением прямой демократии на межнациональном уровне, ведущей к достижению мировой гармонии.

«Зеленая книга» М. Каддафи требует критического переосмысления, поскольку содержит ряд действенных решений современных проблем. С теоретической точки зрения, аргументация автора книги позволяет увидеть несостоятельность капиталистической модели общества по сравнению с выдвинутыми им идеями демократии, основанными на социалистическом базисе. Как считает А.З. Егорин, истоки социализма следует искать в бедуинском племенном обществе, с его корпоративной собственностью на землю и ресурсы, где наемный труд считается чуждым явлением [Егорин, 1999, 125]. На схожесть воззрений М. Каддафи с основными постулатами марксизма и ленинизма указывают А.И. Субетто и Г.М. Иманов [Иманов, Субетто, 2010, 21]. Однако А.З. Егорин, выявляя эти очевидные заимствования, не умаляет значения теории М. Каддафи, превознося его авторскую оригинальность в поиске компромисса [Егорин, 2009, 112]. Кроме того, сам автор «Зеленой книги» признается в том, что при разработке данной теории было использовано наследие человеческой мысли [Каддафи, 2012, 8], а его задачей была лишь консолидация и нивелирование с целью поиска наилучшей теории.

С практической точки зрения, становится очевидным, что современные политические институции требуют реформ или перемен, поскольку не всегда отвечают актуальным общественным вызовам. Для большинства государств демократия остается надеждой на установление идеальной формы, провозглашающей всеобщее равенство [Сытин, 2015, 46]. М. Каддафи считал, что только прямая демократия является идеальным решением для становления истинной демократии. Подтверждением тому служат данные, представленные А.З. Егориным в книге «История Ливии. XX век» [Егорин, 1999, 169], демонстрирующие положительный эффект от установления джамахирии. Следует заметить, что ряд реформ, проведенных ливийским лидером, позволил национализировать основные экономически значимые объекты и повысить общее благосостояние граждан, в то время как альтернативный режим в Ливии, насажденный под знаменами «истинной демократии» после убийства М. Каддафи, до сих пор демонстрирует затянувшийся переходный период, сопровождающийся снижением экономических показателей и уровня жизни населения [Дорошенко, 2014, 24]. Однако Ф. Бригг считает, что провозглашение непосредственного народовластия, а также проводимые в этом направлении реформы в действительности приближали государственное устройство Ливии

к диктатуре и культу личности М. Каддафи [Бригг, 2011, 42]. Поэтому непосредственную государственную деятельность ливийского лидера можно оценить как противоречивую, содержащую и положительные (в частности, экономические) аспекты, и отрицательные следствия такие, как установление власти одного человека над страной под лозунгом общего блага.

Что касается осмысления вклада Муаммара Каддафи в интеллектуальное наследие человечества, то аксиологическая значимость его концепции очевидна. Анализ идей и предложений, выдвинутых автором «Третьей Мировой теории», выявляет наличие существенных проблем в политической сфере современного общества, где демократия подчас принимает обличие «овечьей шкуры», которую безнаказанно примеряют псевдодемократы. Однако ряд предложений, отраженных в «Зеленой книге», например, идея возврата к натуральному хозяйству, являются нереализуемыми в современных условиях.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить следующие особенности: во-первых, очевидна утопичность идей «Третьей Мировой теории», не позволяющая приблизиться к реализации этой системы на практике, наглядно подтвержденная печальным опытом ливийской джамахирии, очевидным плюсом которой было лишь экономическое развитие. Во-вторых, ориентиры, обозначенные в данной теории, задают некоторые векторы на пути становления равенства и свободы, прежде всего, в рамках системы международных отношений. В третьих, философско-теоретическое значение «Зеленой книги» довольно велико в рамках современной теории демократии, где концепция М. Каддафи представляет собой яркое и самобытное явление. С идеологической точки зрения можно по-разному относиться к нему и его программе, однако невозможно отрицать его преданность идеалам Ливии. Как писал Муаммар Каддафи в работе «Зеленая книга», «герои истории – это личности, жертвующие собой во имя общего дела» [Каддафи, 2011, 40].

Библиография

1. Бригг Ф. Каддафи: «бешеный пес» или народный благодетель? М.: Эксмо, 2011. 223 с.
2. Громова Е. Московский рубеж Ливийской Джамахирии // Планета Антиглоб. Газета российских антиглобалистов. 2011. № 1(17). С. 4.
3. Дорошенко Е.И. Ливия: На пути от джамахирии к «демократии» // Азия и Африка сегодня. 2014. № 6. С. 24-29.
4. Егорин А.З. История Ливии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. 563 с.
5. Егорин А.З. Муаммар Каддафи. М.: Институт востоковедения РАН, 2009. 464 с.
6. Ибрахими А.А. Социально-политические аспекты «Третьей Мировой Теории» Муаммара Каддафи // Власть. 2009. № 11. С. 137-139.

7. Каддафи М. Завещание. М.: Алгоритм, 2012. 338 с.
8. Каддафи М. Зеленая книга. М.: Концептуал, 2015. 224 с.
9. Субетто А.И., Иманов Г.М. «Зеленая Книга» Муаммара Аль-Каддафи в смысловом поле ноосферного социализма и межкультурного диалога в мире СПб.: Астерион, 2010. 32 с.
10. Сытин А.Г. Демократия в контексте вызовов времени (Существо демократии в западной политической мысли конца XX – начала XXI в.) // Обозреватель-Observer. 2012. № 4. С. 59-67.
11. Сытин А.Г. Демократия как надежда на разумный и справедливый порядок (памяти Роберта Даля) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1(42). С. 43-50.

The concept of Jamahiriya in Libyan politics: synthesis of Muammar Gaddafi's ideas

Ivan V. Tyurin
Postgraduate,
Department of philosophy of politics and law,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: super.tiurin@ya.ru

Abstract

The article discusses the theory of government proposed by Muammar Gaddafi – the leader of the Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya until 2011. The aim of this work is to identify the key features of the concept of Jamahiriya – direct democracy in the Libyan state. The features of Jamahiriya as a project of the political structure of the country and a model for the harmonization of inter-state relations are determined. The analysis of the Third World Theory, presented by Gaddafi in "The Green Book", and also his public speech, held on 23 September, 2009 at the 64th session of the UN General Assembly, is the basis for the research. Various estimations of the contribution of Gaddafi's ideas to philosophical and political thought of modernity are presented. The advantages and disadvantages of the philosophical-political concept of true democracy, proposed and realized for many years in the particular state by Muammar Gaddafi, are observed and critically considered.

For citation

Tyurin I.V. (2017) Kontseptsiya dzhamakhirii v politicheskom protsesse Livii: obobshchenie idei Muammara Kaddafi [The concept of Jamahiriya in Libyan politics: synthesis of

Muammar Gaddafi's ideas]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 18-25.

Keywords

Jamahiriya, Muammar Gaddafi, The Green Book, direct democracy, Third World Theory.

References

1. Brigg F. (2011) *Kaddafi: "beshenyi pes" ili narodnyi blagodetel'?* ["Mad dog" or people's benefactor]. Moscow: Eksmo Publ.
2. Doroshenko E.I. (2014) Liviya: Na puti ot dzhamakhirii k "demokratii" [Libya: from Jamahiriya to "democracy"]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 6, pp. 24-29.
3. Egorin A.Z. (1999) *Istoriya Livii. XX vek* [The history of Libya. The twentieth century]. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
4. Egorin A.Z. (2009) *Muammar Kaddafi* [Muammar Gaddafi]. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
5. Gadaffi M. (1976) *The Green Book.* (Russ. ed.: Kaddafi M. (2015) *Zelenaya kniga*. Moscow: Kontseptual Publ.).
6. Gromova E. (2011) Moskovskii rubezh Liviiskoi Dzhamakhirii [Moscow border of the Libyan Jamahiriya]. *Planeta Antiglob. Gazeta rossiiskikh antiglobalistov* [Planet Antiglob. Newspaper of Russian anti-globalists], 1(17), p. 4.
7. Ibrakhimi A.A. (2009) Sotsial'no-politicheskie aspekty "Tret'ei Mirovoi Teorii" Muammara Kaddafi [Socio-political aspects of "Third World Theory" of Muammar Gaddafi]. *Vlast'* [Power], 11, pp. 137-139.
8. Kaddafi M. (2012) *Zaveshchanie* [Testament]. Moscow: Algoritm Publ.
9. Subetto A.I., Imanov G.M. (2010) *"Zelenaya Kniga" Muammara Al'-Kaddafi v smyslovom pole noosfernogo sotsializma i mezhkul'turnogo dialoga v mire* ["The Green Book" by Muammar al-Gaddafi in the semantic field of the noosphere socialism and intercultural dialogue in the world]. St. Petersburg: Asterion Publ.
10. Sytin A.G. (2012) Demokratiya v kontekste vyzovov vremeni (Sushchestvo demokratii v zapadnoi politicheskoi mysli kontsa XX – nachala XXI v.) [Democracy in the context of the challenges of the time (The essence of democracy in Western political thought of the late XX – early XXI century)]. *Obozrevatel'-Observer* [Observer], 4, pp. 59-67.
11. Sytin A.G. (2015) Demokratiya kak nadezhda na razumnyi i spravedlivyi poryadok (pamyati Roberta Dalya) [Democracy as a hope on reasonable and equitable order (in memory of Robert Dahl)]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture], 1(42), pp. 43-50.

УДК 32.019

Политическая идеология – феномен общественного и государственного развития

Колесников Вячеслав Александрович
Доктор политических наук, доцент
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
филиал Волгоградский институт управления,
400005, Российская Федерация, Волгоград, ул. Гагарина, 8;
e-mail: kolesnikov-vags@mail.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

Политическая идеология – это духовное образование, комплекс идей в сфере общественного сознания, отражающих политическую реальность и общественное бытие. В данной статье нами исследуется политическая идеология – духовно-ориентирующий и системный феномен, а также рассмотрены его функциональные характеристики и видовое многообразие. В компаративной аналитике выявляется роль политического либерализма, политического консерватизма и социал-демократизма как основных направлений идеологического спектра политических сил современности, влияние их «неообразований» на политический процесс. Вычленяется фактор партийных идеологий, видовых форм политической идеологии в современном мире вообще и России в частности. Обоснована необходимость исследования государственной «общенациональной» идеологии – особенной формы политической идеологии, нацеленной на поступательное развитие Российской Федерации, консолидацию общества, утверждение народовластия многонационального российского народа.

Для цитирования в научных исследованиях

Колесников В.А. Политическая идеология – феномен общественного и государственного развития // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 26-38.

Ключевые слова

Политическая идеология, формы политической идеологии, партийная идеология, государственная идеология, национальная идея, государственное строительство.

Введение

Политическая идеология – это духовное образование, комплекс идей в сфере общественного сознания, отражающих политическую реальность и общественное бытие. Политическая идеология – это результат мыслительной деятельности идеологов-разработчиков, обладающих научными знаниями, проецирующими учения и концепции в практику общественных отношений. Пояснение роли идеологов революционной социал-демократии дал В.И. Ленин. В его понимании «классовое политическое сознание может быть принесено рабочему классу *только извне*, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам». «Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания ... носителем же науки является не пролетариат, а *буржуазная интеллигенция,* в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия» [Ленин, 1963, 39].

В видовых проявлениях политическая идеология объективирована практическими ориентирами реализации основных – объяснительной и мобилизующей – функций. С практической востребованностью связаны и такие функции как когнитивная (познавательная), нормативная, интеграционная, прогностическая, защиты или изменения социального порядка, нового политического устройства (последнее характерно для идеологий оппозиционных сил). Напомним определительное качество социалистической идеологии данное марксистами – это «живое руководство к действию», при этом каждый шаг действительного движения важнее «дюжины программ». Основные конкурирующие модели политической идеологии закреплены в теориях либерализма и неолиберализма, консерватизма и неоконсерватизма, социализма (с модификациями «демократический социализм», «новый социализм»). Конкретика моделей, характеризующих идеологическую базу политических сил современности, персонифицирована именами основоположников и подвижников.

Политическая идеология

Исходные принципы политической идеологии либерализма заложены Дж. Локком в работе «Два трактата о государственном правлении» (1690 г.), в трудах просветителей Ш. Монтескье и др., философом И. Кантом, экономической теорией А. Смита о свободе предпринимательства с неолиберальным ее переосмыслением, как и теории «кейнсианства», с эволюцией в либертаристский консерватизм Ф. Хайеком в работе «Дорога к рабству» (1939 г.) [Хайек, 1992]. Следует также отметить и практический критицизм либералов, например – к «новому курсу» Ф. Рузвельта в США [Бертон, 2012], результативность воплощения либеральных идей в послевоенной Германии в модели Л. Эрхарда «благосо-

стояния для всех». Существенное влияние на трансформацию либерализма оказали труды К. Мангейма «Идеология и утопия» (1929 г.), С. Хантигтона «Столкновение цивилизаций» (1996 г.) [Хантингтон, 2003], с позиций неоконсерватизма и новой геополитики работа Ф. Фукуямы «Великое крушение» (1999 г.) [Фукуяма, 1990]. Оригинальные дополнения к переосмыслению либеральных идей внес в свою теорию справедливости Дж. Ролз в оригинальной статье «Политический либерализм» (1993 г.), которые стали стимулом проведения развернутых либерально-коммунитарных дебатов [Макеева, 1998,136-138, 201-220].

К началу XXI в. ключевые идеи политического либерализма – индивидуальная свобода, политическое и правовое равенство, толерантость и веротерпимость, плюрализм и конкуренция «как процедура открытия» – с формированием общества потребления и продвижения к постиндустриальному обществу под влиянием новых реалий начинают видоизменяться в концепциях неолиберализма (либерального институционализма). Планетарные процессы инициировали в западной либеральной науке интенсификацию исследований новых мировых тенденций [Алексеева, 2000], соотношения демократического либерализма и религиозного традиционализма как двух противоположных направлений современной политической мысли Запада [Стаут, 2009]. Это важно для учета и для понимания потенциала либерализма российской политической наукой [Павлов, 2008]. В фокусе интересов российских либералов сегодня и такие проблемы, как развитие «третьего мира», экспансия международного терроризма, экономический подъем КНР – стратегического конкурента США, – оценка восстановления военного потенциала России и ее новая внешняя политика.

Важное значение в современном мире имеет политическая идеология консерватизма с ценностным отношением к традициям, критичным отношением к свободе и принципу «равных возможностей», подчеркиванием значимости общественной иерархии и порядка, приоритетам государственного начала к нововведениям в современном мире. Получил признание мировоззренческий вклад консервативных идеологов в осмысление путей исторического и постиндустриального развития общества. Политическая идеология консерватизма, восходит к идеям Ж. де Местра и Л. Де Бональда, Э. Берка – о сохранной «монархии» в «Рассуждениях о революции во Франции (1790 г.), Д. Белла в «Грядущем постиндустриальном обществе» (1973 г.).

Неоконсервативное направление, возникшее в США и Великобритании, обретает особые формы в западном мире в ФРГ (у ХДС/ХСС в период 4-х сроков исполнения канцлерских полномочий Г. Коллем) и Франции – например, «голлистский вариант» авторитарного консерватизма. Неоконсерватизм получил интерпретации у идеологов-практиков Д.П. Мойнихэна, И. Кристола (в работе «Confessions of a True, Self-Confessed Neoconservative» (1979 г.)», у Н. Подгорца, Л. Штрауса и др. неоконсерваторов. Неоконсерватизм конкретизировался в борьбе с основными конкурентами, либералами и социал-демократами, на основе недовольства результатами войны во Вьетнаме, критики «разрядки» и смягчения отношений с Советским Союзом. Как политическое направление он закрепляется вначале в

рамках Демократической партии, затем у консервативного большинства республиканцев в Конгрессе США, ратующих за усиление военной мощи в отношении противников США и насаждение режимов демократии в XXI в.

Практический неоконсерватизм «наступательно» укрепляет позиции в большой политике, был предметен у Р. Рейгана («рейганомика» – «консервативное государство благосостояния», ориентиры на СОИ – «система оборонной инициативы», влияние на распад «мировой системы социализма», укрепление «НАТО»), при президентстве Дж. Бушей, особенно «младшего», – отправка войск в Афганистан, вторжение в Ирак и др., и в фокусе интересов «воинствующих» республиканцев в Конгрессе США – свержение неугодных режимов, поддержка «цветных» революций. Д. Трампу, 45-му Президенту США (2017 г.), придется учитывать это при проведении новой американской внутренней и внешней политики. В условиях глобализации и обострения противоречий, ломки представлений о взаимопроникновении культур, конвергенции и путях развития, неоконсерватизм коррелятивен ситуативности многополярного мира с повышением роли «национальной государственности».

В идеологическим спектре современной России важно учитывать исследования консерватизма с учетом исторического прошлого и перспективы государственного строительства в нашей стране. Внимания заслуживают Материалы I научно-практической конференции «Идеология консерватизма в России» в г. Волгограде (2004 г.), труды по компаративной аналитике [Лотарев К., Никотин, 2008], статьи [Лотарев , 2016, 14-22] и монографии, поднимающие проблему формирования консолидирующей идеологии Российской Федерации (РФ) с влиянием консервативного традиционализма на процессы патриотического пробуждения в обществе [Колесников, 2015]. Комплексный анализ диссертационных исследований по проблематике политических идеологий консерватизма, либерализма, социализма, формирования новых идеологий в России предложен Я.А. Пляйсом в монографии «Политология в контексте переходной эпохи в России» (глава VII «Политические идеологии и формирование их в России») [Пляйс, 2009]. Здесь констатируется: «Подобно другим идеологиям, консервативная (точнее говоря, неоконсервативная) находится на самой начальной стадии своего формирования. Отсюда ее слабости: аморфность, противоречивость основополагающих ценностей … Современный российский неоконсерватизм значительно отличается от своего предшественника – российского консерватизма XIX – начала XX века. Как по основным ценностям, так и по социальной базе» [там же, 354].

Вычленим присущие политической идеологии общие признаки, которые следует учитывать в исследовательской аналитике ее видовых форм:

1. Политическая идеология – *концептуально оформленная система взаимосвязанных идей, отражающая общественные интересы и* условия общественного бытия – жизнедеятельность классов, наций, государств, воздействующая на настоящее с учетом прошлого и ориентирами в будущее.

2. Политическая идеология – *духовно-ориентирующий феномен в сфере общественного сознания* и имеет объективную социально-политическую природу. В зависимости от подвижек в «левый» или «правый» спектры анализируемой реальности, в центристском и умеренном видовых вариантах критична к предшествующим и конкурирующим учениям.

3. Политическая идеология *имеет идеологическое ядро, аккумулирующее политические ценности и принципы, основные идеи*, политические цели в корреляции с практической политикой.

4. В политической идеологии *приоритетен убежденческий компонент для реализации мотивационной и рекруторской, организаторской и мобилизующей функций* для формирования политической культуры, культивации политических ориентаций в социальной базе идеологии.

5. В политической идеологии *важен выход и на эмоциональный уровень массового сознания:* учет «коллективного бессознательного» и возможности использование психоаналитического инструментария и «бихевиоральных подходов», внедрение лозунговых сублимаций: «Мы за бедных – мы за русских» – В. Жириновский (ЛДПР); «Самое дискриминируемое в России – этническое русское большинство» – Д.О. Рогозин («Родина»).

6. Значим *результирующий практический компонент политической идеологии*. Здесь реализация интеграционной и деятельностной функций, нацеленных на проведение политического курса и решения тактических задач, которые на основе идеологических принципов формулирует политическое руководство страны, лидеры политических партий. Напомним утверждение К. Маркса о силе идеологического воздействия на политическое сознание: «Идеи же, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, – это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им» [Маркс, www].

В XXI веке связь политической идеологии и политической практики объективируется деятельностным потенциалом реализации политических идей, исходя из интересов социальных субъектов. Этим обеспечивается и верификация политических идей на устойчивость соотношения в них «традиций» и «утопий» с возможностью изменения идеологической системы на основе научных знаний о современном политическом процессе и тенденциях международных отношений. Для российской политической практики актуальными исследовательскими направлениями являются: осмысление национальной идеи и «конечной цели» конкретной политической идеологии, выявление соотношения «политической идеологии и государственной идеологии».

Идея «конечной цели», например, революционного социализма и коммунистического движения была аргументирована К. Марксом в «Критике Готской программы» (1875 г.): «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противополож-

ность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, *лишь тогда* можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: каждый по способностям, каждому по потребностям!» [Маркс, www]. Идея этого стратегического ориентира была подвергнута системной критике Э. Бернштейном и др. социал-демократами (К. Каутский, Р. Гильфердинг, О. Бауэр, исследовавшими условия развития капитализма и изменение форм классовой борьбы в Европе на рубеже XIX – XX вв.), призывавшими к отказу от «конечной цели» движения. Однако получила новое обоснование в работах В.И. Ленина и др. вождей «революционного марксизма». Стала стратегическим идеологическим ориентиром советского типа государственного строительства и международного коммунистического движения вплоть до развала мировой системы социализма и краха СССР.

Видовой формой политической идеологии с ориентирами на конечную цель выступает партийная идеология, отвечающая на вопрос и о том, какие интересы социальных групп, общностей или народа страны отражает и защищает политическая партия. Партийная идеология нацелена на практические формы реализации политических идей (либеральных, консервативных, социалистических, религиозных и пр.), синтезированных *в партийных концепциях стратегического развития*. Содержательные варианты «демократического социализма» и «социального капитализма» реализуются многими европейскими партиями (Германия, Швеция, Австрия и др. страны). Напомним и то, что правящая в ФРГ партия ХДС/ХСС (закрепившая в 2017 г. должности Президента ФРГ Ф.-В. Штайнмайера, оставившего ряды СДПГ и перешедшего в ХДС/ХСС) формируется по социальным интересам: учитывает интересы крупной буржуазии – 3% состава, крестьянства – 23%, рабочих – 16%, интеллигенции с представителями малого и среднего бизнеса – 56%. Социальную основу партии составляет средний класс. Интересна также оценка и социал-демократической партии Германии (СДПГ), политическим аналитиком из университета Дуйсбурга-Эссена К.Р. Корте: «Будучи партией программы, она (СДПГ) объединяет своих членов скорее на основе силы Программного содержания, нежели обещанием прихода к власти» [Корте, 2006, 86-88].

Для развития российского общества значимы цели и программы парламентских партий: правящей «Единой России» (ЕР), системно-оппозиционных – «Коммунистической партии Российской Федерации» (КПРФ), «Либерально-демократической партии России» (ЛДПР), партии «Справедливая Россия» (СР). В партийной идеологии существенна партийно-политическая концепция партии – ее идеологическое ядро, которое должно прояснять: что представляют собой социальная сущность и социальная база, идеологические ценности партии? Какова социальная роль партии в обществе (правящая, авангардная, оппозиционная, системная и пр.)? Каков способ формирования, принципы внутренней организации, источники финансирования партии? Каково многообразие связей и основные формы работы партии с граж-

данами? Каковы цели и задачи партии в политической, экономической, социальной сферах, культурной и духовной жизни общества на данный конкретно-исторический период?

Конкретен стратегический ориентир, например, партии «СР», которая «считает социальную справедливость и благополучие граждан главной целью своей деятельности». «Наш выбор – социалистическая перспектива. Новый социализм» [Справедливая Россия. Политическая платформа…, 2007, 2-3]. Политические ориентиры «ЕР», подтверждены Д.А. Медведевым 27 марта 2013 г., на открытии проекта «Гражданская платформа». Председатель Правительства РФ отметил, что политическая идеология «ЕР» – это «идеология разумного, опирающегося на российские традиции, здорового социального консерватизма» [Медведев, www]. Предикат *социального консерватизма* нацеливает партию на деятельность по упрочнению государственного традиционного и социального начал в России. Партийная идеология правящей парии коррелятивна патриотическому движению и интересам государствообразующего русского этноса с его культурной и социальной миссией к единению многонационального российского народа.

Стратегические идеологические ориентиры закреплены в статьях национального лидера В.В. Путина: «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить» в «Известиях», 16.01.2012; «Россия: национальный вопрос» в «Независимой газете», 23.01.2012; «Нам нужна новая экономика» в «Ведомостях», 30.01.2012; «Демократия и качество государства» в «Коммерсанте», 06.02.2012; «Строительство справедливости. Социальная политика для России» в «Комсомольской правде», 13.02.2012; «О национальной безопасности и армии» в «Российской газете», 20.02.2012; «Россия и меняющийся мир» в «Московских новостях», 27.02.2012. Содержательный вектор наукоемких тем и фокусируемые задачи, проясняющие программные позиции «ЕР», значимы для развития государства на долгосрочную перспективу – строительства сильной России. В корреляции с политическим курсом стратегические ориентиры также конкретизируются в посланиях Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ и российскому народу. Особо актуальны послания 2014, 2015, 2016 гг. в связи с кардинальными изменениями во внутренней политике и устройстве государства (вхождение в состав Российской Федерации Крыма, акцентирование практических форм патриотического единения и др.), во внешней политике Российской Федерации (ЕВРАЗЭС, позиционирование в БРИКС и ШОС, ответы на санкционную политику Запада, Сирийский выбор и Российско-Турецкие отношения и др.).

Фактор влияния политической идеологии посредством партийной вариантности – реальность в условиях демократии. Однако он может ориентировать не только на формы политического консенсуса и политической конкуренции, но задавать отличия и конфликтность «левого», «центристского» и «правового» идейных спектров политических сил в борьбе за власть (с проекцией во внепарламентскую сферу). В «плюропартийном» обществе последнее может вести к политической нестабильности на основе противостояния идеологических ориентаций. Напомним и то, что президентские выборы 2012 г.,

а несколько ранее – в Государственную Думу РФ, активизировали «протестную активность». Как интерпретировали некоторые аналитики, например, Г. Павловский и Л. Радзиховский, «обозначилось существование «двух Россий» [Президентские выборы обозначили…, www]. Заметим, однако, что оценка деятельности радикальной оппозиции, ставящей под сомнение результаты выборов (особенно в Государственную Думу РФ) и «честность подсчета голосов» на президентских выборах со стороны власти была взвешенной. В действительности протеста, в большей степени, выявились не потенции к радикальным изменениям политической системы, но недовольство российских граждан уровнем криминализации в обществе и коррумпированностью чиновничества, неприятие бюрократизированного государственного управления, неудовлетворенность состоянием обороноспособности государства, ситуацией в ЖКХ, уровнем правовой и социальной защищенности населения в начале второго десятилетия XXI в.

В современной России назрел поворот к новому качеству отношений в системе «власть – общество», мотивирован запрос патриотических сил к переходу от запрета на государственную идеологию (п. 2, ст. 13 Конституции РФ 1993 г.) к конституционному закреплению государственной идеологии, как консолидирующей формы политической идеологии с содержанием ценностей, нацеленных на устойчивость и успешность развития Российского государства. Согласимся с разработчиками макета новой Конституции России из Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, что *высшие ценности России формируют общую, объединяющую народ России государственную идеологию*. Эта идеология поддерживается и обеспечивается государством через воспитание, образование, науку, культуру, традиции, средства массовой информации, защищается от внутренних и внешних посягательств.

Сердцевину государственной «общенациональной» идеологии являет национальная идея, которую нельзя искусственно сконструировать и навязать российскому народу. В лапидарной формуле эта идея должна отражать «истину и путь» русского народа как цивилизационной идентичности, формирующейся российской нации на основе ценностей многонационального народа. Лапидарное определение национальной идеи подвижниками государственного интереса предложено в шеститомнике «Национальная идея России»: «Россия должна быть, и должна быть всегда!» [Национальная идея России…, 2012, 5]. На общенациональной идеологической основе предлагается также упрочить новый тип российского патриотизма – гражданский патриотизм, наполняемый активной позицией ответственности граждан за развитие страны, коррелирующий с формированием политической культуры, нацеленной на ценности многонационального бытия. Подчеркнем и то, что в системной определенности цивилизационная идентичность российского народа интегрируется в Российской Федерации только посредством русской культурной доминанты (В.В. Путин: «это тот культурный код, который пытались и пытаются взломать… Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь») [Путин, 2012].

Заключение

Сегодня востребовано комплексное исследование взаимосвязи политической идеологии (субъективируемой конкретными интересами) и политической науки, нацеленной на аналитику объективного содержания политических процессов с минимизацией влияния субъективного фактора на исследовательский процесс.

Необходимо выявление содержания государственной «общенациональной» идеологии – особенной формы политической идеологии в условиях демократического политического режима, с выявлением ее императивов в условиях автократических режимов с нивелировкой идеологического многообразия (значение для государственного строительства в РФ «общенациональной идеологии» Президент РФ В.В. Путин акцентировал еще в 2000 г. [Путин, 2000]).

Общенациональная идеология вправе иметь конституционные гарантии от закрепления в «превращенных формах» интересов корпоративной бюрократии. Последняя, в симбиозе с финансовым олигархическим капиталом, мимикрирует под общественные интересы, однако на практике дистанцируется от интересов развития общества и российского среднего класса, процветания многонационального российского народа как субъекта исторических преобразований, «носителя суверенитета и *единственного источника власти*» в Российской Федерации (ст.3 Конституции РФ 1993 г.).

Библиография

1. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000. 479 с.
2. Бертон Ф. Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию. М.: Мысль, 2012. 352 с.
3. Идеология консерватизма в России: Материалы I-ой научно-практической конференции г. Волгоград, 1 июня 2004 г. Волгоград, 2005. - 224 с.
4. Колесников В.А. (ред.) Политическая культура и гражданственность в современной России. Волгоград: ФГБОУ ВПО РАНХ и ГС, 2015. 212 с.
5. Конституция Российской Федерации. М.: Проспект, 1996. 48 с.
6. Корте К.Р. Партии в поисках смысла // UNTERNATIONALE POLITIK. 2006. № 3. С. 86–88.
7. Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. URL: http://www.polit-pros.com/library/13/234/
8. Лотарев К.А. Консерватизм в современной России: к проблеме устойчивого развития // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «Политология. Регионоведение». 2016. ч. 1. Т. 15. С. 14-22
9. Лотарев К.А., Никотин А.Д. Либерализм и консерватизм в России: онтологические основы и политическое развитие. Волгоград: ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. 264 с.

10. Макеева Л.Б. (ред.) Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сендел, Тейлор, Уолдрон. М.: Прогресс-традиция.1998. 248 с.
11. Маркс К. Критика Готской программы. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MARKS_Karl,_ENGEL%27S_Fridrih/_Marks_K.,_Engel%27s_F..html
12. Маркс К. Письма в Рейнскую газету. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MARKS_Karl,_ENGEL%27S_Fridrih/_Marks_K.,_Engel%27s_F..html
13. Медведев Д.А. Уровень политической культуры особенно низок в Интернете. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1065764&cid=5
14. Научный макет новой Конституции России. М.: Научный эксперт, 2011. 456 с.
15. Национальная идея России: постановка задачи // Вестник Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. 2012. № 5. С. 1-16.
16. Павлов А. (ред.) Политическая теория в XX веке. Сборник статей. М.: Территория будущего, 2008. 416 с.
17. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009. 448 с.
18. Президентские выборы обозначили существование «двух Россий». URL: http:// www.infox.ru/authority/state/2012/03/05/Pryezidyentskiye_vyy.phtml
19. Путин В.В. Интервью газете Известия» (о национальной идее, «общенациональной идеологии») // Известия. 2000. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24171
20. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
21. Справедливая Россия. Политическая платформа партии. 2007. 26 с.
22. Стаут Дж. Демократия и традиция. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 464 с.
23. Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–155.
24. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Экономика. 1992. 176 с.
25. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

A political ideology: a phenomenon of social and state development

Vjacheslav A. Kolesnikov

Associate Professor, Doctor of Political Science,
RANEPA the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 84, Vernadskogo Prospect, Moscow, Russian Federation;
e-mail: kolesnikov-vags@mail.ru

Abstract

In the article the author has examined a political ideology as a spiritually-orienting and a systemic phenomenon and also has considered its functional characteristics and varietal diversity. The author conducts a comparative analytic to highlight the role of political liberalism, of political conservatism and of a social-democracy system. The study has found that the mentioned ideologies are the main directions of the ideological spectrum of the modern political forces; also it has revealed the influence of their "neo formations" on the political process. The factor of parties' ideologies, varietal forms of a political ideology in the modern world and particularly in Russia are singled out. As a result, the author puts forth the necessity of exploration a state "nationwide" ideology – a special form of the political ideology, aiming at progressive development of the Russian Federation, society consolidation and assertion of government by multinational Russian people.

For citation

Kolesnikov V.A. (2017) Politicheskaja ideologija – fenomen obshhestvennogo i gosudarstvennogo razvitija [A political ideology: a phenomenon of social and state development] *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 26-38.

Keynotes

A political ideology, forms of a political ideology, a party's ideology, a state ideology, a national idea, a state establishment.

References

1. Alekseeva T. A. (2000) *Sovremennye politicheskie teorii*. [Modern political theories]. M.: *Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija* (ROSSPJeN) Publ. pp.136-168, pp. 201-220, p. 479.
2. Berton Folsom. (2012) A New Course or a Curve Path. How Economic Policy of Roosevelt Prolonged the Great Depression. (Russ. ed.: Berton Folsom (2012) *Novyj kurs ili krivaja dorozhka? Kak jekonomicheskaja politika F. Ruzvel'ta prodlila Velikuju depressiju* M.: Mysl' Publ., pp. 2012 – 352.).
3. "The Constitution of the Russian Federation" 1993 (1996) M.: Prospekt Publ. p. 48.
4. Fukujama F. (1992) The End of History and the Last Man. (Russ. ed.: Fukujama F. (1992) *Konec istorii*. *Voprosy filosofii* – [The questions of philosophy]. (3) pp. 134-155.
5. Hajek F. A. (1992) The road to slavery. (Russ. ed.: *Doroga k rabstvu.* Under the editorship of academician N. Ja. Petrakova. M.: Jekonomika Publ. p.176.).
6. Hantington S. (1996) Crash of civilizations (Russ. ed.: *Stolknovenie civilizacij*. (2003) M.: AST Publ. p. 603.).

7. Ideologija konservatizma v Rossii (2005) [The ideology of conservatism in Russia]. Materialy I-oj nauchno-prakticheskoj konferencii [The materials of the first scientific and practical conference]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izd-vo Publ. p. 224.
5. Korte Karl-Rudol'f (2006) *Partii v poiskah smysla* [The parties's search for meamimg]. *Unternationale Politik*. (3). pp. 86-88. Available at: www. moskau. diplo.de. [Accesed 15/12/2016].
6. Lenin V.I. (1963) *Chto delat'? Nabolevshie voprosy nashego dvizhenija* [What to do? Long-outstanding issues of our movement]. *Polnoe Sobanie Sochinenii. 5-e izdanie – Complete works. 5th ed. 6.* M.: Gospolitizdat Publ. p. 39.
7. Lotarev K. A. *Konservatizm v sovremennoj Rossii: k probleme ustojchivogo razvitija* [Concervativism in modern Russia: on the problem of sustainable development]. *Proceedings of Irkutsk State University. Series "Political Science. Regional Studies"* 15. pp. 14-22; 17. pp. 8-15.
8. Lotarev K. A., Nikotin A. D. (2008) *Liberalizm i konservatizm v Rossii: ontologicheskie osnovy i politicheskoe razvitie* [Liberalism and conservatism in Russia: ontological basis and political development]. Volgograd: Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education Publ. p. 264.
9. Makeeva L. B. (1998) Sovremennyj liberalizm [Modern liberalism]. M.: Progress – tradicija Publ. p. 248.
10. K Marks. *(1941)Kritika Gotskoj programmy* [Criticism of Gotskoi programme]. *Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury* [State Publisher of Political Literature]. Comp. 2. 19., pp. 1-8.
11. Marks K. *Pis'ma v Rejnskuju gazetu* [Letters to the Rein Newspaper]. 2nd ed. 1., pp. 117-118.
12. Medvedev D. A. *Uroven' politicheskoj kul'tury osobenno nizok v Internete* [The level of political culture is especially low on the Internet]. Available at: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1065764&cid=5 [Accessed: 10/09/2016].
13. *Nauchnyj maket novoj Konstitucii Rossii* [The Scientific layout of the New Constitution of the Russian Federation]. M.: Nauchnyj jekspert Publ. p. 456.
14. *Nacional'naja ideja Rossii: postanovka zadachi* [The national idea of Russia] 2012. Bulletin of the Centre for problem analysis and public and managerial engineering. M. the 5th issue. pp. 1-16.
15. Pljajs Ja. A. (2009) *Politologija v kontekste perehodnoj jepohi v Rossii* [Politology in the context of transitional era]. M.: *Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN)* – Russian political encyclopedia. p. 448., pp.316-363.
16. (2015) *Politicheskaja kul'tura i grazhdanstvennost' v sovremennoj Rossii.* [Political culture and citizenship in modern Russia]. Volgograd: Volgograd's affiliate Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education Publ. RANH i GS. P. 212.
17. Pavlov A. 2008 *Politicheskaja teorija v XX veke.* [Political theory in XXth century]. M.: Territorija budushhego Publ. P. 416.

18. *Prezidentskie vybory oboznachili sushhestvovanie "dvuh Rossij"* [Presidential election outlined the existence of 2 Russias]. Available at: http:// www.infox.ru/authority/state/2012/03/05/Pryezidyentskiye_vyy.phtml [Accessed: 09/08/2016].
19. Putin V.V. (2000) *Interv'ju gazete Izvestija (o nacional'noj idee, "obshhenacional'noj ideologii")* [The Interview with Headline newspaper (concerning «nationwide ideology»)]. *Izvestija – Headline*.
20. Putin V. V. (2012) *Rossija: nacional'nyj vopros* [Russia: the national question] *Nezavisimaja gazeta – The Independent Newspaper.*
21. *Spravedlivaja Rossija. Politicheskaja platforma partii (2007)* [A Just Russia Party. Political platform of the party]. Print-Servis Publ. p. 26.
22. Staut D. (2009) *Demokratija i tradicija*. [Democracy and tradition]. M.: Territorija budushhego Publ. p. 464.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 81'1 (32.019.5)

Анализ политической информации в американских СМИ: современный образ России

Вербицкая Ольга Юрьевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР
Института филологии, иностранных языков и межкультурной коммуникации
Иркутского государственного университета,
664000, Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 8;
e-mail: overbitskaia@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассматривается влияние информации политического характера, предлагаемой американскими СМИ, на формирование современного образа России. Анализ статистических данных, проведенный на основании опубликованных общественных опросов жителей США, указывает на восприятие России как потенциальной угрозы. Автором показано, что данное негативное отношение основывается на гетеростереотипах, формируемых американскими масс-медиа. Автором предлагается критический анализ содержания политической статьи по следующим параметрами: 1) причины написания статьи (точка зрения издания/автора статьи); 2) рассмотрение экономической, собственно политической и культурной составляющих медийного продукта; 3) выбор лексических единиц, влияющих на восприятие преподносимой информации; 4) личностное отношение адресата к прочитанному на основании сопоставительного анализа фактуальной информации (описываемого события) и информации, предоставленной данным средством массовой информации. Автором также предлагается модель интерпретации современной политической карикатуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Вербицкая О.Ю. Анализ политической информации в американских СМИ: современный образ России // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 39-47.

Ключевые слова

Масс-медиа; анализ политической информации; политическая статья; политическая карикатура; манипулирование сознанием; американское общество; современный образ России; гетеростереотип.

Введение

В условиях, когда информация активно используется как эффективный инструмент власти, становится возможным «программирование» определенных ценностей и оценок относительно тех или иных социально-политических процессов и явлений у населения, в частности, при формировании имиджа определенного государства, посредством манипуляции общественным сознанием. Теоретические обоснования процесса манипуляции сознанием через СМИ рассматривались рядом исследователей: Н. Хомским, предложившим «10 способов манипулирования» с помощью средств массовой информации [Herman, Chomsky, 2002, 7], С.Г. Кара-Мурза, актуализировавшим симптомы и признаки манипуляции данного типа [Кара-Мурза, 2005, 2], В.П. Шейновым, разработавшим модель манипулирования общественным сознанием и показавшим, как она работает [Шейнов, 2010, 4], и многими другими; однако процесс декодирования информации адресатом остается недостаточно изученным.

Согласно исследованию У. Липпмана, любая информация, в частности политического характера, оформляется посредством трех возможных вариантов: вербального, визуального и событийного [Липпман, 2004, 3]. Визуальная и событийная репрезентации информации запоминаются лучше, так как воспринимаются опосредованно, часто через гетеростереотипы; вербальная репрезентация предполагает «знание кода», что затрудняет восприятие информации. Релевантными для данной статьи являются следующие репрезентации политической информации: событийная, представленная в виде новости в статье политического характера, и визуальная, простейшим примером которой выступает политическая карикатура.

Роль СМИ в жизни современных американцев

Согласно опросу American Press Institute, 33% американского общества следят за новостями в течение дня. Меньшее, но значительное, число американцев по-прежнему предпочитают следить за новостями в утренние часы – 24% и вечером – 26%, 4% – днем, 9% – перед сном [How Millennials Get News, www] . Американские СМИ, являясь политическими акторами, имеют рычаги воздействия на аудиторию, определяя, какая именно информация и в каком аспекте должна быть предоставлена общественному мнению. События дня могут изменить, либо выразить мнение официальных властей, формируя определенный политический имидж конкретного государства. Существует мнение, что в прессе США присутствует много свободы, тем не менее, имеются примеры, которые доказывают ее ущемление [United States: Country report, www]. Как, например, присутствие фактора самоцензуры, влияние на журналистов со стороны владельцев СМИ, со стороны первоначального источника информации, а также различные правовые ограничения. Провозглашение свободы печати, закрепленное первой поправкой Конституции США, предоставляет обществу юридическую основу для выражения своих мыслей, касающихся различных вопросов, но органами исполнительной власти может

быть осуществлен запрет на публикацию некоторых материалов путем издания судебного запрета. Администрация США может прибегнуть к обращению в суд для наказания за опубликованные материалы. По мнению автора, с помощью такого инструмента Правительство США влияет на прессу косвенно, пытаясь предотвратить появление «нежелательной» информации, и наоборот, содействует в публикации некоторых событий, в которых заинтересована страна. Для осуществления своих целей, правительство США устраивает закрытые брифинги, где журналистам даются рекомендации о том, в каком ключе должна быть подана информация [Mass Media, Propaganda and Public Opinion Research, www].

Анализ политической статьи: современный образ России

Несмотря на позиционирование себя как демократического государства, в американских СМИ часто наблюдается пропагандистская работа, направленная на целенаправленное формирование в общественном сознании негативно или позитивно окрашенного образа другой станы [Shoemaker, 1996, 13; Nurtazina, Zhumashova, Tomanova, www]. На современном этапе развития информационной среды образ России в американских СМИ носит негативный характер. Согласно совместному опросу Рейтер и Ипсос 2017 года, 81% американцев рассматривают Россию как потенциальную угрозу [Poll: More Americans see Russia as a threat, www]. Следуя последнему опросу CNN, Россия имеет негативный имидж в сознании американцев: 24% населения США относятся к России положительно, 71% – отрицательно [CNN. ORC international Poll, www]. Это худшие показатели за последние 15 лет.

При формировании имиджа некоторой страны, России в данном случае, наибольшую значимость для американских политических и бизнес элит имеют печатные издания, предоставляющие мнения компетентных экспертов, представленные онлайн, которым доверяют большинство американцев, например: "The New York Times", "The Washington Post", "The Washington Times", так же как и общественные радиостанции, например, BBC или NPR. При вводе поискового запроса "Russia" предлагается значительное количество ссылок на статьи о политике России и российско-американских отношениях.

Автором предлагается следующая методика анализа статьи политического характера с позиции ее влияния на политический процесс и общественное мнение. Необходимо осуществить оценку по следующим параметрам:

1) причины написания статьи (точка зрения издания/автора статьи);

2) рассмотрение экономической, собственно политической и культурной составляющих медийного продукта;

3) выбор лексических единиц, влияющих на восприятие преподносимой информации;

4) личностное отношение адресата к прочитанному на основании сопоставительного анализа фактуальной информации (описываемого события) и информации, преподносимой под определенным углом зрения, в которой заинтересовано данное средство массовой информации.

Проанализируем статью "The Davy Crockett solution to Putin" [Babbin, www]. Данная статья отражает точку зрения Республиканцев на текущие политические события, поскольку критикует нерешительную политику Барака Обамы (Демократа) в отношении Крыма, Украины и Сирии: "Where Mr. Putin sent un-uniformed forces to conquer Crimea and (gradually) Ukraine, we haven't performed the most elementary competitive act by arming the Ukrainians with the antitank missiles for which they've pleaded. Where Mr. Putin has sent his troops and air forces into battle to defend Bashar Assad's terrorist regime in Syria, we've done nothing to oppose him". Политическая составляющая данной статьи тесно связана с экономической ситуацией, позициями рубля и доллара: автор статьи убежден, что США должны избавляться от российской валюты для того, чтобы снизить валидность рубля. Подобные действия, подкрепленные выступлениями американского президента, должны повлиять на авторитет В. Путина в России. Сопровождая информацию статьи резкими выступлениями против Барака Обамы, утверждая, что за действия США несет вину российский президент, можно существенно снизить его высокую популярность в России: "Among the things we can, should (and won't) do is to begin selling whatever reserves of Russian currency we may have. Though Russia may respond by dumping dollars, we will be hitting the ruble at a vulnerable moment, driving down its value considerably. If this were done properly – backed by a few strong speeches by our president, blaming Mr. Putin for our action – it could begin to drive down his huge popularity at home").

Немаловажным является и культурный компонент, поскольку статья направлена на образованную целевую аудиторию американцев. Во-первых, критика позиции бывшего президента США осуществляется имплицитно, через апеллирование к «конкурентности» одной из основополагающих ценностей американского общества: "competitive act". Во-вторых, Джед Баббин, автор данной статьи, использует имя собственное «Дейви Крокетт», который, с одной стороны, является персонажем фольклора США, национальным героем, путешественником, офицером и конгрессменом, а с другой – названием ядерного надкалиберного боеприпаса, разработанного в США во времена холодной войны. Таким образом, адресант статьи говорит с аудиторией на ее языке, максимально сближаясь с адресатом языком, образами и ценностями, взаимодействуя с имеющимися в сознании адресата стереотипами и нормами.

Анализ языковых единиц рассматриваемой статьи показывает, что американцы уважительно относятся к В.В. Путину ("Mr. Putin", "…his (Putin) huge popularity at home…", "There is no leader like him among the great powers") и понимают необходимость избрания нового американского президента, способного противостоять Российской политике ("We don't need a president who can beat Mr. Putin at arm wrestling, but we need one who can, like Davy Crockett, grin down…"). Хотя, как большинство статей политического характера, данная статья критикует политику В.В. Путина ("Mr. Putin's vulnerabilities", "Mr. Putin's gamesmanship around the world", "Mr. Putin's ego") и Россию в целом через устойчивый гетеростереотип «Россия – медведь» ("an angry bear").

Анализ политических карикатур

Рассмотрим подачу политической информации на примере карикатур. Карикатура – это жанр комического дискурса, наравне с такими жанрами, как юмористический или сатирический рассказ, анекдот, лимерик и многие другие. Основой для карикатуры является сатирический вид комического дискурса, поскольку задачей сатиры является указание на недостатки в стране или ее системе, и, следовательно, перлокутивным эффектом, ожидаемым адресантом, всегда является злой, подтрунивающий, издевательский смех. Примитивная смешная картинка – это лучший способ донести информацию до члена общества, способного получать установки лишь визуально. В современное время карикатура по праву является инструментом информационной войны.

При восприятии любого жанра комического дискурса причиной возникновения желаемого перлокутивного эффекта выступает противопоставление или, иными словами, столкновение двух смыслов в одной плоскости коммуникативного пространства. Карикатура не является исключением. Рассмотрим в качестве примера карикатуру, на которой Россия стереотипно представлена медведем в лесу, от которого убегает Б. Обама (рис. 1) [The Washington Times Political Cartoons, www]. Надпись под карикатурой гласит: «Они могут чувствовать слабость». Данная карикатура была опубликована в «Washington Times» перед ноябрьскими выборами президента Америки. Комический эффект данного масс-медийного

Рисунок 1.

продукта возникает при столкновении общеобразовательного представления среднестатистического американца о законах дикой природы, где выживает сильнейший, и опосредованной критике стратегии поведения России на международной арене. Соответственно, максимально простым способом, через невербальные знаки, ненаправленные на анализ информации, подсознательно формируется образ России как варварского государства.

Заключение

Формирование имиджа любой страны и управление им является приоритетной и актуальной задачей в глобальном информационном пространстве. В современное время СМИ являются значимым ресурсом власти и оказывают влияние на политику и установление общественного мнения. Учитывая место СМИ в публичном пространстве США, можно сказать, что имидж страны во многом обусловлен представлением в сообщениях СМИ. Информация поступает каждый день большими потоками в массы людей таким образом, что большинство адресатов не имеют возможности ее анализировать; соответственно, используя гетеростереотипное представление о стране или лидере страны, с одной стороны, и прогнозируемую проекцию ожиданий адресата с другой, формируется позитивное или негативное отношение к той или иной стране. Очевидно, что в политическом имидже России в американских СМИ преобладает негативный характер. Построение положительного образа России является приоритетным направлением внешней политики на современном этапе развития российско-американских отношений, поскольку от положительного имиджа страны зависят отношения с другими государствами, а также – с международными организациями. Изучение проблем конструирования образа России в СМИ США, особенностей и тактик процесса формирования имиджа страны имеют большое значение для оценки отношений между государствами.

Библиография

1. Исследование PwC: в мире возрос интерес читателей к СМИ с альтернативной точкой зрения. URL: https://russian.rt.com/article/160679-issledovanie-pwc-v-mire-vozros-interes-chitatelei
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
3. Липпман У. Общественное мнение. М.: Общественное мнение, 2004. 384 с.
4. Шейнов В.П. Манипулирование сознанием. Минск: Харвест, 2010. 768 с.
5. Babbin J. The Davy Crockett solution to Putin. URL: http://www.washingtontimes.com/news/2016/jan/25/jed-babbin-the-davy-crockett-solution-to-putin/?page=all
6. CNN. ORC international Poll. URL: http://i2.cdn.turner.com/cnn/2017/images/01/16/trump.2.pdf

7. Herman E.S., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books, 2002. 412 p.
8. How Millennials Get News: Inside the habits of America's first digital generation. URL: https://www.americanpressinstitute.org/publications/reports/survey-research/millennials-news/
9. Mass Media, Propaganda and Public Opinion Research. URL: https://www.enotes.com/research-starters/mass-media-propaganda-public-opinion
10. Nurtazina R., Zhumashov Ye., Tomanova M. Definition, Structure and Core Functions of the State Image. URL: http://waset.org/publications/9997471/definition-structure-and-core-functions-of-the-state-image
11. Oswald K.A. Mass Media and Transformation of American Politics. URL: http://scholarship.law.marquette.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1615&context=mulr
12. Poll: More Americans see Russia as a threat. URL: http://thehill.com/policy/international/russia/314337-poll-more-americans-see-russia-as-a-threat
13. Shoemaker P. Reese S.D. Mediating the Message. USA: Longman, 1996. 313 p.
14. The Washington Times Political Cartoons. URL: http://www.washingtontimes.com/cartoons/around-world/they-can-sense-weakness/
15. United States: Country Report/ Freedom of Press. URL: https://freedomhouse.org/report/freedom-press/2016/united-states

An analysis of the political information in the american mass media: a modern image of Russia

Ol'ga Yu. Verbitskaya
PhD in Philology,
Associate Professor at the Department of Oriental Studies and Regional Studies APR,
Institute of Philology, Foreign Languages and Intercultural Communications
of the Irkutsk State University,
664000, 8 Lenina st., Irkutsk, Irkutsk region, Russian Federation;
e-mail: overbitskaia@gmail.com

Abstract

In the article the author considers the influence of the information that has a political character and is presented in the American media on the modern image of Russia. The analysis of the statistical data based upon published social surveys of US residents has shown that Russia is perceived as a potential threat. The author has pointed out that this

negative attitude is based on hetero-stereotypes that are formed by the American mass media. Thus, the author suggests the critical analysis of the content of the political article on the following points: 1) the reasons of writing the article (the point of view of the edition / of the author of the article), 2) consideration of the economic, political and cultural aspects of the media product, 3) choice of the lexical units affecting the perception of presented information, 4) personal attitude of the addressee to the study materials based on the comparative analysis of the factual information (described occasion) and the information presented by this mass media. As a result, the author also proposes the model of interpretation of a modern political cartoon.

For citation

Verbitskaya O. Yu. (2017) Analiz politicheskoi informatsii v amerikanskikh SMI: sovremennyi obraz Rossii [An analysis of the political information in the american mass media: a modern image of Russia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 39-47.

Keywords

Mass media; analysis of the political information; political article; political cartoon; manipulation of social conscience; image of modern Russia; hetero-stereotype.

References

1. Babbin J. The Davy Crockett solution to Putin. Available at: http://www.washingtontimes.com/news/2016/jan/25/jed-babbin-the-davy-crockett-solution-to-putin/?page=all [Accessed 15/12/2016].
2. CNN. ORC international Poll. Available at: http://i2.cdn.turner.com/cnn/2017/images/01/16/trump.2.pdf [Accessed 15/12/2016].
3. Herman E. S., Chomsky N. (2002) Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books. p. 412.
4. How Millennials Get News: Inside the habits of America's first digital generation. Available at: https://www.americanpressinstitute.org/publications/reports/survey-research/millennials-news [Accessed 15/12/2016].
5. *(2016) Issledovanie Pwc: v mire vozros interes chitatelei k SMI s alternativnoi tochkoi zreniay* [The interest of the readers towards mass media having the alternative point of view has grown in the world]. Available at: https://russian.rt.com/article/160679-issledovanie-pwc-v-mire-vozros-interes-chitatelei [Accessed 15/12/2016].
6. Kara-Murza S. G. (2005) Manipulyatciya soznaniem. [Manipulation of conscience]. M.: Eksmo Publ. p. 832.

7. Lippman U. (2004) *Obschestvennoe mnenie*. [Public opinion]. M.: The Insitut of the Fund "Public opinion". p. 384.
8. Mass Media, Propaganda and Public Opinion Research. Available at: https://www.enotes.com/research-starters/mass-media-propaganda-public-opinion [Accessed 15/12/2016].
9. Nurtazina R., Zhumashov Ye., Tomanova M. (2014) Definition, Structure and Core Functions of the State Image. Available at: http://waset.org/publications/9997471/definition-structure-and-core-functions-of-the-state-image [Accessed 15/12/2016].
10. Oswald K. A. (2009) Mass Media and Transformation of American Politics. Available at: http://scholarship.law.marquette.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1615&context=mulr [Accessed 15/12/2016].
11. Poll: More Americans see Russia as a threat. (2017) Available at: http://thehill.com/policy/international/russia/314337-poll-more-americans-see-russia-as-a-threat [Accessed 15/12/2016].
12. Sheinov V. P. (2010) *Manipulirovanie soznaniem* [Manipulation of the conscience]. Minsk: Harvest Publ. p. 768.
13. Shoemaker P., Reese S.D. (1996) Mediating the Message. USA: Longman. p. 313.
14. United States: Country Report/ Freedom of Press. (2016) Available at: https://freedomhouse.org/report/freedom-press/2016/united-states [Accessed 15/12/2016].
15. The Washington Times Political Cartoons. (2016) Available at: http://www.washingtontimes.com/cartoons/around-world/they-can-sense-weakness/ [Accessed 15/12/2016].

УДК 172.1; 323.2

Понятия экстремизма и терроризма в современной науке – социально-философский аспект

Лопатин Иван Дмитриевич
Кандидат политических наук,
доцент кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин,
Костромская государственная сельскохозяйственная академия,
156530, Российская Федерация, Караваево, ул. Учебный городок, 34;
e-mail: lopatinivan1982@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается такая актуальная на сегодняшний день проблема, как научное понимание экстремизма и терроризма. В силу многочисленных обстоятельств объективного и субъективного характера большой проблемой является общее понимание смысла данных терминов. Основные такие проблемы и рассмотрены авторами в статье. Первой причиной сложностей в научном понимании проблем экстремизма и терроризма стоит указать разницу политических и юридических подходов различных субъектов. Одно государство может признавать, а другое – не признавать конкретные группировки как террористические сообразно политическим мотивам. Имеет место подмена понятий, а также определенную проблему представляет деятельность СМИ, судебных органов. Второй сложностью на пути общего понимания является разница временных эпох, национального менталитета, а также подвижность моральных норм в конкретном обществе. Третьей сложностью является несовпадение позиций в трактовке мотивов экстремистского поведения отдельных личностей. Четвертой сложностью является изменчивость целей террористов и кардинальные изменения в их идеологии в конце 20 века. Пятой проблемой, также осложняющей общее понимание, являются методы противодействия экстремизму.

Для цитирования в научных исследованиях

Лопатин И.Д. Понятия экстремизма и терроризма в современной науке – социально-философский аспект // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 48-57.

Ключевые слова

Терроризм, экстремизм, террор, сетевой принцип, интернет-технологии.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

В современном мире понятия экстремизма и, тем более, терроризма стали совершенно обыденными, ходовыми, звучащими с любой печатной или электронной страницы прессы. Естественно, что частое употребление в быту, социальных сетях и даже юридической практике в значительной степени привело к утрачиванию первоначального научного смысла данных терминов. С другой стороны, за последние десятилетия серьезно изменилось общество, семантика понятий претерпела изменения вследствие трансформации информационного пространства. Наконец, в конце 20 – начале 21 века кардинально изменились цели самих террористов и экстремистов. В современной социальной науке, и не только в ней, на сегодняшний день отсутствует какое-либо общепринятое понятие для данных терминов, виной чему множество причин. Мы попробуем разобраться с ними и попробовать найти пути универсализации подходов к научному осмыслению проблемы.

Основная часть

Безусловно, первой сложностью на пути универсализации является тот факт, что различные субъекты вкладывают в вышеуказанные понятия разный, зачастую прямо противоположный смысл. Сложным в этом плане, по мнению автора, является понятие экстремизма. В отечественной социальной науке под ним понимается насилие «сверх меры», то есть неспровоцированное, выходящее за «социальные экстремумы».[Будницкий, 2000] Кроме того, экстремистским может быть, например, образ мыслей. В западной науке принято несколько иное понимание данного термина. В Великобритании и США, например, под экстремистским понимается «действие, основанное на ненависти», то есть такое, где присутствует мотив нетерпимости по отношению к каким-либо социальным группам (этническим, религиозным и т. д.), [Витюк, Эфиров, 1987] что закреплено в судебной практике. В отечественном законодательстве, с недавних пор, «экстремизм» трактуется похожим образом, однако имеется понятие «экстремистских материалов», в число которых может попасть интернет – ресурс, графическое изображение, листовка, надпись на футболке и так далее. [Гейфман, 1997] Вопрос об экстремистском содержании материала решает конкретный суд при помощи экспертов, качество которых не всегда соответствует задаче – так, экспертом может быть практически любой человек, профильное образование, ученая степень или звание не являются обязательными требованиями к нему. Отсюда и происходят такие решения судов, как например, признание «экстремистскими материалами» строк из Корана, по поводу чего пришлось принимать специальную поправку к закону, запрещающую признавать экстремистскими фрагменты из религиозных книг. Существенно затрудняет научное использование термина несколько иное обстоятельство – широкое тиражирование в СМИ. Благодаря

им, слово превратилось в негативный эпитет, предназначенный для политических оппонентов. Деятельность судов, особенно в 2010-13 годах тоже вносила свою лепту, в результате получаем классический случай «идола площади», то есть лексемы с непонятным смыслом. Исходя из всего вышеперечисленного, мы предлагаем использовать термин экстремизм как приверженность к крайней идеологии и насильственному способу действий. В свою очередь, крайним проявлением экстремизма является приверженность к террористическим способам ведения борьбы.

С понятием «терроризм» все обстоит еще сложнее, здесь выработать какую-либо общую позицию, вероятно, не представляется возможным. Происходит термин от латинского *terror,* что означает страх, ужас. Несмотря на некоторые различия, в целом, в большинстве случаев под терроризмом понимают насильственные действия имеющие цель запугать население или органы власти, осуществляемые преступными группами либо одиночками. Есть, однако, нюансы. Если терроризм – это насильственные действия негосударственных субъектов, то в случаях государственного насилия используется термин террор, по крайней мере, в отечественной науке. [Кони, 1966] Разница очевидна – терроризм – оружие слабого, в то время как террор – сильного субъекта. Так, например, действия «Народной воли», направленные на уничтожение Александра II, являются террористическими, а, скажем, действия советского государства по так называемому «раскулачиванию» в годы коллективизации – террором. Наибольшие проблемы возникают с квалификацией конкретных террористических действий и конкретных лиц как террористов. Связано это, по мнению автора, с идеологическими и политическими причинами. Например, играющая значительную роль сегодня на Ближнем Востоке организация «Хезболла» считается террористической в целом ряде государств (США, Израиле, Канаде и т. д.), но не считается таковой в России. [Могильнер, 1999] Также наши западные «партнеры» на протяжении многих лет продолжают называть «борцами за свободу», «повстанцами» группы террористов на Северном Кавказе. Таким образом, в данном случае добиться универсализации понятия невозможно, так как терроризм стал еще и юридическим термином. Любое государство выстраивает для себя защиту из правовых актов и, конечно, только оно решает, кто конкретно является наиболее опасным для его благополучия. В то же время, все попытки российской, например, дипломатии составить какой-либо общий список террористических организаций до серии терактов 13 ноября 2015 года во Франции были тщетны. С другой стороны, на сегодняшний день имеется ряд факторов, осложняющих и научное понимание данного феномена. К таковым относится, во-первых, использование отдельными государствами террористической тактики во внутренней и внешней политике, либо прямое спонсирование террористических группировок. Скажем, деятельность сайта «Миротворец», курируемая советником министра внутренних дел А. Геращенко на Украине, относится к террору или к терроризму? Во-вторых, в последние два десятилетия появился целый ряд так называемых квазигосударств, самое известное из которых, безуслов-

но, запрещенное в России, ИГИЛ. Их деятельность построена на самом грубом насилии, на сетевых технологиях, для таких террористических сообществ нужно вводить особые термины. В-третьих, само понятие государство, с точки зрения сильного субъекта, в последнее время явно нуждается в уточнении. Скажем, если исходить из старой парадигмы, являются ли государствами такие образования как Абхазия, Сомали или даже Нигерия (поскольку нет по факту ни единства территории, ни экономического суверенитета)?

Второй сложностью является определение социальных экстремумов. Суть проблемы здесь в том, что границы эти чрезвычайно подвижны и зависят от многих факторов – исторического времени, национальных, религиозных традиций, социально-экономической ситуации и т. д. То есть, если понимать под социальным экстремумом грань дозволенного обществом насильственного воздействия, очевидно, по мнению автора, что сложно эту грань определить. И на сегодняшний день не существует сколь-нибудь универсальных методов замера общественного мнения, а как тогда можно говорить, скажем, об отношении жителей средневекового Ближнего Востока к деятельности организации ассасинов? Если брать более близкие к нашему времени события, например, деятельность Боевой организации партии социалистов-революционеров, то, опять же, мы можем определить отношение к терактам только достаточно узкого слоя русского общества, хотя и самого политически активного и это мнение, в известной степени, формирующего. Об отношении основной массы можем только строить предположения разной степени обоснованности. Безусловно, можно подойти к проблеме с формально-юридической точки зрения и считать экстремистскими все действия, которые не укладываются в рамки закона, однако, как известно, есть буква закона, а есть дух закона. Веру Засулич, стрелявшую в петербургского градоначальника Трепова, присяжные признали невиновной, а присутствующие при том зрители встретили приговор овацией. [Ольденбург, 1939] То же и с терактами социалистов-революционеров – например, убийство уфимского губернатора Богдановича и покушение на харьковского губернатора князя Оболенского [Партия…, 1996] встретили горячее сочувствие в обществе и нельзя сказать, что люди, одобрявшие действия террористов желали зла своей стране. Вероятно, что для корректной постановки вопроса о социальных экстремумах необходимо учитывать национальные особенности. В данном случае, имея дело с русским обществом конца 19 – нач. 20 вв., нужно брать в расчет глубочайший раскол внутри его и свойственное нам обостренное чувство справедливости [Спиридович, 1918] – именно защитниками человеческого достоинства, борцами с произволом пытались представить себя террористы, и это у них получилось, хотя сразу были большие сомнения в персональной вине Богдановича [Шацилло, 1985]. Кроме того, как известно, моральные ценности каждого конкретного общества меняются, и в случаи России конца 19 – начала 20 вв. мы имеем дело с достаточно широкими рамками дозволенного. Возьмем, скажем, знаменитую «банкетную кампанию» 1903-04 годов. [Там же] Во время мероприятий, проводимых либерально настроенными земцами, регулярно получали

слово представители радикальных элементов – и призывы их к насильственным способам борьбы с режимом встречали часто одобрение среди земских деятелей. В настоящее время сложно представить такую реакцию публики, однако в начале 20 века земцы-либералы далеко не всегда вызвали жандармов. То же справедливо для каждого иного конкретного случая – вовсе не обязательно современники или люди иных национальностей и культур признают экстремизмом то, чего мы считаем таковым.

Третьей сложностью для определения каких-либо общих подходов являются личности радикалов и непосредственно террористов. Если поставить вопрос таким образом, что являются ли факторами одного порядка, скажем, русский революционный терроризм начала 20 века и современные террористические организации, прикрывающиеся исламом, то нужно ответить, что между ними весьма мало общего – разные социальные корни, идеология, и так далее. С другой стороны, мотивы участия конкретных людей в террористической активности и причины экстремистской направленности мыслей в значительной мере схожи. Однако в трактовке этих мотивов и находятся принципиальные расхождения. Простым решением кажется объявить всех экстремистски настроенных граждан маньяками и душевнобольными, людьми, изначально склонными к насилию и убийствам. Такая точка зрения, к сожалению, в современном обществе популярна, вплоть до того, что сегодня снова имеют место попытки объявить отдельные расы «генетически предрасположенными» к преступности и асоциальному поведению. По мнению автора, с такой позицией нельзя согласиться. Действительно, у русских революционеров и террористов имели место психические отклонения, но в большинстве своем они были следствием пребывания в тюрьмах и на каторге. Не были психически нездоровыми людьми Вера Засулич, Герш Гершуни, Борис Савинков, Евно Азеф, Михаил «Каин» Соколов и другие видные личности того времени. То же и с современными террористами – значительная часть боевиков ИГИЛ (запрещенная в России организация), родом из Парижа, Брюсселя и Берлина, в здравом рассудке приняли решение отправиться воевать на Ближний Восток. Здесь возникает, конечно, другой вопрос – каким образом в «толерантном» западноевропейском обществе выросло такое количество людей, готовых на самые чудовищные преступления – но это тема отдельного исследования. На наш взгляд, все же основной причиной привлекательности террористических методов для радикально настроенных элементов была и остается видимая простота насильственных методов решения сложных социальных проблем. Никуда не исчезли сегодня и такие мотивы присоединения к террористическим организациям как невостребованность значительного числа людей капиталистическим миром, жажда острых ощущений, мотивы личного характера, которые сегодня, из-за социальных сетей, приобрели характер мирового бедствия. Например, можно согласиться с адвокатом Варвары Карауловой в том смысле, что девушка является жертвой профессиональных интернет – вербовщиков террористов, однако таких как она – многие тысячи в Европе и на Ближнем Востоке. Нельзя не учитывать и такой мотив участия в радикальных и террористических организациях как личная выгода – и се-

годня, и сто с лишним лет назад он был и остается самым актуальным. По данной проблеме сложно согласиться, например, с А. Гаспаряном, который считает, что русский революционный терроризм был «уделом романтиков». К числу таковых крайне сложно причислить Азефа, Стеклова, да и Савинкова, то есть все руководство Боевой организации социалистов-революционеров. Не были таковыми и теоретики терроризма начала века – Чернов и «бабушка» Брешко-Брешковская, которые вели вполне безбедную жизнь на гонорары от статей, первый даже позволял себе лично спонсировать теракты, проводимые независимо от БО – например, убийство З. Конопляниковой генерала Мина. Нельзя, по мнению автора, «обнаружить романтику» в действиях многочисленных террористических групп в годы революции 1905-07 годов, когда особую популярность приобрели так называемые «эксы», то есть ограбления, практиковавшиеся всеми революционными партиями. Сегодня, по сравнению с началом прошлого столетия, мотивы личной выгоды у экстремистов и террористов приобрели несколько иную форму. Во многих случаях сегодня мы имеем дело с рядовыми членами террористических группировок, у которых мотивом присоединения к ним был элементарный заработок. Не случайно одной из главных опасностей сегодня для России является экспансия радикальных группировок в Средней Азии, где для вербовщиков есть огромное количество человеческого материала, людей, готовых на все ради куска хлеба. Ярким примером здесь является Афганистан – в этой стране самым простым способом заработка как раз является участие в террористических вооруженных формированиях, либо выращивание культур, содержащих наркотические вещества.

Таким образом, можно обозначить четвертую сложность в исследовании данной проблематики – изменчивый характер экстремизма и терроризма. На наш взгляд, сложно согласиться с утверждениями о том, что именно в конце 20 века терроризм приобрел так называемый «медийный» характер. Эта черта была свойственна ему всегда – и анархисты второй половины 19 века (П. Брусс, например) говорили об «агитации делом», и даже еще раньше, в 1862 году, в листовках так называемой «Молодой России» содержались посылы о насаждении атмосферы страха среди представителей «правительственной партии». Постоянно подчеркивали необходимость «воздействия на общественное мнение» терактов Морозов, Чернов, Гершуни, Гоц и многие другие теоретики терроризма конца 19 – начала 20 веков. И слова, по крайней мере, Гершуни, с делом не расходились – каждый теракт БО он тщательно планировал именно с точки зрения «понятности для обывателя». Наконец, в годы революции 1905-07 годов русские анархисты перешли к тактике «безмотивного террора», то есть, по сути, к терактам того же типа, что имели место в Париже 13 ноября 2015 года – уничтожению без разбора большого числа людей с целью посеять страх в обществе. На наш взгляд, куда более важным для понимания природы современного терроризма является тот факт, что сегодняшние террористические группировки организационно построены по принципу сетевого маркетинга, и запрещенная в России ИГИЛ как раз является таковой. Условно говоря, если сто с лишним лет назад террористы-революцио-

неры создавали субкультуру, даже анархисты, то сегодня исламистские террористы создают контркультуру. Провозглашая вседозволенность по отношению ко всем остальным, культивируя жестокость и садизм, они, с одной стороны, проповедуют контрценности по отношению ко всей человеческой культуре. С другой стороны, они также и заменяют традиционную идеологию сетевой – «найдется место для каждого», «для каждого есть работа по силам и возможность роста», подстраиваясь, таким образом, под изменившиеся запросы глобального общества. Велика роль интернет-технологий, которые, впрочем, уже выросли в самостоятельный «эволюционный фактор».

Наконец, отдельной, пятой проблемой на пути научного понимания данных феноменов являются приоритетные методы противодействия экстремизму и терроризму. Сегодня, в свете последних событий, уже практически для всех очевидно, что исключительно силовых методов противодействия явно не достаточно, хотя они и, безусловно, нуждаются в совершенствовании и расширении, равно как и военные, а также финансовые и иные. Однако далее мнения сильно расходятся. Выдвигаются, в определенных кругах, «политические» методы противодействия экстремизму – вроде «свержения диктаторских режимов, порождающих терроризм»; «психологические», якобы будущие террористы обладают особым психотипом, и такие люди должны находится под бдительным присмотром. Тем не менее, по мнению автора, террористические акты в Париже лишь подтверждают старую истину – о социальной природе экстремизма и терроризма. Имея на своей территории многочисленные анклавы, население которых принципиально не желает интегрироваться в их социум, может и не работать, живя на пособия, европейцы сегодня могут лишь ожидать с высокой степенью вероятности повторения террористических атак.

Заключение

Таким образом, по каждой из обозначенных нами проблем существует широкая дискуссия в отечественной и зарубежной науке. Что, на наш взгляд, сегодня является наиболее актуальным для политической науки? Во-первых, это избавление от излишне политизированных трактовок понятий разными субъектами мировой политики, что, в свете тектонических изменений последних двух лет, выглядит реальным. Во-вторых, исследование конкретных культурных и исторических реалий, порождающих крайние проявления. В- третьих, недооценен отечественный опыт начал 20 века, особенно в плане противодействия экстремистским организациям. В-четвертых, особое внимание, на наш взгляд, сегодня стоит уделять социальным корням явления, а они все те же – огромное имущественное, интеллектуальное и ментальное расслоение общества. Без его сглаживания, теперь уже в мировом масштабе, указанные проблемы будут только нарастать, на смену одним радикалам будут приходить другие.

Библиография

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 408 с.
2. Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 1987. 318 с.
3. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 618 с.
4. Ерофеев Н.Д. (ред.) Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1996. 681 с.
5. Козлов А.А. (ред.) Феномен экстремизма. СПб., 2000. 85 с.
6. Кони А.Ф. Воспоминания о деле В. Засулич. М., 1966. 581 с.
7. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.
8. Ольденбург С. Царствование Императора Николая II. Белград, 1939. 640 с.
9. Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886-1916. Петроград, 1918. 623 с.
10. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 годов. М., 1985. 354 с.

Concepts of extremism and terrorism in modern science: the socio-philosophical aspect

Ivan D. Lopatin
PhD in Political Science
Associate Professor at the Department of philosophy, history and socio-humanitarian disciplines,
Kostroma State Agricultural Academy,
156530, 34, Uchebnii Gorodok str., Karavaevo, Russian Federation;
e-mail: lopatinivan1982@yandex.ru

Abstract

This scientific article discusses such topical issue as a scientific understanding of extremism and terrorism. Due to numerous circumstances, there are both objective and subjective problems is the general understanding of the meaning of these terms. The main problems of that kind are considered by the authors in the article. The first cause of difficulties in the scien-

tific understanding of the problems of extremism and terrorism should specify the difference of political and legal approaches of the various actors. One state may accept and the other not to recognize a particular group as terroristic in line with political motives. It is a trivial juggling of concepts, as well as particular problem is the media and the judiciary. The second difficulty is in the way of common understanding in the difference of time periods, national mentality, as well as the mobility of the moral norms in a particular society. The third difficulty are the differences in the interpretation of the motives of the extremist behavior of individuals. The fourth difficulty is the variability of the goals of terrorists and the fundamental changes in their ideology in the late 20th century. The fifth problem, also complicating a common understanding, is the method of counteraction to extremism.

For citation

Lopatin I.D. (2017) Ponyatiya ekstremizma i terrorizma v sovremennoi nauke – sotsial'no-filosofskii aspect [Concepts of extremism and terrorism in modern science: the socio-philosophical aspect]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 48-57.

Keywords

Terrorism, extremism, terror, network principle, Internet technology.

References

1. Budnitskii O.V. (2000) *Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of the XIX – early XX century.)]. Moscow: "Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN) Publ.
2. Erofeev N.D. (red.) (1996) *Partiya sotsialistov-revolyutsionerov. Dokumenty i materialy* [Party of Socialist-Revolutionaries. Documents and materials]. Moscow: ROSSPEN Publ.
3. Geifman A. (1997) *Revolyutsionnyi terror v Rossii, 1894-1917* [Revolutionary Terror in Russia, 1894-1917]. Moscow: KRON-PRESS Publ.
4. Kozlov A.A. (red.) (2000*) Fenomen ekstremizma* [The phenomenon of extremism]. St. Petersburg.
5. Koni A.F. (1966) *Vospominaniya o dele V. Zasulich* [Memories of the case V. Zasulich]. Moscow.
6. Mogil'ner M. (1999) *Mifologiya "podpol'nogo cheloveka": radikal'nyi mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [Mythology of the "underground man": a radical microcosm in Russia at the beginning of the twentieth century as a subject of semiotic analysis]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.

7. Ol'denburg S. (1939) *Tsarstvovanie Imperatora Nikolaya II* [The reign of Emperor Nicholas II]. Belgrade.
8. Shatsillo K.F. (1985) *Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905-1907 godov* [Russian liberalism on the eve of the revolution of 1905-1907]. Moscow.
9. Spiridovich A.I. (1918) *Partiya sotsialistov-revolyutsionerov i ee predshestvenniki. 1886-1916* [Party of Socialist-Revolutionaries and its predecessors. 1886-1916]. Petrograd.
10. Vityuk V.V., Efirov S.A. (1987) *"Levyi" terrorizm na Zapade: istoriya i sovremennost'* ["Left" terrorism in the West: history and modernity]. Moscow: Nauka Publ.

УДК 930

Особенности функционирования политических традиций в современном Китае

Сущенко Максим Алексеевич
Соискатель,
кафедра всеобщей истории и социально-политических наук,
Кемеровский государственный университет,
650000, Российская Федерация, Кемерово, ул. Красная, 6;
e-mail: spacemirror@mail.ru

Аннотация

В статье исследованы традиции политической культуры как способ реализации государственной власти, участвующие в современной политической жизни КНР. Автором предложена оригинальная трактовка понятия «национальные политические традиции КНР». С точки зрения влияния традиций китайского государства на политическое развитие современного Китая элементы китайской политической культуры классифицированы в соответствии с принципом историзма. Автором были определены китайские традиции, заимствованные из теории и опыта китайского государственного управления. Отдельно рассматриваются морально-нравственные, социально-культурные, этико-политические традиции и идеи. В качестве специфического типа традиций, оказавших влияние на политический процесс КНР, исследованы военно-революционные традиции чрезвычайного управления. Автор обращает внимание на влияние, которое элементы традиционной культуры оказывают на политическое развитие современного Китая.

Для цитирования в научных исследованиях

Сущенко М.А. Особенности функционирования политических традиций в современном Китае // Теории и проблемы политических исследования. 2017. Том 6. № 1А. С. 58-68.

Ключевые слова

Традиции, КНР, Мао Цзэдун, Коммунистическая партия Китая, легизм, Конфуций.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Традиции являются средством стабилизации и сохранения общественных отношений и осуществляют их воспроизводство в жизни новых поколений. Согласно общим представле-

ниям, политические традиции являются частью политической культуры, воспроизводятся в жизни государства на протяжении длительного времени в одной и той же форме.

Под *национальными политическими традициями КНР* мы понимаем устойчивый механизм хранения и воспроизводства управленческих норм, опирающихся на некоторые базовые понятия китайской культуры, санкционирующей этические и социально-политические идеи, закрепленные в сознании граждан и непосредственно влияющие на поведение участников политического процесса.

С точки зрения воздействия традиций китайской государственности на политическое развитие КНР можно сформировать следующую классификацию, связанных друг с другом элементов национальной политической культуры.

Традиции, заимствованные из теории и опыта китайского государственного правления

Традиции, заимствованные из теории и опыта китайского государственного правления, обладают универсальным контекстом применения на протяжении длительного времени и в настоящее время связаны с конкретными методами и способами политического действия в Китае. В этой группе политических традиций можно выделить следующие характерные для нее черты:

– *разнохарактерность влияния* нескольких политико-философских традиций, которые обеспечили синкретизм китайской культуры, прежде всего конфуцианства, легизма и даосизма;

– *государственничество*– создание сильного государства как высшей цели политической деятельности;

– *эгалитарная этика*, предполагающая приоритет коллективных ценностей над личными интересами;

– *личностный фактор китайской власти*, отождествляемый с фигурой правителя государства.

В структуренациональных управленческих традиций, в основе которых лежит принцип социальной иерархии, наиболее очевидными являются следующие элементы.

Моноцентрическая традиция центральной власти, происходящая из представлений о монархии в древнем Китае. Как писал Л.С. Васильев, в соответствии с конфуцианской традицией главным агентом социального организма выступал правитель, государь. Император в Китае всегда был наделен почти божественными почестями [Васильев, 2001, 111].Культ императора с неограниченной властью веками обеспечивал сохранение монополии одной политической силы в обществе.

Политическая традиция центральной власти в Китае зародилась и развивалась в императорский период истории и осталась жизнеспособной в республиканском Китае и в КНР.

Традиция личностного фактора в китайской политике всегда обладала особым значением. Личностный фактор китайских лидеров является необходимым условием осуществления политического курса КНР. С именем каждого Генерального секретаря Коммунистической партии Китая (КПК) связана специальная концепция социально-политического и экономического развития.

Среди национальных управленческих традиций важное место занимает *модель китайской бюрократии.*

Влияние ценностных ориентиров политических традиций на бюрократическую систему КНР обусловило существование преемственности. Эволюционное административное развитие привело к формированию традиции системы бюрократического аппарата, которая складывалась в процессе становления китайского государства из опыта, сохраненного в принципах государственного устройства. Сын Неба, сосредоточив в руках всю полноту власти, опирался на развитую систему бюрократии, которая играла ключевую роль в управлении государством. Политические традиции в китайском государстве и обществе обеспечивали сохранение универсальных алгоритмов и механизмов эффективного формирования аппарата управления. Чиновники (шэньши) занимали особое место в традиционном Китае. Современные сословные традиции и принципы шэньши, сохранившиеся в современном китайском государстве, основаны на идейной преданности КПК.

Экзаменационная система выступает в качестве традиционного способа отбора чиновников на руководящие должности и формирования административного госаппарата. Закон КНР «О государственной службе» 2005 года в числе условий занятия вакантной неруководящей должности в структуре гражданской службы предусматривает следующие условия:успешную сдачу государственных экзаменов, строгий контроль и равную конкуренцию, что соответствует традиционным испытаниям на чин для шэньши в старом Китае.

Жизнеспособность конфуцианской традиции «экзаменов на чин» в государственной службе КНР означает соучастие национальных традиций государственности в политическом развитии современности. Она оказывается выраженной в развивающемся институте рациональной бюрократии, основанном на конкурентных началах принципа меритократии.

Сохранение и воспроизводство классических норм китайской бюрократии, с одной стороны, является следствием укрепления правящего режима в альянсе с традиционными элитами, происходящим в русле традиций китайской государственности. С другой стороны, усиление позиций бюрократии КНР связано с изменением роли государства в экономике; от работы управленческих кадров зависит эффективность народного хозяйства.

Легистское учениеоказало значительное влияние на формирование системы государственного управления в Китае. Идея о наделении государства широкими функциями хозяйственного управления проявилась в деятельности китайских политиков XX веке.

В структурекитайской управленческой традиции закрепились следующие легистские принципы:

– призывы к строгой дисциплине и скромности;

– пренебрежение к личности во имя укрепления партии в соответствии с заимствованнымконфуцианцами классического легистского принципа «слабый народ – сильное государство».

Полемика между древними конфуцианцами и легистами находит отражение в политической практике КНР XX века. Во время общегосударственной кампании «критики ЛиньБяо и Конфуция» в 1973-1974 годах несколько партийных лидеров обвинялись в исповедовании конфуцианской политической доктрины.

Отголоски древней борьбы конфуцианцев и легистов можно отследить в КНР, что демонстрирует соучастие легистских традиций в политическом развитие современного Китая.

Морально-нравственные, социально-культурные, этико-политические традиции и идеи

Ресурсы национальной культуры позволяют государству эффективно увязать гражданские морально-нравственные принципы с проблемами политического развития КНР. Процесс взаимодействия китайских политических традиций и марксистской идеологии обладает несколькими составляющими. Трансформация базовой идеологии правящего режима в КНР происходит за счет сочетание традиций национальной политической культуры и ценностей «социализма с китайской спецификой».

Развитие сопричастности национальных политических традиций идеям «социализма с китайской спецификой» отражено в ряде официальных партийных документов. В тексте коммюнике 6-го Пленума ЦК КПК 16-го созыва, прошедшего в 2006 году, содержится формулировка, отражающая сочетание марксистской этики и основ китайской традиционной культуры, в которой важное место занимает категория «гармонии». «При строительстве гармоничной социалистической системы партия продолжит поддерживать руководящий статус марксизма в идеологическом поле, усваивая гармоничную культуру, дух гармонии во имя достижения общих идеалов, этики, убеждений всей идейно-нравственной основы единства и борьбы» [中国共产党第十六届中央委员会第六次全体会议公报, www].

Представители третьего поколения политиков КНР указывали на специфическую роль конфуцианской морали в развитии социалистической духовной культуры как важного фактора ускорения модернизации. По степени важности в процессе соучастия общества в решении задач политического развития КНР ранжировались следующие традиционные ценности:

– об отношении к делу: «люби свое дело и людей, с которыми его делаешь»;

– о гражданском долге: «если я готов умереть за интересы страны, могу ли я уклоняться от своего долга в счастье или несчастье?», «служи своему делу до последнего вздоха, готовься идти за него на смерть»;

– об общественных идеалах: «великое «дао» наступит, когда все люди будут служить общественному благу»;

– о социальной этике: «не пожелай другому того, чего не желаешь себе»; «заботься о своих родителях и о всех стариках, заботься о своих детях и обо всех детях» [Ли Ланьцин, 2007, 413].

Эти ценности можно соотнести с принципами «гуманного правления» Мэн-цзы, которые встречаются в конфуцианском «Четверокнижии» [Переломов, 2004, 270].

В отчетном докладе Председателя КНР Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК (8-15 ноября 2012 г.) отдельным пунктом среди важнейших задач обозначено «всестороннее развитие гражданской нравственности, с дальнейшим углублением китаизации марксизма, духовной жизни народа» [Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао…, www].

Мы можем отметить рост внимания китайских властей в XXI веке к морально-нравственным аспектам политического развития КНР. Эту тенденцию мы связываем с ускорением экономического роста Китая в эпоху четвертого поколения и с обострением проблем общественного развития. В условиях развития социально-экономических противоречий государство вынуждено заполнять идеологический вакуум новыми решениями в идеологической и идейно-политической сферах. Учитывая высокую степень приверженности китайского общества традиционным идеалам, обращение руководства страны к традициям национальной культуры выглядит оправданным.

Специфическая роль истории в политическом развитии современного Китая обеспечивает соучастие традиций китайской государственности в политических процессах современности. Важная роль истории в социально-политической и культурной сферах КНР обусловливает обращение национальных лидеров к прошлому страны. Апелляция к историческому прошлому в КНР, во-первых, означает развитие традиционных для Китая средств легитимации политической власти, а во-вторых, является одним из способов адаптации социально-экономической системы к новым реалиям развития государства в XXI веке.

Китайские политики в текстах своих выступлений указывают на достигнутые в эпоху модернизации «исторические перемены в облике китайского народа, социалистического Китая и его Коммунистической партии» [Там же], дают оценку роли, «которую играет партия в стимулировании исторического прогресса» [Доклад Цзян Цзэминя…, www], отмечая историческое значение идейно-теоретического наследия КПК «для сохранения и развития социализма с китайской спецификой» [Полный текст доклада, с которым выступилХу Цзиньтао…, www].

Через обращение к историческому прошлому страны утверждается преемственность современных этапов развития китайского государства, в тоже время подчеркивается идея уникальности китайского пути, способствующая мобилизации общества.

Идея социальной гармонии имеет корни в традиционной китайской философской культуре и раскрыта в китайских канонических трактатах. Отрывок из «Лунь-юй» в полной

мере характеризует традиционные представления о социально-политической гармонии и справедливости в Китае.

«Когда богатства распределяются равномерно, то не будет бедности; когда в стране царит гармония, то народ не будет малочислен; когда царит мир [в отношениях между верхами и низами], не будет опасности свержения [правителя]» [Конфуций, 2000, 122].

В современных представлениях в Китае идея общественной справедливости как часть социальной гармонии сочетает традиционные взгляды на идеальный общественный порядок с социалистической идеологией. Философский тезис о единстве человека и мироздания,лежащий в основе идеи социальной гармонии, отразился в концепции «гармоничного социалистического общества», принятой на 6-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва в 2006 году. В тексте коммюнике пленума зафиксировано, что социальная гармония является существенным признаком социализма с китайской спецификой, национального процветания, национального возрождения и важной гарантией счастья людей [中国共产党第十六届中央委员会第六次全体会议公报, www].

Сглаживание острых конфликтов внутри китайского общества посредством апелляции к ресурсам национальной духовной культуры способствует утверждению политической и социально-экономической стабильности в КНР.

В основе развития политического строя современного Китая лежит в том числе *диалектическая даосская традиция* «сочетания двух в одном». Начало интерпретации этой традиции было заложено в философских работах Мао Цзэдуна. В работе «Относительно противоречий» 1937 года содержится попытка объяснения даосской диалектической традиции в соответствие с марксистской философией [Мао Цзэдун, 1967].

Ренессанс даосизма во времена нестабильности объяснил Л.С. Васильев. В периоды кризисных ситуаций и больших потрясений, когда централизованная государственная администрация приходила в упадок, даосизм и буддизм подчас выходили на передний план, проявляясь в эмоциональных народных взрывах, в эгалитарных утопических идеалах восставших [Васильев, 1994, 212].

Традиционная форма мышления продолжает функционировать во всей своей полноте в рамках института современного даосизма, как в своеобразной «экологической» нише китайской теории познания и всей традиции в целом. Способствуя бурному экономическому росту последнего десятилетия, в государстве эффективно применяются даосские принципы управления [ВэньЦзянь, Горобец, 2005, 75].

В социально-экономической сфере даосские принципы отражаются в области охраны окружающей среды и экологической безопасности. Ресурсосберегающая политика является фактором экономического роста, следовательно, политического развития государства. ПК ВСНП 24 апреля 2014 года одобрил проект внесения изменений в Закон КНР «Об охране окружающей среды», предусматривающий неограниченную материальную ответственность для нарушителей закона.

Военно-революционные традиции чрезвычайного управления

Военно-революционные традиции чрезвычайного управления, сложившиеся в эпоху гражданской войны и японской интервенцией 1930-1940-х годов, оказали влияние на формирование и развитие политической системы современного Китая.

Принципы *военной иерархии и единоначалия в партии*во многом обеспечили существование руководящей роли КПК в современном Китае и отразились в структуре политической системы. Эти управленческие подходы были отражены в работах Мао Цзэдуна и содержали перечень требований партийной дисциплины: а) подчинение члена партии партийной организации; б) подчинение меньшинства большинству; в) подчинение низших инстанций высшим; г) подчинение всей партии Центральному комитету [Мао Цзэдун, 1969, 258].

Чрезвычайные условия гражданской войны обусловили развитие вертикали властной иерархии в КПК, основанной на принципах единоначалия и во многом соответствующей традициям монархической власти в Китае.

Ставя задачу привлечения широких народных масс в партию, во время гражданской войны Мао Цзэдуном использовался принцип «линии народных масс», основанный на учете мнения народа. Являясь одной из основных концепций в маоизме, теория «Линии масс» была раскрыта Мао Цзэдуном в работе «К вопросу о методах руководства» (1943 г.). «Суммировать мнения масс, вновь нести их в массы для продвижения в жизнь и вырабатывать таким образом правильные руководящие идеи – таков основной метод руководства» [Там же, 153]. В современном Китае идеи Мао Цзэдуна закреплены в Уставе КПК – «поддерживать неразрывную связь с массами, твердо держаться линии масс» [Устав Коммунистической партии Китая, www].

Развитие принципа «Линии масс» в КНР означает, что в процессе проведения текущих преобразований руководство партии признает практику в качестве главного критерия истины, ориентируется в социально-экономической политике прежде всего на потребности граждан.В теоретическом плане Мао Цздуном была подготовлена идея самобытного китайского социализма, отраженная в современном Китае в форме «социализма с китайской спецификой», который будет развиваться в рамках общих закономерностей, лишь обладая «своими особенностями».

Заключение

Таким образом, высокая роль соучастия традиций в политическом развитии современного Китая характерна для многих сфер государственного управления: административной, идеологической, социальной, культурной и т. д. В современном китайском обществе традиции выполняют важные политические функции, которые способствуют:

– мобилизации современного китайского общества;

– социализации индивидов (придают им и общественным группам социально-образующие признаки);

– развитию идеологии государства, трансформации общественной и культурной жизни страны.

Библиография

1. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Восточная литература, 2001. 487 с.
2. 中华人民共和国公务员法. URL: http://www.gov.cn/flfg/2005-06/21/content_8249.htm
3. 中国共产党第十六届中央委员会第六次全体会议公报. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/72347/4912748.html
4. Ли Ланьцин. Образование для 1,3 миллиарда. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2007. 611 с.
5. Переломов Л.С. (ред.) Конфуцианское «Четверокнижие». М.: Восточная литература, 2004. 431 с.
6. Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК. URL: http://russian.people.com.cn/31521/8023966.html
7. Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (полный текст).URL: http://russian.people.com.cn/31521/6290591.html
8. Доклад Цзян Цзэминя на 16-м Всекитайском съезде КПК.URL: http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/zgzt/sldzt/t118050.htm
9. Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК 19.11.2012. URL: http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html
10. Переломов Л.С.Конфуций. «Лунь Юй». М.: Наука. Восточная литература РАН, 2000. 590 с.
11. Мао Цзэдун. Относительно противоречия (август 1937 г.) // Избранные произведения. Т. 1. Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 1967. С. 398-405.
12. Васильев Л.С. История Востока. Т. 2. М.: Высшая школа, 1994.494 с.
13. ВэньЦзянь, Горобец Л.А. Даосизм в современном Китае. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. 156 с.
14. Внесены изменения в Закон КНР «Об охране окружающей среды». URL: http://cnlegal.ru/uncategorized/china_environment_protection_law_amended/
15. Мао Цзэдун. Место Коммунистической партии Китая в национальной войне (октябрь 1938 г.) // Избранные произведение. Т. 2. Пекин :Издательство литературы на иностранных языках, 1969. С. 258.
16. Мао Цзэдун. К вопросу о методах руководства (1 июня 1943 г.) // Избранные произведение Т. 3. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1969. С. 153.
17. Устав Коммунистической партии Китая. URL: http://russian.people.com.cn/31857/66995/66996/4521684.html

Features of functioning political traditions in modern China

Maksim A. Sushchenko
Applicant,
Department of general history and socio-political sciences,
Kemerovo State University,
650000, 6 Krasnaya st., Kemerovo, Russian Federation;
e-mail: spacemirror@mail.ru

Abstract

The article studies the traditions of political culture as a way of realizing the state power, participating in the modern political life of the PRC. The author offers an original interpretation of the concept of "national political traditions of the PRC".From the point of view of the influence of the traditions of the Chinese state on the political development of modern China, the elements of Chinese political culture are classified in accordance with the principle of historicism. The author identifies Chinese traditions, borrowed from the theory and experience of Chinese government. He considers moral, socio-cultural, ethico-political traditions and ideas separately. The author investigates military-revolutionary traditions of emergency management as a specific type of traditions that influenced the political process of the PRC. He draws attention to the influence that elements of traditional culture have on the political development of modern China.Thus, the high role of complicity of traditions in the political development of modern China is characteristic of many spheres of state administration. The author comes to the conclusion that in modern Chinese society, traditions fulfill important political functions that contribute tomobilization of modern Chinese society;socialization of individuals;development of the ideology of the state, transformation of public and cultural life of the country.

For citation

Sushchenko M.A (2017) Osobennosti funktsionirovaniya politicheskikh traditsii v sovremennom Kitae [Features of functioning political traditions in modern China]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 58-68.

Keywords

Traditions, PRC, Mao Zedong, Communist Party of China, legalism, Confucius.

References

1. *Doklad Khu Tszin'taona 17-m s"ezde KPK (polnyitekst)* [Report of Hu Jintao at the 17th Congress of the CPC (full text)]. Available at: http://russian.people.com.cn/31521/6290591.html[-Accessed 24/12/16].
2. *Doklad Tszyan Tszeminyana 16-m Vsekitaiskom s"ezde KPK* [Report of Jiang Zemin at the 16th All-China Congress of the CCP]. Available at: http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/zgzt/sldzt/t118050.htm[Accessed 26/12/16].
3. Li Lan'tsin (2007) *Obrazovanie dlya 1,3 milliarda* [Education for 1.3 billion]. Bejing: Teaching and research of foreign languages Publ.
4. Mao Tszedun (1969) K voprosu o metodakh rukovodstva (1 iyunya 1943 g.) [On the methods of leadership (June 1, 1943)]. *Izbrannye proizvedenie T. 3* [Selected Works V. 3]. Bejing: Literature Publishing House in Foreign Languages.
5. Mao Tszedun (1969) Mesto Kommunisticheskoi partii Kitaya v natsional'noi voine (oktyabr' 1938 g.) [The Place of the Chinese Communist Party in the National War (October 1938)]. *Izbrannye proizvedenie. T. 2* [Selected Works. V. 2]. Bejing: Literature Publishing House in Foreign Languages.
6. Mao Tszedun (1967) Otnositel'no protivorechiya (avgust 1937 g.) [Concerning the contradiction (August 1937)]. *Izbrannye proizvedeniya. T. 1* [Selected works. V. 1]. Bejing: Literature Publishing House in Foreign Languages, pp. 398-405.
7. Perelomov L.S. (ed.) (2004) *Konfutsianskoe "Chetveroknizhie"* [The Confucian Four-Tier]. Moscow: Vostochnaya literature Publ.
8. Perelomov L.S. (2000) *Konfutsii. "Lun' Yui"* [Confucius. "Lun Yu"]. Moscow: Nauka. Vostochnaya literatura RAN Publ.
9. *Polnyi tekst doklada, s kotorym vystupil Khu Tszin'taona 18-m s"ezde KPK* [The full text of the report, which Hu Jintao delivered at the 18th Congress of the CCP]. Available at: http://russian.people.com.cn/31521/8023966.html [Accessed 21/12/16].
10. *Polnyi tekst doklada, s kotorym vystupil Khu Tszin'taona 18-m s"ezde KPK 19.11.2012* [Full text of the report, which Hu Jintao delivered at the 18th Congress of the CPC on 19.11.2012]. Available at: http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html [Accessed 21/12/16].
11. *Ustav Kommunisticheskoi partii Kitaya* [Charter of the Communist Party of China]. Available at: http://russian.people.com.cn/31857/66995/66996/4521684.html [Accessed 21/12/16].
12. Vasil'ev L.S. (1994) *Istoriya Vostoka. T. 2* [History of the East. T. 2]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
13. Vasil'ev L.S. (2001) *Kul'ty, religii, traditsii v Kitae* [Cults, religions, traditions in China]. Moscow: Vostochnaya literature Publ.
14. Ven' Tszyan', Gorobets L.A. (2005) *Daosizm v sovremennom Kitae* [Daoism in modern China]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ.

15. *Vneseny izmeneniya v Zakon KNR "Ob okhrane okruzhayushchei sredy"* [Amendments have been made to the PRC Law on Environmental Protection]. Available at: http://cnlegal.ru/uncategorized/china_environment_protection_law_amended/ [Accessed 21/12/16].
16. 中华人民共和国公务员法. Available at: http://www.gov.cn/flfg/2005-06/21/content_8249.htm [Accessed 21/12/16].
17. 中国共产党第十六届中央委员会第六次全体会议公. Available at: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/72347/4912748.html [Accessed 25/12/16].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 32.019.5

Роль личного имиджа губернатора в брендинге субъекта федерации (на примере Дальневосточного федерального округа РФ)

Попиль Василина Андреевна
Старший преподаватель,
Департамент коммуникаций и медиа,
Школа гуманитарных наук
Дальневосточный федеральный университет,
690950, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: popil.va@dvfu.ru

Аннотация

Международные и национальные рейтинги территорий являются своего рода индикаторами текущего состояния страны, региона или отдельного города в определенный момент времени: месяц, квартал, полугодие, год. В то же время каждый рейтинг (индекс) отражает привлекательность территории в определенной сфере, формируя региональный бренд для целевых аудиторий. Автором выдвинута гипотеза о том, что личный имидж губернатора субъекта федерации (лица бренда), наряду с другими показателями, влияет на имидж территории и ее позиции в рассмотренных рейтингах. Статья посвящена анализу корреляции положений губернаторов Дальневосточного федерального округа в рейтингах их эффективности и позиций, которые занимают территории, подвластные этим губернаторам, в рейтингах, отражающих инвестиционную и социально-экономическую привлекательность. Соответственно, предметом исследования являются места губернаторов ДФО в трех рейтингах в 2016 году: Национальном рейтинге губернаторов, Рейтинге эффективности губернаторов и «Кремлевском» рейтинге, а также положения дальневосточных территорий в 2015-2016 годах в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата субъектов Российской Федерации, Рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ, Рейтинге российских регионов по качеству жизни, Рейтинге российских регионов по благосостоянию семей и Интегральном рейтинге ста крупнейших городов России. По результатам исследования автор выделяет три группы связей: эффективный губернатор – позитивный имидж субъекта федерации; эффективный губернатор – не вполне позитивный имидж субъекта федерации; не вполне эффективный губернатор – позитивный имидж субъекта федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Попиль В.А. Роль личного имиджа губернатора в брендинге субъекта федерации (на примере Дальневосточного федерального округа РФ) // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 69-83.

Ключевые слова

Брендинг территорий, личный имидж, рейтинги губернаторов, «Кремлевский рейтинг», рейтинги территорий, лицо бренда (spokesperson).

Введение

Наряду с активным и все более узнаваемым позиционированием регионов и городов, в том числе стран Азиатско-Тихоокеанского региона, брендинг территорий в России является еще довольно молодым феноменом, в то же время стремительно развивающимся.

Для современной публичной политики РФ характерным является то, что произошло осмысление необходимости формирования и продвижения не только политических брендов партий, лидеров, но и регионов [Казимирчик, 2014, 86-89]. В основе концепции нового регионализма находятся субнациональные регионы, координирующие экономический рост страны [Zimmerbauer, Paasi, 2013, 31-40]. Соответственно, для повышения конкурентоспособности государства правительству необходимо предпринять усилия по продвижению позитивных имиджей своих регионов и городов. Вместе с тем на данном этапе в международных рейтингах, отображающих эффективный региональный бренд, наша страна не занимает высокие позиции, находясь чаще всего в конце списка, реже – в середине.

Стремление к повышению позиций в таких индексах, как Nation Brands Index, Country Brand Iindex, Country RepTrack и других привело к формированию в России собственных рейтингов регионов и городов: Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата субъектов Российской Федерации, Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ, Рейтинг российских регионов по качеству жизни, Рейтинг российских регионов по благосостоянию семей, Интегральный рейтинг ста крупнейших городов России и др. Названия рейтингов подтверждают важность уровня качества жизни и инвестиционного климата в формировании регионального бренда.

В то же время в нашей стране повышенное внимание уделяется рейтингам губернаторов, рассчитываемым разными исследовательскими организациями и включающим различные показатели. Действительно, положение того или иного губернатора в рейтинговых таблицах призвано отражать не только его личные амбиции, но и динамику развития регионов в различных сферах: социально-экономической, инвестиционной, туристической, бизнес-среде и других. В коммерческой сфере зачастую отношение потребителя к товару или

услуге формируется на основе информации о руководителе компании, поэтому личность главы компании является частью бренда этой компании [Питько, Шарманова, 2016, 75-78] а глава становится лицом этого бренда.

Позиции губернаторов Дальнего Востока РФ в рейтингах 2016 года

Исходя из определения маркетингового термина, «лицо бренда» (spokesperson) – это персона, чаще всего лицо общественного мнения, рекламирующая товар или услугу, имя которого прочно ассоциируется с этим товаром или услугой [Spokesperson, www]. Если применить данную проективную технику в процессе брендирования субъекта федерации, то лицом (личностью) бренда, то есть человеком, с которым в первую очередь ассоциируется территориальный бренд, будет губернатор.

Поставив целью определить насколько коррелируют положения в рейтингах губернаторов ДФО РФ и позиции в индексах самих территорий, в ходе исследования мы рассмотрели результаты трех рейтингов эффективности руководителей субъектов Российской федерации, выставленных в 2016 году: Национальный рейтинг губернаторов, Рейтинг эффективности губернаторов и «Кремлевский» рейтинг, и положения территорий, входящих в состав Дальнего Востока РФ, в каждом из описанных нами выше рейтингах (инвестиционном, социально-экономическом и т.д.) в 2016 году.

Последний доступный Национальный рейтинг губернаторов был выставлен по итогам 2016 года ЦИК «Рейтинг», обращавшимся к материалам открытых источников и инсайдерской информации, но уделившему главное внимание учёту мнений региональных и федеральных экспертов. Все главы регионов были условно поделены на три группы: так называемый «топ» – с 1 по 25 место; «середина» – с 26 по 60; «отстающие» – с 61 по 85 позиции.

Таблица 1. Положения губернаторов ДФО в Национальном рейтинге губернаторов по итогам 2016 года [Национальный Рейтинг Губернаторов, 2017, www]

ФИО губернатора	Территория ДФО (край, область, округ, республика)	Место
Илюхин Владимир Иванович	Камчатский край	13
Шпорт Вячеслав Иванович	Хабаровский край	14
Кожемяко Олег Николаевич	Сахалинская область	19
Печёный Владимир Петрович	Магаданская область	25
Копин Роман Валентинович	Чукотский АО	35
Миклушевский Владимир Владимирович	Приморский край	45
Борисов Егор Афанасьевич	Республика Саха (Якутия)	64
Козлов Александр Александрович	Амурская область	68
Левинталь Александр Борисович	Еврейская АО	81

Таким образом, четыре губернатора Дальнего Востока РФ оказались в «топе», два расположились в середине списка, и три губернатора – ближе к концу списка.

Политолог А. Волчков, так объясняет позицию в рейтинге В.П. Печеного: во-первых, в Магаданской области не заметно значительных негативных изменений в экономической и со-

циальной сферах, серьезного падения уровня жизни; во-вторых, в прошедшем году в области не было коррупционных скандалов; в-третьих, это успех «Единой России» на выборах депутатов Государственной Думы в 2016 году, что в то же время не было связано с оказанием административного давления на избирателей или обвинений в фальсификациях в ходе голосования [Национальный Рейтинг Губернаторов, 2016, www]. То есть в работе В.П. Печеного за год не замечено каких-то действий, направленных на повышение привлекательности области, тем не менее, он повысил свой рейтинг благодаря тому, что не сделал ничего негативного.

Губернатор Амурской области А.А. Козлов, ввиду оттока части чиновников на Сахалин вслед за Олегом Кожемяко, в течение года занимался созданием имиджа и поднятием авторитета, но пока не улучшил своих политических позиций.

Место А.Б. Левинталя в рассмотренном нами рейтинге политолог П. Ханас еще в мае 2016 года прокомментировал как влияние «войны» между губернатором и местными элитами, среди которых не было высококлассных менеджеров [Национальный Рейтинг Губернаторов, 2016, www]. Соответственно, Левинталю пришлось пригласить управленцев со стороны, что было негативно воспринято местными чиновниками. В целом территория малопривлекательна для российского бизнеса, а относительно высокий уровень социальной напряженности не дает возможности быстрых изменений. Вместе с тем аналитики ждут повышения рейтинга губернатора Еврейской АО уже в ближайшее время благодаря поддержке со стороны полпреда в ДФО Ю.П. Трутнева и активной работе по территориям опережающего развития (взаимодействие с китайскими инвесторами).

Вторым рейтингом, рассмотренный нами в ходе исследования, стал Четырнадцатый выпуск Рейтинга эффективности губернаторов, представленный Фондом развития гражданского общества в июне 2016 года. Методика рейтинга построена на основе пяти тематических модулей, которые объединяют результаты исследования Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) «Георейтинг», данные Федеральной службы государственной статистики РФ, анализ медиа-составляющей деятельности глав субъектов России, а также экспертную оценку. Вся рейтинговая таблица поделена на три группы: очень высокий рейтинг, высокий рейтинг и средний рейтинг [Рейтинг эффективности губернаторов, 2016, www].

Таблица 2. Позиции губернаторов ДФО в Рейтинге эффективности губернаторов, июнь 2016 года

ФИО губернатора	Территория ДФО (край, область, округ, республика)	Место
Илюхин Владимир Иванович	Камчатский край	11
Копин Роман Валентинович	Чукотский АО	11
Шпорт Вячеслав Иванович	Хабаровский край	13
Печёный Владимир Петрович	Магаданская область	16-17
Кожемяко Олег Николаевич	Сахалинская область	20-21
Миклушевский Владимир Владимирович	Приморский край	31
Борисов Егор Афанасьевич	Республика Саха (Якутия)	36
Левинталь Александр Борисович	Еврейская АО	44
Козлов Александр Александрович	Амурская область	50

В группу со средним (а реально – с низким) рейтингом ни один губернатор ДФО не попал, что указывает на высокие оценки экспертов каждого субъекта федерации, реальное социально-экономическую положение территории и в большей степени позитивные сообщения в СМИ о руководителе края, области, округа или республики.

Оценка в «Кремлевском рейтинге» выставляется исходя из суммы факторов, на основе которых прогнозируется вероятность отставки губернатора, усиления или ослабления позиций по отношению к федеральному центру, а не показатель эффективности его работы [Рейтинг губернаторов России, 2016, www]. Данный рейтинг, в систему которого заложены экспертные опросы, медиастатистика, экономические показатели и инсайдерская информация, был выставлен 31 октября 2016 года. Только два губернатора ДФО, Р. Копин и О. Кожемяко, получили наивысшую оценку «5», что указывает на наименьшую вероятность их отставки. А. Левинталь, В. Печеный, А. Козлов и В. Илюхин получили оценку «4» – небольшая возможность отставки. В. Шпорт получил «3», Е. Борисов – «2» - высокая вероятность отставки, в то время как В. Миклушевский получил оценку «1», указывающую на крайне высокую вероятность отставки.

По мнению аналитиков, Владимир Миклушевский может покинуть свое кресло из-за результатов выборов в Госдуму и краевой парламент, где почти все места заняли депутаты, тесно связанные с экс-губернатором Сергеем Дарькиным, скандал с праймериз «Единой России» весной 2016 года, низкий электоральный рейтинг власти, арест главы Владивостока Игоря Пушкарева и недостатки в проведении избирательной кампании [Рейтинг губернаторов России, 2016, www].

Для наглядности мы свели три рассмотренных нами рейтинга губернаторов в таблицу, где в последнем столбце приводится сумма мест каждого губернатора ДФО: чем меньше сумма мест, тем выше его позиция среди дальневосточных коллег, соответственно, тем лучше его имидж, и наоборот.

Таблица 3. Сводный рейтинг эффективности губернаторов ДФО РФ

	Национальный рейтинг губернаторов	**Рейтинг эффективности губернаторов (ФРГО)**	**«Кремлевский рейтинг»**	**Сумма мест**
Миклушевский Владимир Владимирович (Приморский край)	45 (6 место среди губернаторов ДФО)	31 (5)	1 балл (5 место)	16 (7)
Шпорт Вячеслав Иванович (Хабаровский край)	14 (2)	13 (2)	3 балла (3 место)	7 (2)
Козлов Александр Александрович (Амурская область)	68 (8)	50 (8)	4 балла (2)	18 (9)
Кожемяко Олег Николаевич (Сахалинская область)	19 (3)	20-21 (4)	5 баллов (1)	8 (3)
Левинталь Александр Борисович (ЕАО)	81 (9)	44-45 (7)	4 балла (2)	18 (9)
Борисов Егор Афанасьевич (Республика Саха (Якутия))	64 (7)	36 (6)	2 балла (4)	17 (8)
Печёный Владимир Петрович (Магаданская область)	25 (4)	16-17 (3)	4 балла (2)	9 (4)

Копин Роман Валентинович (ЧАО)	35 (5)	11 (1 место среди губернаторов ДФО)	5 баллов (1 место)	7 (2)
Илюхин Владимир Иванович (Камчатский край)	13 (1 место среди губернаторов ДФО)	11 (1 место среди губернаторов ДФО)	4 балла (2 место среди губернаторов ДФО)	4 (1)

Сведя три рейтинга губернаторов ДФО и суммируя их позиции в каждом из индексов, получаем, что наиболее эффективными губернаторами Дальнего Востока России являются следующие губернаторы: Камчатского края В.И. Илюхин, Чукотского АО Р.В. Копин, Хабаровского края В.И. Шпорт, Сахалинской области О.Н. Кожемяко и Магаданской области В.П. Печеный.

Позиции территорий ДФО в рейтингах 2015-2016 годов

Для ответа на вопрос влияют ли имиджи губернаторов субъектов федерации на развитие бренда территорий, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, мы проанализировали положения этих территорий в пяти рейтингах, выставленных в 2016 году.

Целью Национального рейтинга состояния инвестиционного климата субъектов Российской Федерации является оценка результатов усилий органов власти в регионах по созданию благоприятных условия ведения бизнеса. Рейтинг составляется по данным ФОИВ, экспертных, специальных и общих опросов [Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата субъектов Российской Федерации, 2016, www]. При формировании и продвижении бренда Дальнего Востока и его структурных элементов – регионов – данный рейтинг является индикатором возможностей и преимуществ территорий, находящих отражение в позиционировании, а также определяет текущие недостатки регионов по рассмотренным критериям, зоны роста, на которые необходимо обратить внимание администраций.

В рейтинге 2016 по показателям 2015 года территории ДФО не попали в топ-20. Вместе с тем, четыре дальневосточных субъекта федерации вошли в группу 3В1 (пониженный потенциал, умеренный риск): Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Приморский край и Хабаровский край [Распределение российских регионов по рейтингу инвестиционного климата, 2016, www]. Данная группа не вмещает лидеров рейтинга с максимальным, высоким, средним потенциалом и минимальным риском, но в то же время показывает, что четыре перечисленные территории набрали баллы, позволяющие говорить об их относительной инвестиционной привлекательности. Амурская область попала в группу 3В2 (незначительный потенциал, умеренный риск), что указывает на то, что потенциал Амурской области еще ниже, чем у четырех первых территорий, а еще четыре субъекта федерации ДФО оказались в группе 3С2 (незначительный потенциал, высокий риск): Еврейская АО, Камчатский край, Магаданская область и Чукотский АО, опередив только Республику Ингушетию и Республику Тыву с низким потенциалом и экстремальным риском [Распределение российских регионов по рейтингу инвестиционного климата, 2016, www].

Следующим индикатором, который мы рассмотрели в рамках исследования, является Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ, разработанный экспертами рейтингового агентства «РИА-Рейтинг» и составляемый с 2010 года. Рейтинг построен на основе объективных показателей официальной статистики и, наряду с функцией иллюстрации текущей ситуации в регионах и возможностью использовать его в качестве базы для оценки инвестиционной привлекательности, может стать ориентиром для выявления тех проблем, от решения которых зависит дальнейший путь развития того или иного субъекта РФ [Устюжина, 2013, 79-84]. Таким образом, позиция региона в Рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ влияет на брендинг рассматриваемой территории, формируя ее позитивный имидж в случае высоких показателей и способствуя улучшению ситуации в случае низких.

По итогам 2015 года территории ДФО расположились в рейтинге следующим образом: Сахалинская область – 7 место, Республика Саха (Якутия) – 21 место, Приморский край – 27 место, Хабаровский край – 33 место, Амурская область – 51 позиция, Камчатский край – 57, Магаданская область – 64, Чукотский автономный округ – 67, замыкает список дальневосточных территорий в рейтинге Еврейская автономная область, расположившаяся на 84 месте [Рейтинг социально-экономического положения регионов, 2016, www]. Повышению позиций Амурской области, Хабаровского края и Чукотского АО, по мнению экспертов, способствовал, в первую очередь, рост инвестиций, что могло бы противоречить Национальному рейтингу состояния инвестиционного климата субъектов РФ, согласно которому данные территории являются не привлекательными для вложений. Тем не менее, в данном случае сравнивается объем инвестиций в основной капитал на одного жителя в 2015 году и в 2014, а он, бесспорно, вырос в каждом рассмотренном нами субъекте федерации.

Еще один анализ уровня развития регионов, проводимый агентством «РИА Рейтинг», «Рейтинг российских регионов РФ по качеству жизни» учитывает 61 показатель, объединенный в 11 групп. В ходе авторского исследования значимым является рейтинг по итогам 2015 года, где территории ДФО представлены следующим образом: Камчатский край – 32 позиция, Хабаровский край – 38 место, Магаданская область – 46, Сахалинская область - 50, Приморский край – 55, Амурская область – 63 место, Республика Саха (Якутия) – 72, Еврейская АО – 78, ЧАО – 79 [Рейтинг российских регионов по качеству жизни, 2016, www].

От уровня жизни индивида и населения в целом зависит степень удовлетворенности его потребностей, и приводит к ощущению социального благополучия [Винокурова, Костина, 2015, 49-53]. Именно бренд «регион для жизни» является одним из лидирующих направлений в процессе позиционирования территории. Таким образом, 61 показатель, по которому были оценены края, области, республики, автономные округа и автономные области, являются «зонами роста» для администраций регионов.

Еще одним необходимым для формирования и оценки территориального бренда индексом, который мы рассмотрели в рамках исследования, является Рейтинг российских регионов по благосостоянию семей. Данный рейтинг также связан с таким показателем как качество жизни и позиционирует территорию как «регион для жизни». Основной критерий оценивания – остаток денежных средств семьи после минимальных расходов, рублей в месяц. Большинство территорий Дальнего Востока РФ в данном рейтинге по итогам 2015 года заняло довольно высокие места: в первую десятку вошли 5 субъектов федерации: Чукотский автономный округ на 2 месте, Сахалинская область на 4, Магаданская область на 7, Республика Саха (Якутия) – на 9 месте и Камчатский край на 10. Хабаровский край оказался на 25 месте, Амурская область на 28, Приморский край на 45 и Еврейская автономная область на 62 месте [Рейтинг регионов по благосостоянию семей, 2016, www].

В целом благосостояние семей на Дальнем Востоке оценивается как выше среднего: Чукотский АО постоянно входит в пятерку наиболее обеспеченных регионов, на протяжении четырех лет занимая 2 место, другие регионы ДФО также заняли высокие позиции, только Еврейская АО из всех регионов в составе ДФО оказалась ближе к концу списка. Таким образом, благосостоятельность семей или высокий уровень их достатка может стать одним из атрибутов аттрактивности регионов ДВ РФ в процессе позиционирования.

Последним рейтингом территорий РФ, который мы рассмотрели, стал Интегральный рейтинг ста крупнейших городов России. Как и международный рейтинг City Brand Index, данный рейтинг показывает не только уровень города, но и положение региона, который этот город представляет. В CBI – это уровень страны, а в Интегральном рейтинге ста крупнейших городов России – уровень субъекта РФ. То есть происходит еще более глубокая сегментация: от федерального округа к краю, области, округу или республике, а от них – к городу. Цель рейтинга – определить наиболее благоприятный по соотношению показателей «стоимости» и «качества» жизни крупный город для проживания в стране, то есть рейтинг позволяет сравнительно оценить результативность городской политики по повышению привлекательности города для жизни своих горожан [Интегральный рейтинг ста крупнейших городов России, 2016, www].

Один из актуальных рейтингов, находящийся в свободном доступе, был представлен Институтом территориального планирования «Урбаника» в 2015 году (по итогам 2014 года). В нем города ДФО заняли не самые высокие места, за исключением Южно-Сахалинска, расположившегося на 9 позиции. С 2011 года Южно-Сахалинск начал входить в ТОП-10, попав в пятерку лидеров в 2011 и 2012 годах. Остальные города ДФО располагаются в середине и конце рейтинговой таблицы, что указывает на недостаточный уровень привлекательности этих городов, в том числе для собственных жителей. В то же время можно говорить о положительной тенденции: 7 городов ДФО оказались в ТОП-100 городов России (кроме Южно-Сахалинска, Петропавловск-Камчатский на 39 позиции, Благовещенск на 47, Хаба-

ровск – 54, Владивосток на 61, Якутск – 73 место и Комсомольск-на-Амуре – 97), учитывая, что их в нашей стране больше тысячи.

Так же, как после анализа рейтингов губернаторов, мы свели пять рейтингов субъектов федерации в таблицу и, согласно занимаемым позициям территорий в рейтингах, выделили наиболее привлекательные как для инвесторов, так и для жителей, территории.

Таблица 4. Сводный рейтинг привлекательности территорий ДФО РФ

	Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата субъектов Российской Федерации	**Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ**	**Рейтинг российских регионов РФ по качеству жизни**	**Рейтинг российских регионов по благосостоянию семей**	**Интегральный рейтинг ста крупнейших городов России**	**Сумма мест среди территорий ДФО**
Приморский край	3В1 (1 – «лучшая» группа среди территорий ДФО)	27 (3 место среди территорий ДФО)	55 (5 место среди территорий ДФО)	45 (8 место среди территорий ДФО)	Владивосток – 61 (5)	22 (4)
Хабаровский край	3В1 (1)	33 (4 место)	38 (2 место)	25 (6)	Хабаровск – 54 (4) и Комсомольск-на-Амуре – 97 (7)	17 (2)
Амурская область	3В2 (2 группа среди территорий ДФО)	51 (5)	63 (6)	28 (7)	Благовещенск – 43 (3)	23 (5)
Сахалинская область	3В1 (1)	7 (1)	50 (4 место)	4 (2)	Южно-Сахалинск – 9 (1)	9 (1)
Еврейская АО	3С2 (3 группа среди территорий ДФО)	84 (9)	78 (8)	63 (9)	Нет (8)	37 (8)
Республика Саха (Якутия)	3В1 (1)	21 (2)	72 (7)	9 (4)	Якутск – 73 (6)	20 (3)
Магаданская область	3С2 (3)	64 (7)	46 (3)	7 (3)	Нет (8)	24 (6)
Чукотский АО	3С2 (3)	67 (8)	79 (9)	2 (1)	Нет (8)	29 (7)
Камчатский край	3С2 (3)	57 (6)	32 (1)	10 (5)	Петропавловск-Камчатский – 39 (2)	17 (2)

Таким образом, наиболее привлекательной территорией ДФО для инвестирования и проживания, согласно положению в пяти рассмотренных нами рейтингах, является Сахалинская область, входящая в ТОП-10 или располагающаяся ближе к середине рейтингов по результатам 2015 года. Второе место делят Камчатский край и Хабаровский край. Камчатка находится на первом месте среди дальневосточных субъектов федерации по качеству жизни и замыкает ТОП-10 российских территорий по благосостоянию семей, а Хабаровский край может похвастаться тем, что целых два его города вошли в Интегральный рейтинг ста крупнейших городов России.

Результаты исследования

Сравнивая сведенные нами рейтинги эффективности губернаторов и привлекательности территорий ДФО можно сделать вывод, что к губернаторам, которых можно назвать «лицом бренда региона», можно отнести главу Камчатского края В.И. Илюхина: он занимает первое место в сводном рейтинге, а его край – второе, губернатора Хабаровского края В.И. Шпорта (вторые места в рейтинге губернаторов и рейтинге территорий) и губернатора Сахалинской области О.Н. Кожемяко (3 и 1 позиции). В данном случае нет противоречий: эффективный губернатор развивает подвластную ему территорию, делая ее еще привлекательнее для инвестиций и проживания.

В то же время губернаторы Чукотского АО Р.В. Копин и Магаданской области В.П. Печеный по результатам рейтингов признаются эффективными, но область находится на шестом месте среди территорий ДФО, а автономный округ располагается на последнем месте, разделяя его с Еврейской АО, так как может «похвастаться» только высоким уровнем благосостояния семей.

Имидж губернатора Хабаровского края пострадал еще в 2013 году, когда жители региона требовали отставки В.И. Шпорта, обвиняя его в росте цен на недвижимость, медленном строительстве социальных объектов краевого значения и дорог, предбанкротном состоянии промышленности и выезде молодежи за пределы края в поисках лучшей жизни, в то время как Хабаровский край для нее – «территория смерти» [Губернатора в отставку, 2013, www]. В сентябре 2016 года СМИ заговорили о приближающейся отставке главы субъекта федерации, предполагая, кто его заменит на этой должности [Кто может стать следующим Губернатором Хабаровского края? 2016, www]. Вместе с тем В.И. Шпорт, имидж которого сложно назвать идеальным, по мнению жителей, и сейчас остается губернатором Хабаровского края, занимая высокие позиции в рейтингах, а подвластная ему территория является инвестиционно привлекательной и демонстрирующей высокий уровень социально-экономического положения.

Что касается Олега Кожемяко, то на протяжении 15 лет он стремительно двигался вверх по карьерной лестнице. «Амбициозный харизматик», «проверенный временем и делом человек», «его управленческие способности и успехи в руководстве регионом получили высокую оценку Путина» - так отзывались об О.Н. Кожемяко политологи в 2015 году после его нового назначения [«Он сделает из региона конфетку», 2015, www; ФоРГО, 2015, www]. По словам пресс-секретаря президента РФ Д. Пескова, «у него будет больше возможностей проявить вот эту свою эффективность, которую он уже продемонстрировал» [Песков: Путин встретился с Кожемяко и Козловым перед их назначением, 2015, www]. В течение 2016 года Олег Николаевич улучшал свои политические позиции. Так, по результатам четвертого рейтинга эффективности управления в субъектах Российской Федерации, подготовленный Агентством политических и эконо-

мических коммуникаций (АПЭК) и Лабораторией региональных политических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) он замкнул ТОП-10, продемонстрировав рост в финансово-экономическом блоке [Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации, 2016, www].

Заключение

Таким образом, личные имиджи и позиции в рейтингах губернаторов ДФО оказывают влияние на имиджи и формирующиеся бренды дальневосточных территорий РФ: в данном исследовании мы не выявили связи «неэффективный губернатор – позитивный имидж территории». В то же время прослеживается наиболее распространенная зависимость «эффективный губернатор – позитивный имидж субъекта федерации». В.И. Илюхин, В.И. Шпорт и О.Н. Кожемяко являются «лицами брендов территорий», способствующими инвестиционному продвижению краев и области, а также позиционируя их в качестве привлекательных для комфортного проживания.

В.И. Шпорт, несмотря на негативные публикации в СМИ, продолжает повышать рейтинг Хабаровского края, имеющего хорошие стартовые условия: природный потенциал, показатели развития социально-экономической деятельности, развитие науки, инвестиционную привлекательность и т.д. Что касается Р.В. Копина и В.П. Печеного, то связь «эффективный губернатор – не вполне позитивный имидж субъекта федерации» объясняется следующим образом: их позитивные личные имиджи являются одними из немногих преимуществ, способствующих продвижению Чукотского АО и Магаданской области для целевых аудиторий.

Библиография

1. Винокурова А.В., Костина Е.Ю. Социальное благополучие населения в контексте регионального развития (на примере Приморского края) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 6. С. 49-53.
2. Губернатора в отставку // AmurMedia. URL: http://amurmedia.ru/projects/164/
3. Интегральный рейтинг ста крупнейших городов России (Top – 100) по данным 2014 года // Урбаника. URL: http://urbanica.spb.ru/research/ratings/integralnyj-rejting-krupnejshih-go
4. Казимирчик Л.В. Особенности использования политических брендов на федеральном и региональном уровнях современной публичной политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-3 (48). С. 86-89.

5. Кто может стать следующим Губернатором Хабаровского края? // Люди ДВ. URL: http://ludidv.ru/about-7/item/1545-gub27
6. Национальный Рейтинг Губернаторов (Итоги 2016 года) // Национальный рейтинг. URL: http://russia-rating.ru/info/11134.html
7. Национальный Рейтинг Губернаторов (Март-Апрель, 2016) // Национальный рейтинг. URL: http://russia-rating.ru/info/10861.html
8. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата субъектов Российской Федерации // Агентство стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/investclimate/rating/
9. Он сделает из региона конфетку, которую будут показывать по телевизору // Российское информационное агентство URA.RU. URL: http://ura.ru/articles/1036264401
10. Песков: Путин встретился с Кожемяко и Козловым перед их назначением // РИА Новости. URL: https://ria.ru/politics/20150325/1054341413.html
11. Питько О.А., Шарманова С.А. Влияние личности на построение концепции бренда // Инновационная наука. 2016. № 2-2 (14). С. 75-78.
12. Распределение российских регионов по рейтингу инвестиционного климата в 2016 году // Эксперт РА. URL: http://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2016/tab01/
13. Рейтинг губернаторов России. «Кремлевский рейтинг» губернаторов РФ на 31 октября 2016 года // Профиль. URL: http://www.profile.ru/politika/item/112101-rejting-gubernatorov-rossii
14. Рейтинг регионов по благосостоянию семей по итогам 2015 года // Риа Новости. URL: https://ria.ru/infografika/20160601/1439948246.html
15. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2015 // Риа Новости. URL: https://ria.ru/infografika/20160225/1379773088.html
16. Рейтинг социально-экономического положения регионов - итоги 2015 года // РИАрейтинг. URL: http://riarating.ru/regions_rankings/20160615/630026438.html
17. Рейтинг эффективности губернаторов. Четырнадцатый выпуск // Фонд развития гражданского общества URL: http://civilfund.ru/mat/view/101
18. Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2016 г // Информационное агентство Regnum. URL: https://regnum.ru/news/polit/2215593.html
19. Устюжина О.Н. Методические основы разработки Рейтинга социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2013. № 2. С. 79-84.
20. ФоРГО: губернатор Кожемяко был в лидерах по росту эффективности // Риа Новости. URL: https://ria.ru/politics/20150330/1055316744.html
21. Zimmerbauer K, Paasi A. When old and new regionalism collide: Deinstitutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations // Journal of Rural Studies. 2013. № 30. P. 31-40.

The role of governor's personal image in sub-federal unit's branding (on the example of Far Eastern Federal District of the Russian Federation)

Vasilina A. Popil'
Senior lecturer,
Department of communications and media,
School of Humanities,
Far Eastern Federal University
690950, 8, Sukhanova st., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: popil.va@dvfu.ru

Abstract

International and national ratings of areas are created to indicate the current state of country, region or city at a time: one month, quarter, half-year, a year. At the same time, each rating usually called an index reflects the attractiveness of the territory in a certain area and forms a regional brand to target audiences. The author's hypothesis is that the personal image of the governor of sub-federal unit ("face of the brand"), along with other indicators, affects the image of the territory and its position in the rankings. The article deals with analysis of the Far Eastern Federal District governors' positions in their efficiency ratings and the Far Eastern Federal District territorial positions in their indices correlation. Accordingly, the subject of our research is the positions of Far Eastern Federal District governors in ratings of 2016: National ranking of governors, Governors' efficiency rating and Kremlin rating, as well as the positions of the Far Eastern territories in 2015-2016 in the National rating of investment climate in the Russian Federation, Social-economical rating of the sub-federal units in the Russian Federation, the Rating of Russian regions in terms of quality of life, the Rating of the Russian regions on family well-being and Integral ranking of hundred largest cities of Russia. According to the study author identifies three groups of relations: an effective governor as an attractive image of sub-federal unit; an effective governor as an unattractive image of sub-federal unit; not very effective governor as an attractive image of sub-federal unit.

For citation

Popil' V.A. (2017) Rol' lichnogo imidzha gubernatora v brendinge sub"ekta federatsii (na primere Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga RF) [The role of governor's personal image in sub-federal unit's branding (on the example of Far Eastern Federal District of the Russian Federation)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 69-83.

Keywords

Territorial branding, personal image, governors' ratings, "Kremlin rating", territorial ratings, face of the brand (spokesperson).

References

1. *FoRGO: gubernator Kozhemyako byl v liderah po rostu ehffektivnosti* [FoRGO: Governor Kozhemyako was among the leaders in efficiency growth] (2015) Available at: https://ria.ru/politics/20150330/1055316744.html [Accessed 26/01/17].
2. *Gubernatora v otstavku* [Governor is to resign] (2013). Available at: http://amurmedia.ru/projects/164/ [Accessed 26/0/17].
3. *Integral'nyj rejting sta krupnejshih gorodov Rossii (Top – 100) po dannym 2014 goda* [Integral ranking of hundred largest cities in Russia (TOP – 100) according to 2014] (2015). Available at: http://urbanica.spb.ru/research/ratings/integralnyj-rejting-krupnejshih-gor/ [Accessed 23/12/16].
4. Kazimirchik L.V. (2014) Osobennosti ispol'zovanija politicheskih brendov na federal'nom i regional'nom urovnjah sovremennoj publichnoj politiki [Particular use of political brands at the federal and regional levels of modern public policy] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice], 10-3 (48), pp. 86-89.
5. *Kto mozhet stat' sleduyushchim Gubernatorom Habarovskogo kraya?* [Who could be the next Governor of the Khabarovsk Krai?] (2016) Available at: http://ludidv.ru/about-7/item/1545-gub27 [Accessed 26/01/17].
6. *Nacional'nyj Rejting Gubernatorov (Itogi 2016 goda)* [National Governors Rating (Results of 2016)] (2016) Available at: http://russia-rating.ru/info/11134.html [Accessed 12/01/17].
7. *Nacional'nyj Rejting Gubernatorov (Mart-Aprel', 2016)* [National Governors Rating (March-April, 2016)] (2016) Available at: http://russia-rating.ru/info/10861.html [Accessed 20/12/16].
8. *Nacional'nyj rejting sostoyaniya investicionnogo klimata sub"ektov Rossijskoj Federacii* [The national rating of the state of the investment climate of the Russian Federation] (2016) Available at: https://asi.ru/investclimate/rating/ [Accessed 23/12/16].
9. *"On sdelaet iz regiona konfetku, kotoruyu budut pokazyvat' po televizoru"* ["He'll make a candy from the region, which will be shown on TV"] (2015) Available at: http://ura.ru/articles/1036264401 [Accessed 26/01/17].
10. *Peskov: Putin vstretilsya s Kozhemyako i Kozlovym pered ih naznacheniem* [Peskov: Putin met with Kozhemyako and Kozlov before their appointment] (2015) Available at: https://ria.ru/politics/20150325/1054341413.html [Accessed 26/01/17].

11. Pit'ko O.A., Sharmanova S.A. (2016) Vlijanie lichnosti na postroenie koncepcii brenda [Influence of the personality on brand building concept] *Innovacionnaja nauka* [Innovative Science], 2-2 (14), pp. 75-78.
12. *Raspredelenie rossijskih regionov po rejtingu investicionnogo klimata v 2016 godu* [Distribution of the Russian regions rated the investment climate in 2016] (2016) Available at: http://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2016/tab01/ [Accessed 23/12/16].
13. *Rejting gubernatorov Rossii. "Kremlevskij rejting" gubernatorov RF na 31 oktyabrya 2016 goda* [Ranking of Russian governors. "The Kremlin rating" of Russian governors on October 31, 2016] (2016) Available at: http://www.profile.ru/politika/item/112101-rejting-gubernatorov-rossii [Accessed 20/12/16].
14. *Rejting regionov po blagososotoyaniyu semej po itogam 2015 goda* [Regional rating on the welfare of families on the basis of 2015] (2016) Available at: https://ria.ru/infografika/20160601/1439948246.html [Accessed 23/12/16].
15. *Rejting rossijskih regionov po kachestvu zhizni – 2015* [Ranking of Russian regions in terms of quality of life – 2015]. Available at: https://ria.ru/infografika/20160225/1379773088.html [Accessed 23/12/16].
16. *Rejting social'no-ehkonomicheskogo polozheniya regionov – itogi 2015* goda [Rating of socio-economic situation of the regions – results 2015] (2016) Available at: http://riarating.ru/regions_rankings/20160615/630026438.html [Accessed 23/12/16].
17. *Rejting ehffektivnosti gubernatorov. Chetyrnadcatyj vypusk* [Rating of efficiency of governors. Fourteenth edition] (2016) Available at: http://civilfund.ru/mat/view/101 [Accessed 26/01/17].
18. *Rejting ehffektivnosti upravleniya v sub"ektah Rossijskoj Federacii v 2016 g* [Rating of management efficiency in the Russian Federation in 2016] (2016) Available at: https://regnum.ru/news/polit/2215593.html [Accessed 26/01/17].
19. Ustjuzhina O.N. (2013) Metodicheskie osnovy razrabotki Rejtinga social'no-jekonomicheskogo razvitija subjektov Rossijskoj Federacii [Methodical bases of socio-economic development rating of the sub-entities of the Russian Federation] *Vestnik AGTU. Ser.: Ekonomika* [Herald of ASTU in Economics], 2, pp. 79-84.
20. Vinokurova A.V., Kostina E. Yu. (2015) Social'noe blagopoluchie naseleniya v kontekste regional'nogo razvitiya (na primere Primorskogo kraya) [Social welfare of population in the context of regional development (on the example of Primorsky Territory)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 6, pp. 49-53.
21. Zimmerbauer K, Paasi A. (2013) When old and new regionalism collide: Deinstitutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations. *Journal of Rural Studies*, 30, pp. 31-40.

УДК 32.019.5

Деятельность муниципальных органов власти по формированию и продвижению имиджа города (на примере г. Казани)

Миронов Сергей Александрович
Соискатель кафедры политологии,
Казанский федеральный университет,
420111, Российская Федерация, Казань, ул. Пушкина 1/55;
e-mail: mironov.s.a.kddm@mail.ru.

Аннотация

В статье рассматривается деятельность органов местного самоуправления г. Казани по формированию и продвижению имиджа города. Автор выделяет три плоскости в рамках указанной деятельности: персонифицированную, субъектную и институциональную, и рассматривает содержание каждой из них. Персонофицированная плоскость представлена деятельностью мэра города, субъектная – работой Исполнительного комитета и городской Думы, а институциональная представляет собой совокупность политических механизмов, с помощью которых осуществляется формирование и продвижение имиджа Казани (механизмы целеполагания, программно-целевой реализации городской политики, координации, коммуникации, оценки эффективности и контроля). В завершающей части статьи приводятся данные опроса жителей г. Казани, проведенные в декабре 2016 года при участии автора, с помощью которых иллюстрируется тезис об эффективности деятельности городских властей по формированию и продвижению имиджа г. Казани.

Для цитирования в научных исследованиях

Миронов С.А. Деятельность муниципальных органов власти по формированию и продвижению имиджа города (на примере г. Казани) // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 84-93.

Ключевые слова

Муниципальное управление, городская политика, имидж города, опрос общественного мнения, политология.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Современный мир постмодерна – это мир, в котором на первое место выходит не реальность как таковая, а производные от нее знаки, символы и образы. В этой связи актуальной является тема изучения имиджа городов, поскольку положительные впечатления о городе являются мощным драйвером его развития и отрыва от иных городов в конкурентной борьбе за различные ресурсы.

При рассмотрении формирования и продвижения имиджа г. Казани через призму деятельности муниципальных органов можно выделить три плоскости: 1) персонифицированную; 2) субъектную; 3) институциональную. Первая плоскость представлена деятельностью действующего мэра г. Казани И.Р. Метшина. Субъектная плоскость представлена деятельностью исполнительно-распорядительных и представительных органов местного самоуправления, в первую очередь – Исполнительного комитета г. Казани и Казанской городской Думы. Их участие в формировании и продвижении имиджа г. Казани не является персонифицированным, однако при этом именно в этой плоскости, под руководством главы города, происходит работа по формированию той реальной основы, на которой зиждется имидж города. К институциональной плоскости могут быть отнесены различные политические механизмы, значимые с точки зрения формирования и продвижения имиджа города. Это, прежде всего, механизм целеполагания – городская стратегия развития, программно-целевой механизм реализации городской политики (действующие муниципальные программы), механизмы координации (межведомственные комиссии), коммуникации (различные формы обратной связи и связи с общественностью, в т.ч. взаимодействие со СМИ), оценки эффективности и контроля.

Основная часть

Формирование и продвижение имиджа города в персонофицированной плоскости городской политики составляет значимую часть деятельности мэра города. Согласно ст. 34 Устава муниципального образования г. Казани (далее по тексту – Устав г. Казани), мэр города является высшим должностным лицом города Казани и наделяется собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Мэр города Казани организовывает и координирует деятельность городских органов местного самоуправления города, дает им поручения в соответствии с их компетенцией и контролирует их исполнение, дает разъяснения и рекомендации, вносит в соответствующие органы местного самоуправления предложения о совершенствовании их деятельности, о принятии, изменении или отмене правовых актов, а также осуществляет иные действия, обусловленные его статусом.

С точки зрения формирования и продвижения имиджа г. Казани, важны следующие функции-полномочия высшего должностного лица города, которые следуют из логики по-

ложений ст. 36 Устава г. Казани: 1) представительская – мэр г. Казани представляет город Казань и Городскую Думу в отношениях с органами местного самоуправления других муниципальных образований, органами государственной власти, гражданами и организациями; 2) распорядительная – мэр г. Казани издает в пределах своих полномочий правовые акты; 3) организационная – мэр г. Казани обеспечивает осуществление органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления.

Представительская функция мэра города, как видно, тесно связана с продвижением имиджа Казани, тогда как распорядительная и организационная функции – с его формированием. Представительская функция мэра г. Казани реализуется, в частности, во время приема в городе российских и иностранных официальных делегаций, а также во время поездок мэра и сопровождающих его лиц в другие города и страны (как самостоятельно, так и в составе республиканских, российских делегаций). Кроме того, мэр г. Казани И.Р. Метшин с 2010 по 2016 гг. являлся сопрезидентом аффилированной с ООН Всемирной организации «Объединенные Города и Местные Власти», что в значительной степени способствовало узнаванию и увеличению веса г. Казани на общемировом уровне (например, 25-28 мая 2016 г. Казань принимала у себя заседание Исполнительного бюро указанной организации, будучи первым городом в евразийском регионе, удостоенным подобной чести [В Казани с 25 по 28 мая …, 2016, www]). Мэр г. Казани также представляет город в рамках членства в иных российских и международных организациях (Международная ассоциация столиц и крупных городов, Организация городов всемирного наследия, Организацией Исламских столиц и городов, Ассоциация городов Поволжья и т.д.), а 20 октября 2016 г. И.Р. Метшин был избран заместителем председателя Комитета по актуальным вопросам Конгресса местных и региональных властей Совета Европы [Ильсур Метшин избран ..., 2016, www]. Выступая в ходе различных мероприятий, как в самой Казани, так и за ее пределами, мэр г. Казани И.Р. Метшин практически всегда рассказывает своей аудитории о стремительном развитии и преображении города. Помимо повышения известности Казани, членство в различных российских и международных организациях позволяет городу быть на передовом крае различных новаций, изучать и применять эффективные мировые практики, а также получать финансирование в рамках различных проектов. Так, например, в 2013 г. город выиграл грант по линии программы ООН «Сокращение выбросов парниковых газов от автомобильного транспорта» в размере 12 млн. руб. [Казань выиграла грант..., 2013, www].

Распорядительная и организационная функции мэра г. Казани тесно переплетаются с субъектной плоскостью городской политики, в которой формирование и продвижение имиджа города происходит за счет деятельности Исполнительного комитета и Казанской городской Думы. Согласно ст. 38 Устава г. Казани, Исполнительный комитет является исполнительно-распорядительным органом местного самоуправления, наделенным полномочиями по решению вопросов местного значения, а также по осуществлению отдельных

государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления. Структурно Исполнительный комитет состоит их территориальных и отраслевых (функциональных) органов: первые обеспечивают реализацию вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий в городских районах, а вторые – на территории всего города в пределах своих компетенций (ст. 39). Территориальные и отраслевые (функциональные) органы Исполнительного комитета осуществляют обширный спектр полномочий, касающихся самых разных аспектов функционирования и развития г. Казани (ст.40) в рамках нормативно-правового поля, которое, помимо прочего, формируется в рамках деятельности городского представительного органа – Казанской городской Думы (ст.24, 28). Тем самым и Исполнительный комитет, и Казанская городская Дума планомерно вносят свой вклад в формирование и продвижения имиджа г. Казани.

Помимо повседневной работы Исполнительного комитета важную роль контексте городской политики играют аппаратные совещания мэрии, известные под названием «Деловых понедельников», на которых обсуждаются как текущие вопросы, так и подводятся итоги деятельности тех или иных подразделений мэрии, причем подавляющее большинство обсуждаемых тем так или иначе затрагивает факторы, влияющие на имидж города. Наш анализ тем докладов, размещенных на Официальном веб-портале органов местного самоуправления города Казани, показывает, что в 2014 и 2015 годах более 80 процентов докладчиков на аппаратных совещаниях в мэрии города затрагивали те аспекты городской политики, которые связаны с формированием и продвижением имиджа Казани. Наряду с традиционными и встречающимися каждый год докладами по темам ЖКХ, благоустройства, содержания дорог, строительства и т.д., касаются докладчики и специфических, тесно связанных с имиджем города тем.

Если говорить об институциональной плоскости формирования и продвижения имиджа г. Казани на муниципальном уровне, то, безусловно, важнейшую роль здесь играет механизм целеполагания – документ стратегического планирования развития города на перспективу. Стратегия развития города Казани до 2015 г. была принята в 2003 г. Миссией и флагманскими проектами, обозначенными в этом документе, были: становление полноценного местного самоуправления («Город горожан»); поддержка инноваций в экономике и обществе на основе межсекторного партнерства («Котел, выплавляющий новое»); развитие межконфессиональных, межкультурных контактов («Врата Востока в центре России»), а также улучшение первичной среды жизнедеятельности – жилья и социальной инфраструктуры – в ходе реформирования ЖКХ и развития жилищной сферы (мегапроект «Надежный дом, удобный район») [Стратегия развития г. Казани до 2015 г., 2003, 31]. Таким образом, с точки зрения городского имиджа, флагманские проекты Стратегии основывались как на необходимости осуществления преобразований общеэкономического и общесоциального характера, так и развития уникальных черт, которые характерны для Казани (в частности, многонациональной и поликонфессиональной среды). Предлагаемые проекты были при-

званы оказать общий положительный эффект на социальную, экономическую, культурную сферы, а следовательно – улучшить восприятие Казани.

С февраля 2016 г. в городе началась разработка нового стратегического документа – Стратегии социально-экономического развития г. Казани до 2030 г. В ней ставится гораздо более амбициозная цель – превратить Казань в город, который вписывается в содружество мировых городов, столицу талантов, толерантности и технологий, лидера российской экономики знаний [Ильсур Метшин провел…, 2016, www]. В декабре 2016 г. документ был утвержден на заседании Казанской городской Думы [В Казани утвердили…, 2016, www].

Деятельность в рамках направлений, развитие которых необходимо для достижения главной цели развития г. Казани, осуществляется с помощью программно-целевого механизма и предусматривает реализацию муниципальных программ, которые принимаются Казанской городской Думой (ст. 28 Устава г. Казани). Целый ряд действующих в г. Казани целевых программ напрямую воздействуют на факторы, формирующие имидж г. Казани. Так, четыре программы направлены на решение жилищно-коммунальных проблем – две на обеспечение население жильем (Программа «Жилье горожанам на 2007 – 2027 гг.» и Муниципальная программа «Переселение граждан из жилищного фонда, признанного не пригодным для проживания, в Казани» на 2013-2017 гг.), одна – на развитие коммунальной инфраструктуры («Программа комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры Казани на период с 2010 по 2020 год») и еще одна – на проведение капитального ремонта жилого фонда («Краткосрочный план реализации Региональной программы капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, расположенных на территории Казани»). Развитие транспортного обеспечения жителей Казани осуществляется в рамках «Программы развития МУП «Метроэлектротранс» на 2013-2017 годы». Свою лепту в формирование положительного имиджа г. Казани вносили и вносят «Муниципальная программа по укреплению гражданского согласия в Казани на 2014-2018 годы», «Программа развития малого предпринимательства в Казани на 2014-2016 годы», а также «Комплекс программных мер по реализации антикоррупционной политики в Казани на 2015-2020 годы» и т.д. [Перечень целевых программ…, www]. Отдельного упоминания заслуживает программа «Развитие туризма в г. Казани на 2016-2018 годы» [Программа «Развитие туризма…, www].

При этом нельзя упускать из виду, что текущий имидж города во многом сформировался за счет муниципальных программ, которые были реализованы в предыдущие 10-15 лет, а также разных значимых, с точки зрения имиджа города, проектов, связанных с улучшением тех или иных аспектов городской среды. Например, в 2007 г. в городе была принята новая схема пассажирского движения в Казани, а затем произошло постепенное обновление автопарка маршрутных транспортных средств: вместо маршрутных такси обслуживать пассажиров начали низкопольные автобусы большей вместимости. В дальнейшем работа по обновлению парка общественного транспорта продолжились и по состоянию на конец 2015 г. Казань была единственным городом в России, в котором около 95 процентов автобусов

были низкопольными, обеспечивающими комфорт для маломобильных групп населения [Отчет…, www]. Другое «имиджевое» направление – городское благоустройство, и в этом отношении, помимо прочего, важную роль сыграли такие проекты, как «Зеленый рекорд» и «Сто скверов», акция «Цветущая Казань», связанные с посадкой в городе деревьев, кустарников и цветочным оформлением улиц города.

Механизм координации в рамках городской политики оказывает влияние на имидж города посредством обеспечения взаимодействия различных структур при реализации тех или иных направлений городской политики. В первую очередь это касается вопросов обеспечения безопасности в городе – за координацию деятельности по этому направлению отвечают Межведомственная комиссия по профилактике правонарушений в Казани, Антитеррористическая комиссия в Казани, а также Рабочая группа по профилактике правонарушений, совершаемых иностранными гражданами в Казани. Остальные межведомственные комиссии выполняют координирующие функции в тех потенциально проблемных сферах, в которых необходимо объединение усилий различных муниципальных исполнительных органов и представителей общественности. К значимым из них, с точки зрения влияния на факторы, влияющие на имидж города, можно отнести: Комиссию по координации работы по противодействию коррупции в Казани, Антинаркотическую комиссию в Казани, Городскую комиссию по повышению уровня жизни и легализации доходов, Координационный совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям в Казани и Муниципальную комиссию по реализации законодательства о языках Республики Татарстан в Казани [Межведомственные комиссии, www].

Механизмы коммуникации имеют существенное значение с точки зрения формирования и продвижения имиджа в контексте городской политики. В частности это связано с необходимостью довести до сведения общественности выполняемую на уровне муниципалитетов работу. Например, согласно ст. 4 городского Устава органы местного самоуправления города обязаны через СМИ и иными способами регулярно информировать жителей о наиболее важных вопросах текущей жизнедеятельности и перспективного развития города и его отдельных территорий. Такая коммуникация не только выполняет функцию отчета местных властей перед населением, но и вносит вклад в формирование в публичном восприятии мозаики тех или иных впечатлений, составляющих имидж города. Важной в этом отношении является деятельность пресс-центра казанской мэрии, который выкладывает на официальный веб-портал города пресс-релизы, фото- и видео-материалы, выступления мэра города и доклады с т.н. «Делового понедельника» – аппаратного совещания мэрии Казани [Пресс-центр, www].

К слову сказать, согласно ст.28 Устава г. Казани мэр города и глава Исполнительного комитета ежегодно выступают с отчетами о проделанной работе, подводя итоги предыдущего года и обозначения будущую перспективу развития города. Подобные отчеты являются важными элементами конструирования имиджа города, не только потому, что они выделяют достигнутые городом успехи, но и потому, что обозначают текущие вызовы и желаемый образ будущего.

В качестве эффективного канала обратной связи зарекомендовал себя сервис «Народный контроль», функционирующий при Портале государственных услуг Республики Татарстан (uslugi.tatar.ru), на котором ведется прием и контроль за исполнением жалоб граждан на различные аспекты городской жизни (вопросы благоустройства / уборки территорий, состояния дорог, наличие несанкционированных свалок и пр.). Всего в 2015 году в территориальные и структурные подразделения Исполнительного комитета г. Казани посредством сервиса «Народный контроль» поступило 14062 уведомления (в 2014 г. этот показатель составил 11336 уведомлений) [Отчет…, www].

Кроме того, на городском веб-портале города Казани работает Интернет-приемная, принимающая вопросы, жалобы и обращения граждан [Интернет-приемная, www]. К слову сказать, ответы муниципальных органов власти частично публикуются в открытом доступе, позволяя интересующимся гражданам получить информацию по типичным вопросам не дожидаясь официального ответа в течение положенных по закону 30 дней. В 2015 г. через Интернет-приемную мэрии Казани поступило 20550 обращений граждан (в 2014 г. – 20 148, в 2013 г. – 21 456), преимущественно связанных с вопросами благоустройства (29%), жилищно-коммунального хозяйства (24%), жилищной политики и образования (по 6%). В том же году через систему портала было размещено 22 485 ответов на обращения граждан (в 2014 г. –18 498) [Отчет…, www].

Механизмы оценки эффективности и контроля, помимо текущего контроля за деятельностью подразделений Исполнительного комитета г. Казани (сроки, результативность управленческой деятельности), включают в себя такой важный с точки зрения формирования имиджа города компонент, как рейды и проверки исполнения контрольных поручений. Подобные мероприятия позволяют оценить качество работы территориальных и отраслевых (функциональных) подразделений Исполнительного комитета и подведомственных ему учреждений, замеряя эффект от реализации городской политики на местах, т.е. взглянуть на эффективность принимаемых и реализуемых решений с точки зрения горожан и выявить имеющиеся недочеты с целью их последующего устранения.

Оценки населения свидетельствуют о том, что работа городских властей по формированию и продвижению имиджа г. Казани является в целом эффективной. Так, согласно данным опроса 400 жителей Казани, проведенного в декабре 2016 года при участии автора, 96,7 процента респондентов заявили, что им нравится жить в городе (61,2% – «очень нравится», 35,5% – «скорее нравится»). Почти две трети опрошенных (60,7%) твердо заявили, что никуда не собираются переезжать из города, а 95 процентов участников исследования полагает, что Казань нравится гостям города и туристам (52,9% – «очень нравится», 42,1% – «скорее нравится»). Кроме того, исследование показало, что горожане оценивают качество жизни в городе как в целом удовлетворительное и считают свой город привлекательным, культурным, инновационным, оригинальным и европейским.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что работа по формированию и продвижению имиджа г. Казани осуществляется различными субъектами городской власти и в рамках различных направлений своей деятельности. Эта работа носит многоплановый и многоаспектный характер: отдельные действия органов муниципальной власти напрямую связаны с формированием и продвижением имиджа города, другие же формируют соответствующую основу и предпосылки. Исходя из оценок населения, деятельность городских властей по формированию и продвижению имиджа г. Казани можно признать в целом эффективной.

Библиография

1. В Казани с 25 по 28 мая пройдет заседание Исполнительного бюро ОГМВ // Официальный веб-портал органов местного самоуправления города Казани. – 2016. 19 мая.
2. В Казани утвердили Стратегию социально-экономического развития города до 2030 года // Официальный веб-портал органов местного самоуправления города Казани. 2016. 14 декабря.
3. Ильсур Метшин избран в Комитет Совета Европы // Официальный веб-портал органов местного самоуправления города Казани. 2016. 20 октября.
4. Ильсур Метшин провел заседание Совета по вопросу разработки Стратегии-2030 // Официальный веб-портал органов местного самоуправления города Казани. 2016. 7 сентября.
5. Интернет-приемная // Официальный веб-портал органов местного самоуправления города Казани.
6. Казань выиграла грант по линии ООН на борьбу с пробками // Бизнес онлайн. 2013. 9 октября.
7. Межведомственные комиссии // Официальный веб-портал органов местного самоуправления города Казани.
8. Отчет о деятельности руководителя Исполнительного комитета г. Казани и деятельности Исполнительного комитета г. Казани за 2015 год // Официальный веб-портал органов местного самоуправления города Казани.
9. Перечень целевых программ г. Казани // Официальный веб-портал органов местного самоуправления города Казани.
10. Пресс-центр // Официальный веб-портал органов местного самоуправления города Казани.
11. Программа «Развитие туризма в Казани на 2016-2018 годы» // Официальный веб-портал органов местного самоуправления города Казани.
12. Стратегия развития г. Казани до 2015 г. СПб.: Леонтьевский центр, 2003.
13. Устав муниципального образования города Казани: утв. решением Казанской городской Думы от 17 декабря 2005 г. №3-5 // Казанские ведомости. 2005. 30 декабря.

The activities of local government related to formation and promotion of city image (the case of Kazan city)

Sergei A. Mironov
Postgraduate
Department of Political Science,
Kazan Federal University,
420111, 1/55, Pushkina street, Kazan, Russian Federation;
e-mail: mironov.s.a.kddm@mail.ru

Abstract

The article deals with the process of city image promotion and formation within the framework of local government's activities. Kazan city has been chosen as a case to illustrate the main characteristics of aforementioned process and the author analyzes how this process evolves on three different layers: 1) personified layer, which is represented by activities of Kazan city Mayor; 2) subject layer, which is viewed in terms of activities undertaken by Kazan Executive committee and City Duma (local legislative body); and 3) institutionalized layer, made of a set of political mechanisms aimed at facilitating the process of city image formation and promotion. The latter include mechanisms of goal-setting (city strategy) and local special purpose programs, as well as coordination, communication, control and assessment mechanisms. Presented analysis is backed up with the results of the survey, that was conducted in December, 2016 and which led the author to conclude that the process of Kazan's image formation and promotion is realized efficiently as a whole. Work on the formation and promotion of the image of Kazan is carried out by various subjects of the city government and within the framework of various areas of its activities. This work has a multidimensional and multidimensional character: certain actions of municipal authorities are directly related to the formation and promotion of the image of the city, while others form the appropriate basis and premises.

For citation

Mironov S.A. (2017) Deyatel'nost' munitsipal'nykh organov vlasti po formirovaniyu i prodvizheniyu imidzha goroda (na primere g. Kazani) [The activities of local government related to formation and promotion of city image (the case of Kazan city)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 84-93.

Keywords

Municipal government, urban politics, city image, public opinion survey, politics.

References

1. *Il'sur Metshin izbran v Komitet Soveta Evropy* (2016) [Ilsur Metshin has been elected to the Council of Europe Comitee]. Official web-site of Kazan city local government. 20th Oct.
2. *Il'sur Metshin provel zasedanie Soveta po voprosu razrabotki Strategii-2030* (2016) [Ilsur Metshin has chaired the meeting of Council working on developing the Strategy-2030].
3. *Internet-priemnaya* [Online reception]. Official web-site of Kazan city local government.
4. *Kazan' vyigrala grant po linii OON na bor'bu s probkami* (2013) [Kazan has been granted the UN funding for reducing traffic jam].
5. *Mejvedomstvennye komissii* [Interdepartmental commissions]. Official web-site of Kazan city local government.
6. *Otchet o deyatel'nosti rukovoditelya Ispolnitel'nogo komiteta g.Kazani I deyatel'nosti Ispolnitel'nogo komiteta g.Kazani za 2015 g.* [The report on activities of Head of Executive committee of Kazan city and Executive committee of Kazan city for the year 2015]. Official web-site of Kazan city local government.
7. *Perechen' tselevyh programm g. Kazani* [The list of special purpose programs of Kazan city]. Official web-site of Kazan city local government.
8. *Press-tsentr* [Media and public relations centre]. Official web-site of Kazan city local government.
9. *Programma "Razvitie turizma v g. Kazani na 2016-2018 gody"* [Program of tourism development in Kazan for years 2016-2018]. Official web-site of Kazan city local government.
10. *Strategiya razvitiya g. Kazani do 2015 g.* (2003) [Strategy of development of Kazan city till the year 2015]. Saint-Petersburg.
11. *Ustav municipal'nogo obrazovaniya goroda Kazani* (2005) [Charter of municipal entity of Kazan city]. Kazanskie vedomosti. 30th Dec.
12. *V Kazani s 25 po 28 maya proidet zasedanie Ispolnitel'nogo byuro OGMV* (2016) [UCLG executive board meeting to be held in Kazan from 25 to 28th of May]. Official web-site of Kazan city local government, 19th May.
13. *V Kazani utverdili Strategiyu sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya goroda do 2030 goda* (2016) [Strategy for socio-economic development till the year 2030 has been approved in Kazan]. Official web-site of Kazan city local government, 14th Dec.

УДК 323.2

Политическая модернизация в России: историко-политологический анализ

Прядкина Ирина Михайловна

Аспирант кафедры политологии и политического управления,
Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
394005, Российская Федерация, Воронеж, Московский пр-т, 143;
e-mail: Pryadkina.irina-101@yandex.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

В современной России модернизация является важным вопросом и темой для экспертных и научных дискуссий. Нынешний XXI век характеризуется началом реализации крупномасштабного проекта модернизации. Модернизационные процессы становятся важнейшим вектором развития политики и экономики будущего. В данной статье раскрывается понятие политической модернизации, анализируется исторический опыт становления и развития политической системы и ее институтов в России, причины, вызывающие необходимость процесса модернизации. Рассматриваются основные проблемы реализации модернизационных мероприятий политической системы на современном этапе, а также возможные варианты политических трансформаций. Особое внимание автор уделяет модернизационным стратегиям президентов России М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина и В.В. Путина. Так же рассматривается курс на политическую модернизацию в период президентства Д.А. Медведева (2008-2012 гг.).

Для цитирования в научных исследованиях

Прядкина И.М. Политическая модернизация в России: историко-политологический анализ // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 94-101.

Ключевые слова

Политическая модернизация, модель политического развития, государство, реформы, перестройка.

Введение

Если обобщить опыт реформационных преобразований в России, то можно сказать, что многочисленные попытки проведения модернизации, предпринимавшиеся в нашем госу-

дарстве, приобрели характер продолжительной исторической тенденции со своими специфическими чертами, преобразующими традиционные варианты развития.

В настоящее время представляет немалый интерес осмысление специфики модернизационных проектов, имевших место в истории России, поскольку это может помочь спрогнозировать будущее и предугадать результаты нынешней модернизации.

Важной составляющей комплексной модернизации является политическая модернизация. С точки зрения научной теории политическая модернизация является составной частью исторического процесса модернизации – перехода от традиционного к современному обществу (модерну), то есть обществу с индустриальной, рыночной экономикой, правовым регулированием общественных отношений и политической системой либерально-демократического типа [Доленко, 2012, 118].

Сегодня под политической модернизацией понимается процесс создания эффективных властных институтов, формирование компетентной бюрократии, расширение участия масс в политике, становление правового государства, формирование гражданского общества. В социально-историческом контексте модернизацию принято трактовать как макропроцесс полной или частичной «реконструкции» общественной системы с целью ускорения ее развития перехода от традиционного общества к обществу модерна [Горшков, 2013, 4].

Историко-политологический анализ модернизационных стратегий президентов России

Для того чтобы понять специфику проведения политической модернизации в России, необходимо проанализировать исторический опыт становления и развития политической системы и ее институтов.

С этой точки зрения интерес представляют три модели политического развития, выделенные доктором политических наук, профессором Н.П. Медведевым:

1) «горбачевская модель» по перестройке советской системы в условиях гласности;

2) «ельцинская модель» радикальных политических и экономических реформ;

3) «путинская модель» авторитаризма и централизации [Медведев, 2011,10].

Политическая реформа, осуществленная в СССР в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, получила название «перестройка», инициировала масштабные преобразования в политике, экономике, общественной жизни страны.

Первые шаги в направлении демократизации общества были связаны с ослаблением административного контроля над средствами массовой информации и с переходом к политике гласности. В результате граждане получили доступ к ранее недоступной информации небывалых масштабов как о происходящем в текущей жизни страны, так и о неприглядных событиях советского прошлого.

Особо важное значение для периода перестройки имела отмена статьи советской Конституции о руководящей роли коммунистической партии, что положило конец монополии на власть этой партии и открыло дорогу становлению новых политических сил. После этого начался этап радикальных институциональных перемен: становление многопартийной системы, введение конкурентных выборов органов государственной власти, создание новых демократических институтов.

Результаты перестройки и гласности государство получило в виде политической оппозиции в лице независимых народных депутатов СССР и РСФСР в 1989-1990 гг. Это было первое за советский период истинное публичное столкновение интересов власти и народа, которое, в конечном итоге, переросло в серьезный политический конфликт между элитами [Медведев, 2011, 11].

Однако попытки экономических, а затем и политических реформ во время правления М.С. Горбачева окончились еще большим углублением экономического кризиса и распадом государства.

Новое руководство России во главе с Б.Н. Ельциным продолжало горбачевские начинания. Благодаря механизмам ельцинских решительных действий, была проведена приватизация, появилась частная собственность. Власть стала осуществляться на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Также в Российской Федерации была проведена конституционная реформа.

По мнению Д.В. Доленко, начало радикальных рыночных реформ в России фактически положило начало новому этапу постсоциалистической модернизации. Эта модернизация была «трансформацией одного типа современного общества – социалистического – в другое – либерально-рыночное, где основными институтами являются частная собственность, политический и идеологический плюрализм, правовое государство, разделение властей и т. д.». [Доленко, 2012, 119].

По мнению Н.П. Медведева, в политическом плане самой значимой потерей периода ельцинских реформ стали действия власти по дискредитации, а затем почти полной ликвидации политической оппозиции как автономного и важнейшего института для переходных обществ. В России практически исчезла свободная и конкурентная политическая среда. Именно эти обстоятельства привели к ослаблению политико-партийного влияния на процесс принятия управленческих решений [Медведев, 2011,12].

Но модернизационные идеи Б.Н. Ельцина исчерпали себя. Действия следующего Президента В.В. Путина по централизации власти в России с целью восстановления единого конституционно-правового пространства и политической стабильности были как никогда кстати для разочаровавшегося в реформах российского общества.

В период его первого президентского срока внимание акцентировалось на необходимости укрепления вертикали власти.

В Послании Федеральному Собранию весной 2004 года Президент РФ сконцентрировал внимание на самых важных для граждан страны проблемах – качестве и доступности медицинского обслуживания, образования, жилья.

При определении социальных инициатив федеральных органов власти России была выбрана тактика конкретных шагов по решению наиболее острых проблем в сфере образования, здравоохранения, жилищного и сельского хозяйства.

В.В. Путин 5 сентября 2005 г. выступил с программным заявлением по осуществлению приоритетных национальных проектов в важнейших социальных областях: «Здоровье», «Образование», «Жилье», «Развитие АПК» [Иванов, Казанцев, Карпенко, 2007, 24].

Для их воплощения в жизнь Указом Президента РФ был создан Совет при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике.

Как доказывает опыт передовых государств, именно социальная область стала локомотивом развития для передовых государств, превратилась из фактора стабильного общества в фактор экономического развития.

В марте 2012 года президент обозначил пять основных приоритетов развития страны:

1. Демографическая состоятельность российского государства;

2. Сохранение и обустройство российского пространства. Особое внимание должно быть уделено развитию Сибири и Дальнего Востока;

3. Предоставление новых рабочих мест;

4. Построение новой устойчивой экономики;

5. Укрепление позиций России в мире, прежде всего через новую интеграцию на евразийском пространстве. «Наш следующий шаг – запуск с 2015 года проекта Евразийского экономического союза» [Путин, 2012, www].

Итак, Президенту и правящей политической элите для успешного преобразования страны необходимо было придать процессам реформирования целенаправленный и управляемый характер.

Старт курса на политическую модернизацию Д.А. Медведева

Помимо трех моделей, которые описывал Н.П. Медведев, отдельно можно выделить «медведевскую» модель политического развития.

Будучи президентом России, Д.А. Медведев видел необходимость полномасштабной и радикальной модернизации и назвал это вопросом «выживания нашей страны в современном мире» [Медведев, Послание президента…, 2009, www].

В 2009 году в Послании Федеральному Собранию РФ Д.А. Медведев делает акцент на политической и «человеческой» составляющей: «Первый опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии… Вместо архаичного общества, в котором вожди думают

и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей» [Медведев, 2009, www]. Такая формулировка подразумевает демократический характер самого процесса модернизации уже на нынешнем этапе его развертывания и одновременно указывает на современное и демократическое общество как конечную цель этого процесса [Макаренко, 2010, 91].

Д.А. Медведев сформулировал основные постулаты политической модернизации, большинство из которых сводилось к реформированию партийного и избирательного законодательства:

1) снижение порога прохода в Государственную Думу с 7% до 5%;

2) упрощенный вариант выдвижения кандидатов на выборах различных уровней без сбора подписей;

3) изменение порядка формирования Государственной Думы и Совета Федерации;

4) возвращение прямых выборов губернаторов [Воржецов, 2010, www].

В статье «Россия, вперед!» Д.А. Медведев выделил одно из направлений политической модернизации в России: «партии и их коалиции будут формировать федеральные и региональные органы исполнительной власти…, выдвигать кандидатов на пост главы государства, руководителей регионов и местного самоуправления» [Медведев, Россия вперед, 2009, www]. Однако до сих пор по существу не сформулированы основные контуры по реализации программы политической модернизации в России.

Петухов Владимир Васильевич, руководитель Центра комплексных социальных исследований ИС РАН, отметил, что «несмотря на масштабность произошедших в стране изменений, посткоммунистическая Россия до сих пор характеризуется многими отечественными и зарубежными аналитиками как общество «переходного типа», перспективы дальнейшей эволюции которого представляются весьма неопределенными» [Петухов, 2011, 49].

Заключение

Таким образом, в России модернизация всегда имела свою специфику. Во-первых, она диктовалась необходимостью догоняющего развития. Во-вторых, она всегда проводилась сверху, по воле верхов, которые осознавали на определенном этапе развития страны опасность ее отставания.

Все президенты современной России, предлагая свою модель развития и управления, рассчитывали на эффективные конечные результаты принимаемых управленческих решений, но в конечном итоге не сумели до конца адаптировать политическую систему к жестким условиям российской жизни.

России сегодня нужны преобразования, основанные на современной адаптации всей политической системы к меняющимся реалиям. Путь к успешному проведению политической модернизации должен лежать через процессы демократии. Весь вопрос в том, как пойдет этот процесс.

Библиография

1. Воржецов А.Г. Политическая модернизация в России: реальность и перспективы // Политическое образование. 2010. № 3. URL: http://www.lawinrussia.ru/politicheskaya-modernizatsiya-v-rossii-realnost-i-perspektivy
2. Горшков М.К. Модернизационный потенциал идентичности // Россия реформирующаяся. 2013. № 12. С. 3-20.
3. Доленко Д.В. Политическая модернизация России // Социально-политические науки. 2012. № 2. С. 118-121.
4. Иванов А.И., Казанцев В.О., Карпенко М.Б. Приоритетные национальные проекты – идеология прорыва в будущее. М.: Европа, 2007. 116 с.
5. Макаренко Б.И. Российская модернизация: целеполагание в сфере политики // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 91-103.
6. Медведев Д.А. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. 2009. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/5979
7. Медведев Д.А. Россия, вперед! 2009. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413
8. Медведев Н.П. Постсоветская Россия: модели модернизации // Вестник БИСТ. 2011. № 2. С. 8-18.
9. Петухов В.В. Перспективы политической модернизации в России и развитие гражданской активности населения // Вестник института социологии. 2011. № 3. С. 47-66.
10. Путин назвал пять приоритетов развития России. URL: http://info.tatcenter.ru/article/113612/

Political modernization in Russia: historical and political analysis

Irina M. Pryadkina

Postgraduate at the Department of Political Science and Management,
Voronezh Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
394005, 143 Moskovskii pr-t, Voronezh, Russian Federation;
e-mail: Pryadkina.irina-101@yandex.ru

Abstract

Object. The subject of the article is the study of presidential attempts at political modernization in Russia. The goal of the article is the analysis of models of political development, which was formed by the Russian presidents. **Methodology.** The research methodology is

based on methods of comparative and political analysis. **Results.** The paper conceders the main problems of implementation of modernization measures at the present stage, as well as possible options in political transformations. The article also deals with the modernization strategies of the Russian presidents M.S. Gorbachev, B.N. Yeltsin and V.V. Putin. The author pays special attention to the course on political modernization during the presidency of D.A. Medvedev during 2008-2012. The received results of research can be used in courses on political history and political science. **Conclusion.** The author comes to the conclusion that a great deal of interest today is the understanding of the specifics of the modernization projects that took place in Russia's history, as it can help to predict the future and results of the current modernization. The article goes on to say that Russia today needs conversion, based on a modern adaptation of the political system to changing realities. The path to a successful political modernization must be through the processes of democracy.

For citation

Pryadkina I.M. (2017) Politicheskaya modernizatsiya v Rossii: istoriko-politologicheskii analiz [Political modernization in Russia: historical and political analysis]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 94-101.

Keywords

Political modernization, model of political development, state, reforms, restructuring.

References

1. Dolenko D.V. (2012) Politicheskaja modernizacija Rossii [Political Modernization of Russia]. *Social'no-politicheskie nauki* [Socio-Political Sciences], 2, pp. 118-121.
2. Gorshkov M.K. (2013) Modernizacionnyj potencial identichnosti [Modernization potential of identity]. *Rossija reformirujushhajasja* [Reforming Russia], 12, pp. 3-20.
3. Ivanov A.I., Kazancev V.O., Karpenko M.B. (2007) *Prioritetnye nacional'nye proekty – ideologija proryva v budushhee* [Priority national projects: an ideology of the breakthrough to the future]. Moscow: Evropa Publ.
4. Makarenko B.I. (2010) Rossijskaja modernizacija: celepolaganie v sfere politiki [Russian Modernization: The Goal-setting in Politics]. *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics], 1, pp. 91-103.
5. Medvedev D.A. (2009) *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii* [Presidential Address to the Federal Assembly (Russia)]. Available at: http://www.kremlin.ru/transcripts/5979 [Accessed 18/01/17].
6. Medvedev D.A. (2009) *Rossija, vpered!* [Forward, Russia!]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413 [Accessed 18/01/17].

7. Medvedev N.P. (2011) Postsovetskaja Rossija: modeli modernizacii [Post-Soviet Russia: models of modernization]. *Vestnik BIST* [Bulletin of Bashkir Institute of Social Technologies], 2, pp. 8-18.
8. Petuhov V.V. (2011) Perspektivy politicheskoj modernizacii v Rossii i razvitie grazhdanskoj aktivnosti naselenija [Prospects ofpolitical modernization in Russia and development of civil activity of the population]. *Vestnik instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 3, pp. 47-66.
9. *Putin nazval pjat' prioritetov razvitija Rossii* [Putin called five priorities of development of Russia]. Available at: http://info.tatcenter.ru/article/113612/ [Accessed 18/01/17].
10. Vorzhecov A.G. (2010) Politicheskaja modernizacija v Rossii: real'nost' i perspektivy [Political modernization in Russia: reality and prospects]. *Politicheskoe obrazovanie* [Political education], 3. Available at: http://www.lawinrussia.ru/politicheskaya-modernizatsiya-v-rossii-realnost-i-perspektivy [Accessed 18/01/17].

УДК 323

Молодежная политика как механизм формирования и реализации социальной ответственности власти

Руднева Елена Леонидовна

Аспирант,

Томский политехнический университет,

634050, Российская Федерация, Томск, ул. Ленина, 30;

e-mail: elena0792@yandex.ru

Аннотация

В статье представлен анализ особенностей молодежной политики в различных регионах в качестве механизма для формирования и реализации социальной ответственности власти. Исследование содержит обзор работ, посвященных современному положению молодежи в мире. Представлен обзорный анализ нормативных источников, фиксирующих основы реализации молодежной политики. Определен код молодежной политики как механизма социальной ответственности власти. Атрибутом социальной и профессиональной деятельности молодого человека становится наличие конкурентной борьбы. Благополучие молодого человека становится его собственной заботой. Здесь реализация социальной ответственности власти заключается в образовании конкурентной площадки для социальной и профессиональной деятельности молодого человека. Можно предположить, что формальный код отечественной молодежной политики представляет ценность активного гражданского участия молодежи, ее преобразующей деятельности. Однако фактически код молодежной политики направлен на достижение личного успеха личности, через который достигается прогресс государства.

Для цитирования в научных исследованиях

Руднева Е.Л. Молодежная политика как механизм формирования и реализации социальной ответственности власти // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 102-113.

Ключевые слова

Социальная ответственность власти, молодежь, молодежная политика, молодежная политика, социальная политика, политика.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Механизмы реализации социальной ответственности власти выражают себя через реализацию специализированной политики, проводимой институтами власти. В рамках данной работы мы сосредоточим свое внимание на реализации направлений политической деятельности институтов власти, которые реализуют интересы молодежи как незащищенной группы населения.

Особое внимание именно к молодежной политике как механизму реализации социальной ответственности власти, по нашему мнению, связано с возрастными психологическими и социальными особенностями молодого поколения. В рамках данной работы мы не будем подробно останавливаться на психолого-педагогических особенностях молодого поколения. Мы рассмотрим некоторые социальные и возрастные особенности молодежи для обоснования нашего выбора молодежной политики как явного механизма реализации социальной ответственности власти.

Особенности молодежи как социальной группы

Согласно российскому законодательству молодежью является социально-демографическая группа населения в возрасте от 14 до 30 лет, в некоторых случаях возрастные границы могут быть расширены (в частности, молодым ученым является исследователь в возрасте до 35 лет, молодой семьей – семья, в которой хотя бы один из супругов моложе 35 лет). По мнению отечественного исследователя, И.В. Кирдяшкина, основным значением, присущим молодежи, является переходность. Исследователь отмечает, что переходность с одной стороны означает возрастные особенности молодого человека, определяющие его ментальные потребности. С другой стороны, сосредоточение культурных установок, определенных социальными, культурными факторами [Кирдяшкин, 2012, 173]. Немецкий социолог Г. Шельски отмечает, что переходность как свойство молодого человека связано с переходом молодого человека из детского возраста во взрослую жизнь, его адаптации к новым социальным реалиям. Осложнение процесса для адаптации молодого человека приводит к тому, что сегодня расширяются возрастные границы юношеского возраста. Молодой человек находится между двумя реальностями: авторитетом семьи и ее влиянием на поведение молодого человека и новыми обезличенными структурами, с которыми молодой человек должен взаимодействовать [Ковалева, Луков, 1999, 4].

Наибольшего успеха в изучении особенностей молодого поколения достигли представитель рискологического подхода. Так ученые В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок отмечают, что риск является основным свойством молодежи. Риск, по мнению исследователей, связан с переменой в традициях передачи социального опыта между поколениями. Ситуация неопределенности, связанная со сменой политических реалий в нашем государстве, повлияла

на ценностный кризис поколений. Старшее поколение в новых условиях не смогло стать авторитетом для молодого поколения, передать ему ценности и традиции, так как само оказалось в ситуации неопределенности. В сложившейся ситуации неопределенности молодое поколение было вынуждено само искать новые ориентиры. Однако уже М.Ф. Достоевский в одном из своих писем писал о неопределенности как атрибутивном свойстве юношеского периода: «…наше юное поколение обречено само отыскивать себе идеалы и высший смысл жизни. Но это-то отъединение их, это-то оставление на собственные силы и ужасно. Это вопрос слишком, слишком значительный в теперешний момент, в теперешний миг нашей жизни. Наша молодежь так поставлена, что решительно нигде не находит никаких указаний на высший смысл жизни. От наших умных людей и вообще от руководителей своих она может заимствовать в наше время, повторяю это, скорее лишь взгляд сатирический, но уже ничего положительного, – то есть во что верить, что уважать, обожать, к чему стремиться, — а всё это так нужно, так необходимо молодежи, всего этого она жаждет и жаждала всегда, во все века и везде! А если бы и смогли и в силах еще были ей передать что-нибудь из правильных указаний в семье или в школе, то опять-таки и в семье и в школе (конечно, не без некоторых исключений) слишком уж стали к этому индифферентны за множеством иных, более практических и современно-интересных задач и целей». Таким образом, мы можем предположить, что проблема адаптации молодежи в меняющихся социальных условиях, определение ей ценностных ориентаций является одной из актуальных проблем молодого поколения в различные периоды нашей истории. В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс в работе «Молодежь в обществе риска» отмечают, что для молодого поколения более свойственно стремление к новому, неизведанному и они не осознают возможные последствия своих действий в ситуации неопределенности, а потому более предрасположены к рискам. Исследователи отмечают, что доминанта риска является основной характеристикой молодежи [Чупров, Зубок, 2001, 3]. Социально-экономические кризисы ухудшили положение молодежи и повлияли на формирование конфликтов с другими поколениями. Таким образом, возник новый для молодого поколения риск неопределенности жизненного пути [Чупров, Зубок, 2001, 2]. Возможность данного риска связана также с высоким уровнем безработицы среди молодого поколения. Отсутствие профессиональной ориентации у молодого поколения приводит к тому, что молодой человек может задержаться в маргинальной группе, не найдя профессионального призвания; с другой стороны молодой человек получает профессиональное образование, которое не соответствует его жизненным ожиданиям. Данные факторы оказывают влияние на повышение уровня безработицы молодежи. По данным ООН, несмотря на то, что современное поколение молодежи, признано самым образованным, уровень ее занятости в неформальном секторе составляет от 40 до 50% в государствах с переходной экономикой.

А.В. Репринцев справедливо полагает, что для молодого поколения свойственен дуализм сознания. Молодой человек имеет представление о том, как необходимо вести себя в различных ситуациях, имеет представление о нравственных ценностях и нормах, однако

он не видит подтверждения данным принципам в реальной жизни. Это приводит к кризису идентичности молодого человека, потери жизненных ориентиров [Репринцев, 2009, 71-80]. Отсутствие реальных примеров желаемого поведения у молодого человека формирует его предрасположенность к участию в социально-неодобряемой деятельности: экстремизме, противоправной деятельности, а также к другим формам девиантного и делинквентного поведения. В вышеуказанном произведении, Ф.М. Достоевский также пишет: «Молодежь шестого декабря на Казанской площади (революционная демонстрация, произошедшая 6.12.1876г. на Казанской площади в Санкт-Петербурге под руководством членов организации «Земля и воля»), без сомнения, лишь «настеганное стадо» в руках каких-то хитрых мошенников, судя по крайней мере по фактам, указанным «Московскими ведомостями»; что выйдет и что окажется из этого дела — я далее ничего не знаю. Без сомнения, тут дурь, злостная и безнравственная, обезьянья подражательность с чужого голоса, но всё же их могли собрать, лишь уверив, что они собраны во имя чего-то высшего и прекрасного, во имя какого-то удивительного самопожертвования для величайших целей. Пусть даже это «искание своего идеала» слишком в немногих из них, но эти немногие царят над остальными и ведут их за собою, это-то уже ясно. Что же, кто виноват теперь, что их идеал так уродлив? Уж конечно, и сами они, но ведь и не одни они. О, без сомнения, даже и теперешняя окружающая их действительность могла бы спасти их от их уродливой оторванности от всего насущного и реального, от их грубейшего непонимания самых простых вещей; но в том-то и дело, что наступили, значит, такие сроки, что оторванность от почвы и от народной правды в нашем юнейшем поколении должна уже удивить и ужаснуть даже самих «отцов» их…» . Молодежь традиционно считалась одним из основных творцов истории, ее потенциал при возможности мог стать основным инструментом социальных перемен. Р.И. Зинурова, А.Р. Тузиков полагают, что основными причинами предрасположенности молодого человека к делинквентному поведению являются отсутствие политического воспитания молодежи, информационное давление на молодого человека, с которым он не может справиться, усиление миграционных процессов [Зинурова, Тузиков, 2012, 345].

Перечисленные выше особенности молодого поколения: интеллектуальный и социальный потенциал, социальная активность, риск как доминанта поведения молодого поколения, нахождение в ситуации неопределенности и отсутствие жизненных ориентиров определяют необходимость реализации особой политики в отношении молодежи. Признание данных особенностей молодежи органами реализации молодежной политики позволяет нам определить молодежную политику как особый механизм реализации социальной ответственности власти, а также механизма формирования социальной ответственности власти. Решение проблем молодого поколения в качестве социально-незащищенной группы в рамках молодежной политики позволяет нам предполагать, что представленный ниже анализ зарубежного и отечественного опыта молодежной политики может быть наиболее явной демонстрацией механизмов реализации и формирования социальной ответственности власти.

Основы молодежной политики в странах Европы

Молодежная политика представляет собой систему государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий для эффективной социализации и самореализации молодежи, развития ее потенциала в интересах государства. Молодежная политика представляет собой инструмент социально-экономического и культурного развития молодежи, достижение национальной безопасности страны и укрепления ее конкурентоспособности.

Как отмечает И.В. Кирдяшкин, в странах Европейского союза молодежная политика исполняет роль социальной интеграции и популяризации европейских традиционных культурных ценностей. Исследователь пишет, что молодежная политика в странах ЕС призвана пропагандировать важную роль участия молодого человека в общественно-политической жизни общества, осознание необходимости построения гражданского общества. И.В. Кирдяшкин отмечает, что Совету Европы принадлежит наднациональная роль в формировании трендов молодежной политики для государств, ее приоритетных мер и ценностей [Кирдяшкин, 2012, 131]. Молодежь, по мнению Совета Европы, является основной движущей силой, способной накапливать человеческий капитал и участвовать в общественно-экономическом развитии государств [Соколов, 2009, 85]. Именно признание потенциала молодежи, осознание ее важной роли в построении государства поспособствовало активной законотворческой деятельности Совета Европы в области молодежной политики.

Белая книга по молодежной политике «Новый стимул для европейской молодежи» (White Paper on Youth) стала первым европейским документом в области молодежной политики. Документ был принят 21 ноября 2001г. Европейской комиссией. Европейский Парламент стремился к сотрудничеству между государствами и децентрализованным методам осуществления молодежной политики в странах ЕС, внедрению инноваций в реализацию мер по улучшению жизни молодежи, поэтому был создан такой план действий, который имел бы максимально практическую направленность. С созданием белой книги впервые реализация молодежной политики стала обязанностью всех государств – членов ЕС [Reding, 2001, 5].

Белая книга провозглашает ценность молодежного участия в развитии государств. По признанию членов комиссии, работавших над данным документом, ранее основные предложения по строительству Европы исходили от людей в возрасте от 15 до 25 лет. Поддержание интереса молодежи к политике требовало создание особых условий для проявления молодыми людьми своей гражданской позиции, удовлетворения их потребности в преобразующей деятельности [Reding, 2001, 5]. Создатели Белой книги, провозглашая приоритет молодежного участия, приняли во внимание неудовлетворенность молодежи традиционными формами участия в общественной жизни, предложили новые пути для социальной активности молодежи [Кирдяшкин, 2012, 131]. Отметим, что в документе важной является проблема информированности молодого поколения о политической и социальной ситуации в странах Европы [Георгиенко, 2010, 4]. Белая книга дала толчок для координации действий

между государствами, выработке общих целей и совместных усилий решения молодежных проблем. Основными направлениями работы в сфере молодежной политики согласно данному документу являются:

– интеграция молодежи: 1. социальное включение уязвимых категорий молодежи; 2. обеспечение свободного доступа к образованию, 3. адаптация в переходе от образовательной ступени к профессиональной деятельности, 4. повышение благополучия и автономии молодых людей, 5. равный доступ к культурным и социальным мероприятиям, 6. поддержка диалога между поколениями [Перфильева, 2008, 5];

– информационная стратегия – информирование молодежи по реальной ситуации в странах, привлечение молодежи к выпуску информационных продуктов;

– волонтерская деятельность – развитие добровольческой, социальной активности молодежи.

Создание Белой книги послужило стимулом для реализации различных молодежных проектов. Значительных результатов достиг Европейский молодежный информационный портал, который стал основной платформой по информационному обеспечению молодежи по темам волонтерской деятельности, прав молодых людей, информации о странах Европы, активной гражданственности, территориальной мобильности. На данный момент в ЕС реализованы программы: «Инициативы для молодежи», «Совместные меры», «Сопутствующие меры».

Принята (актуальная сегодня) программа «Молодежь в действии», которая занимается поддержкой молодежных инициатив.

Важным документом является Европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне. Документ был разработан Конгрессом местных и региональных властей Европы. Данный документ охватывает основные проблемные области молодежной сферы, а также вопросы по реализации молодежной политики в странах Европы. Однако европейская хартия об участии молодежи носит скорее рекомендательный характер для государств Европейского союза. Принятие данного документа в качестве ориентира при реализации молодежной политики является добровольным для каждого государства. Разделы Европейской хартии посвящены основным областям деятельности, в которые должна быть вовлечена молодежь: социальная сфера, культура и спорт. Институты власти, согласно данному документу, должны поддерживать и развивать досуговую систему молодежи; совместно с молодыми людьми должны реализовывать меры по устранению проблем безработицы, оказывать помощь в профессиональной адаптации молодого человека; вовлекать молодых людей в процесс принятия решений, а также общественных работ по строительству и реконструкции жилых помещений; образовательные институты должны способствовать созданию молодыми людьми советов самоуправления; реализовывать информационные проекты о здоровьесберегающих технологиях для молодежи, а также создавать специальные курсы, на которых молодым людям рассказывалось о том, как реализовать свой потенциал, выстраивать деловые отношения.

Европейская хартия об участии молодежи – первый документ, в котором признается субъектная позиция молодого человека в реализации молодежной политики. Особое внимание в данном документе уделяется механизмам вовлечения молодежи в решение, выше описанных проблем. В качестве основных инструментов выступают молодежные организации, которые призваны обеспечить ресурсы для активного участия молодого человека в решении различных проблем [Пастухова, 2011, 59]. По мнению И.В. Кирдяшкина, особым направлением деятельности институтов ЕС стало взаимодействие государства и молодежных объединений. Молодежные организации стали основным институтом взаимодействия государства и молодежи. Молодежные объединения, по мнению исследователя, обеспечивают легитимные возможности урегулирования и мониторинг молодежных проблем самой молодежью [Кирдяшкин, 2012, 132].

Исследователь О. Кузьмина отмечает, что сегодня можно выделить два основных направления реализации молодежной политики в развитых странах. Первое направление основано на помощи социально незащищенным – «неблагополучным» категориям молодежи. В Австрии основной акцент молодежной политики смещен на неформальное образование молодежи, ее поддержку в решении различных специфических проблем, и принятия самостоятельных решений [Кирдяшкин, 2012, 132]. Австрия является одним из немногих государств, в котором существуют специализированные законы по молодежной политике: федеральный закон о поддержке молодежи, федеральный закон о молодежном представительстве, федеральный закон о молодежной благополучии и др.

Второе направление (характерно для центральной и Северной Европы) основано на интеграции молодежи всех категорий в процесс принятия решений, участие в общественно-политической жизни общества. В Германии ответственность за интеграцию молодежи в общественно-политическую жизнь, реализацию молодежных программ возлагается на Федеральное министерство по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи. Министерство подготавливает законодательную базу по защите и реализации интересов молодежи в различных социальных областях. При немецком правительстве существует специальная комиссия по исследованию положения молодежи в современном обществе. Особая роль в реализации молодежной политики отводится деятельности молодежных организаций, участниками которых являются более половины молодого населения Германии.

В Великобритании молодежная политика является ответственностью специальных национальных юрисдикций Англии, Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса. Молодежная политика носит комплексный характер и охватывает все проблемные области молодежной жизни. Особое внимание в странах королевства уделено проблемам предупреждения ранней взрослой жизни подростков. К таким проблемам относится высокий уровень подростковой беременности (4% от общего числа приходится на матерей в возрасте 12-18 лет). Реализация молодежной политики направлена на предотвращение случаев девиантного поведения подростков, сохранение их физического и психологического здоровья. Актуальной

проблемой остается молодежная преступность в бедных кварталах Британии. Реализуются меры по смягчению последствий экономического спада для молодежи, в частности, его трудоустройства [Wylie, 2013, 1].

Обратимся к отечественному опыту реализации молодежной политики. Государственная молодежная политика (далее ГМП) одновременно воспринимает молодежь в качестве объекта и субъекта преобразующей деятельности. С одной стороны стратегия реализации ГМП до 2016 года провозглашает необходимость создания условий для социализации молодежи, популяризации среди молодых людей ценности гражданского участия. С другой стороны ГМП признает потенциал молодежи в преобразующей, инновационной деятельности. Важное место в реализации ГМП занимают молодежные общественные организации, призванные реализовать потенциал молодежи, повысить ее гражданственность и степень ее участия в принятии общественно значимых решений [Ильинский, Луков, 2008, 6]. Стратегия ГМП до 2016 г. провозглашает следующие цели:

– социальное, культурное, физическое развитие молодежи;

– предотвращение дискриминации молодых людей по возрастному признаку;

– создание условий для включения молодежи в культурную, общественно-политическую, экономическую сферы развития государства;

– реализация личного потенциала молодого человека;

– реализация инновационного потенциала молодежи;

– создание условий для созидательной деятельности молодежи в различных сферах жизни общества.

Обновленная стратегия развития ГМП до 2025 года обозначает следующие цели реализации ГМП:

– обеспечение экономической конкурентоспособности молодежи, ее адаптивность к меняющимся экономическим условиям;

– обеспечение социальной конкурентоспособности молодежи;

– обеспечение культурной конкурентоспособности молодежи.

Для достижения поставленных целей Стратегии ГМП, ее создатели обозначают следующие приоритетные направления реализации молодежной политики на различных уровнях:

– повышение качества профессионального образования через развитие сектора формального, неформального и информального образования молодежи;

– поддержка талантливой молодежи, реализация ее инновационного потенциала через поддержку молодежных проектов и стартапов;

– профессиональная ориентация молодежи;

– реализация мер по трудоустройству молодежи;

– пропаганда здорового образа жизни;

– профилактика правонарушений среди молодежи;

– формирование духовно-нравственных ценностей молодежи, ее нравственного здоровья;

– поддержка молодых семей;
– взаимодействие с молодежными организациями;
– адаптация молодых мигрантов;
– реализация мер финансового регулирования.

Заключение

Данный обзорный анализ международного и отечественного опыта реализации молодежной политики предлагает нам две мировые тенденции реализации молодежной политики. С одной стороны это ориентация различных институтов власти на поддержку социально незащищенных представителей молодого поколения, их успешную адаптацию в социальной реальности. С другой стороны западные страны провозглашают тенденции молодежной политики в области интеграции молодого поколения, его участия в процессе принятия решений, формирования активной гражданской позиции. По мнению И.В. Кирдяшкина, формальный код молодежной политики презентует мировую направленность на социальную толерантность, признание традиционных европейских ценностей, личностное развитие молодого человека, гражданского участия и инициативности, осознание себя творцом собственной жизни и общества. Молодежная политика сохраняет тенденцию децентрализации реализации молодежной политики, интеграции молодого поколения в этот процесс. Власть формирует ожидания молодежи, в которых реализация социальной ответственности власти лежит в поле создания условий для самореализации молодежи, способствование межкультурному диалогу молодого поколения из различных стран, реализации его преобразующего потенциала в интересах общества. Таким образом, власть делегирует часть ответственности за социальные преобразования, устойчивое развитие регионов, духовное и физическое развитие личности, степень его благополучия молодому человеку, через его участие в деятельности различных социальных институтов (образовательные учреждения, молодежные организации, семья и др.).

Анализ отечественных стратегий реализации ГМП показывает нам тенденцию смещения акцентов ГМП с создания условий для гармоничного развития всех групп молодежи, ценности совместной деятельности на достижение личностного успеха молодого человека. Атрибутом социальной и профессиональной деятельности молодого человека становится наличие конкурентной борьбы. Благополучие молодого человека становится его собственной заботой. Здесь реализация социальной ответственности власти заключается в образовании конкурентной площадки для социальной и профессиональной деятельности молодого человека. Можно предположить, что формальный код отечественной молодежной политики представляет ценность активного гражданского участия молодежи, ее преобразующей деятельности. Однако фактически код молодежной политики направлен на достижение личного успеха личности, через который достигается прогресс государства.

Библиография

1. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р. Тренды молодежной политики за рубежом // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. №. 10. С.345-348.
2. Ильинский И.М., Луков В.А. Государственная молодежная политика в России: философия преемственности и смены поколений // Знание. Понимание. Умение. 2008. №. 4. С.5-14.
3. Кирдяшкин И.В. Молодежь как дефиниция перехода // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. №. 6. С.173-177.
4. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999.
5. Пастухова Л.С. Проблемы политического участия молодежи // Власть. 2011. №. 6. С.58-60.
6. Перфильева О.В. Ключевые приоритеты будущей европейской молодежной политики и механизмы ее реализации: повестка 2020 // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2008. Т. 3. №. 6. С. 4-9.
7. Репринцев А.В. Духовно-нравственная культура общества как фактор формирования антикоррупционного стандарта поведения личности: что может воспитание? // Психолого-педагогический поиск. 2009. №3 (11). С.71-80.
8. Соколов А.В. Современные институты молодежной политики в Европе: история становления и развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. Т. 4. №. 1. С.84-99.
9. Reding V. A new impetus for European youth: a contract for the future. Committee on Culture, Youth, Education, the Media and Sport, 2002.
10. Wylie T. Youth Policy in the United Kingdom // Youth and Policy. 2013. P. 1-10.

The youth policy as the mechanism of formation and implementation of social responsibility of power

Elena L. Rudneva
Postgraduate,
National Research Tomsk Polytechnic University,
634050, 30, Lenin Ave., Tomsk, Russian Federation;
e-mail: elena0792@yandex.ru

Abstract

This scientific article presents an analysis of the peculiarities of youth policy in various regions as a mechanism for the formation and realization of social responsibility of the

authorities. The study contains an overview of works devoted to the current situation of youth in the world. The review of normative sources, fixing the bases for the implementation of youth policy, is presented in this paper. The code of youth policy as a mechanism of social responsibility of the government is defined in this scientific article. The attribute of the social and professional activity of a young person becomes the presence of a competitive struggle. The well-being of a young people becomes their own concern. Here, the realization of the social responsibility of the authorities consists in the formation of a competitive platform for the social and professional activities of the young person. It can be assumed that the formal code of the domestic youth policy represents the value of active civic participation of young people, its transformative activity. However, in fact, the youth policy code is aimed at achieving personal success, through which the state's progress is achieved. This overview offers an analysis of international and domestic experience in the implementation of youth policy offers us two global trends in the implementation of youth policy.

For citation

Rudneva E.L. (2017) Molodezhnaya politika kak mekhanizm formirovaniya i realizatsii sotsial'noi otvetstvennosti vlasti [The youth policy as the mechanism of formation and implementation of social responsibility of power]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 102-113.

Keywords

Social responsibility of the government, youth, youth policy, social policy, policy.

References

1. Il'inskii I.M., Lukov V.A. (2008) Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v Rossii: filosofiya preemstvennosti i smeny pokolenii [State Youth Policy in Russia: Philosophy of Succession and the Changing of Generations]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 4, pp. 5-14.
2. Kirdyashkin I.V. (2012) Molodezh' kak definitsiya perekhoda [Youth as a definition of transition]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Herald of Tomsk Polytechnic University], 321, 6, pp.173-177.
3. Kovaleva A.I., Lukov V.A. (1999) *Sotsiologiya molodezhi: Teoreticheskie voprosy* [Sociology of youth: Theoretical questions]. Moscow: Sotsium Publ.
4. Pastukhova L.S. (2011) Problemy politicheskogo uchastiya molodezhi [Problems of political participation of young people]. *Vlast'* [Power], 6, pp.58-60.
5. Perfil'eva O.V. (2008) Klyuchevye prioritety budushchei evropeiskoi molodezhnoi politiki i mekhanizmy ee realizatsii: povestka 2020 [Key priorities of the future European youth policy

and mechanisms for its implementation: agenda 2020]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika* [Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy], 3, 6, pp. 4-9.

6. Reding V. (2002) *A new impetus for European youth: a contract for the future.* Committee on Culture, Youth, Education, the Media and Sport.
7. Reprintsev A.V. (2009) Dukhovno-nravstvennaya kul'tura obshchestva kak faktor formirovaniya antikorruptsionnogo standarta povedeniya lichnosti: chto mozhet vospitanie? [Spiritual and moral culture of society as a factor in the formation of an anti-corruption standard of personal behavior: what can upbringing be?]. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk* [Psychological and pedagogical search], 3 (11), pp. 71-80.
8. Sokolov A.V. (2009) Sovremennye instituty molodezhnoi politiki v Evrope: istoriya stanovleniya i razvitiya [Modern institutions of youth policy in Europe: the history of formation and development]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika* [Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy], 4, 1, pp.84-99.
9. Wylie T. (2013) Youth Policy in the United Kingdom. *Youth and Policy*, pp. 1-10.
10. Zinurova R.I., Tuzikov A.R. (2012) Trendy molodezhnoi politiki za rubezhom [Trends of youth policy abroad]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan Technological University], 15, 10, pp. 345-348.

УДК 32.019.5

Русский мир Севастополя на рубеже XX–XXI веков: основные характеристики и особенности

Островская Инна Валериевна

Соискатель,

Научный сотрудник,

Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя,

299011, Российская Федерация, Севастополь, Исторический бульвар, 1;

e-mail: ostrov-33@mail.ru

Аннотация

В представленной статье автором проводится анализ социально-демографических особенностей локального (местного) сообщества, при этом делается акцент на его характерных мировоззренческих ориентирах, тесно взаимосвязанных с духовно-нравственными ценностями Русского мира. Отдельно фиксируется наличие у значительной части сообщества русской в своей основе самоидентификации. В статье выделяются основные характеристики Русского мира Севастополя на рубеже XX–XXI веков. Среди них гражданская и политическая активность населения, разнообразная общественная деятельность православных общественных организаций Украинской православной церкви Московского патриархата, традиционный ориентир значительной части населения на связь с Россией и странами СНГ. Отдельное внимание уделяется совокупности экономического, социального, демографического факторов в жизни локального (местного) сообщества, оказавших значительное влияние на формирование устойчивых, стабильно проявляющихся приоритетов с пророссийской направленностью. В статье анализируется роль Черноморского флота в продвижении привлекательного образа России. Отмечается уникальный опыт взаимодействия инструментов мягкой (общественные объединения пророссийской направленности) и жесткой силы (ЧФ РФ) России в геополитически важном пункте Черноморско-Средиземноморского региона.

Для цитирования в научных исследованиях

Островская И.В. Русский мир Севастополя на рубеже XX–XXI веков: основные характеристики и особенности // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 114-125.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Ключевые слова

Русский мир, локальное сообщество, Севастополь, Черноморский флот, общественные православные объединения, гражданская активность, самоидентификация, культурно-историческое наследие, неправительственные общественные объединения, социокультурные ориентиры.

Введение

Сегодня особое внимание в российском политикуме уделяется глобальному проекту «Русский мир», как составляющей политики «мягкой силы» России на международной арене. Существует несколько подходов к понятию «Русский мир». Так В.А. Тишков [Тишков, 2007, www], Н.Н. Нарочницкая [Нарочницкая, 2015], рассматривают «Русский мир» как транснтинентальное сообщество, объединенное причастностью к России и лояльностью к русской культуре. Осмысляя данный феномен О. Батанова, определяет его как «состоящий из России как материнского государства и русского зарубежья, объединяющего людей, которые независимо от национальности ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и неравнодушны к ее делам и судьбе» [Батанова, 2009, 158-160]. В.А. Никонов акцентирует внимание на цивилизационном значении России для глобального мироустройства [Никонов, 2015]. Автор осмысляет значение концепции «Русский мир» в формировании российской национальной идеи. Работы исследователей крымской научной школы сосредоточены на рассмотрении концепции «Русский мир» и понятия, находящегося в его основе, так же с точки зрения культурно-цивилизационного феномена. В данном направлении работают Е.Б. Ильянович, Д.Е. Муза, Ф.В. Лазарев [Русская цивилизация…, 2015], Т.А. Сенюшкина [Сенюшкина, 2014], А.В. Ишин [Ишин, 2015].

По мнению крымского ученого А.С. Филатова, возвращение Крыма и Севастополя в состав РФ в 2014 году так же необходимо рассматривать как действие культурно-цивилизационного характера, когда политические средства лишь способствуют решению исторически назревших задач [Филатов, 2015]. В российском научном сообществе крайне ограничено число исследований по крымской проблематике. Отдельно следует отметить практически полное отсутствие работ по Севастополю, на протяжении многих веков в отечественной истории, являвшегося военно-морской базой на юге России, центром украинско-российского взаимодействия на рубеже XX–XXI веков, геополитически важном пункте Черноморско-Среднеземноморского региона.

Разделяя точку зрения крымских ученых, считаем, что стоит рассматривать понятие «Русский мир» в качестве тождественного таким понятиям как российское социокультурное пространство, которое исторически совпадает с территориями Российской империи и СССР. В центре исследования факторы, повлиявшие на устойчивость социокультурных ориентиров Русского мира Севастополя. В данном контексте так же рассматривается роль Черноморского флота, как его проводника и связующего с Россией звена.

Основные социально – демографические характеристики

На рубеже XX–XXI веков Севастополь – это отдельный город-регион и территориально-административная единица, военно-морская база двух флотов. Это традиционно самый густонаселенный город Крыма с высокой долей городского населения (94%) и его плотностью (437,8 чел/кв. км) [Статистический сборник. Севастополь…, 1999, 2-4]. Максимальная численность населения в постсоветский период приходилась на 1994 год и составляла 416200 тыс. человек, затем она стала снижаться и в 2001 г. была 377200 тыс., начиная с 2005 года ситуация стала меняться в связи с повышением уровня рождаемости и к 2013 г. численность населения стала возрастать и достигла – 383437 человек [Чисельність населення…, 2013, www].

Возрастная характеристика населения города отличалась значительной долей людей пенсионного возраста, число которых в условиях снижения численности населения росло. Так, по данным Городского статистического управления Севастополя, численность военных пенсионеров (МО, СБУ, Нацгвардии, МВС) в 2004 году составляла 111200 человек, пенсионеров среди гражданского населения – 92708, важно учесть и пенсионеров Министерства обороны РФ, бывших военнослужащих ЧФ РФ, проживающих в городе после выхода на пенсию [Звіт голови…, 2004, 11]. Средний возраст подавляющего числа пенсионеров города составлял 55-70 лет.

По итогам Всеукраинской переписи 2001 г. русские составляли 71,6%. от общей численности населения города. Русский язык родным считали 90,6% его жителей, 6,8% родным считали украинский язык. Характерным для Севастополя было подавляющее большинство представителей компактно проживающей русской общины, вместе с тем украинская община являлась второй по численности и составляла 22,4% от общей численности населения, крымских татар на территории города-региона проживало крайне мало (1 тыс. 858 человек) [Національний склад…, 2003, 11].

По итогам Всеукраинской переписи населения Севастополь, был единственным городом-регионом в Украине, где численность этнических русских за двенадцать лет после последней переписи увеличилась на 30 100 человек. С.А. Тархов, комментируя итоги Всеукраинской переписи, характеризует Севастополь и Крым как составляющие русскоязычной этнической зоны на юге Украины [Тархов, 2004].

Коренными жителями города являлись лишь несколько процентов населения. Для 60% горожан Севастополь не являлся родным городом. Губительны для населения были годы Великой Отечественной войны и оккупации. Сразу после освобождения Севастополя (9 мая 1944 г.) в нем насчитывалось около 2000 человек, а уже к 19 мая этого же года население стало прибывать в связи с началом восстановления городского хозяйства и составляло около 10787 человек [http://www.krimoved-library.ru/books/krim-1944-vesna-osvobozhdeniya12.html-bookmark32#bookmark32 ГАРФ: Ф. 7021. Оп. 9. Д. 46. Л. 21].

Важно сказать и о религиозно – конфессиональной составляющей местного (локального) сообщества. По данным Отдела по делам религий Севастопольской городской государственной администрации к августу 1994 г. в городе было зарегистрировано 27 религиозных обществ, а в 2004г. уже 100 обществ различных конфессий [Белоглазов, 2002]. Большая часть общин и все приходы, образовавшиеся после передачи органами власти религиозным общинам культовых зданий, находились в подчинении Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП). На протяжении всего украинского периода в истории города, несмотря на конфессиональное многообразие, доминирующей в городе по числу приходов и верующих оставалась УПЦ МП, обеспечивая тем самым стабильность в религиозно-конфессиональной жизни.

В течение второй половины 1990-х гг. в городе в целом оформилась церковно-административная структура Севастопольского благочиния Симферопольской и Крымской епархии УПЦ МП. Особенностью Севастополя применительно к православной конфессии можно считать нахождение в его современных границах древнего Херсонеса, сыгравшего исключительную роль в истории православия на русских землях, святыни которого являются символом принадлежности к русской православной цивилизации.

Факторы влияющие на устойчивость социокуотурных ориентиров Русского мира в условиях политической трансформации украинского государства

Совокупность экономического, социального, демографического факторов оказала значительное влияние на формирование устойчивых мировоззренческих ориентиров локального сообщества, его русскую самоидентификацию. В основе данных ориентиров были любовь к России и стремление к воссоединению с ней как с исторической родиной, признание духовно-нравственных ориентиров православной церкви, как духовной и объединяющей основы Русского мира, традиций русской культуры, языка, стремление к воссозданию единства восточнославянского мира под эгидой России.

Среди основных факторов, влияющих на устойчивость ориентиров Русского мира, была высокая гражданская активность населения, а так же постоянная деятельность православных общин Украинской православной церкви Московского патриархата, не только религиозно-конфессиональная, но и общественная.

На рубеже XX–XXI веков наблюдалось разнообразие форм общественного участия населения, высокая политическая активность, что было в большей мере связано с комплексом межгосударственных, российско-украинских проблем по базированию ЧФ РФ. С начала 1990-х гг. вплоть до 1997 года «пророссийский вектор» отчетливо прослеживался в деятельности большинства организаций в связи с неопределенностью статуса и условий пребывания ЧФ и его базы в Севастополе [Бабинов, Островская, 2015, 97]. Подавляющая

часть населения города выступала за российский статус города. После подписания Договора «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве» между Россией и Украиной, деятельность русских и пророссийских организаций была переформатирована и ушла в социокультурное русло. Следующий сильный толчок к самоорганизации населения произошел вследствие «оранжевой революции» 2004 года в Киеве, которая положила начало ускоренной ревизии традиционных ценностей, мировозренческих ориентиров в украинском социуме. Активная украинизация общественной жизни, образовательной деятельности, медийного пространства при абсолютном лингво-культурном доминировании русского языка, вызвали негативную реакцию населения, в очередной раз консолидировав его в противодействиях официальной власти. Работая в правовом поле Украины, прибегая к мерам легального характера, севастопольские общественные объединения обращались к защите культурной, языковой, исторической идентичности русского населения. Среди основных направлений деятельности организаций в нач. 2000-х было не только отстаивание гражданских прав русских, русскоязычных, но и формирование массового русскокультурного движения на полуострове, борьба с так называемой «украинизацией» школ. Традиционно общественные объединения выступали против политики евроатлантической интеграции Украины, в поддержку Черноморского флота.

Если говорить о формах консолидации православных, то к ним можно отнести центры православного просвещения, объединения, созданные на базе приходов, объединения православных граждан на профессиональной основе, организации православной молодежи, православные казачьи общины. Следует отметить, что для верующих именно православные приходы становятся основными центрами общественной консолидации. Основная роль общественных православных организаций для локального (местного) сообщества состояла в духовно-идеологическом объединении на основе общих духовных, христианских ценностей, терпимости, добрососедства.

На протяжении многих лет украинские власти постоянно стремились «перемаркировать» историко-культурный ландшафт полуострова [Полунов, 2011, 6-7]. Поэтому не случайно полем острых дискуссий становятся проблемы, связанные с исторической топонимикой, мемориальными комплексами и памятными датами. Сопротивление данной тенденции в Севастополе активно оказывали общественные объединения, одним из основных направлений в деятельности которых была работа по пропаганде героических страниц отечественной истории, по сохранению памятников истории и культуры. В 2004 году, согласно реестру недвижимых памятников, объектов культурного наследия национального и местного значения по г. Севастополю, на территории города и пригорода числилось 2073 памятника истории и культуры разных эпох (Реестр недвижимых памятников…). Весь пласт культурно-исторического наследия был задействован в учебно-образовательной деятельности среди школьников, молодежи, в массовой просветительской работе учреждений культуры, музеев города, так же при активном взаимодействии с общественными объединениями.

Взаимоотношения с Черноморским флотом РФ

Крым и расположенный на его юго-западной оконечности Севастополь, территория со всех сторон обособленная, имеющая связь с «большой землей» лишь через перешеек на севере полуострова. Обособленность в силу географического расположения, а так же комплекс социально-экономического, демографического, религиозно-конфессионального, этнокультурного факторов повлияли на формирование в Крыму специфического регионального сообщества. Территориально-административной особенностью специфичного Крымского региона было расположение на его площади города Севастополя с отдельным специальным статусом, который, хотя и был прописан в Конституции Украины, фактически не был подкреплен государственной законодательной базой. Присутствие на территории Севастополя основной базы Черноморского флота РФ являлось причиной, которая обусловила специальный статус и оказала непосредственное влияние на внутреннюю обстановку в самом Севастополе и отношения с Киевом [Усов, 2003, 21].

По Соглашениям, подписанным в 1997 году вместе с «большим» Договором между РФ и Украиной и ратифицированным парламентами обеих государств, в Севастополе находилась основная база ЧФ РФ. Важно заметить, что российская военно-морская база не была локализована: военные части, объекты инфраструктуры и жилые дома военнослужащих ЧФ располагались по всему городу. Это создавало практически полную интегрированность военного флота в гражданскую жизнь.

ЧФ РФ так же выступал и как отдельный субъект экономики Севастополя. Службы обеспечения, военные, гражданские заказы на заводах ЧФ серьезно (до 30%) увеличивали поступления в местный бюджет, гарантируя занятость населения. Традиционно на протяжении более двух десятков лет Российская Федерация являлась самым большим внешнеторговым партнером и источником инвестиций для города. Так же совершенствовалась городская социальная инфраструктура. На территории города для ЧФ РФ за период с 1992 по 2004 год на средства российской стороны было возведено 164 объекта социального назначения, доступ к которым имели так же жители города – украинские граждане [Шершнев и др., 2006, 42].

Менталитет населения, боевые и трудовые традиции города из поколения в поколение формировались в неразрывной связи с базированием, обеспечением, обслуживанием Черноморского флота. Возрождение и развитие Севастополя как военно-морской базы шло в условиях «холодной войны». В связи с этим совершенствовалась военно-морская инфраструктура, возводились предприятия ВПК, научные центры обеспеченные оборонзаказом, обеспечившие работой тысячи горожан. Кризис и распад Союза поставил перед жителями Севастополя сложные вопросы идентификации, поэтому, достижения и успехи советского прошлого оказывали значительное влияние на формирование приоритетов населения в его самосознании и идентификации.

Значительные средства выделялись флотом и его главным шефом г. Москвой на сохранение и продвижение привлекательного образа России на протяжении всего украинского периода в истории базы флота и города. Присутствие на территории города ЧФ РФ благоприятствовало эффективному взаимодействию с российскими благотворительными фондами («Москва – Севастополь», «Русский мир», НПО «Институт стран СНГ» и др.) способствовало активной военно-партиотической деятельности общественных объединений ветеранов ВОВ, объединений советских офицеров, оказывая им так же материальную поддержку [Болгов, 2005, 153].

Наличие инфраструктуры флота применялось и для продвижения престижа российского высшего образования. В 2000 г. при непосредственном участии ЧФ РФ был открыт Черноморский филиал Московского государственного университета (ЧФ МГУ), где на конкурсной основе был открыт набор из числа украинских граждан, что оказывало ощутимое влияние на формирование мировоззрения местной молодежи, позволяло вести просветительскую, разъяснительную деятельность среди населения по вопросам поддержкисоотечественников.

Заключение

Для Севастополя распад СССР обернулся болезненной ломкой устоявшихся связей и традиций. В ходе сложных внутригосударственных трансформаций и внешнеполитических взаимодействий в границах города оформляется локальное сообщество, обладающее специфическими особенностями менталитета, политической идентификации, с устойчивыми социокультурными приоритетами. В орбиту Русского мира в значительной степени вовлекается население среднего и старшего возраста, имевшее высокую гражданскую и политическую активность, опыт самоорганизации. В условиях политической трансформации украинского государства большое значение для формирования и популяризации духовно-нравственных ориентиров Русского мира имела активная общественная деятельность Русской православной церкви. Единство верующих и клира по вопросу о юрисдикционной принадлежности своих приходов являлось важным фактором стабильности социума, его цивилизационного выбора. Традиционно для деятельности большинства общественных объединений, благотворительных фондов, неправительственных организаций, работавших в Севастополе, был характерен «пророссийский вектор», чему способствовало нахождение на территории города основной базы ЧФ РФ. Анализ социально-экономической и общественно-политической ситуации обозначенного периода указывает на реализацию эффективного взаимодействия инструментов мягкой и жесткой силы России в данном регионе, проявляет уникальный опыт их эффективной взаимосвязи в геополитически важном регионе.

Библиография

1. Бабинов Ю.А., Островская И.В. Русские общественные объединения Крыма: трансформация политического участия // Социально-гумманитарные знания. 2015. № 1. С. 94-105.
2. Батанова О.Н. Русский мир и проблемы его формирования: дис. ...канд. политических наук. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2009. 163 с.
3. Белоглазов Р.Н. Приоритеты в межконфессиональных отношениях г. Севастополя (1991-2001 гг.): проблемы и перспективы // Культура народов Причерноморья. 2002. № 37. С. 128-134.
4. Болгов В. Мосты дружбы. Украина – Россия. К.: Полиграфкнига, 2005. 208 с.
5. Государственній Архив Российской Федерации. Ф. 7021. Оп. 9. Д. 46. Л. 21.
6. Звіт голови Севастопольскоїміської державної адміністрації за 2004 роком. Севастополь, 2005. 40 с.
7. Ишин А.В. Цивилизационное измерение Русского мира // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 3. С. 19-33.
8. Нарочницкая Н.А. Сосредоточение России. Битва за Русский мир. М.: Книжный мир, 2015. 320 с.
9. Національний склад населення України та його мовні ознаки. За данными Всеукраінського препису населення 2001 року. К.: Державний комитет статистики, 2003. 60 с.
10. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М.: Изд-во Московского университета, 2015. 880 с.
11. Островская И.В. Русские общественные объединения Республики Крым и консолидация регионального сообщества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (2). С. 148-151.
12. Полунов А.Ю. Власть, идеология и проблемы исторического самосознания: русское население Крыма в 2005-2010 гг. // Государственное управление. 2011. № 28. С. 1-12.
13. Реестр недвижимых памятников, объектов культурного наследия национального и местного значения по г. Севастополю. Севастополь: Управление культуры Севастопольской государственной городской администрации, 2004. 90 с.
14. Русская цивилизация: уникальные феномены и культурные универсалии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2015. 381 с.
15. Сенюшкина Т.А. Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора // Проблема суверенности современной России: Материалы Всерос. Науч. Общ. Конф. М.: Наука и политика, 2014. С. 182-191.
16. Статистический сборник. Севастополь. Севастополь: Государственный комитет статистики Украины, 1999.
17. Тархов С.А. Итоги переписи населения Украины 2001 года // Сборник докладов IV Сократических чтений по географии. Научные теории и географическая реальность. М.: Эслан, 2004. С. 144-164.

18. Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии. 2007. URL: www.valerytishkov.ru
19. Усов С.А. Проблема Черноморского флота и Севастополя в условиях распада Российской империи и СССР (историко-политический анализ). Севастополь: ЭКОСИ-ГИДРОФИЗИКА. 2003. 382 с.
20. Филатов А.С. Геополитика России в культурно-цивилизационном измерении. Крымский аспект. 2015. URL: http://www.materik.ru/personnel/
21. Чисельність населення на 1 січня 2013 року (население на 01.01.2013) // Севастопольские известия. 2013. URL: https://sevzakon.ru/view/pressa/gazeta/
22. Шершнев Л.И. и др. Крым. Севастополь. Россия. История, геополитика, будущее. М.: Фонд национальной и международной безопасности, 2006. 432 с.

Russian world of Sevastopol at the turn of XX–XXI centuries: basic characteristics and features

Inna V. Ostrovskaya
Postgraduate,
Research Officer,
The Museum of Heroic Defense and Liberation of Sevastopol,
299011, 1 Historical Boulevard, Sevastopol, Russian Federation;
e-mail: ostrov-33@mail.ru

Abstract

Object. This paper characterizes civilization's culture of Sevastopol local community as integral part of the Russian world in the former Soviet Union. The author pays attention to the social and demographic characteristics of local community, with emphasis on his characteristic worldview orientations, closely interrelated with the spiritual and moral values of the Russian world; promoting steadily shown world outlook priorities which were characterized as "pro-Russian". **Methodology.** The research methodology is based on methods of comparative, historical and political analysis. **Results.** The main characteristics of the Sevastopol Russian world at the turn of the XX–XXI centuries are formulated, such as civic and political involvement of the population, public work of orthodox organizations of Ukrainian Orthodox Church (Moscow Patriarchy), a traditional reference point of a considerable part of the population are distinguished for communication with Russia as the historical homeland, spiritually-moral values of the Russian world. Special attention is paid to set of the economic, social, demographic factors in life of local community which exerted considerable impact on forming

of steady world outlook reference points of citizens and their Russian self-identification. Also this article analyzes the role of the Black Sea Fleet in promotion of an Russian attractive image in the conditions of political transformation in Ukraine. **Conclusion.** It was one of the main purposes of the paper to draw attention to unique experience of interaction of tools soft (public associations of the pro-Russian orientation) and the hard power (the BSF of the Russian Federation) of Russia in geopolitical important point of the Black Sea and Mediterranean region.

For citation

Ostrovskaya I.V. (2017) Russkii mir Sevastopolya na rubezhe XX–XXI vekov: osnovnye kharakteristiki i osobennosti [Russian world of Sevastopol at the turn of XX–XXI centuries: basic characteristics and features]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 114-125.

Keywords

Russian world, local community, Sevastopol, Black Sea Fleet, public Orthodox associations, civil activity, self-identification, cultural heritage, public associations, socio-cultural landmarks.

References

1. Babinov Yu.A., Ostrovskaya I.V. (2015) Russkie obshchestvennye ob"edineniya Kryma: transformatsiya politicheskogo uchastiya [Russian public association of the Crimea: the transformation of political participation]. *Sotsial'no-gummanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge], 1, pp. 94-105.
2. Batanova O.N. (2009) *Russkii mir i problemy ego formirovaniya. Doct. Diss.* [Russian World and problems of its formation. Doct. Diss.]. Moscow: RANEPA Publ.
3. Beloglazov R.N. (2002) Prioritety v mezhkonfessional'nykh otnosheniyakh g. Sevastopolya (1991-2001 gg.): problemy i perspektivy [Priorities in interfaith relations. Sevastopol (1991-2001): problems and prospects]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Peoples of the Black Sea], 37, pp. 128-134.
4. Bolgov V. (2005) *Mosty druzhby. Ukraina–Rossiya* [Bridges of the Russian-Ukrainian friendship]. Kiev: Poligrafkniga Publ.
5. Chisel'nist' naselennya na 1 sichnya 2013 roku (naselenie na 01.01.2013) (2013). *Sevastopol'skie izvestiya* [Sevastopol reports]. Available at: https://sevzakon.ru/view/pressa/gazeta/ [Accessed 18/01/17].
6. Filatov A.S. (2015) *Geopolitika Rossii v kul'turno-tsivilizatsionnom izmerenii. Krymskii aspect* [Russian geopolitics: cultural and civilizational aspects. Crimea question]. Available at: http://www.materik.ru/personnel/ [Accessed 18/01/17].

7. Gosudarstvennii Arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 7021. Op. 9. D. 46. L. 21 [The State Archive of the Russian Federation. F. 7021. Op. 9. D. 46. L. 21].
8. Ishin A.V. (2015) Tsivilizatsionnoe izmerenie Russkogo mira [Civilizational Dimension of the Russian World]. *Problemy postsovetskogo prostranstva* [Problems of Post-Soviet Space], 3, pp. 19-33.
9. Narochnitskaya N.A. (2015) *Sosredotochenie Rossii. Bitva za Russkii mir* [Concentration: The battle for the Russian world]. Moscow: Knizhnyi mir Publ.
10. Natsional'nii sklad naselennya Ukraini ta iogo movni oznaki. Za dannymi Vseukrains'kogo prepisu naselennya 2001 roku (2003). Kiev: Derzhavnii komitet statistiki Publ.
11. Nikonov V.A. *Sovremennyi mir i ego istoki* [The modern world and its origins] (2015). Moscow: Moscow University Publ.
12. Ostrovskaya I.V. (2015) Russkie obshchestvennye ob"edineniya Respubliki Krym i konsolidatsiya regional'nogo soobshchestva [Russian social associations of the republic of Crimea and consolidation of regionalcommunity]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 8 (2), pp. 148-151.
13. Polunov A.Yu. (2011) Vlast', ideologiya i problemy istoricheskogo samosoznaniya: russkoe naselenie Kryma v 2005-2010 gg. [Power, Ideology and Problems of Historical Identity: Russian Population of Crimea in 2005-2010]. *Gosudarstvennoe upravlenie* [Public Administration], 28, pp. 1-12.
14. Reestr nedvizhimykh pamyatnikov, ob"ektov kul'turnogo naslediya natsional'nogo i mestnogo znacheniya po g. Sevastopolyu [Register of immovable monuments, national and local objects of cultural heritage of Sevastopol] (2004). Sevastopol: Upravlenie kul'tury Sevastopol'skoi gosudarstvennoi gorodskoi administratsii Publ.
15. *Russkaya tsivilizatsiya: unikal'nye fenomeny i kul'turnye universalii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russian civilization: unique phenomena and cultural universals: Proc. of All-Russian Sci. and Pract. Conf.] (2015). Simferopol.
16. Senyushkina T.A. (2014) Tsivilizatsionnaya identichnost' kak faktor krymskogo vybora [Civilizational identity as Crimea's choice criteria]. *Problema suverennosti sovremennoi Rossii: Materialy Vseros. Nauch. Obshch. Konf.* [Problem of the sovereignty of modern Russia: Proc. of All-Russian Sci. Conf.]. Moscow: Nauka i politika Publ., pp. 182-191.
17. Shershnev L.I. et al. (2006) *Krym. Sevastopol'. Rossiya. Istoriya, geopolitika, budushchee* [Crimea. Sevastopol. Russian Federation. History, geopolitics, future]. Moscow: National and International Security Fund Publ.
18. *Statisticheskii sbornik. Sevastopol'* [Statistical digest. Sevastopol] (1999). Sevastopol: State Statistics Service of Ukraine Publ.
19. Tarkhov S.A. (2004) Itogi perepisi naseleniya Ukrainy 2001 goda [Results of 2001's census in Ukraine]. *Sbornik dokladov IV Sokraticheskikh chtenii po geografii. Nauchnye teorii i geogra-*

ficheskaya real'nost' [Scientific theories and geographical reality: Proc. of the IV Socratic Readings]. Moscow: Eslan Publ., pp. 144-164.

20. Tishkov V.A. (2007) *Russkii mir: smysl i strategii* [Russian World: meaning and strategy]. Available at: www.valerytishkov.ru [Accessed 18/01/17].
21. Usov S.A. (2003) *Problema Chernomorskogo flota i Sevastopolya v usloviyakh raspada Rossiiskoi imperii i SSSR (istoriko-politicheskii analiz)* [The problem of the Black Sea Fleet and Sevastopol in the context of the collapse of the Russian Empire and the USSR (historical and political analysis)]. Sevastopol: EKOSI-GIDROFIZIKA Publ.
22. Zvit golovi Sevastopol'skoïmis'koï derzhavnoï administratsiï za 2004 rokom (2005). Sevastopol.

УДК 327.35

Приоритеты деятельности современных латиноамериканских интеграционных организаций в среднесрочной перспективе

Жученко Анастасия Михайловна
Студентка, факультет английского языка,
Московский государственный лингвистический университет,
119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 38;
e-mail: nastya.zhuchenko.2017@mail.ru

Аннотация

В статье проводится анализ современных тенденций функционирования многочисленных субрегиональных объединений на территории стран Латинской Америки как результата активного процесса межгосударственного взаимодействия. Так же поднимается вопрос об историческом наследии стран южной части американского континента и его влиянии на формирование современных геополитических задач, стоящих перед главами латиноамериканских государств. Кроме общности исторического пути развития стран Латинской Америки автор рассматривает и другие важные факторы, в большей или меньшей степени влияющие на ускорение интеграционных процессов между государствами данного региона. В результате повышения уровня взаимодействия между этими странами и начинают образовываться наднациональные организации, закономерности функционирования и первостепенные принципы которых являются основной темой данной статьи. Принимая во внимание цели и мотивы создания Латиноамериканских организаций, делается вывод об их значимости для данного региона. При анализе особенностей образования и функционирования многочисленных межгосударственных Латиноамериканских организаций также берется в расчет и роль Соединенных Штатов Америки в данном регионе, их экспансивная внешняя политика, влияние на внешнюю и внутреннюю политику стран Латинской Америки и Карибского бассейна. В статье анализируются важнейшие приоритеты функционирования наднациональных латиноамериканских организаций: повышение их авторитета на мировой политической арене, формирование четкой геополитической позиции, расширение экономического и политического международного сотрудничества, а также тенденции развития вышеупомянутых организаций в среднесрочной перспективе. Основной акцент делается на растущее международное значение современных латиноамериканских интеграционных объединений, которым с помощью успешной международной политики удается выйти за свои континентальные границы и наладить диалог с крупнейшими государствами евразийского континента, создавая этим противовес гегемонии США в мире.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Для цитирования в научных исследованиях

Жученко А.М. Приоритеты деятельности современных латиноамериканских интеграционных организаций в среднесрочной перспективе // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 126-133.

Ключевые слова

Латиноамериканский регион, наднациональные организации, интеграционные процессы, геополитические интересы, международное взаимодействие.

Введение

В XX веке страны Латинской Америки столкнулись с большим количеством как внутренних (гражданские войны, революции, переход от одного политического строя к другому, низкий доход и общая неустроенность населения), так и внешних проблем (экономическая зависимость от иностранных государств, в первую очередь от США, жесткая, экспансивная североамериканская политика по отношению к латиноамериканскому региону). Эти факторы задерживали интеграционные процессы региона и смогли проявиться наиболее четко только в XX веке. В результате данных процессов начинают образовываться наднациональные организации, основными приоритетами деятельности которых становится внутреннее (стабилизация экономики, урегулирование гражданских конфликтов, повышение уровня жизни общества) и внешнее развитие стран-участниц (повышение уровня международного взаимодействия, создание общих рынков торговли). Так как число подобных организаций растет, представляет интерес выделить те организации, которые играют ключевую роль в регионе и приоритетные области их кооперации.

Межрегиональные государственные объединения в Латинской Америке

Прежде всего, стоит выделить ряд особенностей интеграционных процессов в Латинской Америке, ведь именно они способствуют образованию межрегиональных государственных объединений в данном регионе.

1) Единство исторического пути развития стран Латинской Америки (колониальная зависимость от «кастильской короны» с XV века, позднее экономическая зависимость от США).

2) Фактически повсеместное распространение испанского языка – языковая близость между регионами, которая стирает лингвистические барьеры и способствует лучшей организации взаимодействия при совместной работе латиноамериканских государств в рамках различных интеграционных организаций.

3) Периферийное положение стран Латинской Америки, теоретически длившееся до высадки на континент колонизаторов в XV веке и начала привнесения на него европейской культуры, но фактически сохранявшееся вплоть до середины XX века.

4) Доминирование католической религии в странах Латиноамериканского региона – религиозная общность населения, представляющая собой системообразующее начало латиноамериканской цивилизации.

Все вышеперечисленные факторы оказали немалое влияние на ускорение интеграционных межгосударственных процессов. Их результатом стало создание наднациональных организаций, функционирующих на сегодняшний день. Еще Симон Боливар (один из известнейших руководителей войны за независимость испанских колоний) хотел положить начало объединению латиноамериканских государств между собой. Однако в XX веке после получения независимости многие государства оказались охвачены гражданскими войнами и не имели возможности заниматься внешней политикой [Боливар, 1983, 280]. Отчасти эта тенденция сохранялась и в XX веке.

Лишь в 1948 году появляется крупнейшая наднациональная организация, которая объединила все Американские страны – ОАГ. Немного позднее начинают образовываться организации, объединяющие непосредственно страны Латинской Америки:

– Андское сообщество наций (1969): Боливия, Колумбия, Эквадор, Перу;

– МЕРКОСУР/Общий Южноамериканский рынок (1991): Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай;

– УНАСУР/Союз Южноамериканских наций (2008): Государства, входящие в Андское сообщество наций, государства МЕРКОСУР + Чили, Гвиана, Суринам;

– АЛБА/Боливарианский альянс для народов нашей Америки – Торговый договор народов (2004): Боливия, Венесуэла, Эквадор, Куба, Доминика, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент, Сент-Люсия.

Усиление интеграционных процессов в странах Латинской Америки можно считать результатом проявления геополитических интересов объединившихся государств. Однако стоит иметь в виду, что каждой стране приходится ежедневно принимать решения, касающиеся значительного числа внутренних проблем (экономический кризис, торговля наркотиками, рост преступности), таким образом, дестабилизированная экономика более мелких стран может быть спасена за счет сотрудничества с рынками их более крупных и (в финансовом плане) сильных союзников.

Одним из наиболее интересных наднациональных образований данного региона (в плане его идеологии) является АЛБА. Именно она отражает основную тенденцию развития современных интеграционных Латиноамериканских организаций – стремление создать противовес гегемонии США в Латинской Америке. Боливарианский альянс представляет собой торговый договор, заключенный между социалистическими и социал-демократическими государствами так называемого левого толка, противопоставляющий себя экспансивной политике

Вашингтона. Данное субрегиональное объединение было сформировано с целью создания платформы для развития интеграционных процессов в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Создание АЛБА в очередной раз сделало очевидным тот факт, что страны Латинской Америки отказываются мириться с «доктриной Монро», которая до сих пор занимает главенствующую роль в формировании внешнеполитического курса США.

Другим важнейшим институтом интеграции в Латинской Америке является МЕРКОСУР (торгово-экономический союз, заключенный между Бразилией, Аргентиной, Уругваем и Парагваем, с целью создания общего рынка). Именно эта организация играет немаловажную роль в поддержании многополярного миропорядка. Ее сотрудничество с Евразийским экономическим союзом (крупной экономической организацией регионального значения, государствами-участниками которой являются Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия) также ставит под вопрос ведущую роль Соединенных Штатов на Американском континенте и в мире. Перспективы этого сотрудничества могут привести к диверсификации внешнеэкономических связей региона и привести к снижению влияния США. Таким образом, можно говорить о том, что некогда географически и политически изолированные государства южной части американского континента выходят на новый этап своего развития, заключая важнейшие экономические договоры не только между собой, но и с крупнейшими странами Евразии.

В 2008 году странами-участницами МЕРКОСУР была создана организация УНАСУР, также нацеленная на создание единого интеграционного пространства для всех стран Латинской Америки (за исключением Французской Гвианы, французской территории). Однако, в отличие от АЛБА, для УНАСУР идеологический вопрос не является основополагающим. Политическая ориентация латиноамериканских государств, входящих в состав как МЕРКОСУР, так и УНАСУР, не является основным критерием при принятии какого-либо нового члена в состав этих организаций.

Кроме того, происходит процесс самоидентификации, когда страны, входящие в составы МЕРКОСУР, УНАСУР, АЛБА, воспринимают себя как истинных латиноамериканцев и противопоставляют свой образ жизни, идеологию и культурное развитие североамериканским государствам. Данная тенденция наблюдается не только на бытовом уровне, она переходит и на международные отношения. Так, панамериканские образования ОАГ и НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле – формирование общего рынка Канады, США, Мексики) автоматически относятся латиноамериканцами к «лагерю» противников. Хотя роль Мексики в этой организации воспринимается как временная, с перспективой выхода последней из оной при благоприятной политико-экономической обстановке.

Очень важную роль в формировании политики латиноамериканских стран в некоторых вопросах их международной политики по-прежнему играет США. Однако здесь мы не говорим о непосредственном влиянии мнения Соединенных Штатов на принятие тех или иных решений. В то же время латиноамериканские государства умело выбирают время для развития интеграционных организаций, в то время пока США прикованы к удовлетворе-

нию своих национальных интересов в других частях света. Это отражается при совместных согласованных действиях в рамках ООН и других международных форумах. Россия же является отличной возможностью для стран региона, чтобы поддержать инициативы Латинской Америки на международной арене. Кроме того, взаимовыгодное сотрудничество между Россией и странами Латинской Америки может положительно сказаться не только на экономике стран, но также привлечь высокотехнологические и научные инвестиции в Латиноамериканские государства.

Заключение

Таким образом, принимая во внимание все вышеперечисленные факты, мы можем говорить о том, что на сегодняшний день на территории Латинской Америки существует достаточное количество крупных межрегиональных организаций, которые стремятся стать активными политическими акторами в современной системе международных отношений. Основными приоритетами данных объединений являются не только социально-экономические проблемы региона, но и расширение сотрудничества стран в сфере социального и гуманитарного взаимодействия. Совместная работа государств Латинской Америки в политической и многих других сферах жизни общества осуществляется по средствам развития общественной дипломатии [Шершнеев, 2015, 188]. Помимо установления контактов между собой, латиноамериканские страны выходят на новый уровень международной интеграции, устанавливая экономически важные контакты с государствами Евразийского континента, формируя сильную оппозицию североамериканским странам во главе с США. Говоря о перспективах развития крупных региональных организаций Латинской Америки, мы можем предположить, что эти объединения (приоритеты которых на данный момент формируются на основе их прагматических нужд) будут идти по пути наращивания своей экономической мощи, вместе с тем «нельзя исключать усиления геополитических акцентов в ближайшей перспективе» [Астахов, 2010, 39]. При сохранении благоприятной международной обстановки, отсутствии потрясений и политических вмешательств во внутренние дела стран Латинской Америки, цели по созданию противовеса США в этой части света могут быть достигнуты уже в среднесрочной перспективе, что положительно скажется на статусе региона в международных отношениях и превращении стран латинской части американского континента в одного из важнейших акторов мировой политики.

Библиография

1. Альперович М.С. Испанская Америка в борьбе за независимость. М.: Наука, 1971. 203 с.
2. Астахов Е.М. Перспективы развития Латинской Америки и ее место в будущем мироустройстве // Вестник МГИМО университета. Серия: Политика и политические науки. 2010. № 4. С. 37-40.

3. Белозеров В.К. Геополитические интересы России и перспективы их реализации // Геополитика и безопасность. 2012. № 3. С. 53-59.
4. Боливар С. Избранные произведения: речи, статьи, письма, воззвания, 1812-1830. М.: Наука, 1983. 280 с.
5. Глинкин А.И. Интеграция в Западном полушарии и Россия. М.: ИЛА РАН, 2004. 296 с.
6. Глобальные вызовы XXI века – геополитический ответ России / Под ред. академика И. Халеевой. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. 318 с.
7. Давыдов В.М. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М.: ИЛА РАН, 2006. 52 с.
8. Евдокимов А.И. Грук Л.В. Интеграционные процессы в странах Латинской Америки: проблемы и перспективы // Проблемы современной экономики. 2011. № 2. С. 92-97.
9. Емельянов А.И. Институционализация интеграционных процессов в Латинской Америке в современных условиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 26 (737). С. 66-74.
10 Иберoамерика в глобализирующемся мире: проблемы и перспективы / Под ред. В.П. Сударева. М.: ИЛА РАН, 2013. 344 с.
11. Официальный сайт УНАСУР. URL: http:// unasursg.org/node/48
12. Официальный сайт МЕРКОСУР. URL: http://www.mercosur.int
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
14. Шемякин Я.Г. Латинская Америка: традиции и современность. М.: Наука, 1987. 192 с.
15. Шершнеев И.Л. Направления деятельности общественной дипломатии во внешней политике России в эпоху глобализации // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. М.: МГЛУ, 2015. С. 184-195.

The activity priorities of modern Latin American integration organizations in the medium term

Anastasiya M. Zhuchenko
Student at the Department of English,
Moscow State Linguistic University,
119034, 38 Ostozhenka st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nastya.zhuchenko.2017@mail.ru

Abstract

The article analyses modern tendencies of functioning of the numerous subregional associations in the countries of Latin America as a result of an active process of interstate interaction. It also raises the question about the historical heritage of the countries of the southern cone of the American continent and its influence on the formation of the contemporary geopolitical challenges facing the heads of Latin American states. In addition to common historical development paths of countries in Latin America, the author examines other important factors, to a greater or lesser extent affecting the acceleration of integration processes between the states of the region. Supra-national organizations begin to form as a result of increasing the level of cooperation between these countries, the laws of functioning and fundamental principles of which are the main topic of this article. Taking into account the goals and motives of the creation of Latin American organizations, the conclusion is drawn about their significance for the region. While analysing peculiarities of formation and functioning of numerous Latin American intergovernmental organizations, the role of the United States of America in the region, its expansive foreign policy, the impact on domestic and foreign policy of Latin America and the Caribbean are also taken into account. The paper analyses the most important priorities of the functioning of supra-national Latin American organisations: increasing their credibility on the world political arena, the formation of a clear geopolitical position, expanding international economic and political cooperation, as well as trends in the development of the mentioned organizations in the medium term.

For citation

Zhuchenko A.M. (2017) Prioritety deyatel'nosti sovremennykh latinoamerikanskikh integratsionnykh organizatsii v srednesrochnoi perspektive [The activity priorities of modern Latin American integration organizations in the medium term]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 126-133.

Keywords

The Latin American region, supra-national organizations, integration processes, the geopolitical interests, international cooperation.

References

1. Al'perovich M.S. (1971) *Ispanskaya Amerika v bor'be za nezavisimost'* [Spanish America in the fight for independence]. Moscow: Nauka Publ.
2. Astakhov E.M. (2010) Perspektivy razvitiya Latinskoi Ameriki i ee mesto v budushchem miroustroistve [Perspectives of development of the Latin America and its role in future world order]. *Vestnik MGIMO universiteta. Seriya: Politika i politicheskie nauki. Series: Politics and political sciences* [MGIMO review of international relations], 4, pp. 37-40.

3. Belozerov V.K. (2012) Geopoliticheskie interesy Rossii i perspektivy ikh realizatsii [The geopolitical interests of Russia and the prospects for their implementation]. *Geopolitika i bezopasnost'* [Geopolitics and security], 3, pp. 53-59.
4. Bolivar S. (1983) *Izbrannye proizvedeniya: rechi, stat'i, pis'ma, vozzvaniya, 1812-1830* [Selected works: speeches, articles, letters, proclamations, 1812-1830]. Moscow: Nauka Publ.
5. Davydov V.M. (2006) *Tsiviliografiya i tsivilizatsionnaya identifikatsiya Latino-Karibskoĭ Ameriki* [Civiliography and civilizational identification of Latin-Caribbean America]. Moscow: Institute of the Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences.
6. Emel'yanov A.I. (2015) Institutsionalizatsiya integratsionnykh protsessov v Latinskoi Amerike v sovremennykh usloviyakh [Latin-American institutionalization of integration processes within the current conditions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Series: Social sciences], 26 (737), pp. 66-74.
7. Evdokimov A.I., Gruk L.V. (2011) Integratsionnye protsessy v stranakh Latinskoi Ameriki: problemy i perspektivy [Integration processes in Latin America: problems and prospects]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of modern economics], 2, pp. 92-97.
8. Glinkin A.I. (2004) *Integratsiya v Zapadnom polusharii i Rossiya* [Integration in the Western hemisphere and Russia]. Moscow: Institute of Latin American studies of the Russian Academy of Sciences.
9. Huntington S. (1996) *The clash of civilizations and the remaking of world order. (Russ. ed.:* Khantington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow: AST Publ.).
10. Khaleeva I. (ed.) (2012) *Global'nye vyzovy XXI veka – geopoliticheskii otvet Rossii* [The global challenges of the XXI century – a geopolitical response to Russia]. Moscow: Moscow State Linguistic University.
11. *Ofitsial'nyi sait MERKOSUR* [Official website of MERCOSUR]. Available at: http://www.mercosur.int [Accessed 24/12/16].
12. *Ofitsial'nyi sait UNASUR* [Official website of UNASUR]. Available at: http:// unasursg.org/node/48 [Accessed 24/12/16].
13. Shemyakin Ya.G. (1987) *Latinskaya Amerika: traditsii i sovremennost'* [Latin America: tradition and modernity]. Moscow: Nauka Publ.
14. Shershneev I.L. (2015) Napravleniya deyatel'nosti obshchestvennoi diplomatii vo vneshnei politike Rossii v epokhu globalizatsii [Activities of the public diplomacy in Russian foreign policy in the era of globalization]. *Aktual'nye problemy vneshnei i vnutrennei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Actual problems of domestic and foreign policy of the Russian Federation]. Moscow: Moscow State Linguistic University, pp. 184-195.
15. Sudarev V.P. (ed.) (2013) *Iberoamerika v globaliziruyushchemsya mire: problemy i perspektivy* [Ibero-America in a globalizing world: problems and prospects]. Moscow: Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences.

УДК 321.022

Политический рельеф Таджикистана: спектр и актуальные соотношения основных политических сил республики

Хадыров Равшан Юнусович

Аспирант,
кафедра политического анализа и управления,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: khadyrov.r.u@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрено политическое пространство Республики Таджикистан в ходе исторического процесса формирования многопартийной системы и современное соотношение основных политических сил республики. Автором осмысливается и критически оценивается ситуация формальной многопартийности в стране, где оппозиция представляет собой лояльные власти политические партии, а конфликтующие с властью политические силы имеют разновекторные идеологии, обладают различными общественным весом и влиянием, отражают интересы разных социальных слоев и групп таджикского общества. Объективно проанализированы причины, формы и способы политической борьбы в Таджикистане, традиционность которых (в частности, клановая групповая солидарность в процессе социальной организации традиционного общества) устаревает и тормозит инициативность лидеров многих политических сил. Проведенный автором статьи анализ подводит к мысли, что кампания по активизации политических сил в стране, сталкивание их в политическом пространстве Таджикистана, попеременная поддержка то одних, то других и пр., могла бы обезопасить президента от политических рисков.

Для цитирования в научных исследованиях

Хадыров Р.Ю. Политический рельеф Таджикистана: спектр и актуальные соотношения основных политических сил республики // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 134-143.

Ключевые слова

Многопартийность, партия, политическая идеология, законодательство, «религиозный характер», общественно-политические движения, Таджикистан.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Современный рельеф политического пространства Таджикистана формировался под воздействием постсоветской трансформации, объективных процессов политической, экономической консолидации интересов различных социальных, этнических, религиозных групп, а также юридических решений властей. В политическом пространстве Таджикистана можно выделить три концепции политической идеологии: левые, правые и центристские. Однако термины «правый», «левый» и «центр» не имеют четкого определения, хотя и широко используются для обозначения позиции, которую занимают различные партийные идеологии.

Политическое пространство Таджикистана формировалось и ограничивалось рамками конституционного поля, реформами законодательства о партиях, этнополитическими и религиозными особенностями регионов, интересами, предпочтениями правящих элит и кланов, включая президента Э.Ш. Рахмона. Эти факторы во многом определили особенность современного политики Таджикистана, расстановку общественных сил и степень их влияния на политические процессы в республике.

Генезис многопартийности в Таджикистане связан с взрывным процессом зарождения и выхода в политическое пространство различных общественных движений в конце 80-х, начале 90-х годов XX века. Стартовый этап формирования партийной системы был отличен от условий других республик СССР, о чем пишет И.Р. Абдуллоев: «Процесс становления многопартийности и политическая борьба развивались в Таджикистане в особых специфических условиях. Здесь, в отличие от центральных регионов СССР, коммунистическая номенклатура была больше бюрократизирована и не была готова к изменениям в новых условиях» [Абдуллоев, 2013, 224].В то же время в отличие от многих республик бывшего СССР политические партии и другие общественные силы Таджикистана не выросли из «шинели КПСС и ВЛКСМ», а были сформированы интересами ряда социальных групп, кланов, в результате кровопролитной гражданской войны и общих политических соглашений участвующих в ней сил.

История формирования многопартийной системы Таджикистана

Многопартийная система Таджикистана формировалась в три этапа:

Первый этап (начало 1990 – конец 1992 гг.). Появление таких партий, как ДПТ (Демократическая партия Таджикистана) (10 августа 1990 г.), ПИВТ (Партия Исламского возрождения Таджикистана) (26 октября 1991 г.), КПТ (Коммунистическая партия Таджикистана) (4 сентября 1991 г.), ПСТТ – Партия свободного труда (24 августа 1992 г.).

Второй этап (1993–1997 годы) появление новых партий: Партия политического и экономического обновления Таджикистана была создана в 199 году, ПНЕТ (Партия народного единства Таджикистана) – в 1994 году, Гражданско-патриотическая партия «Союз» была основана в 1994 году, как

и НДПТ. В 1996 году созданы Партия справедливости и Социалистическая партия Таджикистана, Партия справедливости и развития начала деятельность в 1997 году.

Третий этап начался в 1997 году после подписания «Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане» и продолжается до настоящего времени. Его общая характеристика – неоднозначность результатов партийного строительства и властных решений по устранению ряда партий и политических сил с политической сцены Таджикистана [см. Эгамбердиев, Рузикулов, 2012, 220].

Парламентские выборы 2015 года показали следующую расстановку сил: НДПТ – 65,2%; АПТ (Аграрная партия) –11,8%, ПЭРТ (Партия экономических реформ) – 7,6%, СПТ (Социалистическая партия) – 5,5%, КПТ – 2,3%, ДПТ –1,7%, ПИВТ – 1,5%, СДПТ (Социал-демократическая партия) – 0,5%.

Особенность формирования оппозиции в Таджикистане в том, что процесс ее создания происходил параллельно развитию многопартийной системы. Можно отчасти согласиться с Р.Ф. Сафаровым, что этот процесс во многом был организован самой властью: «…инициация происходила в основном сверху и не являлась следствием организационно-политического оформления интересов крупных социальных групп в ходе борьбы масс за представленность их интересов на власти. ….Идеальная модель оппозиции включает в себя последовательное, организованное и легальное оппонирование партии, движения или иной группы лиц сложившемуся политическому режиму, освещение в парламенте и СМИ реальной практики осуществления правительством своего политического курса, и самое главное – приход к власти в ходе демократических перевыборов депутатов парламента и главы государства» [Сафаров, 2015].

В 2016 году в политическом пространстве Таджикистана законно присутствуют 7 политических партий, среди которых доминирующая и правящая НДПТ. Это классическая партия власти – на большинство государственных должностей назначаются члены только этой партии. Кроме правящей партии в Таджикистане действуют партии, которые отображают почти весь политический спектр: коммунистическая, аграрная, экономических реформ, демократическая, социал-демократическая и социалистическая партии. Однако их нельзя считать реальной оппозицией: судя по заявлениям их лидеров и результатам деятельности все эти партии, кроме социал-демократической, являются союзниками правящей партии [Салафиты в Таджикистане…, 2015, www].

Современное состояние основных политических сил Таджикистана

Большинство местных и зарубежных политических аналитиков констатируют, что персонализированной и активной оппозиции в Таджикистане не осталось. Присутствующие в политическом пространстве оппозиционные партии пассивны, не представляют угрозы власти, играют малозначительные, тихие и незаметные для общества роли на

политической сцене республики [Сафаров, 2013, 129]. КПТ и ПИВТ в последние 10 лет фактически не участвовали в активной борьбе за власть, за расширение своего электората – это подтверждают и официальные результаты выборов. Но не только неактивность этих партий является показателем снижения их авторитета, во многом причины лежат в активности правящего режима.

Президент Э.Ш. Рахмон укрепляет свою власть через изменения в Конституции, а законодательными, юридическими и судебными мерами усиливает контроль над оппозицией, добившись полной поддержки в парламенте, где у его партии (НДПТ) абсолютное большинство. Парламентская оппозиция (АПТ, ПЭРТ, СПТ) считает себя лояльными по отношению к власти. Умеренно критичную к власти оппозицию представляют 2 депутата КПТ, прошедшие по одномандатным округам, однако потерявшие связь с этой партией.

Запрещенная после выборов в парламент в 2015 году ПИВТ[1] вообще не провела в парламент ни одного депутата [Константинов, 2015, www]. Как считают многие эксперты, с запретом деятельности ПИВТ была завершена ревизия основных договоренностей между правительством и объединенной оппозицией, а отсутствие единства внутри оппозиционных сил лишь подтверждает факт, что они не в состоянии конкурировать с властями. Началом процесса вытеснения ПИВТ из политического пространства можно считать президентские выборы в 2013 году, когда ПИВТ и СДПТ сформировали «Объединение реформаторских сил Таджикистана», но не нашли компромисса по единому кандидату от оппозиции, а известная правозащитница О. Бобоназарова, выдвинутая от ПИВТ, выбыла из предвыборной борьбы, так как не смогла собрать необходимое число подписей избирателей для получения регистрации. Необходимо отметить и такую важную деталь процесса сглаживания политического рельефа: по результатам референдума 2016 года большинство населения поддержало поправки, в результате которых из текста Конституции исчезло понятие «религиозный характер партии», что полностью исключает возможность возвращения ПИВТ на политическую сцену.

Подобное решение властей, закрепленное результатами общенародного референдума, может только осложнить процесс окончательного национального примирения и возрождения экономики. Причины кроются в том, что ПИВТ представляла собой не только структуру «политического ислама», но и была выразителем интересов «каратегинской зоны», объединяя в своем составе многих видных представителей региона [Попов, 2016, www], поэтому, демонстративное вытеснение ПИВТ из общереспубликанского политического пространства может привести к реализации сценария автономизации регионов, усилению региональной клановости.

1 Верховный суд Таджикистана в сентябре 2015 года запретил деятельность ПИВТ, признав ее «экстремистско-террористической организацией». Поводом для этого послужил вооруженный мятеж замминистра обороны республики А. Назарзоды. МВД Таджикистана заявило о том, что А. Назарзода и другие участники мятежа являются активными членами ПИВТ, а попытка государственного переворота готовилась под руководством лидера партии М. Кабири [Токаева, 2015, www].

Политическое пространство Таджикистана поделено на несколько региональных кланов. Традиционное регионально-клановое разделение привело к тому, что население регионов воспринимает центральные или региональные институты власти как выразителей интересов только определенного клана и не доверяет им [См. Шарафиева, 2012, 99].

В состав политического пространства помимо партий входят различные общественно-политические движения. Относительно новыми из общественно-политических движений являются «Национальное движение Таджикистана», «Народный фронт без оружия» и «Молодежное движение». «Национальное движение Таджикистана» состоит из таджиков, работающих и проживающих в Таджикистане, США, Европе, Иране и России. «Народный фронт без оружия» стремится к возрождению партии «Народный фронт»[2], а «Молодежное движение» было ориентировано на идеологию ПИВТ, которая сейчас под запретом[3]. Более серьезными оппонентами власти были движение «Растохез» и национальное объединение «Лаъли Бадахшон», но их политическая деятельность наиболее активно протекает за пределами страны – в лагерях таджикских беженцев в Афганистане, а в России – среди экономических мигрантов. Сегодня эти движения не являются массовыми и не представляют серьезную угрозу для Президента Э.Ш. Рахмона и его партии НДПТ.

Нужно отметить, что в общественном сознании большинства таджиков оппозиция до сих пор воспринимается не как естественный конструктивный компонент политического пространства, а как деструктивная сила, участвовавшая в развязывании гражданской войны. Этим объясняются неутешительные для оппозиционных партий результаты всех прошедших в стране выборов, а не только административным и информационным давлением властей. Роль оппозиционных партий в таджикском обществе критично оценил политолог А. Куртов: «Политические партии… в Таджикистане существуют, но не представляют реальной силы: ни коммунисты, ни Партия исламского возрождения, ни разные оттенки социалистов и демократов, ни политические организации бизнес-сообщества» [Куртов, 2013, www]. Он же назвал и видимые причины: «…многие политические партии в республике… возглавляют тщеславные политические лидеры, которые предпочитают сохранять автономность в политической борьбе за власть» [Там же].

На фоне этих неутешительных для оппозиции экспертных оценок начинают формироваться параметры реального политического влияния партий на общество в рамках предложенной модели политического рельефа. В России рейтинг политического влияния партий[4] ведут Фонд ИСЭПИ[5], Центр политических технологий и ряд других рейтинговых агентств

2 Регистрация партии была аннулирована в 1997 г.

3 В России движение создало группу под названием «Союз таджикской молодежи».

4 Рейтинг политического влияния – интегральный индекс влиятельности по убыванию значений индекса. Индекс складывается из данных оценок или опроса внешних экспертов, рейтинга цитирования, экспертного рейтинга, составленного ведущими специалистами ЦПТ на основании мониторинга событий.

5 ИСЭПИ – Институт социально-экономических и политических исследований (некоммерческий фонд) учрежден в г. Москве 8 июня 2012 г. Методология партийного рейтинга ИСЭПИ основана на измерении ресурсных различий между партиями, электоральной активности и эффективности политических партий, на оценках выполнения партиями основных практических функций. URL: http://www.isepr.ru/

российских СМИ[6]. В отличие от России и других европейских стран СНГ в Таджикистане отсутствует открытая система актуальных рейтингов влияния партий, ее не ведут ни НАПТ, ни крупные СМИ, ни аналитики или блогеры сайтов таджикской оппозиции.

Проанализировав уставы, программы, заявления лидеров зарегистрированных и незарегистрированных партий и движений, можно сформировать схематическое аналитическое описание, которое необходимо для построения модели современного политического рельефа Таджикистана.

Естественно, расклад политических сил зависит и от текущего статуса, политической ориентации партий, характера их отношений с властью. Общая численность парламентских партий Таджикистана составляет 635 000 человек или 90% от численности остальных партий. НДПТ среди численности парламентских партий имеет подавляющую долю в 75,6%. Остальные четыре парламентские партии – всего 24,4%. Поэтому неудивительны и результаты последних парламентских выборов 1 марта 2015 года, на которых НДПТ набрала 2 472 262 или 62,5% голосов.

Также важен и показатель мобилизационных возможностей партий. Исходя из полученных голосов на парламентских выборах и численности партий, получаем, что наибольшими мобилизационным потенциалом обладает СПТ, на каждого члена которой приходится 9,56 голосов избирателей, почти столько же – 9,5 голосов приходится на члена АПТ, существенно ниже мобилизационные показатели НДПТ – 5,15 голосов на члена партии, еще более слабый показатель у КПТ – всего 1,65 голосов на одного члена партии. Поэтому для КПТ закономерен результат – партия не преодолела 5%-й барьер, в парламент прошли только 2 депутата-одномандатника. ДПТ с 1,5% поданных голосов смогла провести только одного депутата-одномандатника, но у нее на одного члена партии приходится 6,9 голосов, что даже выше показателя НДПТ.

Заключение

Анализируя деятельность этих партий, можно констатировать, что экономическая элита Таджикистана не стремится к активной политической деятельности, предпочитая работать в хозяйственной сфере, демонстрируя отстраненность от большой политики. Однако экономические элиты, особенно Севера Таджикистана, создают и сохраняют политические организации на случай активизации политической борьбы.

Продолжается маргинализация национально-демократического движения в Таджикистане по причинам, с одной стороны, объективной слабости демократических традиций, демократических институтов в таджикском обществе, жесткое давление правящего режима, с другой стороны, безответственности, некомпетентности, неорганизованности, амбициозности и коррумпированности политических лидеров.

6 Центр политических технологий – фонд политического консалтинга, создан в 1991 г. С 2015 года формирует и публикует рейтинги влияния политических партий России.

Библиография

1. Абдуллоев И.Р. Из истории реформирования политической системы в Таджикистане // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики (Худжанд). Серия общественных наук. 2013. № 3 (55). С. 224-232.
2. Аюпов М.А. Политико-трансформационный процесс и его структура Социально гуманитарные знания. 2003. № 4. С. 172-187.
3. Гончаров П.К. Политический транзит: от концепции модернизации к парадигме транзитологии // Вестник МГУ. Сер. Социология и политология. 2006. № 2. С. 59-78.
4. Кабанченко А.П. Политический процесс и политическая система: источники саморазвития // Вестник Московского гос. университета. Сер. 12: Политические науки. 2001. № 3. С. 102-119.
5. Константинов С. Коммунисты и исламисты не прошли в парламент Таджикистана // Литер. 2015. 4 марта. URL: http://liter.kz/ru/articles/show/7437-kommunisty_i_islamisty_ne_proshli_v_parlament_tadzhikistana
6. Куртов А. Современный политический режим в Таджикистане приобрел практически все черты, характерные для восточного авторитаризма // Stan Radar. 2013. 16 августа. URL: http://www.stanradar.com/news/full/4140-sovremennyj-politicheskij-rezhim-v-tadzhikistane-priobrel-prakticheski-vse-cherty-harakternye-dlja-vostochnogo-avtoritar.html
7. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты // Соловьев А.И. (ред.) Политология: Лексикон. М.: РОССПЭН, 2007. С. 123-134.
8. Попов Д.С. Таджикистан 2015. Итоги года // Российский институт стратегических исследований. 2016. 25 января. URL: http://riss.ru/analitycs/25607/
9. Салафиты в Таджикистане: экстремисты или временные друзья // SPUTNIK Таджикистан. 2015. 17 мая. URL: http://ru.sputnik-tj.com/analytics/20160517/1019624861.html
10. Сафаров Р.Ф. Политическая оппозиция и ее особенности в процессе трансформации современного таджикского общества: дис. ... канд. полит. наук. Душанбе: Таджикский национальный университет, 2015. 151 с.
11. Сафаров С.Ф. Теоретико-методологические основы исследования оппозиция и её специфические особенности // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. 2013. № 3/6(121). С. 126-132.
12. Токаева А. Исламская партия закрыта, мятежный генерал убит // РИА Новости. 2015. 7 сентября. URL: http://inosmi.ru/sngbaltia/20150917/230334674.html
13. Шарафиева О. Роль региональных кланов во внутренней политике Таджикистана // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 98-100.
14. Эгамбердиев У., Рузикулов Дж. Основные этапы формирования многопартийной системы в Республике Таджикистан // Ученые записки Худжандского гос. университета им. академика Б. Гафурова. 2012. Вып. 5(33). С. 219-230.

The political space of Tajikistan: the spectrum and actual proportions of the main political forces of the Republic

Ravshan Yu. Khadyrov
Postgraduate,
Department of political analysis and management,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: khadyrov.r.u@mail.ru

Abstract

The article considers the political space of the Republic of Tajikistan in the course of the historical process of formation of the multiparty system and the modern correlation of the main political forces of the republic. The author analyzes and critically assesses the situation of a formal multi-party system in a country where the opposition is a loyal political party, and the political forces that conflict with the authorities have multi-vector ideologies, have different social weight and influence, and reflect the interests of different social strata and groups of Tajik society. Objectively, the causes, forms and methods of political struggle in Tajikistan, whose traditionality (in particular, clan group solidarity in the process of social organization of traditional society) are obsolete and inhibit the initiative of the leaders of many political forces. The analysis carried out by the author of the article leads to the conclusion that the campaign to activate political forces in the country, pushing them in the political space of Tajikistan, alternating support for one or the other, etc., can protect the president from political risks. Moreover, economic elites, especially the North of Tajikistan, create and retain political organizations in the case of intensified political struggle.

For citation

Khadyrov R.Yu. (2017) Politicheskii rel'ef Tadzhikistana: spektr i aktual'nye sootnosheniya osnovnykh politicheskikh sil respubliki [The political space of Tajikistan: the spectrum and actual proportions of the main political forces of the Republic]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theory and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 134-143.

Keywords

Multi-party system, party, political ideology, legislation, "religious character", social and political movements, Tajikistan

References

1. Abdulloev I.R. (2013) Iz istorii reformirovaniya politicheskoi sistemy v Tadzhikistane [From the history of reforming the political system in Tajikistan]. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki (Khudzhand). Seriya obshchestvennykh nauk* [Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics (Khujand). A series of social sciences], 3 (55), pp. 224-232.
2. Ayupov M.A. (2003) *Politiko-transformatsionnyi protsess i ego struktura Sotsial'no gumanitarnye znaniya* [Politico-transformational process and its structure of social and humanitarian knowledge], 4, pp. 172-187.
3. Egamberdiev U., Ruzikulov Dzh. (2012) Osnovnye etapy formirovaniya mnogopartiinoi sistemy v Respublike Tadzhikistan [The main stages of the formation of a multi-party system in the Republic of Tajikistan]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gos. universiteta im. akademika B. Gafurova* [Newsletters of Khudzhand State University named after B. Gafurov], 5(33), pp. 219-230.
4. Goncharov P.K. (2006) Politicheskii tranzit: ot kontseptsii modernizatsii k paradigme tranzitologii [Political transit: from the concept of modernization to the paradigm of transitology]. *Vestnik MGU. Ser. Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of the Moscow State University. Series of sociology and political science], 2, pp. 59-78.
5. Kabanchenko A.P. (2001) Politicheskii protsess i politicheskaya sistema: istochni-ki samorazvitiya [Political process and political system: Sources of self-development]. *Vestnik Moskovskogo gos. universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State University. Series 12: Political Science], 3, pp. 102-119.
6. Konstantinov S. (2015) Kommunisty i islamisty ne proshli v parlament Tadzhikistana [Communists and Islamists did not go to the parliament of Tajikistan]. *Liter,* 4th March. Available at: http://liter.kz/ru/articles/show/7437-kommunisty_i_islamisty_ne_proshli_v_parlament_tadzhikistana [Accessed 30/01/17].
7. Kurtov A. (2013) Sovremennyi politicheskii rezhim v Tadzhikistane priobrel prakticheski vse cherty, kharakternye dlya vostochnogo avtoritarizma [The modern political regime in Tajikistan has acquired almost all features characteristic of Eastern authoritarianism]. *Stan Radar*, 16th August. Available at: http://www.stanradar.com/news/full/4140-sovremennyj-politicheskij-rezhim-v-tadzhikistane-priobrel-prakticheski-vse-cherty-harakternye-dlja-vostochnogo-avtoritar.html [Accessed 15/01/17].
8. Mel'vil' A.Yu. (2007) Demokraticheskie tranzity [Democratic transits]. In: Solov'ev A.I. (ed.) *Politologiya: Leksikon* [Political science: Lexicon]. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 123-134.
9. Popov D.S. (2016) Tadzhikistan 2015. Itogi goda [Tajikistan 2015. Results of the year]. *Rossiiskii institut strategicheskikh issledovanii* [Russian Institute for Strategic Studies], 25th January. Available at: http://riss.ru/analitycs/25607/ [Accessed 17/01/17].

10. Safarov R.F. (2015) *Politicheskaya oppozitsiya i ee osobennosti v protsesse transformatsii sovremennogo tadzhikskogo obshchestva. Dokt. Diss*. [Political opposition and its features in the process of transformation of modern Tajik society. Doct. Diss.]. Dushanbe: Tajik National University.
11. Safarov S.F. (2013) Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya oppozitsiya i ee spetsificheskie osobennosti [Theoretic-methodological bases of research of opposition and its specific features]. *Vestnik Tadzhikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk* [Bulletin of the Tajik National University. A series of humanities], 3/6(121), pp. 126-132.
12. Salafity v Tadzhikistane: ekstremisty ili vremennye druz'ya [Salafi in Tajikistan: extremists or temporary friends] (2015). *SPUTNIK Tadzhikistan* [SPUTNIK Tajikistan], 17th May. Available at: http://ru.sputnik-tj.com/analytics/20160517/1019624861.html [Accessed 19/01/17].
13. Sharafieva O. (2012) Rol' regional'nykh klanov vo vnutrennei politike Tadzhikistana [The role of regional clans in domestic politics of Tajikistan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 359, pp. 98-100.
14. Tokaeva A. (2015) Islamskaya partiya zakryta, myatezhnyi general ubit [The Islamic Party is closed, the rebellious general is killed]. *RIA Novosti* [RIA News], 7th September. Available at: http://inosmi.ru/sngbaltia/20150917/230334674.html [Accessed 14/01/17].

УДК 323.2

Политическая идентичность и политическое участие современного добровольческого движения России

Пинчук Ирина Викторовна

Аспирант,

Кафедра политологии и политического управления,

Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Институт общественных наук

119606, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 84;

e-mail: Banderolka86@mail.ru

Аннотация

В статье обозначен факт перемены содержания волонтерства, выделение института добровольчества с функцией политической силы в решении ряда государственных вопросов. Ключевые аспекты такого изменения в пространстве современной общественной жизни видятся автору в понятиях «политическое участие» и «идентичность», которые рассмотрены детально в исторической и социологической перспективе. Отмечается, что в силу вариативности механизмов формирования и поддержания государственной идентичности усложняется и идентичность личности, в частности, ее политическая идентичность. Ломка привычной системы ценностей обостряет поиск сферы (социальной группы, идеи и т. д.), которая помогла бы восстановить целостность мироощущения индивида. В связи с этим особое значение приобретает добровольчество, как новая форма политического участия и политической идентичности. Отмечен и проанализирован факт двоякого восприятия термина «добровольчество» на современном этапе: социальное волонтерство и добровольчество, имеющее парамилитарную/чисто политическую направленность. С активизацией России на внешнеполитической арене добровольчество, реализуемое именно через политические интересы, позволяет гражданам России сформулировать круг ценностей и способы их отстаивания, и представляет собой одну из наиболее актуализированных сегодня форм современной политической идентификации россиян.

Для цитирования в научных исследованиях

Пинчук И.В. Политическая идентичность и политическое участие современного добровольческого движения России // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 144-155.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Ключевые слова

Политическая идентичность, политический процесс, добровольческое движение, волонтерство.

Введение

В условиях нелинейных общественных взаимосвязей политика, и особенно политическая идентичность, в значительной мере определяет содержание и направленность культурного развития социума, условия и возможности пользования достижениями культуры. В политическом участии находят отражение разные типы мышления и поведения индивидов и социальных групп, их мировоззренческие ориентации и ценностные приоритеты, психические свойства и эмоциональные проявления, мотивы и стимулы реализации политических интересов.

Перемены, происходящие как в российском обществе, так и на всем постсоветском пространстве, привели к трансформации содержания такого движения, как волонтерство. Одним из главных сущностных результатов этого стало выделение из волонтерства самостоятельного института добровольчества. Оно, выйдя за рамки решения исключительно социальных проблем, стало одной из форм политического участия в решении задач, имеющих патриотическую направленность, а также нацеленных на обеспечение участия патриотически настроенных граждан и организаций в отстаивании национальных интересов в ходе силовых конфликтов и в негосударственном секторе безопасности. Ярким примером существования реальных угроз, связанных в том числе и с кризисом национально-государственной идентичности, являются события на Юго-Востоке современной Украины. Попытки внешних акторов (иностранных фондов, международных общественных организаций самых разных форм) вмешиваться в формирование национальной идентичности суверенного государства привели фактически к гражданской войне в этом государстве [Комаровский, 2015].

Политическое участие: исторический фактор в современной перспективе

Осмысление человека как гражданина через его политическое участие стало предметом пристального внимания еще мыслителей Древней Греции и Древнего Рима. В Средние века, посредством теологических учений, предпринимались попытки изучения воздействия церкви на человека, его внутренний мир и общественно-гражданские инициативы. Оценивалось влияние духовной сферы на поведение верующих в обществе, которое широко использовалось для обожествления светской власти и таким образом легитимации монархий. В эпоху Просвещения движущей силой политического участия мыслители стали рассматривать естественно-правовые начала человеческой деятельности, на первый план выдвинулись идеи о рациональной природе человека.

В XX веке на волне изменений, произошедших во всех сферах общественной и политической жизни: угрозы ядерной войны, экологической катастрофы, угрозы мирового голода, техногенных катастроф, ограничения политических свобод, возникновения вместе с этим легальных и нелегальных движений протеста, – проблема политического участия актуализировалась.

Важные ориентиры в социокультурном понимании политической идентификации индивида и ее роли в политическом участии дают работы Г.Г. Дилигенского, рассматривающего политическое поведение сквозь призму социально-политической психологии и уделяющего внимание «большим сообществам» [Дилигенский, 1996]. В.М. Капицын рассматривает многообразие идентичностей индивида как ресурсы политического участия [Капицын, 1999]. И.С. Семененко обращает внимание на микро- и макроуровни гражданской идентичности, на возникновение под влиянием институциональной трансформации гибридных идентичностей [Семененко, Лапкин, Пантин, 2010; Семененко, Фадеева, 2011]. В.И. Коваленко рассматривает региональную идентичность, как важнейшую часть общенациональной идентичности [Коваленко, Алаутдинов, 2013]. Ю.Л. Качанов (социальная идентичность), Ч.Х. Кули, Дж. Мид, Г. Блюмер (символический интеракционизм) уделяют внимание изучению социальных аспектов идентичности [Качанов, Шматков, 1996]. П.А. Цыганков рассматривает проблему международной идентичности, соотношения национальной идентичности и национального интересах [Цыганков, 2002]. Работы таких авторов, как К.Г. Холодковский, В.И. Пантин, В.С. Комаровский, А.А. Мишучков, Г.Л. Никитюк поднимают проблематику формирования и выбора дальнейшего вектора развития национально-государственной идентичности в современной России [Комаровский, 2015; Мишучков, 2014; Никитюк, 2014; Холодковский, 2011].

Проблематику влияния институтов общества и государства на политическую идентификацию и политическое участие граждан в своих трудах изучают С.А. Авакьян, исследующий соотношение понятий «идеологическая идентификация», политическая идеология и система образования [Авакьян, 2009]. Э.Я. Баталов в своих работах рассматривает Русскую идею, как социальную мифологию [Баталов, 2010]. М. Вебер важнейшей задачей государства видит формирование общей национальной идентичности [Вебер, 1994]. В.И. Крусс, Л.С. Мамут, С.В. Поленина, Ю.Ю. Ветютнев в своих исследованиях уделяют внимание правовой идентичности, рассматривая ее как одну из присущих индивиду идентичностей [Ветютнев, 2005; Крусс, 2016; Мамут, 2001; Аристотель, 1911]. О.В. Митрошенков проводит социально-философский анализ идентичности как объекта управления [Митрошенков, 2016].

В современной России за последние десятилетия произошла активизация политической и духовной жизни общества, что обусловило существенные изменения и в массовом сознании, и в политическом поведении населения страны. Актуализировались вопросы реализации прав человека, их адекватного отражения в программах партий, различных об-

щественных движений. Именно риторика о правах человека стала фактором обострения национально-освободительных движений, политических кризисов и одновременно активного политического участия.

Резкое изменение уже ставшей привычной двуполярной геополитической системы мира вызвало волну политического радикализма, ряд конфликтов на национальной почве. И в корне этих явлений, несомненно, социальная дезориентация граждан когда-то большой единой страны в силу утраты ими национально-государственной идентичности. Другими словами, при повышенной политической активности граждан (объединений) отсутствует система и координация, развал уже налаженной, пусть не идеальной, политической системы не приводит к разумному результату – синхронному созданию альтернативной системы.

Личная и коллективная идентичность как составляющая политического участия

Идентификация как составляющая политического участия не могла не вызвать научного интереса, так как именно личная и коллективная идентичность позволяет четко артикулировать требования социальных и национальных движений. Сегодня проблема идентичности выдвигается в качестве основы идейно-политической борьбы и решения проблем социализации, консолидации и патриотического воспитания.

Возникновение термина «идентичность» изначально связано с психиатрией. Наиболее глубокие исследования идентичности проводил Э. Эриксон, который понимал ее как процесс «организации жизненного опыта в индивидуальное Я». Эриксон считал, что чувство эго-идентичности является оптимальным, когда человек имеет внутреннюю уверенность в направлении своего жизненного пути. В процессе формирования идентичности важно не столько конкретное содержание индивидуального опыта, сколько способность воспринимать различные ситуации как отдельные звенья единого, непрерывного в своей преемственности опыта индивида [Эриксон, 1996].

«Идентичность» – многозначный житейский и общенаучный термин, выражающий идею постоянства, тождества индивида и его самосознания, своеобразная «метка», позволяющая личности отождествить себя с группой и строго структурирующая систему убеждений. В природе политического участия можно условно выделить две группы мотиваций: личностно ориентированную и социо ориентированную. Несомненно влияние на развитие социальных и политических институтов в государстве и ценностных ориентаций индивидов.

В группе личностно ориентированных мотиваций важное место занимает самоорганизация человека, формирующая первичное индивидуальное отношение к происходящим в обществе и мире событиям. Социальное знание человек получает во взаимодействии с системами общества, в том числе и в процессе активного участия в общественной и политической жизни страны.

Важно отметить, что формированию политической идентичности предшествуют несколько уровней самоидентификации, которые человек проходит в процессе социализации в том или ином обществе. Именно самоорганизация человека в неполитических общностях (сферах) таких, как место обитания, характер духовных потребностей, сфера самореализации (в профессии, в трудовом коллективе) формирует предпосылки к его самоидентификации в политической сфере. Именно через многоуровневую предполитическую самоидентификацию формируется менталитет человека, сквозь призму которого он воспринимает и анализирует поток информации, отражающей политический процесс.

В современном мире с его разновекторными информационными потоками включенность человека и гражданина в медийное пространство неизбежно таит в себе опасность манипулирования сознанием и общественным мнением. С одной стороны, доступность информации позволяет принимать решения, исходя из всестороннего анализа ситуации, с другой, отсутствие невозможности проверить подлинность данных обязывает человека опираться на собственный опыт или ориентироваться на мнение группы. Человек стремится к сохранению целостности своих ценностных ориентаций в пространстве и времени, то есть к обеспечению целостной идентичности.

На идентификационный механизм политического участия огромное воздействие оказывают институты, функционирующие в данном обществе и государстве. Так, важной составляющей политической идентификации является понятие политической справедливости, выраженной через категории свободы, солидарности, равенства людей в данном обществе. Человеку присуще желание построить совместную жизнь в государстве на более справедливых началах, причем государство выступает как гарант политической справедливости. Воздействует на гражданина и его ментальность, через общественные институты и механизмы воздействия на них, государство само, в свою очередь, является объектом ответного воздействия.

Диалектичность процесса глобализации неизбежно формирует противоположные тенденции: с ростом политической активности обществу становятся характерны аномия, развиваются тенденции к политическому отчуждению и абсентеизму. Политическое безразличие чрезвычайно опасно для гражданского общества. В ситуации политического безразличия власть становится бесконтрольной. Усиливается вероятность возникновения предпосылок для утверждения новых тоталитарных режимов. Возрастают коррупция, эксплуатация и беззаконие, разрушающие систему изнутри. Массовый абсентеизм чреват и снижением электоральной активности до такого уровня, когда власть утрачивает свою легитимность.

В социальной теории XX века на основе критерия интенсивной и экстенсивной интенций общественного развития выделились три типа общества – доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное. С середины прошлого столетия широкое распространение получили концепции индустриального и постиндустриального обществ. Утверждалось, что данным социальным идеальным типам соответствуют и определенные типы глобализа-

ционных процессов. Было показано, что инверсия крайних форм социально-политической активности сопрягается с возникновением феномена «мозаичного» общества и неизбежно возникающей при этом аномией. Рост политической апатии становится характерным эпохе тревожным фактором [Арон, 1966; Баталов, 2010; Белл, 1999; Ростау, 1981; Тоффлер, 1999].

Специфика исследований политической активности в современной России обусловлена как процессами глобализации, влияние которых испытывает сегодня практически весь мир, так и продолжающимися последствиями кризиса постсоветской политической самоидентификации, трансформации политического сознания и формированием новой, соответствующей вызовам и угрозам современного мира российской политической общности.

Механизмы формирования и поддержания идентичности в современной России

Сложность процессов современного мира делает механизмы формирования и поддержания идентичности крайне поливариантными. В результате идентичность в целом и политическая идентичность в частности становятся более сложными и неоднозначными, провоцируют возникновение кризисов и парадоксов. При весьма болезненной ломке привычной системы ценностей, когда люди начинают поиск социальной группы, которая помогла бы им восстановить целостность мироощущения, быть готовыми к вызовам новой жизни, важно определить, какой социальный или политический институт является наиболее значимым для самоопределения человека и может гарантировать ему чувство уверенности и безопасности [Иванова, 2009, 85-89].

В связи с этим особое значение приобретает добровольчество, как новая форма политического участия и политической идентичности. Причинами обозначения добровольчества как новой формы политической идентичности является трансформация содержания добровольчества. Если длительное время современного периода добровольчество в общественной жизни представляло в основном неполитическую, социальную роль, будучи тождественным термину «волонтерство», то сейчас ситуация изменилась. Анализ восприятия в социуме термина «добровольчество» свидетельствует о его дуальности [Елеева, 2010; Обомерко, 2016; Соотношение понятий…, 2011]. С одной стороны, в повседневной общественной жизни добровольцами принято считать людей, совершающих по своему решению, без принуждения или реализации некоей обязательной функции общественно полезные дела: помощь бездомным, малоимущим, социально незащищенным; защита окружающей среды, спасение животных и т. п. С другой стороны, с активизацией России на внешнеполитической арене, с заявкой нашей страны на стабильное политическое участие в международных делах ситуация изменилась. Внешние вызовы и угрозы стали трансформировать добровольчество в парамилитарное и политическое состояние. Добровольцы стали объединяться с целью не только взаимной социальной поддержки, но и отстаивания своих политических позиций. Дело в том, что даже участие добровольцев в

вооруженных конфликтах прошлого и настоящего всегда направлено не столько на участие в конфликте как таковом, сколько на реализацию политических целей. В этом смысле афоризм Карла Клаузевица, что «война – это продолжение политики другими (насильственными) средствами», отражает суть участия добровольцев в вооруженных конфликтах, направленных на реализацию идеологических установок, влияние на принятие политических решений. Ярким примером этому являются события в Крыму и Донбассе. Считаем возможным допустить, что в процессе воссоединения Крыма с Россией фактор массового участия добровольцев в событиях учитывался при принятии судьбоносного решения, как показатель активной его поддержки населения России. В другом, недостаточное относительно численности населения Украины, Донбасса и России количество и местных ополченцев и добровольцев из России определило отказа от ввода российских войск в зону конфликта [Пинчук, 2016, 214-215]. Однако, есть все основания считать, что заявления таких организаций, как «Антимайдан», «Союз добровольцев Донбасса» и подобных о недопущении в стране «цветных революций» и излишней либерализации учитываются властями как один из важных фактором не только во внешнеполитической деятельности, но и при реализации внутренней политики.

Заключение

Можно утверждать дуальность добровольчества как явления, которое, изначально не являясь политическим процессом и способом политической идентификации, однако под вилянием современных изменений получило соответствующее проявление. По сути, добровольчество, претендующее на политическое участие, выделилось из волонтерства, направленного исключительно на социальные функции. Можно говорить о единой платформе добровольчества, реализуюемого либо в социальном волонтерстве, либо в добровольчестве, имеющем парамилитарную или чисто политическую направленность. Таким образом, добровольчество, реализуемое именно через политические интересы, позволяющее гражданам России сформулировать свое предназначение, круг ценностей и способы их отстаивания, является одной из форм современной политической идентификации.

Библиография

1. Авакьян С. Ни одна страна не может жить без идеологии // Российская Федерация сегодня. 2009. № 6. С. 2-3.
2. Аристотель. Политика. М.: Изд. М.и С. Сабашниковых, 1911. 215 с.
3. Арон Р. Три очерка об индустриальной эпохе. 1966.
4. Арон Р. 18 лекций об индустриальном обществе .1962
5. Баталов Э.Я. Русская идея и Американская мечта М.: Прогресс-традиция, 2010. 113 с.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999. 640 с.

7. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 705 с.
8. Ветютнев Ю.Ю. Возможна ли универсальная правовая идентичность? // Малинова О., Сунгуров А. (ред.) Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. СПб.: Норма, 2005. С. 41-52.
9. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1996. 304 с.
10. Елеева А.Б. Сравнительный анализ понятий добровольчество и волонтерство // Молодой ученый. 2010. № 1-2. Т. 1. С. 294-297.
11. Иванова А.Е. Политическая идентичность россиян: анализ парадоксальной динамики // Власть. 2009. № 2. С. 85-89.
12. Капицын В.М. Политическая идентификация как механизм политического участия: дис. … д-ра полит. наук. М., 1999. 328 с.
13. Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Базовая метафора в структуре социальной идентичности// Социологические исследования. 1996. № 1. С. 61-72.
14. Коваленко В.И., Алаутдинов А.А. Региональная идентичность в системе общероссийской идентичности // Политология – XXI век: политические ценности и политические стратегии. 2013.
15. Комаровский В.С. Формирование национально-государственной идентичности России: вызовы и риски // Власть. 2015. № 3. С. 20-27.
16. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. М.: Норма; Инфра-М, 2016. С. 14-21.
17. Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5-14.
18. Митрошенков О.А. Идентичность: от теоретических концептов к управленческим воздействиям // Власть. 2016. № 2. С. 14-28.
19. Мишучков А.А. Цивилизационная идентичность в системе общенациональной безопасности России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11(172). С. 244-250.
20. Никитюк Г.Л. Функции органов государственной власти в формировании национальной идентичности // European science review. 2014. № 5-6. С. 213-216.
21. О добровольцах, волонтерах, доброделах и «причинителях добра». URL: http://www.rusobschina.ru/2010-08-25-18-51-29/2740------l-r
22. Оберемко О. Представления волонтеров о самих себе и своем мире. 2016. URL: https://www.hse.ru/news/178935303.html
23. Пинчук И.В. Трансформация института добровольчества в связи с политическими процессами на постсоветском пространстве // Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития. М.: РАНХиГ, 2016.
24. Поленина С.В. Правовая политика российской федерации в сфере гендерных отношений // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 1(53). С. 62-80.

25. Ростоу В.В. Стадии экономического роста. Нью-Йорк,1981.
26. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. № 3. С. 40-59.
27. Семененко И.С., Фадеева Л.А. (ред.) Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 299 с.
28. Соотношение понятий волонтер-доброволец в российском законодательстве // Юристы за гражданское общество. 2011. 11 июня. URL: http://lawcs.ru/sobytiya/sootnoshenie-ponyatiy-volonter/
29. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
30. Холодковский К.Г. Двойственность российской идентичности // Полития. Анализ. Прогноз. 2011. № 1(60). С. 85-97.
31. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.:Гардарики, 2002. 590 с.
32. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

Political identity and political participation of the modern volunteer movement in Russia

Irina V. Pinchuk
Postgraduate,
Department of political science and public administration,
Institute of Social Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
119606, 84 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Banderolka86@mail.ru

Abstract

The article deals with the fact of the change of contents of volunteerism, separation of the institute of volunteering with the function of political power in the solution of a number of state issues. The author of this article connects the key aspects of this change in the space of modern public life with the concepts of political participation and identity, which are discussed in detail in historical and sociological perspective. The author notes that because of the variability of the mechanisms of formation and maintenance of national identity personal identity is complicated too, particularly political identity. Breaking the usual system of values intensifies the search of the sphere (social groups, ideas, etc.),

which would help to restore the integrity of the attitude of the individual. In this regard, of particular importance to volunteering as a new form of political participation and political identity. The author observes and analyzes the fact of twofold perception of the term "volunteering" at the present stage: social volunteering and volunteering with paramilitary / purely political orientation. With the intensification of Russia in the international arena, volunteering that is implemented through political interests, allows citizens to articulate values and ways of defending them, and it is one of the most actualized forms of modern political identity of the Russians.

For citation

Pinchuk I.V. (2017) Politicheskaya identichnost' i politicheskoe uchastie sovremennogo dobrovol'cheskogo dvizheniya Rossii [Political identity and political participation of the modern volunteer movement in Russia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 144-155.

Keywords

Political identity, political process, volunteerism, volunteering

References

1. Aristotel' (1911) *Politika* [Policy]. Moscow: M.i S. Sabashnikovykh Publ.
2. Aron R. (1962) *18 lektsii ob industrial'nom obshchestve* [Eighteen lectures on industrial society].
3. Aron R. (1966) *Tri ocherka ob industrial'noi epokhe* [Three essays on the industrial era].
4. Avak'yan S. (2009) Ni odna strana ne mozhet zhit' bez ideologii [No country can live without ideology]. *Rossiiskaya Federatsiya segodnya* [Russian Federation today], 6, pp. 2-3.
5. Batalov E.Ya. (2010) *Russkaya ideya i Amerikanskaya mechta* [Russian idea and American dream] Moscow: Progress-traditsiya Publ.
6. Batalov E.Ya. (2010) *Russkaya ideya i Amerikanskaya mechta* [Russian idea and American dream]. Moscow: Academia Publ.
7. Diligenskii G.G. (1996) *Sotsial'no-politicheskaya psikhologiya* [Socio-political psychology]. Moscow: Nauka Publ.
8. Eleeva A.B. (2010) Sravnitel'nyi analiz ponyatii dobrovol'chestvo i volonterstvo [Comparative analysis of the concepts of voluntariness and volunteering]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 1-2 (1), pp. 294-297.
9. Erikson E. (1996) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress Publ.
10. Ivanova A.E. (2009) Politicheskaya identichnost' rossiyan: analiz paradoksal'noi dinamiki [Political identity of the Russians: an analysis of the paradoxical dynamics]. *Vlast'* [Power], 2, pp. 85-89.

11. Kachanov Yu.L., Shmatko N.A. (1996) Bazovaya metafora v strukture sotsial'noi identichnosti [The underlying metaphor in the structure of social identity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Social researches], 1, pp. 61-72.
12. Kapitsyn V.M. (1999) *Politicheskaya identifikatsiya kak mekhanizm politicheskogo uchastiya. Dokt. Diss.* [Political identification as a mechanism of political participation. Doct. Diss.]. Moscow.
13. Kholodkovskii K.G. (2011) Dvoistvennost' rossiiskoi identichnosti [Dualism of Russian identity]. *Politiya. Analiz. Prognoz* [Polity. Analysis. Forecast], 1 (60), pp. 85-97.
14. Komarovskii V.S. (2015) Formirovanie natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti Rossii: vyzovy i riski [Formation of epy national-state identity of Russia: challenges and risks]. *Vlast'* [Power], 3, pp. 20-27.
15. Kovalenko V.I., Alautdinov A.A. (2013) Regional'naya identichnost' v sisteme obshcherossiiskoi identichnosti [Regional identity in the system of Russian national identity]. *Politologiya – XXI vek: politicheskie tsennosti i politicheskie strategii* [Politology – XXI century: political values and political strategies].
16. Kruss V.I. (2016) *Konstitutsionalizatsiya prava: osnovy teorii* [Law constitutionalization: bases of theory]. Moscow: Norma Publ.; Infra-M Publ.
17. Mamut L.S. (2001) Sotsial'noe gosudarstvo s tochki zreniya prava [Social state from the point of view of law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 7, pp. 5-14.
18. Mishuchkov A.A. (2014) Tsivilizatsionnaya identichnost' v sisteme obshchenatsional'noi bezopasnosti Rossii [Civilizational identity in the system of national security of Russia]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 11 (172), pp. 244-250.
19. Mitroshenkov O.A. (2016) Identichnost': ot teoreticheskikh kontseptov k upravlencheskim vozdeistviyam [Identity: from theoretical concepts to managerial impact]. *Vlast'* [Power], 2, pp. 14-28.
20. Nikityuk G.L. (2014) Funktsii organov gosudarstvennoi vlasti v formirovanii natsional'noi identichnosti [Functions of public authorities in shaping national identity]. *European science re*view, 5-6, pp. 213-216.
21. *O dobrovol'tsakh, volonterakh, dobrodelakh i "prichinitelyakh dobra"* [About unpaid worker, volunteers, goodness and the "causer of good"]. Available at: http://www.rusobschina.ru/2010-08-25-18-51-29/2740------l-r [Accessed 12/02/17].
22. Oberemko O. (2016) *Predstavleniya volonterov o samikh sebe i svoem mire* [The idea of volunteers about themselves and their world]. Available at: https://www.hse.ru/news/178935303.html [Accessed 17/02/17].
23. Pinchuk I.V. (2016) Transformatsiya instituta dobrovol'chestva v svyazi s politicheskimi protsessami na postsovetskom prostranstve [Transformation of the Institute of volunteerism in the context of political processes in the post-Soviet space]. *Rossiya v usloviyakh novoi poli-*

ticheskoi real'nosti: strategiya i metody razvitiya [Russia in the new political reality: strategy and methods of development]. Moscow: Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

24. Polenina S.V. (2016) Pravovaya politika rossiiskoi federatsii v sfere gendernykh otnoshenii [Legal policy of the Russian Federation in the sphere of gender relations]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 1 (53), pp. 62-80.
25. Rostou V.V. (1981) *Stadii ekonomicheskogo rosta* [The stages of economic growth]. New York.
26. Semenenko I.S., Fadeeva L.A. (ed.) (2011) *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a subject of political analysis]. Moscow: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of sciences.
27. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. (2010) Identichnost' v sisteme koordinat mirovogo razvitiya [Identity in the system of coordinates of world development]. *Polis*, 3, pp. 40-59.
28. Sootnoshenie ponyatii volonter-dobrovolets v rossiiskom zakonodatel'stve [The relationship between the concepts of the volunteer and unpaid worker in the Russian legislation] (2011) *Yuristy za grazhdanskoe obshchestvo* [Lawyers for a civil society], 11th June. Available at: http://lawcs.ru/sobytiya/sootnoshenie-ponyatiy-volonter/ [Accessed 12/02/17].
29. Toffler E. (1999) *Tret'ya volna* [The third wave]. Moscow: AST Publ.
30. Tsygankov P.A. (2002) *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii* [Theory of international relations]. Moscow: Gardariki Publ.
31. Veber M. (1994) *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Favorites. The image of society]. Moscow: Yurist Publ.
32. Vetyutnev Yu.Yu. (2005) Vozmozhna li universal'naya pravovaya identichnost'? [Is universal legal identity possible?]. In: Malinova O., Sungurov A. (eds.) *Prava cheloveka i problemy identichnosti v Rossii i v sovremennom mire* [Human rights and the issue of identity in Russia and in the modern world]. Saint Petersburg: Norma Publ., pp. 41-52.

УДК 32

Высшее образование и наука в политической призме

Новикова Вероника Михайловна
Соискатель Кафедры мировых политических процессов,
МГИМО (У) МИД России,
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 76;
e-mail: photii@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается политическое измерение науки и образования, роль которых в современном мире существенно возрастает. Научно-образовательный комплекс выступает одной из основ развития практически любой сферы жизни общества. Построение «экономики знаний» требует соответствующей политики государства по регулированию отношений ученых, образовательных учреждений и предприятий, а также эффективного внедрения результатов научной деятельности в экономику и коммерциализации инноваций. Научные открытия и их последствия являются важными факторами всей системы международных отношений, поскольку могут оказывать воздействие даже на ход мировой истории, что подтверждается такими примерами, как изобретение ядерного оружия, Интернета и ИКТ. Гуманитарные науки, в особенности история, обладают мощным потенциалом влияния на ценности, убеждения и восприятия обществом событий и процессов. Взаимодействие научно-образовательного комплекса и политической системы, инструменты использования политиками его возможностей, формы и последствия его воздействия на национальную и мировую политику требуют углубленного изучения, поскольку до настоящего времени этим вопросам уделялось недостаточное внимание в политических исследованиях.

Для цитирования в научных исследованиях

Новикова В.М. Высшее образование и наука в политической призме // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 156-164.

Ключевые слова

Наука, образование, политика, НИОКР, исследования, международные отношения, интеграция, глобализация, экономика, инновация, ИКТ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

В современном мире, переживающем переход от индустриального типа общественного воспроизводства к информационному, наука и высшее образование [Лебедева, 2006] играют особую роль, являясь своеобразной основой функционирования общества почти во всех ее сферах. Развитие экономики невозможно без научно-технического прогресса и подготовки высококвалифицированных специалистов; социально-гуманитарная область связана с облегчающими жизнь достижениями науки и увеличением доступа к образованию; обороноспособность государств также зависит от научных разработок и кадровой подпитки. Отдельного внимания заслуживает взаимодействие научно-образовательного комплекса и политики, которое до настоящего времени не являлось фокусом исследователей.

Научно-образовательный комплекс можно определить как «организованные в систему информационных и экономических связей звенья и структуры сферы науки и образования, а также звенья опытно-экспериментальных производств» [Маркин, 2003]. Также не стоит недооценивать и нематериальный компонент, связанный с трактовкой научно-образовательного комплекса как единой внутренне взаимосвязанной системы генерирования, накопления и передачи ценностей, морально-нравственных установок, социокультурных характеристик общества, политической культуры и отношений (в значении "attitude").

Политическая призма научно-образовательного комплекса не менее важна по сравнению с другими его измерениями, так как политическая система выступает «важнейшим механизмом организации, контроля и управления всеми процессами и сферами общественной жизни... играет решающую роль в развитии любой социальной подсистемы» [Семыкина, 2014]. Не секрет, что значительным фактором определения зрелости и эффективности политической системы служат устойчивый экономический рост и повышение благосостояния населения [там же, 24], поэтому, в первую очередь, следует проанализировать роль науки и образования в экономике и наращивании инновационного потенциала страны.

Государство и развитие потенциала «новой экономики»

Для продуктивного развития технологий и внедрения инноваций требуется адекватная политика властей, что сопряжено с возрастанием роли государства при выработке и осуществлении мер, направленных на активизацию инновационного процесса, усиление взаимодействия между производителем и потребителем, адаптацию спроса и предложения, развитие потенциала т. н. «новой» экономики, продуманную стратегию коммерциализации инноваций (т. е. «деятельность по вовлечению в экономический оборот научных и (или) научно-технических результатов»). В демократических и экономически развитых государствах в этот процесс вовлекаются различные политические силы, что стимулирует широкую общественно-политическую дискуссию. Это означает, что, в зависимости от отношения на-

селения к тем или иным инициативам, их успеха или провала, политические игроки получают или проигрывают политические бонусы, что может иметь электоральные последствия.

Усложнение технологий, требующее междисциплинарного подхода, способствует повышению спроса со стороны предприятий на научное обеспечение своей деятельности, в рамках которого задействованы не только научно-исследовательские организации, но и вузы, которые получают от фирм финансирование на целевые разработки, имеют возможность для практики и трудоустройства выпускников, адаптации своих учебных планов к требованиям рынка. Возрастание роли инновационной деятельности с точки зрения развития экономики страны стимулировало рост т. н. «спин-моделей» организации инновационных компаний университетов и НИИ (а также корпораций, стремящихся вывести свои НИОКР на рынок) как в России, так и в других странах. «Спин-модели» бывают двух типов: «спин-офф» компании, которые «отпочковались» от материнской компании (в данном контексте — от научно-образовательной организации) с целью ведения самостоятельных разработок и их коммерциализации, и «спин-аут» компании, которые сохраняю тесные связи с материнской корпорацией и подконтрольны ей в управленческих, финансовых, административных и других вопросах [Порхун, 2011].

Организация спин-компаний способствует укреплению научно-образовательного комплекса страны, повышению его эффективности благодаря развитию университетской науки, научно-исследовательской деятельности преподавателей и студентов. Особую значимость этот процесс приобретает в условиях глобализации мировой экономики и региональной интеграции, так как на базе спин-компаний возможно наращивание объемов международного сотрудничества вузов и научных организаций, академической мобильности, обмена опытом, ведения совместных научных прикладных разработок. В рамках интеграционных объединений на основе таких взаимодействий формируется определенный импульс, который транслируется на политический уровень, побуждая к принятию соответствующих решений для гармонизации политик интегрирующихся государств в научно-образовательной и социально-экономической области.

Относительно малоразработанной остается проблематика влияния научных исследований, технологических прорывов на политику отдельных государств и систему международных отношений в целом. Учитывая философское разделение форм бытия на материальную и идеальную [Лебедев, 2015], в которых в контексте жизни общества большое значение имеет политика. Рассуждения в этом ключе приводят к тому, что естественные науки связаны с политикой в материальной сфере, а гуманитарные — в идеальной (или духовной) [Мартыненко, www]. Данный тезис подтверждают следующие примеры.

Оборонная политика развитых государств во многом обеспечивается за счет достижений научно-технического прогресса, включая высокоточное оружие, компьютеризацию военной деятельности, спутниковые системы и бесконтактного дистанционного воздействия на противника. Соответственно, государство финансирует научные разработки для ВПК и развития различных новых технологий в целях обеспечения своей безопасности. Так СССР в эпоху холодной войны вкладывает колоссальные ресурсы не только в «оборонку», но и в свою кос-

мическую программу: на станцию «Мир» было потрачено порядка 4,1 млрд долл., на создание и использование луноходов около 5 млрд. долл., а США не жалели средств на создание ядерной бомбы, которая и была применена в боевых условиях против Японии. Несомненно, эти программы и последовавшее за ними развитие, обеспеченное научной мыслью и подготовленными в вузах специалистами, по сей день оказывают колоссальное влияние на всю мировую политику. Современные проблемы ядерного оружия, атомной энергетики, опасность их использования террористами, недопущение милитаризации космоса прямо или косвенно связаны с научно-технической деятельностью и наличием соответствующих кадров.

Другим примером служит повсеместное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и средств связи, которые стали важным фактором как национальной политики, так и международных отношений. Появились термины «информационная война», «кибер-безопасноть» и «информационная безопасность», «медиатизация политики», «цифровая дипломатия», «политизация медиа». Все это стало реальность благодаря созданию Интернета в 1969 году исследовательской группой, законтрактованной Министерством обороны США [Зиновьева, 2010]. С помощью ИКТ возможно манипулирование массовым сознанием и конструирование необходимого восприятия тех или иных реалий и политических процессов. Проблемный момент здесь заключается еще и в том, что «информационные операции» могут иметь непредсказуемые последствия, а реакция на них приобрести неуправляемый характер. Практическое воплощение эти феномены получили в ходе «арабской весны», где не последнюю роль сыграли социальные сети (ставшие возможными после изобретения учеными протокола IRC), раскрытии секретной информации WikiLeaks, обвинениях отдельных стран в адрес России в связи с якобы «атаками российских хакеров», а также в регулярно проводимых встречах относительно установления международного регулирования Интернета, поскольку сегодня присвоением имен и адресов Интернета занимается CANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) — Корпорация по присвоению имен и адресов интернета, которая функционирует по контракту с Министерством торговли США [Зиновьева, 2009].

Влияние гуманитарных наук на политику, возможно, не столь явно, как естественных, но не менее значимо, поскольку с их помощью возможно оказывать влияние на мировоззрение человека и формировать требуемое восприятие населением процессов и событий. Опыт Советского Союза, где гуманитарные науки обеспечивали функционирование политической идеологии посредством пропаганды марксизма-ленинизма, коммунизма и социализма. То есть они способствуют государству в формировании у общества определенной картины миры, интерпретаций, укрепления позитивного имиджа власти или отрицательного имиджа «другого» или «врага». Особая роль в этом деле отводится исторической науке, которая, несмотря на то, что она должна быть сугубо объективной и непредвзятой, порой, к сожалению, является политическим инструментом. Нередки случаи, когда некоторые государства грешат «переписыванием» истории, фальсификацией исторических данных в целях достижения политической выгоды. В вузах и школах ведется соответствующее преподавание истории, пишутся полити-

чески ангажированные учебники. Украинский исследователь В.А. Пироженко подчеркивает, что создание исторических мифов отнюдь не способствует здоровому выстраиванию национальной идентичности [Пироженко, www], а только осложняет международные отношения и разжигает этнические противоречия. Эффективной борьбе с искажением истории может помочь сотрудничество ученых, которые не аффилированы с политиками, ради сохранения исторической правды и справедливости [Петров, Шнирельман, 2011].

Заключение

Рассмотренные примеры наводят на мысль о наличии серьезной проблемы отношений науки и политики — те открытия, которые имеют общую ценность для всего человечества, могут использоваться в интересах одного государства или их группы, что идет вразрез с трактовкой науки как универсального источника знаний ради развития всего мира. Кроме того, ученые оказываются перед морально-нравственной дилеммой: желанием служить своей стране и всему человечеству и опасениями относительно потенциального вреда открытий и их применения в политически-корыстных целях. Также новые технологии, развитие «умов» и эффективное образование доступны не всем странам, что обостряет неравенство государств в области возможности проведения научных исследований и, как следствие, научно-технического прогресса и экономического развития на его основе. Естественно, что государства, которые совершают крупные вливания в свою науку, не спешат безвозмездно передавать свои технологии. В определенной степени эта проблема решается за счет функционирования интеграционный объединений при наличии политических решений об увеличении научно-технологического взаимодействия.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что наука и наличие высококвалифицированных специалистов, обеспечиваемые высшим образованием [Лебедева, 2009], оказывают серьезное влияние на глобальное развитие, систему международных отношений, позиции государств на мировой арене, и даже на ход истории. На национальном уровне научно-образовательный комплекс является своеобразной основой выстраивания общественных отношений в различных областях, так как от него во многом зависит экономический рост, переход к инновационной «экономике знаний», что требует выработки адекватной политики. Государственные и политические деятели также опираются на мнения ученых при принятии тех или иных стратегических решений. Роль науки и образования в политике возрастает в эпоху беспрецедентного развития ИКТ и иных наукоемких технологий, что порождает необходимость более глубокого ее изучения в политической науке.

Библиография

1. Зиновьева Е.С. Международное управление интернетом: проблемы, подходы, перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6. С. 167.

2. Зиновьева Е.С. Роль международных организаций и институтов а формировании режима управления интернетом: автореф. дисс. канд. полит. наук. М., 2009. 29 с.
3. Лебедев С.А. Основы философии науки. М.: Юрайт, 2015. 544 с.
4. Лебедева М.М. Политикообразующая функция высшего образования в современном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 10. С.69-75.
5. Лебедева М.М. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6. С. 1-6.
6. Маркин В.Н. Научно-образовательный комплекс в системе общественного воспроизводства: дис …. канд. эк. наук. М., 2003. 379 с.
7. Мартыненко В. Социальная матрица политического знания // Анатомия политики. URL: http://www.martynenko-info.ru/articles/article_015_1.php3
8. О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» в части совершенствования финансовых инструментов и механизмов поддержки научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.07.2015. № 270-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 03.07.2015: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 08.07.2015 // Российская газета. 2015. 20 июля.
9. Петров А.Е., Шнирельман В.А (ред.) Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М.: ИА РАН, 2011. 384 с.
10. Пироженко В.А. Фальсификация истории Второй мировой войны и иделогия этнического национализма в историческом образовании на Украине. URL: http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/26/2dfed2881de6a4bd9786e98ecbd7b27f5338db97.pdf
11. Порхун Е.Ю. Возможность применения моделей «спин-офф» и «спин-аут» при организации инновационных компаний // Креативная экономика. 2011. № 5(53). С. 103-104.
12. Семыкина Т. Взаимодействие политической и экономической систем в современной России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 3(15). С. 21.
13. Цена прогресса: 5 самых дорогих космических проектов. URL: http://www.rbc.ru/society/06/04/2011/5703e5c19a79473c0df1c7e6.

Higher education and science in the political prism

Veronika M. Novikova
Postgraduate at the Department of world political processes,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,

119454, 76 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: photii@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the political dimension of science and education, since their role in the modern world is substantially growing. Scientific-educational complex is considered as one of the fundamental elements of society. "Knowledge-based economy" requires an appropriate state policy to regulate the relations among scientists, educational institutions and enterprises, as well as the effective incorporation of research results in national economy and the commercialization of innovations. Scientific discoveries and their consequences are important factors for the system of international relations, as they can even affect the course of world history, which can be exemplified by the invention of nuclear weapons, the Internet and ICT. Humanities, in particular History, have a powerful potential to influence values, beliefs and perceptions of events and processes by society. The interaction of scientific-educational complex and political system, the tools of applying its possibilities by politicians, the forms and consequences of its impact on national and world politics should be a subject of an in-depth analysis by political scientists, since to date these issues have received little attention in political studies.

For citation

Novikova V.M. (2017) Vysshee obrazovanie i nauka v politicheskoi prizme [Higher education and science in the political prism]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 156-164.

Keywords

Science, education, policy, R&D, research, international relations, integration, globalization, economy, innovation, ICT.

References

1. Lebedev S.A. (2015) *Osnovy filosofii nauki* [Foundations of philosophy of science]. Moscow: Yurait Publ.
2. Lebedeva M.M. (2006) Politikoobrazuyushchaya funktsiya vysshego obrazovaniya v sovremennom mire [Policy-forming function of higher education in the modern world]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 10, pp. 69-75.
3. Lebedeva M.M. (2009) Vysshee obrazovanie kak potentsial "myagkoi sily" Rossii [Higher education as a potential of "soft power" of Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO review of international relations], 6, pp. 1-6.

4. Markin V.N. (2003) *Nauchno-obrazovatel'nyi kompleks v sisteme obshchestvennogo vosproizvodstva: dis .... kand. ek. nauk* [Scientific-educational complex in the system of social reproduction. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
5. Martynenko V. Sotsial'naya matritsa politicheskogo znaniya [The social matrix of political knowledge]. *Anatomiya politiki* [Anatomy of policy]. Available: http://www.martynenko-info.ru/articles/article_015_1.php3 [Accessed 17/12/16].
6. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "O nauke i gosudarstvennoi nauchno-tekhnicheskoi politike" v chasti sovershenstvovaniya finansovykh instrumentov i mekhanizmov podderzhki nauchnoi i nauchno-tekhnicheskoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.07.2015. № 270-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 03.07.2015: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 08.07.2015 [On amendments to the Federal law "On science and state scientific and technical policy" to improve financial instruments and mechanisms to support scientific and scientific-technical activity in the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation on July 13, 2015 No. 270-FZ: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on July 3, 2015: approved by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on July 8, 2015] (2015). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 20th Jul.
7. Petrov A.E., Shnirel'man V.A (eds.) (2011) *Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovanie etnokraticheskikh mifov* [Falsification of historical sources and constructing ethnocratic myths]. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.
8. Pirozhenko V.A. *Fal'sifikatsiya istorii Vtoroi mirovoi voiny i idelogiya etnicheskogo natsionalizma v istoricheskom obrazovanii na Ukraine* [The falsification of history of the Second World War and ideology of ethnic nationalism in historical education in Ukraine]. Available at: http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/26/2dfed2881de6a4bd9786e98ecbd7b27f5338db97.pdf [Accessed 17/12/16].
9. Porkhun E.Yu. (2011) Vozmozhnost' primeneniya modelei "spin-off" i "spin-aut" pri organizatsii innovatsionnykh kompanii [The possibility of usage of "spin-off" and "spin-out" models in organization of innovative companies]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy], 5(53), pp. 103-104.
10. Semykina T. (2014) Vzaimodeistvie politicheskoi i ekonomicheskoi sistem v sovremennoi Rossii [The interaction of political and economic systems in modern Russia]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University], 3(15), pp. 21.
11. *Tsena progressa: 5 samykh dorogikh kosmicheskikh proektov* [The price of progress: 5 most expensive space projects]. Available at: http://www.rbc.ru/society/06/04/2011/5703e5c19a79473c0df1c7e6. [Accessed 17/12/16].

12. Zinov'eva E.S. (2009) *Rol' mezhdunarodnykh organizatsii i institutov a formirovanii rezhima upravleniya internetom: avtoref. diss. kand. polit. nauk* [The role of international organizations and institutions in the formation of the regime of Internet governance. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
13. Zinov'eva E.S. (2010) Mezhdunarodnoe upravlenie internetom: problemy, podkhody, perspektivy [International Internet governance: issues, approaches, perspectives]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO review of international relations], 6, pp.167.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 327.8

Роль Ирана в гражданской войне в республике Йемен

Ильина Юлия Игоревна

Аспирант,
кафедра геополитики,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51;
e-mail: a_khr1@mail.ru

Аннотация

В данной статье автор анализирует роль Ирана в государственном перевороте в республике Йемен, совершённого в начале феврале 2015-го года и последовавшего за ним гражданского конфликта, сопровождающегося интервенцией войск коалиции стран ССАГПЗ (Саудовская Аравия, Катар, Бахрейн, ОАЭ и некоторые другие). В ходе анализа фактического материала, полученного из разнообразных источников (новостных статей, официальных заявлений должностных лиц, видеоматериалов) автор приходит к выводу, что переворот в Йемене есть следствие внутренней политической борьбы между религиозно-политическими группами внутри страны и связано с процессом маргинализации зейдитского (шиитского) меньшинства после революции 1962-го года, уничтожившей Йеменское Мутаваккилитское Королевство. Автор доказывает, что военная помощь Тегерана повстанцам не оказывает существенное влияние на ход боевых действий и вряд ли сможет привести к перелому в войне. С точки зрения геополитики эскалация данного конфликта также не является однозначно выгодной для Тегерана. Возможное обострение ирано-саудовских отношений может привести к «горячей» войне между двумя странами, что, по сути, не выгодно ни одной из них. Немаловажным фактором является и позиция США, пытающихся выступать в качестве арбитра между враждующими сторонами.

Для цитирования в научных исследованиях

Ильина Ю.И. Роль Ирана в гражданской войне в республике Йемен // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 165-175.

Ключевые слова

Иран, Йемен, Саудовская Аравия, США, государственный переворот, гражданская война.

Введение

Тема влияния Ирана на социально-политические процессы в Йеменской республике приобрела особенную актуальность после государственного переворота, совершенного в феврале 2015-го года представителями религиозно-политического движения хуситов[1] [Yemen crisis…, 2015, www].

В ходе анализа данной проблемы возникает ряд вопросов:

1) какова роль Тегерана в свержении президента Абд Раббу Мансура Хади;

2) оказывает ли Иран военную помощь хуситам и насколько она может повлиять на исход конфликта;

3) какие политические последствия имел данный переворот для ирано-саудовских, ирано-американских и американо-саудовских отношений.

Для начала необходимо обратится к истории зейдитской общины в Йемене. Следует отметить, что данное направление шиитского ислама по правовым установлениям близко к суннитской ханафитской школе права [Zaidiyyah, www].

С 1918 по 1962-й год зейдитская династия правила Йеменским Мутаваккилитским королевством. В ходе переворота 1962 года она было упразднено, а зейдиты – отстранены от власти.

Революция 1979-го года в Иране ещё более усложнила положение зейдитской общины, составляющей 42% населения страны [Izady, 2016, www]. Саудовская Аравия опасаясь «экспорта исламской революции», способствовала распространению в Йемене ислама «ваххабитского» толка, осуществлявшейся при поддержке самой Саудовской Аравии.

Хусейн Бадреддин аль-Хуси в 1986-м году посетил Иран. Достоверно не известно встречался ли он с высшими должностными лицами Исламской республики и договорился ли о получении военной или финансовой помощи. При этом он воспринял агрессивную иранскую антиамериканскую и антиизраильскую риторику.

В начале 1990-х годов аль-Хуси становится членом парламента и начинает вести политическую деятельность. К началу 2000-х годов деятельность аль-Хуси и его последователей становилась всё более радикальной и в итоге переросла в вооруженное столкновение с тогдашним президентом Йемена Салехом. Боевые действия на Севере страны длились практически непрерывно с 2004-го по 2009 год. Для подавления восстания Салех прибег к помощи Саудовской Аравии, однако совместная операция не была успешной. Хуситам даже удалось захватить две деревни на территории Королевства, но аль-Хуси был убит. Его приемником стал брат – Абдул Малик Бадреддин аль-Хуси.

В ходе столкновений, примерно в период 1-7 февраля 2015-го года хуситы окончательно взяли под свой контроль столицу Йемена – Сану [Yemen crisis…, 2015, www]. Было объяв-

1 Хуситы или «Ансаралла» – религиозно политическое движение, основанное Хусейном Бадр ад-Дином аль-Хуси (и зачастую именуемое по его фамилии) в конце 1990-х – начале 2000-х г.г. из представителей племён северного Йемена, исповедующими ислам зейдитского толка.

лено о том, что «революционный комитет» хуситов берёт всю полноту власти в свои руки, а также о принятии новой «конституционной декларации» и отстранении от власти президента Хади [Хуситы…, 2015].

По просьбе свергнутого президента коалиция стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) под руководством Саудовской Аравии вмешалась в гражданскую войну в Йемене. С 26-го марта 2015 года территория Йемена была подвергнута интенсивным бомбардировкам ВВС стран коалиции. Данная операция получила название «Буря решимости». С 21 апреля 2015 года Саудовская Аравия заявила о прекращении бомбардировок и начале новой операции – «Возрождение надежды», в ходе которой в Йемен был введён сводный контингент наземных сил просаудовской коалиции.

Военная помощь хуситам со стороны Ирана

Руководство Исламской республики однозначно квалифицировало вторжение просаудовской коалиции в Йемен как агрессию, но при этом дистанцировалось от военной поддержки хуситов. Ещё до начала военной операции просаудовской коалиции, представитель главы ИРИ (рахбара А. Хаменеи) в Корпусе стражей исламской революции Ходжат уль-эслам Али Ширази заявил, что ««Хезболла», созданная в Ливане, теперь имеет последователей в Ираке и Сирии. Сегодня мы являемся свидетелями появления в Йемене группы «Ансаралла» (хуситы) и в будущем все эти группы выйдут на поле боя против врагов ислама и мусульман» [ایران دشمنا…, 2015, www].

Хотя из вышеприведённого заявления прямо не следует, что Иран будет оказывать военную поддержку хуситам, оно дало весомый повод для сомнений в нейтралитете Исламской республики из-за аналогий с движением «Хезболла», которое многие расценивают как агента влияния Ирана на Ближнем Востоке и инструмент «экспорта исламской революции».

При этом заместитель министра иностранных дел Ирана Хосейн Амир Абдоллахиан в интервью от 17-го апреля 2015-го года заявил: «Иран не вмешивается (в дела) Йемена и не направлял туда армейские подразделения и даже военных инструкторов. И какую тактику изберёт Йемен для борьбы с саудовской агрессией, является исключительно внутренним делом (страны)» [Diplomat dismisses…, 2015, www].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о военной помощи Ирана хуситам. Руководство Йемена, как при Салехе, так и при Хади, неоднократно заявляло о том, что они являются агентами влияния Тегерана. При этом, Хади уже после государственного переворота 2015-го года, заявил о желании привлечь в страну иранские инвестиции [Iran Keen…, 2015, www].

В 2015-м и 2016-м г.г. в саудовских и американских СМИ появились сообщения о «задержании в территориальных водах Йемена силами ВМФ США и коалиции стан ССАГПЗ иранских кораблей с оружием, предназначенным для хуситов». По информации СМИ, при

обыске было обнаружено стрелковое и противотанковое оружие. При этом не было представлено фото или видеоматериалов арестованного груза [US: Iranian arms…, 2015, www].

В 2015 году, когда неназванное официальное лицо ССАГПЗ заявило о «5000 шиитских бойцах из Ирана, Ливана и Ирака якобы воюющих на стороне хуситов». Это заявление также не было подтверждено документально [Saudi Claims…, 2015, www].

Периодически сообщалось об ударах хуситов по территории Саудовской Аравии тактическими ракетами «иранского производства». Этот аргумент используется как доказательство того, что Иран вооружает хуситов. Так 30 октября 2016-го года ряд СМИ сообщили о несостоявшемся ракетном ударе по городу Мекка [Iran-Aligned Houthis…, 2016, www]. Утверждалось, что баллистическая ракета, выпущенная по Мекке была сбита силами ПВО Саудовской Аравии на расстоянии 65 км от города. Были опубликованы и фотографии обнаруженных частей сбитой ракеты, но они не позволяют идентифицировать тип и производителя оружия.

Сами же хуситы заявили о том, что пуск баллистической ракеты действительно имел место 27-го октября, а не 30-го и целью удара являлся не г. Мекка, а международный аэропорт г. Джидда, где базируется также и боевая авиация просаудовской коалиции [Al-Masdar News, 2016, www]. Необходимо учитывать, целями всех предыдущих ударов по территории Королевства являлись исключительно военные объекты, которые находились неподалёку от границы, что заставляет ещё больше сомневаться в правдивости саудовских СМИ.

Кроме того, ракетный удар по священному для всех мусульман городу нанёс бы непоправимый удар по репутации йеменских повстанцев и в частности Ирана, который якобы снабжает их оружием. Кроме всего прочего, крупные региональные СМИ, такие как египетский портал «Аль-Ахрам» и катарский телеканал «Аль-Джазира» не стали распространять данную новость. «Рейтерс» сообщил «о предполагаемом» ударе «со ссылкой на представителя правительства Саудовской Аравии», приводя при этом в статье и вышеописанную позицию хуситов [Yemen's Houthis…, 2016, www]. Однозначного вывода о том, действительно ли имело место нападение на территорию Королевства, обозреватели издания не сделали.

Для оценки объективности подобного рода сообщений необходимо обратиться к тактико-техническим характеристиками используемого йеменскими повстанцами оружия. Расстояние от ближайшей точки на границе Йемена до центра Мекки – около 565 км [Google Maps, 2017, www]. Поразить цель на таком расстоянии не могут ни ОТР-21 «Точка» (радиус поражения «Точки-У» до 120 км) [Military Russia…, 2009, www], ни Р-17 (300 км), ни тем более «Луна-М» (70 км). Иранские аналоги данных ракет, которые могут находиться в распоряжении хуситов также имеют декларируемый производителем радиус действия не более 250 км (для ракет «Зильзаль-3»). Разумеется, Иран обладает и более дальнобойным ракетным оружием, таким как «Шехаб-2» (500 км), «Шехаб-3» (около 2000 км. в зависимости от модификации) и «Седжиль» (более 2000 км) [НВО, 2011, www]. Однако достоверных сведений о наличии в Йемене таких ракет на данный момент не имеется.

Сами хуситы, заявили, что обладают ракетами «Буркан-1» с радиусом действия до 800 км и нанесли ракетный удар по базе ВВС Саудовской Аравии в г. Таиф, расположенном недалеко от Мекки [Yemen's Houthis…, 2016, www]. Проверить достоверность данного заявления не представляется возможным, как и соответствие заявленных тактико-технических характеристик йеменской ракеты реальным. На электронном ресурсе *"Youtube"* размещён ролик с предполагаемым запуском «Буркан-1» от 2-го сентября 2016-го года. Однако видеозапись сделана ночью, и различить очертания ракеты не представляется возможным [Yemen fights back…, 2016, www].

Очевидно, что повстанцы вряд ли обладают необходимой компетенцией и производственными мощностями для изготовления тактических баллистических ракет. Однако эксперты отмечают, что ракеты и компоненты для их изготовления могут быть приобретены на «чёрном» рынке оружия Йемена. Эту версию подтверждает бывший посол США в Йемене Стивен Сешэ [ROYG looks…, www].

При этом не исключено, что на контролируемой повстанцами части страны могут присутствовать иранские военные или, что более вероятно вооруженные подразделения «Хезболлы». Это косвенно подтверждается тем, что видеозаписи боевых действий со стороны хуситов выкладываются на канале "YouTube", аффилированного, по некоторым данным, с «Хезболлой» [المركز العربي العالم, www]. Возможно, что Иран также поставляет хуситам некоторое количество стрелкового оружия, противотанковых управляемых ракет, иных видов вооружения и боеприпасов. Однако на сегодняшний день очевидно, что масштабы таких поставок невелики и существенно не влияют на ход войны.

Геополитический контекст гражданской войны в Йемене и его значение для Ирана

При анализе роли Ирана в данном конфликте необходимо учесть, что его возникновение и ход неразрывно связаны с ирано-саудовскими, ирано-американскими и американо-саудовскими отношениями. Необходимо помнить, что в 2014-м году против Хади выступили не только хуситы, но и военные, поддерживавшие предыдущего президента Салеха. Немалую роль в создании такого союза сыграла недальновидная политика Саудовской Аравии, которая решила искоренить хуситов при помощи военной силы, а те, в свою очередь, стали ориентироваться на Иран, как на своего политического покровителя в регионе.

Обратимся к событиям 2011-го года, когда в Йемен пришла «Арабская Весна». Тогда к протестам против правительства присоединились и хуситы, в результате чего, Салеху пришлось уйти в отставку. Избрание нового президента, Хади, не привело к изменению положения зейдитов в общем и хуситов в частности. Салех, которого часто называют деспотом и сторонником «макиавеллизма» во внутренней политике, всё-таки был зейдитом, хотя и не был религиозным человеком [Milani, 2015, www].

Саудовские власти продолжали видеть в хуситах агентов влияния Ирана, якобы ведущего подрывную деятельность против Королевства [Iranian arms…, 2016, www]. При этом, в открытых источниках не появлялось более или менее достоверных сведений, которые могли бы свидетельствовать о том, что власти Иранской республики оказывают хуситам серьёзную военную помощь и контролируют их деятельность. Уже с 2009-го года саудовские власти начали политику по депопуляции южных районов, опасаясь того, что местные племена могут встать на сторону повстанцев.

При этом, пропаганда «ваххабитского» ислама в Йемене, во время правления Хади не только не уменьшилась, но стала набирать всё большие обороты. Вызванное этим усиление влияния радикальных исламистских группировок, таких как Аль-Каида в странах Персидского залива, представляло угрозу не только для хуситов, но и для всей зейдитской общины, что не могло не подтолкнуть их обратиться в сторону Ирана [Saudis and Extremism…, 2016, www].

Радикальная позиция саудовских богословов по отношению к шиизму и шиитам вообще только обостряла ирано-саудовские отношения и придавала политическому конфликту религиозную окраску. Так, например, для разрешения гражданского конфликта хуситы предлагали привлечь в роли посредника известного шиитского авторитета, отличающегося умеренными взглядами и независимостью от иранского религиозного истеблишмента – великого аятоллу Али Систани.

Однако саудовские религиозные авторитеты отвергли данное предложение, а шейх Мухаммад аль-Арифи и вовсе назвал Систани «неверным» [Milani, 2015, www]. Справедливости ради следует отметить, что и некоторые шиитские богословы порой также позволяют критические замечания, иногда достаточно острые по отношению к суннитам, что не способствуют укреплению единства исламской уммы.

Вторжение Саудовской Аравии в Йемен внесло серьёзные «поправки» в отношения между Королевством и США, что не могло не сказаться и на ирано-американских отношениях. Реакция американского руководства на вступление саудитов в йеменский конфликт можно назвать нейтрально-негативной [US generals…, 2015, www].

Очевидно, что в Вашингтоне осознают возможность перерастания данной «прокси-войны» в настоящую, «горячую» войну между Ираном и Саудовской Аравией, в то время как для Америки, также как и для стран ЕС, безопасность морских торговых путей вокруг Аравийского полуострова, используемых для доставки нефти является стратегически важным.

Эскалация ирано-саудовского конфликта могла бы повлечь значительные репутационные издержки для США, подрывая имидж «миротворца», создаваемого Президентом Б. Обамой. При этом Королевство является стратегическим партнёром Вашингтона, а с Ираном Америка совсем недавно подписала соглашение по ядерной программе, которое позиционировалось как первый шаг на пути нормализации отношений с давним врагом. Кроме

того, значительно увеличился бы и риск возможных атак на объекты военной инфраструктуры США, расположенной в странах Персидского Залива, как со стороны радикалов «Аль-Каиды» или «ИГИЛ»[2] так и со стороны иранских спецслужб.

В данной ситуации Вашингтон решил занять позицию компромисса. Пресс-секретарь Государственного департамента США Джен Псаки заявила о наличии у американских спецслужб информации о предоставлении Ираном «всевозможной помощи» хуситам. При этом она отметила, что у Вашингтона нет доказательств того, что Тегеран контролирует действия повстанцев [Psaki: Iran…, 2015, www].

В то же время Американские власти явно неоднократно выражали своё негативное отношение к интервенционистской внешней политике Королевства. В частности, Конгрессом США, несмотря на вето президента, был принят закон против спонсоров терроризма, позволившим американцам подавать иски к Саудовской Аравии о возмещении ущерба, причинённого терактом 11-го сентября 2001-го года в американские суды.

Необходимо отметить, что этот закон был поддержан, в том числе, сенаторами и членами Палаты представителей от демократической партии (S. 2040). Конечно же, можно считать эти события проявлением внутренней оппозиции политике Б. Обамы, но они вполне могут являться частью хорошо продуманной политической игры, имеющей целью расширить арсенал инструментов давления и контроля ближневосточных союзников США. Одновременно с этим власти США заявляют и о необходимости расширения санкций против Тегерана. Однако эта мера связана более с участием Ирана в сирийском конфликте и «произральиской» позицией избранного президента Д. Трампа, нежели с событиями в Йемене. В любом случае, охлаждение американо-саудовских отношений играет на руку Тегерану.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить:

1. переворот 2015-го года в Йемене и свержение «просаудовского» президента Хади не инспирированы Ираном. Тегеран не контролировал и не может контролировать действия хуситов;

2. вторжение в Йемен войск просаудовской коалиции привело к резкому ухудшению ирано-саудовских отношений и поставило обе страны на порог военного конфликта, крайне опасного для всего региона. Его результатом также стало и значительное ухудшение американо-саудовских отношений, что, безусловно, выгодно Тегерану;

3. на сегодняшний день весомые доказательства иранской военной помощи хуситам отсутствуют. Если такая помощь и имеет место, то она не оказывает существенного влияния на ход гражданской войны в Йемене.

2 Запрещенные в России террористические организации.

Библиография

1. Козырная карта военно-морских сил Ирана. URL: http://nvo.ng.ru/armament/2011-09-30/8_iran.html
2. Хуситы в Йемене приняли новую «конституционную декларацию». URL: https://ria.ru/arab_ye/20150206/1046354941.html
3. Diplomat dismisses claim of Iran interference in Yemen. 2015. URL: http://presstv.ir/Detail/2015/04/17/406657/Iran-denies-claims-of-meddling-in-Yemen
4. Google maps. URL: www.maps.google.ru
5. Houthi forces launch first missile towards major Saudi city. URL: https://www.almasdarnews.com/article/houthi-forces-launch-first-missile-towards-major-saudi-city
6. Iran Keen on Expanding Investment in Yemen. 2015. URL: http://en.farsnews.com/newstext.aspx?nn=13931013001131
7. Iran-Aligned Houthis Face International Outrage for Attack against Makkah. URL: http://english.aawsat.com/2016/10/article55361068/iran-aligned-houthis-face-international-outrage-attack-makkah
8. Iranian arms sent to Yemen via Somalia. 2016. URL: http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2016/12/01/Report-Iranian-arms-sent-to-Yemen-via-Somalia-.html
9. Izady M. Yemen: Ethno-religious composition (Map). Columbia University. 2016. URL: http://gulf2000.columbia.edu/images/maps/Yemen_Ethno_Religious_summary_lg.png
10. Milani M. Iran's Game in Yemen. 2015. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/2015-04-19/irans-game-yemen
11. Military Russia. SS-21 SCARAB. 2009. URL: http://militaryrussia.ru/blog/topic-191.html
12. Psaki: Iran Funneling Arms to Houthis Won't Make Us Re-Think Deal. 2015. URL: http://www.breitbart.com/video/2015/04/22/psaki-iran-funneling-arms-to-houthis-wont-make-us-re-think-deal/
13. ROYG looks ahead following ct operations, but perhaps not far enough. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09SANAA2251_a.html
14. S. 2040 – Justice Against Sponsors of Terrorism Act. URL: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/2040/cosponsors
15. Saudi Claims on Iran's Role in Yemen Face Skepticism in West. 2015. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-04-16/u-s-europe-back-saudis-in-yemen-while-skeptical-of-iran-role
16. Saudis and Extremism: «Both the Arsonists and the Firefighters». 2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/08/26/world/middleeast/saudi-arabia-islam.html?_r=0
17. US generals: Saudi intervention in Yemen "a bad idea". 2015. URL: http://america.aljazeera.com/articles/2015/4/17/us-generals-think-saudi-strikes-in-yemen-a-bad-idea.html
18. US: Iranian arms shipments to Yemen stopped. 2016. URL: http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2016/10/27/Iranian-arms-shipments-to-Yemen-stopped-US.html

19. Yemen crisis: Houthi rebels announce takeover. 2015. URL: http://www.bbc.com/news/world-middle-east-31169773
20. Yemen fights back. Launching ballistic Burkan 1 deep into Saudi. 2016. URL: https://www.youtube.com/watch?v=i84VSJbwSRA
21. Yemen's Houthis launch missile toward Saudi holy city, coalition says. 2016. URL: http://www.reuters.com/article/us-yemen-security-missiles-idUSKCN12S016
22. Zaidiyyah. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Zaidiyyah#cite_note-Sayyid_2005-5
23. المركز الحربي العالمي. URL: https://www.youtube.com/user/militarymediasy/videos?sort=dd&view=0&shelf_id=1
24. باشندان ایران شست ضربه منتظره صهیونیست. 2015. URL: http://defapress.ir/fa/news/39179/

The role of Iran in Yemen's civil war

Yuliya I. Il'ina
Postgraduate at the Department of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: a_khr1@mail.ru

Abstract

Object. This article is focuses on Iranian role in coup in Yemen of February 2015 and following civil war, accompanied by military intervention of GCC coalition forces. **Methodology.** Research methodology involves application of general and special scientific approaches, including analysis and comparison. **Results.** Author is attempting to answer three main points, that can throw a light on Iranian influence on Yemeni Shia rebels ("Houthis") actions and policies. The first point is Iranian mastermind's role in coup and ousting of pro-Saudi president Abu Mansur al-Hadi. The second point is alleged military aid provided to Houthis by Islamic Republic. The third point is about correlation between geopolitical impact of the conflict on MENA region and Iranian interests. **Conclusion.** Ruminating over this problems, examining original sources (official statements, visuals etc.) author arrives to a conclusion that Iran is not the mastermind of the coup, nor it is a "main sponsor" of Houthi militants. The author proves that Tehran's military assistance to the insurgents does not have a significant impact on the course of military operations and is unlikely to lead to a breakthrough in the war. The possible aggravation of Iranian-Saudi relations can lead to war between the two countries, which, in fact, is not

beneficial to either of them. Nevertheless, Islamic Republic is trying to take advantage of this war, to make it a Saudi's Vietnam's on the one part, and, on the other part, to drive a wedge between The Kingdom and the US.

For citation

Il'ina Yu.I. (2017) Rol' Irana v grazhdanskoi voine v respublike Iemen [The role of Iran in Yemen's civil war]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 165-175.

Keywords

Iran, Yemen, Saudi Arabia, United States, civil war, coup.

References

1. *Diplomat dismisses claim of Iran interference in Yemen* (2015). Available at: http://presstv.ir/Detail/2015/04/17/406657/Iran-denies-claims-of-meddling-in-Yemen [Accessed 19/12/16].
2. *Google maps*. Available at: www.maps.google.ru [Accessed 19/12/16].
3. *Houthi forces launch first missile towards major Saudi city*. Available at: https://www.al-masdarnews.com/article/houthi-forces-launch-first-missile-towards-major-saudi-city [Accessed 19/12/16].
4. *Iran Keen on Expanding Investment in Yemen* (2015). Available at: http://en.farsnews.com/newstext.aspx?nn=13931013001131 [Accessed 19/12/16].
5. *Iran-Aligned Houthis Face International Outrage for Attack against Makkah*. Available at: http://english.aawsat.com/2016/10/article55361068/iran-aligned-houthis-face-international-outrage-attack-makkah [Accessed 19/12/16].
6. *Iranian arms sent to Yemen via Somalia* (2016). Available at: http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2016/12/01/Report-Iranian-arms-sent-to-Yemen-via-Somalia-.html [Accessed 19/12/16].
7. Izady M. (2016) *Yemen: Ethno-religious composition (Map)*. Columbia University. Available at: http://gulf2000.columbia.edu/images/maps/Yemen_Ethno_Religious_summary_lg.png [Accessed 19/12/16].
8. Khusity v Iemene prinyali novuyu "konstitutsionnuyu deklaratsiyu" [Houthis in Yemen adopted a new "constitutional declaration"]. Available at: https://ria.ru/arab_ye/20150206/1046354941.html [Accessed 19/12/16].
9. *Kozyrnaya karta voenno-morskikh sil Irana* [Trump card of the naval forces of Iran]. Available at: http://nvo.ng.ru/armament/2011-09-30/8_iran.html [Accessed 19/12/16].
10. Milani M. (2015) *Iran's Game in Yemen*. Available at: https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/2015-04-19/irans-game-yemen [Accessed 19/12/16].

11. *Military Russia. SS-21* SCARAB (2009). Available at: http://militaryrussia.ru/blog/topic-191.html [Accessed 19/12/16].
12. *Psaki: Iran Funneling Arms to Houthis Won't Make Us Re-Think Deal* (20150. Available at: http://www.breitbart.com/video/2015/04/22/psaki-iran-funneling-arms-to-houthis-wont-make-us-re-think-deal/ [Accessed 19/12/16].
13. *ROYG looks ahead following ct operations, but perhaps not far enough*. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/09SANAA2251_a.html [Accessed 19/12/16].
14. *S. 2040 – Justice Against Sponsors of Terrorism Act*. Available at: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/2040/cosponsors [Accessed 19/12/16].
15. *Saudi Claims on Iran's Role in Yemen Face Skepticism in West* (2015). Available at: https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-04-16/u-s-europe-back-saudis-in-yemen-while-skeptical-of-iran-role [Accessed 19/12/16].
16. *Saudis and Extremism: "Both the Arsonists and the Firefighters"* (2016). Available at: https://www.nytimes.com/2016/08/26/world/middleeast/saudi-arabia-islam.html?_r=0 [Accessed 19/12/16].
17. US generals: Saudi intervention in Yemen "a bad idea" (2015). Available at: http://america.aljazeera.com/articles/2015/4/17/us-generals-think-saudi-strikes-in-yemen-a-bad-idea.html [Accessed 19/12/16].
18. *US: Iranian arms shipments to Yemen stopped* (2016). Available at: http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2016/10/27/Iranian-arms-shipments-to-Yemen-stopped-US.html [Accessed 19/12/16].
19. *Yemen crisis: Houthi rebels announce takeover* (2015). Available at: http://www.bbc.com/news/world-middle-east-31169773 [Accessed 19/12/16].
20. *Yemen fights back. Launching ballistic Burkan 1 deep into Saudi* (2016). Available at: https://www.youtube.com/watch?v=i84VSJbwSRA [Accessed 19/12/16].
21. *Yemen's Houthis launch missile toward Saudi holy city, coalition says* (2016). Available at: http://www.reuters.com/article/us-yemen-security-missiles-idUSKCN12S016 [Accessed 19/12/16].
22. *Zaidiyyah*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Zaidiyyah#cite_note-Sayyid_2005-5 [Accessed 19/12/16].
23. المركز الحربي العالمي. Available at: https://www.youtube.com/user/militarymediasy/videos?sort=dd&view=0&shelf_id=1 [Accessed 19/12/16].
24. تسنیون‌یصه اه رظتنم برض تسش ریان دنشاب (2015). Available at: http://defapress.ir/fa/news/39179/ [Accessed 19/12/16].

УДК 327

Внешнеполитический курс правительств Н. Киршнера и К. Фернандес де Киршнер: императивы поиска новых партнеров

Гриценко Илона Александровна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Российский государственный социальный университет,
129226, Российская Федерация, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр.1;
e-mail: gricenko_ilona@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья рассматривает причины, обусловившие изменения во внешнеполитическом курсе Аргентины в период мандатов Н. Киршнера и К. Фернандес де Киршнер. В качестве факторов, обусловивших перемены, называется состояние отношений Буэнос-Айреса в рассматриваемый период с США и ЕС, некогда бывших политическим и экономическим приоритетом во внешней политике Аргентины. Говоря об отношениях с США и ЕС, автор выделяет несколько ключевых моментов, оказавших большое влияние на двусторонние отношения. Ввиду смены внешнеполитической стратегии Розового дома, на передний план вышли отношения со странами Латинской Америки и региональная интеграция, в особенности деятельность Аргентины в составе МЕРКОСУР, а также диверсификация связей. Новыми внерегиональными игроками на аргентинском поле в рассматриваемый период стали Китай и Россия, сотрудничество с которыми приобрело характеристику «всеобъемлющего стратегического партнерства».

Для цитирования в научных исследованиях

Гриценко И.А. Внешнеполитический курс правительств Н. Киршнера и К. Фернандес де Киршнер: императивы поиска новых партнеров // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 176-184.

Ключевые слова

Аргентина, внешняя политика Аргентины, латиноамериканский вектор, Нестор Киршнер, Кристина Фернандес де Киршнер.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

С избранием на пост президента Аргентины в декабре 2015 г. выходца из деловых кругов, мэра г. Буэнос-Айрес Маурисио Макри, аргентинская внешняя политика, по выражению аргентиниста Н.М. Яковлевой, начала «переход к старой норме» [Яковлева, Аргентина…, 2016, 35]. При новой администрации началась переориентация внешней политики и ее очевидный разворот «вправо», когда многие уже ставшие привычными векторы стали приобретать противоположную направленность. При этом под «новой нормой» понимается внешнеполитический курс, который за двенадцатилетний период правления в Аргентине киршнеризма (2003-2015) приобрел традиционно не присущие ему специфические черты, с течением времени проявлявшиеся все резче.

Для лучшего понимания происходящих в настоящее время «обратных» процессов необходимо рассмотреть характеристики важнейших направлений аргентинской внешней политики при правительствах Нестора Киршнера (2003-2007) и Кристины Фернандес де Киршнер (2007-2015) и причины, обусловившие появление этих характеристик.

Направления внешней политики, обусловившие смену курса

Среди внешнеполитических векторов, которые коренным образом повлияли на изменения курса и привели к необходимости поиска Аргентиной новых партнеров, следует выделить политику в отношении США и связи с ЕС.

В том, что касается Вашингтона, наиболее очевидным стал фактически разрыв политического взаимодействия между странами. Определяющим для характера двусторонних отношений стал тот факт, что в трудный для Аргентины период беспрецедентного кризиса 2001-2002 гг. и дефолта США, поглощенные развертыванием борьбы с мировым терроризмом, не оказали ожидаемой финансовой и политической поддержки своему в то время «стратегическому партнеру». Это толкнуло пришедшего в 2003 г. к власти Н. Киршнера к пересмотру внешнеполитических приоритетов и переориентации внешней политики Аргентины на Латинскую Америку.

Одним из толчков к этой переориентации был провал переговоров по созданию межамериканской зоны свободной торговли АЛКА (от исп. *ALCA – Área de Libre Comercio de las Américas*), которые зашли в тупик, поскольку США отказались пойти на значительные уступки в пользу латиноамериканских производителей. Выполнение требований лидеров стран Латинской Америки во главе с президентом Бразилии Лулой да Силва и лидером Аргентины Н. Киршнером, могло бы сделать более справедливой торговлю внутри объединения [Яковлев, 2010, 305-306]. Однако IV Саммит Америк в г. Мар-дель-Плата в 2005 г. фактически стал отправной точкой закрытия переговоров по АЛКА.

В целом, стиль ведения дел и дискурс аргентинских политических лидеров в отношении США можно было называть конфронтационным (если можно говорить о конфронтации двух неравных сил), что находит подтверждение в их официальных заявлениях и речах [Fuerte crítica..., www; En un duro…, www].

За время президентства К. Фернандес де Киршнер противостояние аргентинских властей США усиливалось и приобрело особую остроту во время ее второго президентского мандата (2011-2015), что было связано главным образом с вопросом погашения Аргентиной долговых обязательств.

Говоря об отношениях между Аргентиной и ЕС в период президентства К. Фернандес де Киршнер, следует выделить три ключевых момента, оказавших на них влияние.

1. Несовпадение точек зрения регионального блока МЕРКОСУР (от исп. *MERCOSUR – Mercado Común del Cono Sur*), членом-основателем которого является Аргентина, и ЕС по созданию между ними зоны свободной торговли.

2. Ухудшение отношений с Испанией из-за национализации компании *YPF* – дочерней компании испанского гиганта *Repsol*.

3. Напряженность в отношениях с Великобританией, связанная с вопросом суверенитета над Фолклендскими островами.

В целом можно сказать, что отношения между Аргентиной и ЕС в последнее десятилетие не были простыми.

Переговоры о создании зоны свободной торговли между МЕРКОСУР и ЕС, рамочное соглашение о котором было подписано еще в 1996 г., за двадцать лет не дали плодов из-за неразрешимых противоречий сторон, каждая из которых стремилась защитить свои интересы. Как отмечает доктор политических наук В.П. Сударев, переговоры шли скачкообразно, то ускоряясь, то прерываясь на несколько лет [Сударев, 2015, 182-183], и к концу президентства К. Фернандес де Киршнер (2015) находились в тупике.

В отношениях между Мадридом и Буэнос-Айресом напряженность возникла после экспроприации Аргентиной большей части активов Испании в совместной аргентино-испанской нефтегазовой корпорации *YPF* (*Yacimientos Petrolíferos Fiscales*), начавшейся в апреле 2012 г. и вызвавшей широкий резонанс. Ведущие российские исследователи-аргентинисты П.П. Яковлев и Н.М. Яковлева в своей статье с одноименным названием охарактеризовали действия, предпринятые правительствами обеих стран как «большую нефтяную игру», в которой целью правительства Аргентины являлось преодоление энергетического кризиса, переход на самообеспечение энергией и усиление контроля в области хозяйства, а целью Испании – получение компенсации за экспроприированные активы и сохранение позиций на рынке [Яковлева, Яковлев, 2012, № 11, 79-93; Яковлева, Яковлев, 2012, № 12, 27-42].

Новый виток напряженности в Южной Атлантике вокруг спорных Фолклендских островов (которые Аргентина называет Мальвинскими) постоянно накалял отношения с Великобританией, которые были сложными после вооруженного конфликта 1982 г. Тогда

аргентинская военная хунта приняла решение о высадке на островах экспедиционных сил с целью установления контроля над архипелагом, но потерпела неудачу. Дипломатические отношения были разорваны, и восстановлены лишь в 1990 г.

С тех пор представители Аргентины на международной арене неоднократно призывали британских властей сесть за стол переговоров, что находило единодушную поддержку других латиноамериканских лидеров. Среди целей, которые аргентинское правительство преследовало, постоянно возвращаясь к теме суверенитета над Фолклендскими островами, Н.М. Яковлева, со ссылкой на мнение экспертов, выделяет следующие: отвлечь население от насущных проблем, войти в историю как правительство, предпринявшее наибольшее количество мер на данном направлении, заработать очки на выборах [Яковлева, 2012, 93].

Тем не менее, диалога не состоялось. В 2013 г. среди жителей архипелага был проведен референдум, во время которого они выразили единодушное желание остаться подданными Великобритании [Falklands Referendum…, www].

Итак, отношения Аргентины с США и ЕС, являясь одними из важнейших направлений внешней политики, до смены власти в 2015 г. не были гладкими, а подчас и вовсе были напряженными. В этой связи у Буэнос-Айреса существовала необходимость поиска новых партнеров.

Региональное направление и сотрудничество с левыми правительствами как приоритет внешней политики

С приходом к власти Н. Киршнера приоритетами внешней политики Аргентины стали региональная интеграция и диверсификация связей.

Что касается регионального направления, здесь необходимо выделить два главных вектора:

1) общий рынок стран Южного конуса МЕРКОСУР (от исп. – *Mercado Común del Cono Sur*) и участие в других интеграционных объединениях;

2) отношения с леворадикальными режимами.

Правительством Н. Киршнера МЕРКОСУР мыслился как плацдарм для укрепления позиций Аргентины в регионе, была также претензия на лидерство в блоке. Необходимо отметить, что при Киршнерах сама концепция МЕРКОСУР в качестве чисто торгового объединения претерпела изменения: появилась значительная часть политической составляющей [Miranda, www], что проявилось в одобрении членства Венесуэлы в блоке и в значительном изменении повестки.

Что касается леворадикальных режимов, при К. Фернандес де Киршнер произошло беспрецедентное сближение с ними Аргентины. Венесуэла и Боливия стали основными партнерами Буэнос-Айреса.

Предпочтение, в политическом сотрудничестве отдаваемое левым и леворадикальным латиноамериканским режимам, имело под собой прагматические экономические основания.

Острый энергетический кризис явился одним из факторов, обусловивших поиск Буэнос-Айресом новых партнеров и выбор в пользу сближения с Венесуэлой и Боливией, обладавшими большим экспортным потенциалом, богатыми запасами нефти и природного газа. Оба эти государства позже стали кандидатами на полноправное членство в МЕРКОСУР, поскольку их вступление в объединение сулило Аргентине преференции при закупке топлива.

Венесуэла во главе с Уго Чавесом, ставшая едва ли не главным союзником Аргентины на политическом поле, взяла на себя большую часть обслуживания аргентинского внешнего долга, что стало ключом к подъему экономики Аргентины после дефолта 2001 г.

С другими леворадикальными правительствами – Кубы, Эквадора, Никарагуа, сотрудничество происходило в большей степени в политической плоскости, в том числе в рамках повестки Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК) и Союза южноамериканских наций (УНАСУР).

Новые игроки на аргентинском поле

Говоря о внешней политике Аргентины в последние полтора десятилетия, невозможно обойти вниманием появление во внешнеполитическом пространстве страны двух важнейших партнеров. Речь идет о Китае и России.

Китай – второй после Бразилии партнер Аргентины, третий источник инвестиций, крупнейший потребитель сельхоз продукции. За время президентства К. Фернандес де Киршнер были подписаны многомиллиардные контракты и соглашения, например, о строительстве в провинции Санта-Крус двух крупнейших гидроэлектростанций «Нестор Киршнер» и «Хорхе Сеперник», модернизации сети железных дорог, соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве [Аргентина и Китай…, www]. В то же время, В.П. Сударев отмечает, что китайско-аргентинская торговля – типичный пример разбалансированности: в 2013 г. почти 70% аргентинского экспорта приходилось на сою и ее производные, а экспорт Китая состоял на 95% из промышленных товаров [Сударев, 2015, 207].

Сближение с Россией произошло позднее ввиду причин политического и прагматического характера: конфронтационного стиля ведения дел и, как следствие – изоляции киршнеристского режима, перехода энергетического кризиса в Аргентине к острой стадии [Гриценко, 2015, 668].

В свете итогов президентских визитов В. Путина и К. Фернандес де Киршнер наиболее актуальными и перспективными аспектами двустороннего сотрудничества явились взаимодействие в атомной сфере (предоставление Аргентине доступа к новейшим российским технологиям, строительство атомной станции); сотрудничество в области энергетики (возможное участие «Газпром» в разработке «*Vaca Muerta*», проект по строительству гидроэлекторостанции, совместное с Аргентиной предприятие «Уралмаш» [«Газпром» может…,

www]), а также военно-техническое сотрудничество (размещение в Аргентине станций ГЛОНАСС [Путин…, www], слухи о предоставлении СУ-24).

В области политики выделялись близость позиций по реформированию международных организаций; заявление о сходстве между референдумами в Крыму и на Фольклендах [Перехиль, www].

Заключение

Из сказанного выше следует, что необходимость поиска Буэнос-Айресом новых партнеров возникла и стала существенной по следующей схеме.

Глубокие разногласия с вашингтонской администрацией и международными кредитными организациями в начале XXI в. вынудили правительство Н. Киршнера начать переориентацию аргентинской внешней политики и сделать упор на региональные связи и в особенности на латиноамериканскую интеграцию, главным приоритетом в которой был МЕРКОСУР.

Острый энергетический кризис повлиял на выбор региональных партнеров, главными из которых, помимо традиционной Бразилии, стали богатые ресурсами Венесуэла и Боливия.

Несовпадение позиций с ЕС по вопросу построения зоны свободной торговли с МЕРКОСУР и трения в отношениях в целом высветили также необходимость диверсификации связей. Логичным ответом на этот вызов стал поиск новых внерегиональных партнеров, основными из которых стали КНР и Россия. При этом сотрудничество с обеими странами получило статус «всеобъемлющего стратегического партнерства».

Библиография

1. «Газпром» может участвовать в совместной разработке месторождений в Аргентине. URL: tass.ru
2. Аргентина и Китай подписали 19 соглашений о сотрудничестве. URL: www.warandpeace.ru
3. Гриценко И.А. Перспективы российско-аргентинского партнерства // Россия и Иберо-америка в глобализирующемся мире: история и современность: Материалы и доклады II международного форума. СПб., 2015. С. 666-672.
4. Перехиль Ф. Путин поблагодарил Кристину Киршнер за ее позицию по Крыму. URL: inosmi.ru
5. Путин: РФ надеется на положительный ответ Аргентины по ГЛОНАСС. URL: https://ria.ru
6. Сударев В.П. Латинская Америка: новые геополитические вызовы. М.: МГИМО-Университет, 2015. 292 с.
7. Яковлев П.П. Перед вызовами времени (циклы модернизации и кризисы в Аргентине). М.: Прогресс-Традиция, 2010. 464 с.

8. Яковлева Н.М. «Мальвинский вопрос» в аргентинской политике // Латинская Америка. 2012. № 6. С. 88-94.
9. Яковлева Н.М. Аргентина: переход к «старой норме». Итоги президентских выборов 2015 г. // Латинская Америка. 2016. № 2. С. 35-49.
10. Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Большая нефтяная игра. Причины и последствия национализации компании YPF // Латинская Америка. 2012. № 11. С. 79-93.
11. Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Большая нефтяная игра. Причины и последствия национализации компании YPF // Латинская Америка. 2012. № 12. С. 27-42.
12. En un duro discurso contra EE. UU. Cristina cargo contra Obama y hablo de golpe suave. URL: www.cronista.com
13. Falklands Referendum: Voters choose to remain UK territory. URL: www.bbc.com
14. Fuerte crítica de Cristina Kirchner a Estados Unidos en la ONU. URL: www.lanacion.com
15. Miranda R.A. Mercosur y política exterior argentina: la agenda no económica. URL: www.iri.edu.ar

Foreign policy in the kirchnerist Argentina: imperatives for the search of new partners

Ilona A. Gritsenko
Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages,
Russian State Social University,
129226, 4, build.1, Wilhelm Pieck str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: gricenko_ilona@mail.ru

Abstract

Object. For a better understanding of the ongoing political processes in Argentina, it is necessary to consider the characteristics of the most important areas of Argentine foreign policy under the governments of Nestor Kirchner (2003-2007) and Christina Fernandez de Kirchner (2007-2015). In the present article the author examines the reasons for the change in the foreign policy of Argentina during the mandates of Nestor Kirchner and Cristina Fernandez de Kirchner. **Methodology.** Research methodology involves application of general and special scientific approaches, is based on analysis and generalization. The author uses historical and political analysis. **Results.** As the factors, which led to the revision of the Argentina's international policy of the previous political cycle, the author names the complicated relations with the US and EU, which used to be the political and economic priority in Argentina's foreign

policy. **Conclusion.** Considering relations with the US and the EU, the author outlines several key points that had a great impact on bilateral relations. In view of the change in the foreign policy strategy of Casa Rosada, the main attention was paid to the relations with Latin American countries and regional integration, especially MERCOSUR and to the diversification of ties. The new non-regional players in the Argentinean field became China and Russia, cooperation with which was named a *comprehensive strategic partnership*.

For citation

Gritsenko I.A. (2017) Vneshnepoliticheskii kurs pravitel'stv N. Kirshnera i K. Fernandes de Kirshner: imperativy poiska novykh partnerov [Foreign policy in the kirchnerist Argentina: imperatives for the search of new partners]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 176-184.

Keywords

Argentina, Argentina's foreign policy, Latin American policy, Nestor Kirchner, Cristina Fernandez de Kirchner.

References

1. *"Gazprom" mozhet uchastvovat' v sovmestnoi razrabotke mestorozhdenii v Argentine* [Gazprom can participate in the joint development of deposits in Argentina]. Available at: tass.ru [Accessed 17/01/17].
2. *Argentina i Kitai podpisali 19 soglashenii o sotrudnichestve* [Argentina and China signed 19 cooperation agreements]. Available at: www.warandpeace.ru [Accessed 17/01/17].
3. *En un duro discurso contra EE. UU. Cristina cargo contra Obama y hablo de golpe suave*. Available at: www.cronista.com [Accessed 17/01/17].
4. *Falklands Referendum: Voters choose to remain UK territory*. Available at: www.bbc.com [Accessed 17/01/17].
5. *Fuerte crítica de Cristina Kirchner a Estados Unidos en la ONU*. Available at: www.lanacion.com [Accessed 17/01/17].
6. Gritsenko I.A. (2015) Perspektivy rossiisko-argentinskogo partnerstva [Perspectives of the Russian-Argentinian cooperation]. *Rossiya i Iberoamerika v globaliziruyushchemsya mire: istoriya i sovremennost': Materialy i doklady II mezhdunarodnogo foruma* [Rusia y Iberoamérica en el mundo globalizante: Proc. of the II Int. Forum]. St. Petersburg, pp. 666-672.
7. Miranda R.A. *Mercosur y política exterior argentina: la agenda no económica*. Available at: www.iri.edu.ar [Accessed 17/01/17].
8. Perekhil' F. *Putin poblagodaril Kristinu Kirshner za ee pozitsiyu po Krymu* [Putin thanked Cristina Kirchner for her position on the Crimea]. Available at: inosmi.ru [Accessed 17/01/17].

9. *Putin: RF nadeetsya na polozhitel'nyi otvet Argentiny po GLONASS* [Putin: Russia hopes for a positive response from Argentina on GLONASS]. Available at: https://ria.ru [Accessed 17/01/17].
10. Sudarev V.P. (2015) *Latinskaya Amerika: novye geopoliticheskie vyzovy* [Latin America: new geopolitical challenges]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations Publ.
11. Yakovlev P.P. (2010) *Pered vyzovami vremeni (tsikly modernizatsii i krizisy v Argentine* [In the face of challenges of the present (cycles of modernization and crisis in Argentina)] Moscow: Progress-Traditsiya Publ.
12. Yakovleva N.M. (2012) "Mal'vinskii vopros" v argentinskoi politike [The Malvinas issue in Argentina's policy]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 6, pp. 88-94.
13. Yakovleva N.M. (2016) Argentina: perekhod k "staroi norme". Itogi prezidentskikh vyborov 2015 g. [Argentina: transition to the "old norm". The results of the presidentials of 2015]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2, pp. 35-49.
14. Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. (2012) Bol'shaya neftyanaya igra. Prichiny i posledstviya natsionalizatsii kompanii YPF [The big oil game. The reasons and effects of the nationalization of YPF]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 11, pp. 79-93.
15. Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. (2012) Bol'shaya neftyanaya igra. Prichiny i posledstviya natsionalizatsii kompanii YPF [The big oil game. The reasons and effects of the nationalization of YPF]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 12, pp. 27-42.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 321.001, 327.7

Испания и ЕС: разделение компетенций и проблемы политико-экономического суверенитета

Дронова Светлана Юрьевна
Старший преподаватель Департамента языковой подготовки,
Аспирант Департамента Политологии,
Финансовый Университет при Правительстве РФ,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр-т, 49;
e-mail: sydronova@fa.ru

Куприянова Дарья Олеговна
Студент,
Финансовый Университет при Правительстве РФ,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр-т, 49;
e-mail: kupriyanovadaria@gmail.com

Шкинева Анастасия Владимировна
Студент,
Финансовый Университет при Правительстве РФ,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр-т, 49;
e-mail: nastya_shkineva@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена вопросу разделения компетенций в экономической и политической сфере между Европейским Союзом и входящими в его состав государствами. Работа имеет своей целью получить ответ на вопрос: остаются ли страны-члены ЕС в полной мере суверенными государствами или организация берет на себя слишком много компетенций. Авторы анализируют, какой объем полномочий имеет ЕС в разных аспектах политики и экономики стран-членов, а также рассматривают проблемы, возникающие в данном контексте. В статье высказывается мнение, что Европейский Союз все больше походит на федерацию, в которой государства-члены постепенно теряют свою политическую и экономическую независимость. Европейский Союз задумывался как объединение независимых государств, отдающих часть своего суверенитета ради общего блага. Однако, кризис евро превратил ЕС в совершенно иной организм: страны-члены разделе-

лись на два класса: на кредиторов и должников, положив конец условной гомогенности и гармонии в Союзе. Авторы приходят к выводу, что на данный момент Евросоюз имеет достаточную власть и значительный объем полномочий, чтобы во многом определять политико-экономический курс стран-членов. Однако, сейчас имеет смысл не передавать ЕС все больше компетенций, а задуматься о использовании этих компетенций с целью укрепления и поддержания демократических институтов стран-членов.

Для цитирования в научных исследованиях

Дронова С.Ю., Куприянова Д.О., Шкинева А.В. Испания и ЕС: разделение компетенций и проблемы политико-экономического суверенитета // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 185-193.

Ключевые слова

Европа, Евросоюз, Испания, международные отношения, государственный суверенитет, разделение компетенций.

Введение

28 июля 1977 года, сразу после проведения первых демократических выборов, Испания подала заявку на вступление в Евросоюз. Такой быстрый шаг со стороны первого демократического правительства свидетельствовал о заинтересованности страны в присоединении к строительству Европы, которое было парализовано из-за тяжелого положения, переживаемого различными государствами-членами ЕС после нефтяного кризиса. Ответ был положительным, и спустя два месяца после принятия на референдуме действующей Конституции Испании, 5 февраля 1979 года начались переговоры о вступлении [30 años de la firma…, 2015, www].

Разделение компетенций и проблемы политико-экономического суверенитета государств в составе ЕС на примере Испании

Вхождение Испании в ЕС, в действительности, означало не только получение финансовой помощи и лучшего доступа на развитый рынок с сильной покупательной способностью, но и ускоренное открытие экономики, усиление конкуренции и необходимость быстрого принятия принципов экономического развития в соответствии с принципами европейских партнеров [Galduf, 2003, 113-132].

Политика, проводимая Евросоюзом, охватывает множество областей: от прав человека до транспорта и торговли. Человеческое достоинство, свобода, демократия, равенство, правовое государство и уважение прав человека – основные ценности, закрепленные в договорах ЕС [Temas de la Unión Europea, www].

Ответственность за политику в сфере занятости и социальных дел несут, в основном, национальные правительства. ЕС координирует и контролирует национальную политику; призывает государства-члены ЕС обмениваться передовым опытом в области интеграции социального, пенсионного обеспечения и борьбы с нищетой; поддерживает образование, профессиональную подготовку и предпринимательство; осуществляет контроль за выполнением законодательства в таких областях, как права трудящихся, дискриминации на работе и в системах социального обеспечения [Políticas comunes..., www].

Страны ЕС также сотрудничают между собой с целью повышения безопасности за счет улучшения контроля внешних границ. Агентство *FRONTEX*, которое занимается обеспечением надежности внешних границ ЕС, организует оперативное сотрудничество в этой сфере между странами-членами ЕС.

Политика в области внутренних дел ЕС направлена на борьбу против терроризма, организованной преступности, киберпреступности и радикализации, ведущей к насилию [La lucha contra..., www]. Благодаря многолетнему развитию внешней политики и политики безопасности ЕС, в наши дни организация является самостоятельным участником на международной арене. Миссия ЕС заключается в поддержании мира и укреплении международной безопасности, содействии развитию международного сотрудничества, развитии и укреплении демократии, правовых норм государств, уважении прав человека и соблюдении основных свобод.

ЕС не имеет постоянной армии, но в рамках своей Общей Политики Безопасности и Обороны (*PCSD*), обращается к вооруженным силам, которые предоставляют страны-члены ЕС, чтобы проводить совместные операции по разоружению, принимать участие в гуманитарных и спасательных операциях, проводить консультации и оказывать помощь в военных вопросах, предотвращать конфликты и поддерживать мир, управлять кризисами, восстанавливать мир и стабильность после конфликтов [Resico, 2011, 317-340]. Таким образом, ЕС играет важную роль гаранта безопасности.

Евросоюз условно можно разделить на три основные области ответственности или столпы. Первая область имеет наднациональный характер, и ее центральной осью является единый европейский рынок. Вторая область относится к Международной Политике и Политике Общей Безопасности и имеет межправительственный характер. Третья, также межправительственная, отвечает за сотрудничество в вопросах уголовной юстиции и внутренней безопасности.

В целом, можно утверждать, что сотрудничество между национальными и европейскими, политическими и административными структурами, а также распределение экономических функций и компетенций в пределах ЕС, крайне сложные процессы. Тем не менее, это гибкая система, которая характеризуется высокой степенью динамики изменений [Resico, 2011, 317-340].

Экономическая модель ЕС может быть определена следующим образом: социально-ориентированная рыночная экономика, основанная на свободной конкуренции, децентрали-

зованная и открытая для внешнего мира, участниками которой являются, в первую очередь, государства-члены и ЕС, которые, действуя посредством стабильных цен, государственных финансов и платежного баланса, стремятся к сбалансированному и устойчивому экономическому росту, высокому уровню занятости, социальной защите, а также экономической и социальной сплоченности.

Краткосрочной целью экономической политики ЕС является экономический рост, который поддерживается адекватным функционированием единого рынка и требует поддержания стабильности цен. В долгосрочной перспективе ЕС стремится к устойчивому росту, свободному от инфляции, созданию рабочих мест, которые будут способствовать процессу устойчивого развития, обеспечению высокого уровня социальной защиты и укреплению экономического и социального единства.

На протяжении всего процесса строительства Европейского Союза организации ЕС постепенно брали на себя ряд компетенций, либо в исключительном порядке, либо совместно с государствами-членами ЕС. Компетенциями, которые в настоящее время находятся в исключительном ведении ЕС, являются: решения, связанные с внутренним рынком (свободное движение товаров, капиталов и услуг); политика протекционизма, торговля и т. д.; деятельность ЭВС (денежно-кредитная политика и валютный курс), и другие решения отраслевого характера (как в случаях аграрной политики) [Navarrete, 2005, 11-32].

Понятие экономической интеграции предполагает открытость национальных экономик, осуществление экономического сотрудничества с государствами-членами и растущую взаимосвязь между ними. Единый внутренний рынок является одной из основ Европейского Союза в контексте экономической интеграции. Основы единого рынка – это свободное передвижение товаров, капитала и рабочей силы, свободное предоставление услуг и свобода предпринимательства [Los retos..., 2009, 16-31]. Несмотря на очевидные преимущества единой валюты, среди ее недостатков можно назвать утрату суверенитета государств-членов в реализации денежно-кредитной политики и общий подъем цен в результате преобразования валюты [Resico, 2011, 317-340].

По-прежнему существует немало препятствий для экономической интеграции ЕС [Un mercado…, www]:

1) фрагментация национальных налоговых систем;

2) собственные национальные рынки финансовых услуг, энергетики и транспорта;

3) онлайн торговля развивается медленнее между странами ЕС, чем внутри каждой отдельной страны, и по-прежнему сохраняются большие различия в законодательстве, технических стандартах и методах ведения бизнеса;

4) сектор услуг всё ещё остаётся вторичным по отношению к коммерческому сектору;

5) нормы признания профессиональных квалификаций следует упростить, чтобы упростить поиск работы в других странах ЕС.

С момента вступления в Европейский Союз, Испания удвоила свой Валовой Внутренний Продукт (ВВП), который увеличился с 476 400 миллионов в 1986 году до 921 700 миллионов в 2013 году. Испания вступила в ЕС с ВВП эквивалентным 72% от среднего ВВП по ЕС, в то время как в 2014 году ВВП составил уже 94% [Así éramo..., 2015, www]. Основной трудностью, с которой сталкивается страна, является дальнейшее повышение уровня экономики и занятости, устранения экономических дисбалансов и укрепление институтов в этой области.

Однако, надо понимать, что ЕС – сложный политический организм в процессе постоянного развития и изменения. Мы обрисовали принцип разделения компетенций, но, как отмечалось ранее, со временем Союз забирает себе все больше компетенций, делая государства все менее суверенными. Выглядит это как передача полномочий с целью лучшей взаимной интеграции, объединения усилий и синхронизации действий, и это часто дает положительные результаты. Но Европейский Союз все больше походит на федерацию, в которой государства-члены постепенно теряют свою политическую и экономическую независимость [Fischer, 2005]. Особо значима передача Брюсселю компетенций в экономической сфере. В понятие федерации также логично вписывается понятие еврорегионов. В перспективе планируется, что для каждого еврорегиона будет разработан свой план развития, предполагающий определенную долю независимости от национальных правительств. В подтверждение мысли о европейской федерации, в 2012 году Ангела Меркель заявила, что придет время, когда «Еврокомиссия превратится в правительство, а Европарламент станет парламентом европейской федерации» [Mandrasescu, 2013, www].

Европейский Союз задумывался как объединение независимых государств, отдающих часть своего суверенитета ради общего блага. Однако, кризис евро превратил ЕС в совершенно иной организм: страны-члены разделились на два класса: на кредиторов и должников, положив конец условной гомогенности и гармонии в Союзе. Во многом это связано с тем, что евро изначально был неполноценной валютой: имея центральный банк, у евро нет казны. Таким образом, отказываясь от права самостоятельно печатать свою валюту, страны подверглись риску приостановки платежей. Но этот риск не был столь материален и ощутим до греческого кризиса. Политика оттягивания времени в надежде, что что-то изменится, очевидно, не дала результатов. Вопрос о разумности сохранения евро возникал во многих странах уже неоднократно, но выход хотя бы одной страны из еврозоны может поставить под угрозу благополучие всех остальных стран-членов. Так, кризис евро, а, по сути, изначальные недоработки евро-концепта, может стать отправной точкой либо к полному распаду ЕС, либо к разделению на две части: ЕС кредиторов (то есть развитых и экономически устойчивых стран) и ЕС должников (государств, сильнее всего ощутивших на себе последствия финансового кризиса) [Soros, 2012, www].

Заключение

Как мы видим, на данный момент Евросоюз имеет достаточную власть и значительный объем полномочий, чтобы во многом определять политико-экономический курс стран-членов. Это имеет и положительные и отрицательные моменты. Однако, сейчас имеет смысл не передавать ЕС все больше компетенций и расширять институциональный аппарат Брюсселя все дальше, а задуматься о приложении этих компетенций для реального укрепления и поддержания демократических институтов стран-членов. Такой объем компетенций предполагает не только власть, но и ответственность.

Библиография

1. Дронова С.Ю. Центробежные процессы в Великобритании и Испании в контексте Brexit // Вестник Финансового университета «Гуманитарные науки». 2017. № 1 (25). С. 73-79.
2. 30 años de la firma: Tratado de Adhesión de España a la UE // Parlamento Europeo. URL: http://www.europarl.es/es/sala_de_prensa/communicados_ de_prensa/pr-2015/pr-2015-junio/30a.html
3. Así éramos y así somos: 10 grandes cambios en España desde 1985 // El País. URL: http://politica.elpais.com/politica/2015/06/11/actualidad/1434049790_197630.html
4. Fischer J. Vom Staatenverbund zur Föderation – Gedanken über die Finalität der europäischen Integration: Rede am 12. Mai 2000 in der Humboldt-Universität in Berlin. Berlin: Auswärtiges Amt, 2005. URL: www.auswaertigesamt.de/www/de/infoservice/download/pdf/reden/2000/r000512a.pdf
5. Jordan Galduf J.M. Balance de la integración de España en la Unión Europea // Información Comercial Española, ICE: Revista de economía. 2003. № 811. Pp. 113-132.
6. La lucha contra el terrorismo en la UE. URL: http://www.consilium.europa.eu/es/policies/fight-against-terrorism/
7. Los retos del mercado interior europeo. Madrid: Lerko Print, 2009. URL: http://www.ces.es/documents/10180/18510/Inf0209
8. Mandrasescu V. La UE pretende destruir la soberanía política y económica de los estados europeos para someterlos a un poder central. URL: http://www.alertadigital.com/2013/09/20/los-estados-unidos-de-europa-amenazan-la-soberania-politica-y-economica-de-los-paises-europeos/
9. Menéndez A.J. La soberanía truncada o por qué Europa es parte del problema, y no sólo de la solución. URL: http://www.infolibre.es/noticias/opinion/2014/10/31/la_soberania_truncada_por_que_europa_parte_del_problema_solo_solucion_23326_1023.html

10. Navarrete D.F. Modelo económico de la Unión Europea: fundamentos y limitaciones // ICE: El modelo económico de la UE. 2005. № 820. Pp. 11-32.
11. Políticas comunes de la Unión Europea. URL: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/UnionEuropea/Paginas/Pol%C3%ADticas-comunes-de-la-Uni%C3%B3n-Europea.aspx
12. Resico M.F. Introducción a la Economía Social de Mercado. Buenos Aires: Konrad Adenauer Stiftung, 2011. 384 p.
13. Soros G. La tragedia de la Unión Europea. URL: http://elpais.com/elpais/2012/09/06/opinion/1346961403_177822.html
14. Temas de la Unión Europea. URL: https://europa.eu/european-union/topics_es
15. Un mercado sin fronteras. URL: https://europa.eu/european-union/topics/single-market_es

Spain and the European Union: distribution of competences and the problems of political-economic sovereignty

Svetlana Yu. Dronova
Lecturer at the Department of Language Training,
Postgraduate at the Department of Political Science,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49 Leningradsky pr-t, Moscow, Russian Federation;
e-mail: sydronova@fa.ru

Dar'ya O. Kupriyanova
Student,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49 Leningradsky pr-t, Moscow, Russian Federation;
e-mail: kupriyanovadaria@gmail.com

Anastasiya V. Shkineva
Student,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49 Leningradsky pr-t, Moscow, Russian Federation;
e-mail: nastya_shkineva@mail.ru

Abstract

The article focuses on the issue of distribution of competences between the European Union and the member states in the field of politics and economy. This paper aims at answering the question whether the member states of the EU are fully independent countries or the organization takes too many competences upon itself. The authors analyze what scope of authority the EU has in different aspects of the member states' politics and economy and also review the problems that turn up in this context. The article goes on to say that the EU is acquiring the characteristics of a federation where the member states are gradually losing their political and economic independence. The European Union was designed to be a unity of independent states which hand over a part of their sovereignty for the public good. However, the crisis of the euro has altered the EU into a different organism: the member states have been divided into two classes – creditors and debtors, which has put an end to a relative homogeneity and harmony in the Union. The authors come to the conclusion that in present time the EU has sufficient power and scope of authority in order to determine political and economic policies of the member states. But now it makes sense not to hand over more and more competences to the EU, but to revise how to apply these competences to consolidate and support the democratic institutions of the member states.

For citation

Dronova S.Yu., Kupriyanova D.O., Shkineva A.V. (2017) Ispaniya i ES: razdelenie kompetentsii i problemy politiko-ekonomicheskogo suvereniteta [Spain and the European Union: distribution of competences and the problems of political-economic sovereignty]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 185-193.

Keywords

Europe, European Union, Spain, international relations, sovereignty, competence distribution.

References

1. 30 años de la firma: Tratado de Adhesión de España a la UE. *Parlamento Europeo*. Available at: http://www.europarl.es/es/sala_de_prensa/communicados_ de_prensa/pr-2015/pr-2015-junio/30a.html [Accessed 21/12/16].
2. Así éramos y así somos: 10 grandes cambios en España desde 1985. *El País*. Available at: http://politica.elpais.com/politica/2015/06/11/actualidad/1434049790_197630.html [Accessed 21/12/16].

3. Dronova S.Ju. (2007) Centrobezhnye processy v Velikobritanii i Ispanii v kontekste Brexit [Centrifugal processes in the UK and Spain in the context of Brexit]. *Vestnik Finansovogo universiteta "Gumanitarnye nauki"* [Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University], 1 (25), pp. 73-79.
4. Fischer J. (2005) *Vom Staatenverbund zur Föderation – Gedanken über die Finalität der europäischen Integration: Rede am 12. Mai 2000 in der Humboldt-Universität in Berlin*. Berlin: Auswärtiges Amt. Available at: www.auswaertigesamt.de/www/de/infoservice/download/pdf/reden/2000/r000512a.pdf [Accessed 21/12/16].
5. Jordan Galduf J.M. (2003) Balance de la integración de España en la Unión Europea. *Información Comercial Española, ICE: Revista de economía*, 811, pp. 113-132.
6. *La lucha contra el terrorismo en la UE*. Available at: http://www.consilium.europa.eu/es/policies/fight-against-terrorism/ [Accessed 21/12/16].
7. *Los retos del mercado interior europeo* (2009). Madrid: Lerko Print. Available at: http://www.ces.es/documents/10180/18510/Inf0209 [Accessed 21/12/16].
8. Mandrasescu V. *La UE pretende destruir la soberanía política y económica de los estados europeos para someterlos a un poder central*. Available at: http://www.alertadigital.com/2013/09/20/los-estados-unidos-de-europa-amenazan-la-soberania-politica-y-economica-de-los-paises-europeos/ [Accessed 21/12/16].
9. Menéndez A.J. *La soberanía truncada o por qué Europa es parte del problema, y no sólo de la solución*. Available at: http://www.infolibre.es/noticias/opinion/2014/10/31/la_soberania_truncada_por_que_europa_parte_del_problema_solo_solucion_23326_1023.html [Accessed 21/12/16].
10. Navarrete D.F. (2005) Modelo económico de la Unión Europea: fundamentos y limitaciones. *ICE: El modelo económico de la UE*, 820, pp. 11-32.
11. *Políticas comunes de la Unión Europea*. Available at: http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/UnionEuropea/Paginas/Pol%C3%ADticas-comunes-de-la-Uni%C3%B3n-Europea.aspx [Accessed 21/12/16].
12. Resico M.F. (2011) *Introducción a la Economía Social de Mercado*. Buenos Aires: Konrad Adenauer Stiftung.
13. Soros G. *La tragedia de la Unión Europea*. Available at: http://elpais.com/elpais/2012/09/06/opinion/1346961403_177822.html [Accessed 21/12/16].
14. *Temas de la Unión Europea*. Available at: https://europa.eu/european-union/topics_es [Accessed 21/12/16].
15. *Un mercado sin fronteras*. Available at: https://europa.eu/european-union/topics/single-market_es [Accessed 21/12/16].

УДК 34

Особенности системы информационной безопасности как элемента международной безопасности в современном мире

Пелевина Екатерина Сергеевна

Аспирантка,

Северо-западный институт управления,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации,

199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43;

e-mail: pelevinakate@mail.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

В статье раскрываются особенности и интерпретации понятия «информационная безопасность» в контексте проблематики обеспечения международной и национальной безопасности в современном мире. Осуществлена попытка исследования проблематики путем выявления ключевых факторов, влияющих на процессы экономической и глобальной безопасности в историческом контексте и в разрезе важнейших правовых, национальных и международных документов, регулирующих отношения в этой сфере. С политико-правовых позиций выявлена проблематика в обеспечении информационной безопасности в мире и на уровне отдельных государств, в том числе России. В завершении исследования сделан вывод о том, что стремительное развитие информационных и интернет-технологий является вызовом для всего мирового сообщества и требуют принятия мер по регулированию рынка, в частности, путем стандартизации процессов.

Для цитирования в научных исследованиях

Пелевина Е.С. Особенности системы информационной безопасности как элемента международной безопасности в современном мире // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 194-205.

Ключевые слова

Интернет, информационная безопасность, международные угрозы, глобальная безопасность, политика, международная безопасность.

Введение

На сегодняшний день информационная безопасность считается одним из важнейших компонентов национальной безопасности. Значимость последней постепенно возрастает во всех сферах общественной жизни, в том числе и в политической. При этом становится очевидным, что в информационном обществе информация представлена, с одной стороны, предметом массового потребления, а с другой – мощным экономическим ресурсом. При этом создание идеальной системы информационной безопасности может зависеть от того, кто и как будет ею управлять.

Сегодня все чаще высказываются опасения о том, что ключевым сдерживающим фактором внедрения информационной безопасности в области экономики и бизнеса является неравномерное развитие информационной сферы. Отсюда следует, что развитие информационного общества в России является одной из важнейших задач повышения эффективности управления информационной безопасностью. При этом важно отметить, что информационное общество связано с высоким уровнем развития телекоммуникационных и информационных технологий, а также их интенсивным использованием бизнесом, гражданами и органами государственной власти.

Кроме того, международный опыт свидетельствует о том, что информационные и телекоммуникационные технологии уже являются локомотивом социально-экономического развития большинства стран мира, а обеспечение гарантированного свободного доступа граждан к информации представляет одну из важнейших задач государства.

Международная информационная безопасность

В современных условиях информационная сфера жизни международного сообщества представлена в виде динамично развивающейся системы самоорганизации различных социальных институтов, которую нельзя подчинить исключительно позитивному праву одного государства. Социальные коммуникативные системы и институты ставят перед собой цель выработать морально-нравственные установки и сформировать представления людей о необходимых моделях поведения в обществе; в итоге социальной коммуникации появляются новые аспекты модернизации социальной организации общества и развития права [Кириленко, 2016, 312].

Проблема информационной безопасности тесно связана с понятиями «международная безопасность» и «экономическая глобализация». Так, ключевой потребностью системы государства является необходимость обеспечения условий, которые необходимы для ее функционирования и развития. Стремительное распространение оружия массового уничтожения ставят мировое сообщество перед необходимостью сохранения и обеспечения мира. Система международного права при этом нормативно закрепила потребность в мире как глобальный основной интерес и возложила на государства юридическую обязанность по поддержанию идеи мира между различными государствами.

В научной и правовой среде международная безопасность представлена в виде такого состояния межгосударственных отношений, которое способно отвечать объективному интересу каждого государства, и, кроме того, не противоречить глобальному интересу, который нормативно закреплен в современном международном праве. Вместе с тем необходимость обеспечения исполнения государствами возложенных на них юридических обязанностей по поддержанию мира, основанных на неуклонном соблюдении ими основополагающих принципов и норм международного права, имеет целью защиту и реализацию субъективных внутригосударственных прав на их индивидуальную безопасность, включая право на существование, равноправное функционирование и развитие в межгосударственных отношениях [Базилевский, 1983, 13].

Под международной информационной безопасностью, согласно терминологии ООН, понимается защищенность глобальной информационной системы от террористических, преступных и военно-политических угроз. В 2003 году Россия в документе «Основы государственной политики в области международной информационной безопасности до 2020 года» также в качестве международных угроз обозначила опасность вмешательства во внутренние дела суверенного государства посредством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Такой тип угроз опасен возможностью нарушения общественной стабильности, а также разжигания межэтнической и межнациональной розни.

Кроме этого, необходимо отметить, что относительно терминологии нет единства мнений в понимании термина «международная информационная безопасность». Чаще всего она понимается как столкновение национальных интересов государств, однако в целом вопрос терминологии остается дискуссионным. Россия придерживается широкого понимания термина «международная информационная безопасность», являющегося собирательным различных технических аспектов, включая безопасность информационных сетей и систем, а также манипулирование информацией, ее распространение путем глобальных информационных сетей и информационного воздействия. При этом страны Запада и прежде всего США являются сторонниками узкого подхода, понимая под международной информационной безопасностью только технические аспекты и кибербезопасность.

В современном мире серьезную угрозу национальной безопасности представляют различные формы терроризма. Международным терроризмом создана открытая кампания в целях дестабилизации ситуации уже не только в отдельных странах, но и группах стран и во всем мире в целом.

Взаимодействие государств при решении вопросов международной информационной безопасности

Другим серьезным вызовом, вставшим перед современным мировым сообществом, является «экономическая глобализация», или глобализация мировой экономики. Стремительная интернационализация хозяйства охватила практически одновременно весь мир, и для

крупнейших компаний развитых стран суверенитет иных государств уже стал играть роль тормоза. Однако западные державы и их союзники воздерживаются от применения «новейших» приоритетов «поствестфальской» системы к самим себе.

Для США и их союзников основополагающие парадигмы Вестфальской системы являются незыблемыми, что особенно ярко проявляется в реакции США на события 9 сентября, повлекшие за собой всемерное укрепление суверенитета США и почти полное игнорирование суверенитета Афганистана. При этом складывается достаточно сложная геостратегическая обстановка, сопровождаемая отсутствием защиты со стороны подписанной в 1990 году Парижской хартии для новой Европы, рассматриваемой в качестве новой системы безопасности. Доминирование после распада СССР «атлантической», а затем и американской однополярности резко изменяет картину мира, привязывая всю перспективу безопасности к единовластию супердержавы.

Особое значение при этом начинают играть новые образования БРИКС, ШОС и ОДКБ, деятельность которых, по мнению инициаторов, должна быть направлена на восстановление равновесия в современном мире. В современных условиях международная безопасность обеспечивается основной универсальной организацией – ООН, а также ОБСЕ, в состав которых входят 56 государств и 11 стран, которые имеют статус партнеров по международному сотрудничеству. При этом эксперты отмечают, что ООН сегодня уже не является главным инструментом мира и международной безопасности и заметно теряет авторитет. ОБСЕ также не может взять на себя данные функции, поскольку на настоящий момент не имеет полномочий, которые были бы сопоставимы с полномочиями Совета Безопасности ООН [Андреев, 2011, 56].

Отдельные аспекты проблематики информационной безопасности связаны с распространением новых информационно-коммуникационных технологий, влияющих на политические и другие аспекты современных международных отношений. Обсуждение данной проблематики, поднятой еще на конференции «Информационное сообщество и развитие», проходившей в Мидранде (ЮАР) 13-15 мая 1996 года, привело к принятию в 1998 году на 53 сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюции 53/70 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Данная резолюция впервые на самом высоком международном уровне признала возможность негативных последствий распространения и использования информационных технологий и средств. В связи с этим также была выражена озабоченность, что такие технологии и средства могут использоваться в целях, несовместимых с обеспечением международной безопасности и стабильности. Позже подобные резолюции были приняты Генеральной ассамблеей ООН на протяжении нескольких лет.

Далее проблема управления Интернетом и его роли в системе международной безопасности фигурирует в качестве важнейшего направления международной информационной политики и межгосударственного сотрудничества. В частности, во время женевского этапа

Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (WSIS) 12 декабря 2003 года принимается декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». Данный документ зафиксировал, что Интернет является публичным ресурсом глобального масштаба, а управление его использованием – одни из ключевых вопросов повестки дня информационного общества.

На международном уровне контроль за интернет-пространством сегодня уже требует многостороннего диалога государств, а также прозрачной и демократической полемики при участии органов государственного управления, бизнеса и субъектов гражданского общества, включая международные организации. Такая система управления направлена на справедливое распределение ресурсов, открывающее доступ для всех, а также на гарантирование стабильного и защищенного функционирования Интернета с учетом многоязычия. Кроме того, в документе отмечается, что управление пользования Интернетом требует участия всех заинтересованных сторон, а также соответствующих межправительственных и международных организаций [Декларация принципов…, www].

Таким образом, Декларация принципов, а также принятый вместе с ней План действий потребовали учреждения рабочей группы по вопросам управления использованием сети Интернет в пределах открытого и всеобъемлющего процесса, который должен обеспечивать механизм активного участия органов государственного управления, бизнеса и субъектов гражданского общества. Это также касается и развивающихся, и развитых стран, системы международных организаций и форумов, целью которых является изучение вопроса об управлении использованием Интернет [План действий, www].

В качестве результатов работы первого этапа WSIS в сентябре 2004 года учреждается Рабочая группа по управлению Интернетом (Working Group on Internet Governance). Ключевая задача, поставленная перед группой, состоит в необходимости изучения и внесения к 2005 году соответствующих предложений по управлению Интернетом. Предмет деятельности Группы состоит в необходимости выработки рабочего определения управления Интернетом; выявлении вопросов государственной политики в данной сфере; формировании единого понимания роли и области ответственности органов государственного управления международных организаций, а бизнеса и субъектов гражданского общества стран [About WGIG, www].

В качестве результата деятельности Группы можно назвать подготовку в июне 2005 года отчета ко второму этапу WSIS, который подтвердил необходимость участия различных заинтересованных сторон в системе управления Интернетом. Речь идет о правительствах, бизнесе, субъектах гражданского общества, а также международных организациях. В рамках деятельности Рабочей группы сформировано рабочее определение управления использования Интернета, суть которого состоит в разработке и применении правительствами, бизнесом и субъектами гражданского общества общих принципов, правил, норм и процедур принятия решений и программ, формирующих необходимые условия для развития и использования Интернета.

Кроме того, особо стоит отметить выделение в документе четырех аспектов государственной политики, имеющих отношение к управлению Интернетом и создающих рамку исследования проблематики информационной безопасности:

– инфраструктура и управления важнейшими интернет-ресурсами;

– применение Интернета, а также спам, сетевая безопасность и киберпреступность;

– иные вопросы, связанные с деятельностью организаций сферы управления Интернетом (к примеру, вопросы прав интеллектуальной собственности или международной торговли);

– различные аспекты развития управления Интернетом, в частности, создание потенциала в развивающихся странах [Отчет рабочей группы…, www].

Кроме вышеуказанных, стоит отметить проблему управления ключевыми Интернет-ресурсами, суть которой состоит в необходимости создания центра управления, работа которого будет основана на деятельности единого централизованного механизма распределения ресурсов. Среди таких ресурсов стоит выделить IP-адреса – сетевые адреса, присваиваемые любому работающем в Интернете устройству, а также доменные имена. При этом важно, что информационное взаимодействие в Интернете требует однозначного определения интернет-узла ввиду его уникальности в масштабах сети.

Современные теоретические подходы к международным аспектам информационной безопасности

Разобравшись с понятием и правовой основой международной информационной безопасности стоит обратить особое внимание также на современные теоретические подходы к международным аспектам информационной безопасности с позиции политологических и международно-политических исследований.

Так, либеральная методология основана на подходах к содержанию понятия «информационная безопасность», а также эмпирических данных, отстаивающих вульгарно-нигилистический вектор, в рамках которого игнорируется сущность данной проблематики, а также допускается ее предвзятая интерпретация.

В качестве примера данного подхода можно привести полемику вокруг текста «Доктрины информационной безопасности», которая разгорелась в СМИ после того, как данный документ был представлен на суд широкой публике, которая тут же подключилась к ее обсуждению вместе с экспертным сообществом ученых. Опубликованные на данную тему материалы ставили под сомнение необходимость исследования проблематики информационной безопасности в целом, включая обвинения в адрес Совета Безопасности РФ в некомпетентности, навязывании обществу цензуры, а также ограничения свободы демократических средств массовой коммуникации.

В некоторых материалах также говорится о смирительном характере содержания Доктрины информационной безопасности и включенных в нее идей, а также распространении других

инсинуаций в отношении составителей и структур исполнительной власти, разработавших этот документ. Обобщенным выводом из обсуждения проблемы информационной безопасности, основанной на позициях либеральной идеологии, становится утверждение автора действующего до настоящего времени закона о СМИ профессора М. Федотова о необходимости «обезвредить доктрину информационной безопасности» [Цит. по: Лебедев, www].

Некоторые исследователи связывают проблематику обеспечения информационной безопасности государства с необходимостью возврата к практике цензуры СМИ и введения некоторых ограничений на свободу информации. Данная позиция, однако, противоречит нормам Конституции Российской Федерации, а также является дополнительным аргументом сторонников либерально-нигилистического подхода понимания международной информационной безопасности. При этом этап становления концепции информационной безопасности является логичным отражением накопленного политического опыта, обусловливающего поиск средств защиты от угроз национальной безопасности.

Положительный аспект дискуссии о смысловых характеристиках концепции информационной безопасности состоит в формировании научных представлений о сущности информационных угроз, которые характерны для реалий информационного общества, связанных с представлениями практиков холодной войны и идеологическим противоборством двух систем.

В данном контексте плодотворность изменений политического дискурса в российской политологии проявляется в процессе эффективной разработки концепции информационной безопасности, а также обогащении понятийного аппарата теории международных отношений. Особенно наглядно это проявляется в том, что производным от концепции информационной безопасности становится понятие «международная информационная безопасность», прочно утвердившееся в рабочем языке современной дипломатии и теории международных отношений.

Особое значение здесь приобретает тот факт, что Россия является первым государством, инициировавшим появление в современном мире новой угрозы национальной и международной безопасности, связанной с глобальным развитием информационно-коммуникационных технологий.

В 1998 году РФ выступило с инициативой подписания на уровне президентов России и США заявления, регулирующего комплекс проблем международной информационной безопасности. Позиция российской стороны была основана на констатации наличия в мире нового качественного потенциала развития человечества, появившегося в результате глобальной информационно-технологической революции. Без принятия таких превентивных мер данный потенциал может стать не только источником угроз стратегического характера, но также и основанием для появления новых технологий ведения вооруженных конфликтов, что в конечном счете может противоречить интересам поддержания мира и стратегической стабильности на всей Земле.

Таким образом, концептуальные подходы, сформировавшие понятие «международная информационная безопасность», находят свое отражение в тексте Совместного заявления об общих вызовах безопасности в начале XXI века, которое было подписанно президентами России и США 2 сентября 1998 года. Данное заявление способствовало конституированию вопросов международной информационной безопасности в качестве объекта теории международных отношений.

Большое значение для формирования системы международной информационной безопасности и закрепления информационной безопасности как части системы международной безопасности имеет стандартизация требований и характеристик защищенных информационных комплексов, которая нашла отражение в Системе международных и национальных стандартов безопасности информации, включающей более сотни различных документов. В качестве примера можно привести стандарт ISO 15408, известный как Common Criteria.

Данный стандарт обеспечивает единые правила, используемые при разработке функций безопасности информационных технологий, а также для приобретения коммерческих продуктов с такими же свойствами. Ключевое направление оценки – угрозы, которые могут проявляться при злоумышленных действиях человека, и угрозы, вызванные другими факторами. Важным здесь является и создание специализированных требований для коммерческой кредитно-финансовой сферы, учитывая тот факт, что существовавшие до этого отечественные и зарубежные документы были привязаны к условиям правительственной или военной системы, а значит имели отношение к секретной информации, представлявшей государственную тайну.

Выпуск и внедрение стандарта за рубежом сопряжено с разработкой новой, стандартизуемой архитектуры, направленной на обеспечение информационной безопасности вычислительных систем, т. е. на создание технических и программных средств ЭВМ, которые бы отвечали Общим критериям. К примеру, международная организация Open Group, объединяющая более 200 ведущих фирм – производителей вычислительной техники и телекоммуникаций со всего мира, выпустила новую архитектуру безопасности информации для коммерческих автоматизированных систем с учетом указанных критериев.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что за последние годы сетевой рынок сопровождается фрагментированным влиянием на формирование стандартов. Стремительное распространение Интернета и обретение им характерных черт потребительского и коммерческого рынка приводит к необходимости поиска путей влияния на стандартизацию путем усиления конкурентной борьбы.

Библиография

1. Андреев Ю.В. Проблемы суверенитета и международная безопасность // Власть. 2011. № 1. С. 34-35.
2. Базилевский Б.Н. Международно-правовые аспекты региональной безопасности: автореферат дис. …канд. юрид. наук. М., 1983. 23 с.
3. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии»: документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R от 12.12.2003. URL: http://goo.gl/EOXB6c
4. Дзиньпин Си. Си Цзиньпин призвал страны БРИКС прикладывать больше усилий. URL: http://ftimes.ru/economy/5948-si-czinpin-prizval-strany-briks-prikladyvat-bolshe-usilij/
5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утверждена Президентом Рос. Федерации 09.09.2000 № Пр-1895. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28679/
6. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 53/70. URL: http://goo.gl/YzdrVG
7. Кириленко В.П. Международное право и информационная безопасность государства. СПб.: СПбГИКиТ, 2016. 396 с
8. Крутских А.В. Война или мир: международные аспекты информационной безопасности // Научные и методологические проблемы информационной безопасности:сб. статей. М.: МЦНМО, 2004. 208 с.
9. Лавров: судьбы мира не могут определяться одной страной. URL: http://tass.ru/politika/2204220
10. Лебедев А. Концепция информационной безопасности будет обезврежена. URL: http://kommersant.ru/doc/330807
11. Мазитов Р.Р. Информационная безопасность Российской Федерации на современном этапе // Российская юстиция. 2009. № 11. С. 4-7.
12. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года: Утверждены Президентом Рос. Федерации 24.07.2013 № Пр-1753. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178634/
13. Отчет рабочей группы по управлению использованием Интернет: документ WSIS-II/PC-3/DOC/5-R от 03.08.2005. URL: https://goo.gl/kqdrqq
14. Пилипенко В.Ф. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2005. 192 с.
15. План действий: документ WSIS-03/GENEVA/DOC/5-R от 12.12.2003. URL: http://goo.gl/XQE2eh

16. Противостоять угрозам терроризма и экстремизма страны БРИКС будут все вместе. URL: http://www.yoki.ru/news/news/09-07-2015/441929-0/
17. Селиванов А.И. Координация систем научного обеспечения стратегического управления стран БРИКС: задачи и перспективы. URL: http://www.lawinrussia.ru/node/359017
18. Шестюк В.П. (ред.) Научные и методологические проблемы информационной безопасности: сб. статей. М.: МЦНМО, 2004. 208 с.
19. About WGIG (Working Group on Internet Governance). URL: http://goo.gl/ffBbIw

Features of information security system as an element of international security in the modern world

Ekaterina S. Pelevina
Postgraduate student,
North-West Institute of Management,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
199178, 57/43 Srednii pr. V.O., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: pelevinakate@mail.ru

Abstract

The article describes the characteristics and interpretations of the term "information security" in the context of the problems of ensuring international and national security in the modern world. The attempt is made to study the problem by identifying key factors that affect the processes of economic and global security in the historical context and in the context of important legal, national and international documents, regulating relations in this sphere. The problems of ensuring information security in the world and at the level of individual states, including Russia, are detected from political and legal positions. Finally, the conclusion is drawn that the rapid development of information and Internet technologies is a challenge for the entire international community and requires taking of measures to regulate the market, particularly through standardization of processes.

For citation

Pelevina E.S. (2017) Osobennosti sistemy informatsionnoi bezopasnosti kak elementa mezhdunarodnoi bezopasnosti v sovremennom mire [Features of information security system as an element of international security in the modern world]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 194-205.

Keywords

Internet, information security, international threats, global security, politics, international security.

References

1. *About WGIG (Working Group on Internet Governance)*. Available at: http://goo.gl/ffBbIw [Accessed 11/12/16].
2. Andreev Yu.V. (2011) Problemy suvereniteta i mezhdunarodnaya bezopasnost' [The issues of sovereignty and international security]. *Vlast'* [Power], 1, pp. 34-35.
3. Bazilevskii B.N. (1983) *Mezhdunarodno-pravovye aspekty regional'noi bezopasnosti: avtoreferat dis. ...kand. yurid. nauk* [International legal aspects of regional security. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
4. *Deklaratsiya printsipov "Postroenie informatsionnogo obshchestva – global'naya zadacha v novom tysyacheletii": dokument WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R ot 12.12.2003* [Declaration of Principles "Building the Information Society: a global challenge in the new Millennium": document WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R from December 12, 2003]. Available at: http://goo.gl/EOXB6c [Accessed 11/12/16].
5. *Doktrina informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: utverzhdena Prezidentom Ros. Federatsii 09.09.2000 № Pr-1895* [The information security doctrine of the Russian Federation: approved by the President of the Russian Federation on September 9, 2000 No. Pr-1895]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28679/ [Accessed 11/12/16].
6. *Dostizheniya v sfere informatizatsii i telekommunikatsii v kontekste mezhdunarodnoi bezopasnosti: Rezolyutsiya General'noi Assamblei OON № 53/70* [Achievements in the field of informatization and telecommunications in the context of international security: Resolution of the UN General Assembly No. 53/70]. Available at: http://goo.gl/YzdrVG [Accessed 11/12/16].
7. *Dzin'pin Si. Si Tszin'pin prizval strany BRIKS prikladyvat' bol'she usilii* [Xi Jinping has called on BRICS countries to make more efforts]. Available at: http://ftimes.ru/economy/5948-si-czin-pin-prizval-strany-briks-prikladyvat-bolshe-usilij/ [Accessed 11/12/16].
8. Kirilenko V.P. (2016) *Mezhdunarodnoe pravo i informatsionnaya bezopasnost' gosudarstva* [International law and information security of the state]. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Film and Television.
9. Krutskikh A.V. (2004) Voina ili mir: mezhdunarodnye aspekty informatsionnoi bezopasnosti [War or peace: international aspects of information security]. *Proc. "Nauchnye i metodologicheskie problemy informatsionnoi bezopasnosti"* [Scientific and methodological problems of information security]. Moscow: Moscow Centre for Continuous Mathematical Education.
10. *Lavrov: sud'by mira ne mogut opredelyat'sya odnoi stranoi* [Lavrov: the fate of the world can not be defined by one country]. Available at: http://tass.ru/politika/2204220 [Accessed 11/12/16].

11. Lebedev A. *Kontseptsiya informatsionnoi bezopasnosti budet obezvrezhena* [The concept of information security will be defused]. Available at: http://kommersant.ru/doc/330807 [Accessed 11/12/16].
12. Mazitov R.R. (2009) Informatsionnaya bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape [Information security of the Russian Federation at the present stage]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 11, pp. 4-7.
13. *Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti na period do 2020 goda: Utverzhdeny Prezidentom Ros. Federatsii 24.07.2013 № Pr-1753* [The foundations of state policy of the Russian Federation in the field of international information security for the period up to 2020: approved by the President of the Russian Federation on July 24, 2013 No. Pr-1753]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178634/ [Accessed 11/12/16].
14. *Otchet rabochei gruppy po upravleniyu ispol'zovaniem Internet: dokument WSIS-II/PC-3/DOC/5-R ot 03.08.2005* [Report of the working group on Internet use management: document WSIS-II/PC-3/DOC/5-R dated August 3, 2005]. Available at: https://goo.gl/kqdrqq [Accessed 11/12/16].
15. Pilipenko V.F. (2005) *Bezopasnost': teoriya, paradigma, kontseptsiya, kul'tura* [Security: theory, paradigm, concept, culture]. Moscow: PER SE-Press Publ.
16. *Plan deistvii: dokument WSIS-03/GENEVA/DOC/5-R ot 12.12.2003* [Action plan: document WSIS-03/GENEVA/DOC/5-R dated December 12, 2003]. Available at: http://goo.gl/XQE2eh [Accessed 11/12/16].
17. *Protivostoyat' ugrozam terrorizma i ekstremizma strany BRIKS budut vse vmeste* [The BRICS countries will counter the threats of terrorism and extremism together]. Available at: http://www.yoki.ru/news/news/09-07-2015/441929-0/ [Accessed 11/12/16].
18. Selivanov A.I. *Koordinatsiya sistem nauchnogo obespecheniya strategicheskogo upravleniya stran BRIKS: zadachi i perspektivy* [Coordination of systems of scientific support for strategic management in BRICS countries: challenges and prospects]. Available at: http://www.lawinrussia.ru/node/359017 [Accessed 11/12/16].
19. Shestyuk V.P. (ed.) (2004) *Nauchnye i metodologicheskie problemy informatsionnoi bezopasnosti: sb. statei* [Scientific and methodological problems of information security: collection of articles]. Moscow: Moscow Centre for Continuous Mathematical Education.

УДК 327.56

Территориальный конфликт в Южно-китайском море: причины и варианты развития

Капустин Николай Андреевич

Студент,

Московский государственный институт международных отношений (Университет),

Министерства иностранных дел Российской Федерации,

Международный институт энергетической политики и дипломатии,

119454, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 76;

e-mail: nikolaykapustin4@gmail.com

Аннотация

На сегодняшний день Южно-китайское море представляет собой объект геополитических интересов целого ряда как региональных, так и внерегиональных акторов. Значительное увеличение в современном мире экономического и политического влияния восточноазиатских государств, в первую очередь Китая, актуализируют анализ территориального конфликта в Южно-китайском море. В статье рассмотрена суть претензий стран этой акватории, проведен анализ исторических причин возникновения конфликта, рассмотрены возможные варианты развития положения в регионе в зависимости от действий основных политических акторов – Китая и Соединенных Штатов Америки. Политические перспективы развития данного территориального конфликта автору статьи представляются неоднозначными. Контроль над значительными запасами полезных ископаемых в акватории Южно-китайского моря, а также над проходящими через Малаккский пролив крупнейшими международными торговыми путями дают преимущества Китайской Народной Республике, для которой данная проблема не только экономического, но также исторического внутриполитического характера. В этом видится причина отказа КНР от каких-либо уступок в решении данного вопроса. По мнению автора, после избрания на пост президента США республиканца Д. Трампа проблема Южно-китайского моря наряду с другими значимыми для Китая вопросами получила новое обострение, так как в условиях политического и экономического давления на Китайскую Народную Республику со стороны США возможна эскалация напряженности в регионе.

Для цитирования в научных исследованиях

Капустин Н.А. Территориальный конфликт в Южно-китайском море: причины и варианты развития // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 206-216.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Ключевые слова

Южно-китайское море, территориальный конфликт, Китайская Народная Республика, Филиппины, Соединенные Штаты Америки, Си Цзиньпин, Дональд Трамп.

Введение

Территориальный конфликт в Южно-китайском море – одна из наиболее сложных проблем в современных международных отношениях, что объясняется значительным количеством вовлеченных в него участников, а также отсутствием системы коллективной безопасности в регионе. Данный вопрос один из самых проблемный для Китайской Народной Республики. Китай в силу ряда исторических, внешне- и внутриполитических причин не может отказаться от своих территориальных претензий в Южно-китайском море (далее – ЮКМ). Данный конфликт в наше время вновь обострился в силу следующих причин. Во-первых, летом 2016 года было вынесено решение международного третейского суда в Гааге, который удовлетворил иск Филиппин и отказал КНР в праве на акваторию ЮКМ. Кроме того, по мнению экспертов, с избранием нового президента Соединенных Штатов Америки, в чьей предвыборной риторике было много антикитайских выпадов, гипотетически возросли угрозы использования США положения в регионе для достижения своих политических целей.

В целом, сохранение мира и безопасности на территории государств акватории Южно-китайского моря, товарооборот которых составляет более 5,3 трлн. Долларов [Fensom, 2016, www], приобретает все более важное значение. Цель данной статьи – рассмотреть исторические причины возникновения многостороннего территориального конфликта в Южно-китайском море, провести комплексный анализ различных вариантов его развития с учетом последних мировых политических тенденций.

Суть территориальных претензий в акватории Южно-китайского моря

Территориальный спор в ЮКМ возник после того как по Сан-Францисскому мирному договору 1951 года Японская империя отказалась от данных территорий, а острова и архипелаги в регионе были заняты КНР, Тайванем, Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией и Брунеем [Габуев, 2016, www]. При этом расположенным на севере акватории Парасельский архипелаг достался КНР, а находящиеся южнее острова Спратли оказались под контролем целого ряда государств, выдвигающих взаимные территориальные претензии [Why is the South China Sea contentious?, 2016, www]. Вьетнам утверждает, что эффективно осуществлял свою юрисдикцию в отношении как Парасельских островов, так и островов Спратли, с XVII века и обладает необходимыми для обоснования своих претензий документами. Претензии Филиппин в регионе основаны на географической близости к островам Спратли

[Bader, 2014, www]. Кроме того, это государства, как и КНР, заявляют о своем суверенитете над мысом Скарборо, расположенным в ста морских милях от Филиппин и в пятистах – от Китая. К тому же Малайзия и Бруней в соответствии с конвенцией ООН о морском праве 1982 года также стремятся зафиксировать свои исключительные экономические зоны в регионе. Малайзия тоже претендует на часть островов Спратли.

Однако наибольшие территориальные претензии в регионе выдвигает Китай: данное государство претендует на так называемую «линию из девяти пунктиров», то есть более чем 80% акватории ЮКМ на основе исторических карт, в том числе атласа Китайской республики 1947 года, который полностью включает в границы Китая как Парасельские острова, так и острова Спратли [Beech, 2016, www]. Таким образом, претензии КНР основываются на «историческом» праве Китая, который «испокон веков» [学习路上, 2016, www] владел данными территориями. Аналогичные требования также выдвигает Тайвань (официальное название – Китайская республика) [Why is the South China Sea contentious? 2016, www]. Следовательно, КНР, Тайвань и Вьетнам выдвигают территориальные претензии на основе исторических прав, в то время как Малайзия, Филиппины и Бруней предъявляют свои требования в соответствие с положениями конвенции ООН 1982 года.

Территориальный конфликт в акватории по мере превращения ЮКМ в торговый и политический узел динамично развивающегося восточноазиатского региона активизировался. Основные противоречия существуют между Китаем и Вьетнамом, а также Китаем и Филиппинами. Еще в 1974 году ВМС КНР заняли часть Парасельских островов, контролируемую ранее Южным Вьетнамом. В 1988 году в районе островов Спратли между КНР и Вьетнамом вновь произошел вооруженный конфликт, завершившийся победой Китая.

В начале 2012 года конфликт имел некоторое обострение и вновь привлек к себе внимание: Китай установил контроль над рифом Скарборо, на который претендуют Филиппины. В результате, в январе 2013 года эта страна при активной политической и дипломатической поддержке США подала на Китай жалобу в Постоянную палату третейского суда в Гааге. Однако уже через месяц после данного шага Китай заявил о своем непризнании будущего решения трибунала. 12 июля 2016 года после многолетнего процесса рассмотрения, панель международных экспертов, которая действовала под эгидой Постоянной палаты третейского суда в Гааге, вынесла решение по делу № 2013-19 «Республика Филиппины против КНР». Суд постановил, что территория, на которую претендует Китай, не острова, но рифы и скалы, а потому никакая «исключительная зона» вокруг данных объектов не может быть установлена. Кроме того, были отклонены аргументы Китая по поводу «линии из девяти пунктиров».

Реакция китайского руководства была отрицательной. Дай Бинго – один из советников Си Цзиньпина по внешней политике – заявил, что это решение лишь «клочок бумаги» [戴秉国…, 2016, www]. В целом, китайское руководство заняло позицию четырех «нет»: «не соглашаться», «не участвовать», «не признавать», «не исполнять».

Конфликта в Южно-китайском море: решения и перспективы

Причины данного конфликта, по нашему мнению, лежат в основном в экономической и геополитической сферах. Однако проблема ЮКМ сегодня начала приобретать явное идеологическое наполнение. Кроме того, одной из причин активизации конфликта в последние годы является постепенно возрастающая внешнеполитическая активность Китая, что, в первую очередь, по объективным данным связано с неуклонным возрастанием его экономических и военных возможностей.

Несмотря на то, что Парасельские острова и архипелаг Спратли не населены, данные участки суши и акватория вокруг, безусловно ценны, так как богаты полезными ископаемыми. При этом сведения о запасах углеводородов сильно разнятся. По наиболее достоверный данным, приведенным Энергетическим управлением США, речь идет о примерно 11 млрд. баррелей нефти и 538 млрд. кубометров газа [China South Sea, 2013, www]. При этом акватория островов Спратли в силу политической напряженности слабо изучена и, следовательно, вполне возможно, бедна энергоресурсами.

Несмотря на то, что добыча полезных ископаемых не раз становилась предметов конфликтов (например, в 2014 году Вьетнам выразил претензии КНР по поводу установки в ИЭЗ Вьетнама буровой установки Китая), значительно большее напряжение вызывает отлов морской рыбы. На данный регион приходится около 12% мировой добычи данного продукта [Greer, 2016, www]. Китай рассматривает эту отрасль как стратегически важную: в 2015 году она дала примерно 3% ВВП страны, в рыболовстве заняты до 9 млн. человек, причем у многих это единственный вариант трудоустройства [Габуев, 2016, www]. Важность ЮКМ повышается и в связи со значительным уровнем промышленной загрязненности прибрежных и внутренних вод КНР.

При этом ресурсный потенциал ЮКМ не главный источник конфликтности. В акватории Южно-китайского моря находится Малаккский пролив, ежегодный торговый траффик через который составляет 5,3 трлн. Долларов (примерно 25% всей мировой торговли) [Габуев, 2016, www]. Именно через данный пролив осуществляется более 60% внешних торговых операций КНР, в том числе 80% импорта углеводородов [China South Sea…, 2013, www]. При этом Малаккский пролив чрезвычайно узок (наименьшая ширина – 2,5 км). Китайское политическое и военное руководство серьезно обеспокоено тем, что в случае какого-либо конфликта пролив легко может быть перекрыт флотом США [Gabriel, Murray, Murray, 2008, www]. Опасения Китая подкрепляются активным обсуждением данного сценария, его плюсов и минусов, в американской экспертной среде и в кругах военно-политической элиты [Blockading China…, 2013, www]. Таким образом, контроль над акваторией ЮКС необходим КНР для того, чтобы США и их союзники не могли перекрыть экономически важные для Китая пути и, таким образом, предпринять экономическую блокаду.

Важную роль во все более активной внешнеполитической линии Пекина в ЮКМ играют факторы, связанные с внутренней политикой. Председатель КНР Си Цзиньпин выступает за идею «великого возрождения китайской нации». Внутриполитические проекты: борьба с коррупцией, идея «Китайской мечты» – органично согласуются с геоэкономическим программой «Один пояс – один путь» и тем стилем дипломатии, при котором Китай упорно отстаивать свои интересы.

При этом руководство КНР, осознавая реальные возможности страны на современном этапе, по мнению экспертов, не стремится бросить вызов США либо Японии. Иная ситуация в ЮКМ: из всех государств-претендентов на спорные территории только Филиппины являются формальным военным союзником США, при этом после вступления на порт президента Филиппин г-на Дутерте американско-филиппинские отношения существенно испортились [Panda, 2016, www]. Можно сказать, что активность Китая в Южно-китайском море – попытка новой внешнеполитической стратегии КНР. Таким образом, для Китая проблема осуществления эффективного контроля над акваторией ЮКМ – безусловный стратегический приоритет.

С 2013 года Китай начал активно вытеснять из спорных вод иностранных рыбаков, а с 2015 года – превращать некоторые отмели в искусственные острова и размещать на них инфраструктуру и средства двойного назначения: площадки для радаров, взлетно-посадочные полосы, укрепленные порты. В настоящее время насыпные острова фактически превращены в легковооруженные военные базы КНР, что, очевидно, беспокоит страны-соседей Китая, в первую очередь, Вьетнам и Филиппины, и способствует накоплению конфликтного потенциала в ЮКМ.

Наконец, действия Китая в регионе вызывают недовольство США как ключевой военно-политической державы в Юго-Восточной Азии, наладившей активное военное сотрудничество с Вьетнамом и Филиппинами. Очевидно, что способность КНР установить эффективный контроль над ЮКМ, экономическая мощь и торговые связи сделают эту страну региональной супердержавой – за счет США. Кроме того, действия КНР, с точки зрения Соединенных Штатов, нарушают принципы свободы мореплавания как гарантию процветания и безопасности США.

Прогнозы развития ситуации в Южно-китайском море

Несмотря на недавнее обострение ситуации в ЮКМ в связи с решением Палаты третейского суда в Гааге, ключевые региональные акторы, в первую очередь, КНР и Филиппины, не желают напряженности в отношениях по следующим причинам. Во-первых, снизив градус противостояния, КНР может предотвратить выработку совместной позиции по вопросу ЮКМ государствами АСЕАН [Габуев, 2016, www]. 24 июля 2016 года в ходе саммита КНР-АСЕАН стороны выступили с совместным заявлением, в котором достигли единства в вопросе признания конвенции по морскому праву ООН, и не заселять отмели и скалы до сих пор не заселенные, в том числе Скарборо [Joint Statement…, 2016, www]. Ценой за

компромисс с государствами АСЕАН для этих стран, по нашему мнению, будет, вероятно, отказ от поддержки и упоминания результатов гаагского арбитража. Пекин готов пойти на уступки, при условии, что Манила откажется от спекуляций результатами референдума. Так, в ноябре 2016 года президент Филиппин Р. Дутерте и председатель КНР Си Цзиньпин подписали пакет соглашений на сумму в 13,5 млрд. долларов по широкому кругу вопросов, кроме того, Китай снял морскую блокаду острова Скарборо-Шол.

Что касается США, то их действия в настоящий момент в регионе указывают на то, что какой-либо действенной среднесрочной (10-15 лет) стратегии для решения проблемы ЮКМ у США нет. Более сложным для их лидера на сегодня является вопрос превращения Китая в XXI веке в конкурирующий центр международных отношений. Несмотря на активные действия КНР в регионе, лидеры США вынужден с ними считаться, избегая конфликта с Китаем. Наконец, очевидно, что «баланс решимости» (balance of resolve) в данном противостоянии не в пользу США, для которых спор азиатских стран акватории ЮКМ лишь один из целого ряда далеких конфликтов, а для Китая – острейшая проблема исконных неотъемлемых от КНР территорий, о сохранении которых Пекин заявляет решительно о готовности к вооруженному противостоянию [Holmes, 2016, www].

Однако постепенное снижение напряженности не означает, что стороны действительно готовы к мирному и компромиссному разрешению данного конфликта. Наибольшую опасность для мира представляет непредсказуемая внешняя политика новой администрации США под руководством Дональда Трампа. Основной целью новой американской внешней политики является реиндустриализация США, прекращение в соответствии с принципом America First переноса производств из Соединенных Штатов в развивающиеся страны, в том числе государства Юго-восточную Азию. Для этого, по нашему мнению, США под предлогом несоответствия интересам Америки вышли из проекта Транстихоокеанского партнерства, отказавшись от создания зоны свободной торговли в АТР [Garcia, 2017, www]. Однако это скорее подтолкнет государства региона, в первую очередь АСЕАН, на более тесное партнерство с КНР. Так, вероятно, будет реализовано Региональное комплексное соглашение об экономическом партнерстве в формате АСЕАН+6, активно продвигаемое Китаем. И это значительно усилит влияние КНР в регионе.

При этом Д. Трамп, настаивая на довольно жесткой политике с Китаем, неоднократно обвинял КНР в манипулировании национальной валютой и обещал ввести заградительные тарифы против китайского экспорта в США. Позднее американский президент выступил с критикой политики КНР, заявив: «Я не понимаю, почему мы должны придерживаться политики «единого Китая» [см. Трамп раскритиковал…, 2016, www], – комментируя телефонный разговора с президентом Тайваня Цай Инвэнь. Важно, что подобная позиция разделяется рядом высокопоставленных деятелей в сфере обороны и внешней политики. Так, бывший представитель США в ООН Джон Болтон в январе 2016 года открыто призвал «разыграть тайваньскую карту» вплоть до полного признания независимости Китайской Республики в целях получения преимущества

в Южно-китайском море [Bolton, 2016, www]. По мнению автора, подобная политика США может привести к резкой активизации конфликтного потенциала в ЮКМ.

Заключение

В целом, территориальный конфликт в Южно-китайском море – это противостояние, спровоцированное в первую очередь экономическими и геополитическими интересами сторон. Данный конфликт приобретает особую важность с учетом постоянно возрастающих экономических, политических и, конечно, военных возможностей Китайской Народной Республики – страны, по ряду внешне- и внутриполитических причин претендующей на контроль над акваторией ЮКМ. Однако в связи с особой важностью региона для международной экономики взаимозависимость государств акватории ЮКМ и США, а также традиционный курс КНР на мирное разрешение конфликтов, делают начало вооруженного противостояния в регионе маловероятным. В краткосрочной перспективе драйвером региональной нестабильности будет непредсказуемая внешняя политика нового президента США Д. Трампа, направленная на активное сдерживание Китая посредством постепенной эскалации положения как в Южно-китайском море, так и в других существенных для КНР вопросах.

Библиография

1. Габуев А.Т. После судного дня: как будет развиваться конфликт в Южно-Китайском море: Московский центр Карнеги. 2016. URL: http://carnegie.ru/commentary/2016/07/27/ru-64182/j39i
2. Трамп раскритиковал политику «единого Китая» // Риа новости. 2016. 11 декабря. URL: https://ria.ru/world/20161211/1483331488.html
3. Bader J.A. The U.S. and China's Nine-Dash Line: Ending the Ambiguity // Brookings. 2014. February 6. URL: https://www.brookings.edu/opinions/the-u-s-and-chinas-nine-dash-line-ending-the-ambiguity/
4. Beech H. Just Where Exactly Did China Get the South China Sea Nine-Dash Line From? // Time. 2016. July 19. URL: http://time.com/4412191/nine-dash-line-9-south-china-sea/
5. Blockading China: A Guide. URL: http://warontherocks.com/2013/10/blockading-china-a-guide/
6. Bolton J. The U.S. Can Play a "Taiwan Card" // The Wall Street Journal. 2016. Jan. 17. URL: https://www.wsj.com/articles/the-u-s-can-play-a-taiwan-card-1453053872
7. China South Sea. US Energy Information Administration. // Eia. 2013. February 7. URL: https://www.eia.gov/beta/international/regions-topics.cfm?RegionTopicID=SCS
8. Fensom A. $5 Trillion Meltdown: What If China Shuts Down the South China Sea? // The national interest. 2016. July 16. URL: http://nationalinterest.org/blog/5-trillion-meltdown-what-if-china-shuts-down-the-south-china-16996

9. Gabriel B., Murray C., Murray W.S.No oil for the lamps of China. Naval War College Review. 2008. Vol. 61. № 2. URL: https://www.usnwc.edu/getattachment/22821a31-a443-4bc7-95a6-54527ad8924a/No-Oil-for-the-Lamps-of-China----Collins,-Gabriel-.aspx
10. Garcia F. President Donald Trump scraps TPP trade deal by executive order // Independent. 2017. January 23. URL: http://www.independent.co.uk/news/world/americas/donald-trump-tpp-scraps-trade-deal-executive-order-signs-us-president-white-house-day-one-a7542211.html
11. Greer A. The South China Sea Is Really a Fishery Dispute // The diplomat. 2016. July 20. URL: http://thediplomat.com/2016/07/the-south-china-sea-is-really-a-fishery-dispute/
12. Holmes J. Is China Getting Ready to Wage a "People's War" in the South China Sea? // The national interest. 2016. August 11. URL: http://nationalinterest.org/feature/china-getting-ready-wage-peoples-war-the-south-china-sea-17325
13. Joint Statement of the foreign minister of ASEAN Member States and China on the full and effective implementation of the declaration on the conduct of parties in the South China sea. URL: http://asean.org/storage/2016/07/Joint-Statement-on-the-full-and-effective-implementation-of-the-DOC-FINAL.pdf
14. Panda A. Philippine President Rodrigo Duterte Meets Xi Jinping: First Takeaways // The diplomat. 2016. October 21. URL: http://thediplomat.com/2016/10/philippine-president-rodrigo-duterte-meets-xi-jinping-first-takeaways/
15. Why is the South China Sea contentious? // BBC News. 2016. 12 July. URL: http://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-13748349
16. 学习路上.今年以来关于领土主权和南海问题习近平总书记怎么说. URL: http://cpc.people.com.cn/xuexi/n1/2016/0713/c385474-28548927.html
17. 戴秉国出席中美智库南海问题对话会开幕式并发表主旨演讲. 2016. URL: http://news.xinhuanet.com/2016-07/06/c_1119173439.htm

Territorial dispute in the South China Sea: origin and development options

Nikolai A. Kapustin
Student,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
International Institute of Energy Policy and Diplomacy,
119454, 76 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nikolaykapustin4@gmail.com

Abstract

Today South China Sea is an object of geopolitical interest of a whole range of both regional and exterior political actors. It is important and relevant to analyze the territorial dispute in South China Sea taking into account the growing economic and political influence of East-Asian states, first of all China. There are large mineral reserves of both oil and natural gas in the sea. Moreover, the world's largest trade routes go through the Strait of Malacca. Control over them would provide considerable benefits in the global economic competition. But the further development of this territorial dispute remains unclear. For the major regional actor – the People's Republic of China – this is not just an economic, but both historical and domestic political problem. Therefore, the Chinese authorities do not consider any possible concessions in this matter. After the election of Donald Trump – known for his anti-Chinese rhetoric – as the President of the United States of America, the USA is likely to take a tougher stance, trying to use the problem of the South China sea as well as other delicate matters to exert political and economic pressure on the People's Republic of China, which might lead to the escalation of tensions in the region. The author of this article scrutinizes the territorial conflict in the South China Sea, and analyzes the historical reasons for its emergence and development. The author also reviews the possible variants for the evolution of the situation in the region, depending on the actions of its main political actors – China and the United States of America.

Keywords

South China Sea, territorial dispute, People's Republic of China, Philippines, United States of America, Xi Jinping, Donald Trump.

For citation

Kapustin N.A. (2017) Territorial'nyi konflikt v Yuzhno-kitaiskom more: prichiny i varianty razvitiya [Territorial dispute in the South China sea: origin and development options]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 206-216.

References

1. Bader J.A. (2014) The U.S. and China's Nine-Dash Line: Ending the Ambiguity. *Brookings*, 6th February. Available at: https://www.brookings.edu/opinions/the-u-s-and-chinas-nine-dash-line-ending-the-ambiguity/ [Accessed 12/02/17].
2. Beech H. (2016) Just Where Exactly Did China Get the South China Sea Nine-Dash Line From? *Time*, 19th July. Available at: http://time.com/4412191/nine-dash-line-9-south-china-sea/ [Accessed 12/02/17].

3. *Blockading China: A Guide*. Available at: http://warontherocks.com/2013/10/blockading-china-a-guide/ [Accessed 12/02/17].
4. Bolton J. (2016) The U.S. Can Play a "Taiwan Card". *The Wall Street Journal*, 17th Jan. Available at: https://www.wsj.com/articles/the-u-s-can-play-a-taiwan-card-1453053872
5. China South Sea. US Energy Information Administration (2013). *Eia*, 7th February. Available at: https://www.eia.gov/beta/international/regions-topics.cfm?RegionTopicID=SCS [Accessed 12/02/17].
6. Fensom A. (2016) $5 Trillion Meltdown: What If China Shuts Down the South China Sea? *The national interest*, 16th July. Available at: http://nationalinterest.org/blog/5-trillion-meltdown-what-if-china-shuts-down-the-south-china-16996 [Accessed 12/02/17].
7. Gabriel B., Murray C., Murray W.S. (2008) No oil for the lamps of China. Naval *War College Review*, 61 (2). Available at: https://www.usnwc.edu/getattachment/22821a31-a443-4bc7-95a6-54527ad8924a/No-Oil-for-the-Lamps-of-China----Collins,-Gabriel-.aspx [Accessed 12/02/17].
8. Gabuev A.T. (2016) *Posle sudnogo dnya: kak budet razvivat'sya konflikt v Yuzhno-Kitaiskom more: Moskovskii tsentr Karnegi* [After the Doomsday: how the conflict in the South China Sea will develop: Carnegie Moscow center]. Available at: http://carnegie.ru/commentary/2016/07/27/ru-64182/j39i [Accessed 12/02/17].
9. Garcia F. (2017) President Donald Trump scraps TPP trade deal by executive order. *Independent*, 23th Jan. Available at: http://www.independent.co.uk/news/world/americas/donald-trump-tpp-scraps-trade-deal-executive-order-signs-us-president-white-house-day-one-a7542211.html [Accessed 12/02/17].
10. Greer A. (2016) The South China Sea Is Really a Fishery Dispute. *The diplomat*, 20th July. Available at: http://thediplomat.com/2016/07/the-south-china-sea-is-really-a-fishery-dispute/ [Accessed 12/02/17].
11. Holmes J. (2016) Is China Getting Ready to Wage a "People's War" in the South China Sea? *The national interest*, 11th August. Available at: http://nationalinterest.org/feature/china-getting-ready-wage-peoples-war-the-south-china-sea-17325 [Accessed 12/02/17].
12. *Joint Statement of the foreign minister of ASEAN Member States and China on the full and effective implementation of the declaration on the conduct of parties in the South China Sea*. Available at: http://asean.org/storage/2016/07/Joint-Statement-on-the-full-and-effective-implementation-of-the-DOC-FINAL.pdf [Accessed 12/02/17].
13. Panda A. (2016) Philippine President Rodrigo Duterte Meets Xi Jinping: First Takeaways. *The diplomat*, 21st October. Available at: http://thediplomat.com/2016/10/philippine-president-rodrigo-duterte-meets-xi-jinping-first-takeaways/ [Accessed 12/02/17].
14. Tramp raskritikoval politiku "edinogo Kitaya" [Trump criticized the policy of "one China"] (2016) *Ria novosti*, 11th Desember. Available at: https://ria.ru/world/20161211/1483331488.html [Accessed 12/02/17].

15. Why is the South China Sea contentious? (2016) *BBC News*, 12th July. Available at: http://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-13748349 [Accessed 12/02/17].
16. 戴秉国出席中美智库南海问题对话会开幕式并发表主旨演讲 [Dai Bingguo's address to the China-US Dialogue on the South China Sea Between Chinese and US Think Tanks] (2016). Available at: http://news.xinhuanet.com/2016-07/06/c_1119173439.htm [Accessed 12/02/17].
17. 学习路上. 今年以来关于领土主权和南海问题习近平总书记怎么说 [Learning on the road. This year on the territorial sovereignty and the South China Sea issue, Xi Jinping says China's territorial sovereignty]. Available at: http://cpc.people.com.cn/xuexi/n1/2016/0713/c385474-28548927.html [Accessed 12/02/17].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 327.8

Геоэкономическое измерение внешнеполитической стратегии КНР

Самойлов Антон Витальевич
Сотрудник войсковой части 33965,
Соискатель,
117602, Российская Федерация, Москва;
e-mail: laoshe1274@gmail.com

Аннотация

Одна из широко применяемых теорий государственной внешнеполитической стратегии Н. Спикмена (10 критериев геополитического могущества государства) может быть преломлена в свете геоэкономики, научной сферы набирающей силу в последние десятилетия. Сегодня наблюдается активное включение геоэкономических векторов во внешнюю политику многих государств, в частности, Китая. В статье рассмотрена внешнеполитическая стратегия КНР с точки зрения геоэкономики, прежде всего такой показатель, как совокупная мощь государства. Автор аргументирует тезис, что главенствующей для данного показателя является именно экономическая сфера жизни общества. Она, в свою очередь, обеспечивает национальную безопасность государства. Этими взаимосвязанными сферами определен внешнеполитический курс «китайской мечты о великом возрождении китайской нации». Проанализированы его геоэкономические основания: построение системы экспортно-ориентированной экономики, реализация долгосрочных ориентиров развития страны, накопление и инвестирование капитала, реализация принципа нового экономического и политического порядка основанного на многополярности и противостоянии гегемонии. Автор утверждает мысль о подчинении внешней политики Китая приоритетным целям экономического развития страны с целью повышения международного влияния государства. Для этого КНР используются различные международные площадки, вхождение в организации, формально не относящиеся к Китаю (например, Арктический совет), создание новых структур и проектов, инвестирование стратегически важных объектов на территории других стран и т. д. Эта концепция определяет официальный внешнеполитический курс Пекина и сегодня.

Для цитирования в научных исследованиях

Самойлов А.В. Геоэкономическое измерение внешнеполитической стратегии КНР // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 217-231.

Ключевые слова

Внешняя политика, стратегии государства, геоэкономика, Китайская Народная Республика, международное влияние.

Введение

Рассмотрение избранной государством внешнеполитической стратегии[1] может производиться под различными углами зрения и с использованием различного инструментария. Одной из наиболее применяемых теорий является теория Николаса Спикмена. В своих книгах Спикмен выделяет 10 критериев, на основании которых следует определять геополитическое могущество государства. К ним относятся: поверхность территории, природа границ, объем населения, наличие или отсутствие полезных ископаемых, экономическое и технологическое развитие, финансовая мощь, этническая однородность, уровень социальной интеграции, политическая стабильность, национальный дух.

Данные критерии в силу их ясности и всеобъемлемости неоднократно обращали на себя внимание исследователей. Однако в последнее время большую популярность набирает такое научное направление, как геоэкономика, возникновение которого следует отнести еще к периоду Холодной войны. В тот период основными движущими силами были политика и идеология, а геополитика исходила больше из идеологических, чем экономических факторов. Однако с приближением окончания Холодной войны и началом усиленного экономического соперничества между странами, упоминания о геоэкономике все чаще появляются на страницах научных работ.

Геоэкономика в историческом развитии

Одной из первых работ в геоэкономическом направлении можно считать книгу Пола Кеннеди «Взлет и падение великих держав» (The Rise and Fall of the Great Powers), изданную в 1987 году. В данной работе показана высокая степень корреляции стратегических обязательств государств (Пол Кеннеди использует термин «имперское перенапряжение»), военной составляющей и экономической мощи. Кеннеди подчеркивал идею, что «в войне Великих держав победа останется за той стороной, которая обладает большими экономическими ресурсами» [Kennedy, 1987].

Дальнейшее развитие направления принадлежит американскому политологу Эдварду Люттваку, именно с его именем в настоящее время связывают появление геоэкономики. В

1 Существуют различные определения понятия «внешнеполитическая стратегия», мы в данной работе отталкиваемся от понятия, представленного А.А. Косоруковым в диссертации «Соотношение детерминант глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитической стратегии: зарубежный опыт и российская специфика», где внешнеполитическая стратегия определена как долгосрочная программа достижения целей и обеспечения национальных интересов государства на международной арене, предусматривающая оптимальное использование имеющихся у государства ресурсов в изменяющейся системе международных отношений.

своей работе «От геополитики к геоэкономике: Логика конфликта, грамматика коммерции» он пишет: «В настоящее время все согласятся и это очевидно, что методы торговли вытесняют военные методы, капитал вытесняет огневую мощь, инновации в гражданской сфере вытесняют инновации в военно-технической сфере, процессы развертывания гарнизонов и военных баз вытесняются процессами выхода на зарубежные рынки. Государства, как пространственные субъекты, устроенные так, что очень ревностно относятся к определению собственных границ, не исчезнут, однако переориентируются в сторону геоэкономики, чтобы компенсировать свою затухающую геополитическую роль» [Luttwak, 1990, 18].

В случае военного соперничества инструментами силы будут являться бомбы, танки, военные корабли. В ситуации же экономического соперничества на первый план выходят такие инструменты как эффективное производство, расширение рынка, устойчивая национальная денежная единица, права собственности на зарубежные компании, заводы, технологии.

Следует уточнить также отношение между геополитикой и геоэкономикой. Иногда геоэкономику полностью включают в геополитику, апеллируя к шведско-немецкой классике (Цымбурский), иногда, напротив, полностью включают геополитику как тему «гегемонии» в геоэкономическую сферу жизни миросистем (И. Валлерстайн, К. Чейз-Данни др.), а порой пытаются объявить геополитику устаревшей и заменить ее геоэкономикой (Э. Люттвак, Э. Кочетов, А. Неклесса).

Так А.И. Неклесса понимает геоэкономику как режим перераспределения ресурсов и благ, который в условиях растущего творческого дефицита «выступает не только как способ хозяйствования, но и как доминирующая система управления обществом, как политика и даже идеология наступающей эпохи, как новая властная система координат» [Неклесса, 2002, 57]. Взаимосвязь геоэкономики и геополитики может быть также определена в двух различных формах: как отношение экономической политики государства и оказываемое ею влияние на государственную власть и геополитику, другими словами, геополитические последствия экономических явлений или экономические последствия государственной власти и геополитических трендов. В качестве иллюстрации данного положения можно привести пример, указанный А.В. Лукиным в статье «Российско-китайской стратегическое партнерство и проект создания нового «морского шелкового пути»: «Для обеспечения стабильного экономического развития Китаю необходимо мирное и стабильное окружение. Стабильность является не только одной из основных целей его внутренней политики, но и внешнеполитического курса. С точки зрения Пекина, политическая стабильность государств-партнеров обеспечивает расширение торгово-экономического сотрудничества, а такая стабильность может быть достигнута путем стимулирования их экономического роста. Суммарный смысл «Пояса» и «Пути» состоит в создании благоприятных условий для того, чтобы поднять на новый уровень экономическую деятельность КНР в восточном полушарии, а тем самым и усилить его роль в мировой политике» [Лукин, 2015, 345]. Наиболее

точной, по мнению автора, считается понимание геоэкономики как сферы взаимодействия между сообществами разного масштаба и характера относительно контроля над экономическими ресурсами и достижения политических и иных целей, даже если эти взаимодействия, контроль или сами ресурсы пересекают границы территориальной политической власти.

Генри Киссинджер в своей книге «Новый мировой порядок» также подчеркивает идею возвышения роли экономики и понижения роли политики в международных отношениях: «…во-первых, сама природа государства – этой базовой формальной ячейки мирового сообщества подверглась многочисленным попыткам ревизии. Европа решила, что переросла старое понятие государства с его независимостью и суверенным правом, и взялась строить внешнюю политику преимущественно на принципах „мягкой силы“… Столкновение между мировой экономикой и политическими институтами, которые якобы ею управляют, также приводит к потере чувства общей цели, что необходимо для мирового порядка. Экономика становится все более глобальной, а политическое устройство по-прежнему основано на национальном государстве» [Киссинджер, 2015, 167]. И действительно, появление большого количества центов влияния в Азии напрямую связано с их экономическими успехами, яркими примерами чему служат Сингапур, Южная Корея и ряд других стран. В противовес Северная Корея, имеющая политически стабильную ситуацию внутри страны и преследующая свои национальные интересы угрозой применения оружия, хотя и является объектом пристального внимания мирового сообщества, но никак не претендует на роль возвышающегося центра силы.

Внешнеполитическая стратегия Китая и вопросы геоэкономики

Китай вошел в число ведущих мировых держав также благодаря своему стремительному и успешному экономическому развитию. Модель экономического развития Китая, основанная на бурном росте и экспорте, естественным образом проявляется в нехватке ресурсов и необходимости искать новые рынки сбыта для произведенной продукции. Решение указанных вопросов находится главным образом за пределами государственных границ КНР. Помимо внутреннего развития страны, отличительной особенностью геоэкономики, как сказано выше, является выход интересов страны за ее территориальные пределы. При этом стоит отметить, что с высокими темпами экономического развития Китая сфера его государственных интересов распространилась на достаточное большое удаление от государственных границ. Одним из наиболее ярких примеров этому может служить возросший интерес Китая к Арктике. Тот факт, что Китай не является циркумполярным государством и членом Арктического совета (межправительственной организации, созданной в 1996 году и включающей восемь стран: Россию, США, Канаду, Данию, Швецию, Норвегию, Финляндию и Исландию) и не входит в «арктическую пятерку» стран, имеющих непосредственный выход к Северному Ледовитому океану (Россия, США, Канада, Норвегия и Дания), никак

не мешает властям страны рассматривать регион Арктики как зону своих стратегических интересов. Объяснение этому в большей степени связано также с расширением экономических интересов страны за пределы Китая. Основными объектами указанных интересов являются диверсификация внешнеторговых маршрутов и доступ к ресурсной базе Арктики. Доступ к Арктическим морским путям предоставит Китаю возможность экономии времени и финансовых ресурсов при перевозке грузов, обеспечат высокую надежность транспортных маршрутов. Одновременно с этим возможность доступа к ресурсной базе Арктики, в том числе к месторождениям углеводородов, богатым рыбным промыслам, а также рудным полезным ископаемым, в перспективе может стать еще одним немаловажным источником уменьшения сырьевых потребностей быстрорастущей промышленности Китая [Тимофеев, 2015, 226]. Помимо реализации своих долгосрочных национальных интересов в Арктике, Китай осуществляет свою экономическую экспансию и в страны Скандинавии. Так компания *"China National Bluestar"*, 80% акций которой принадлежит Китайской национальной химической корпорации (*China National Chemical Corporation*), в 2011 году более чем за 2 млрд. долларов купила норвежскую «Элкем» (*Elkem*) – крупнейшего производителя ферросплавов (1 место в мире), кремния и углеродных продуктов, имеющего металлургические заводы в Норвегии, Исландии и Канаде [Криворотов, 2013]. А в 2013 году власти Канады и США дали китайцами разрешение на покупку нефтяной компании *"Nexen"*, имеющей допуск на работу на шельфе Норвегии [Fekete, 2012, www].

В качестве другого приоритетного направления внешнеполитического курса КНР можно без сомнения назвать африканское направление. Именно на этом примере можно увидеть экспансивную направленность внешнеполитического курса Китая, реализуемого экономическими методами. Подчеркивая общность интересов Китая и стран развивающихся африканского континента, власти КНР проводят курс, основой которого является формула «сырье в обмен на инфраструктуру». Так, проектами китайской помощи обязательно предусматривается предоставление приоритета компаниям КНР при выборе подрядчика; закупки оборудования и материалов по таким проектам также должны осуществляться приоритетно КНР. Кроме того, для реализации своих проектов помощи в Африке Китай практикует ввоз собственной и, что важно, неквалифицированной рабочей силы. Например, для сооружения магистральной шоссейной дороги в Анголе в страну было ввезено свыше 700 китайских рабочих, а в Замбии за период с 1991 по 2006 г. по мере увеличения количества проектов помощи, предоставляемой КНР, численность китайского населения там возросла с 300 до 3 тыс. человек [Торкунов, Мальгин, 2012, 376].

В зарубежных исследованиях механизм реализации китайской помощи африканским странам получил название «Ангольский метод». Он состоит в следующем. Для исполнения проекта помощи правительство КНР выделяет финансовые средства не правительству страны-реципиента, а специально назначенной им китайской компании. Последняя реализует проект, а взамен правительство африканской страны-реципиента предоставляет китайским

предприятиям право участвовать в добыче полезных ископаемых либо через передачу им части акций национальной добывающей компании, либо путем предоставления китайской стороне соответствующей лицензии. Вспоминая потенциальные угрозы Российской Федерации со стороны КНР, где среди прочих упоминалось заселение территорий Дальнего Востока и Сибири, стоит отметить, что в большинстве работ канал проникновения выходцев из Китая и заселения ими этих территорий не был обозначен, а лишь декларировалась потенциальная возможность этого с указанием на низкую плотность и уровень жизни в этом регионе. Помощь Китая в развитии данного региона, инвестирование в совместные проекты (Ангольский метод) могут стать таким каналом.

Помимо реализации ресурсных проектов в последние несколько лет КНР проводит политику создания зон торгово-экономического сотрудничества в ряде африканских стран. В качестве примера может быть приведена замбийско-китайская зона торгово-экономического сотрудничества. Аналогичные проекты реализуются на Маврикии, где проживает крупная китайская община, и в ряде других стран. Создание зон торгово-экономического сотрудничества в Африке позволяет китайским компаниям обходить квоты на импорт китайской продукции, установленные в ряде стран Европы и США [Торкунов, Мальгин, 2012, 376].

Таким образом, жесты доброй воли Китая по отношению к другим развивающимся рынкам никак не связаны с так называемой солидарностью с развивающимися странами. Речь идет о реализации собственных интересов Китая, которые совпадают с потребностями развивающегося мира в инвестициях. Инвестиции в стратегически важные объекты дают также возможность проникнуть в экономику других стран, что имеет существенное значение и с хозяйственной, и с геополитической точек зрения.

Взаимодействие между сообществами разного характера и масштаба для контроля над экономическими ресурсами, указанного в определении геоэкономики, проявляется во многих аспектах – от инициатив создания «Великого Шелкового пути», «Морского пути» не только как средства снижения экономических издержек до создания транспортных каналов и увеличения товарооборота между Китаем, Европой и Африкой. Такого рода инициативы тесным образом связаны с расширением сферы влияния Китая во всех вышеназванных регионах, к которым относится и Россия.

Необходимость рассмотрения внешнеполитической стратегии с точки зрения геоэкономики также просматривается при анализе такого показателя как совокупная мощь государства, широко используемого как в Китае, так и в других странах. В США в качестве аналогичной категории используется выдвинутое в 1997 году президентом США Б. Клинтоном в «Стратегии национальной безопасности США в XXI веке» понятие «национальная мощь». Под ним подразумевается вся совокупность материальных и моральных ресурсов нации, имеющих значение для интересов внешней политики страны, для расширения ее влияния и присутствия в мире с тем, чтобы получить в результате экономическую и политическую выгоду. В этом документе особо подчеркивается, что все без исключения элементы наци-

ональной мощи страны должны быть эффективно использованы для продвижения в мире национальных интересов США. Из высказанного становится очевидным, что совокупная мощь государства есть своего рода агрегированный показатель состояния основных сфер общественной жизни государства. Исходя из этого и на основании системно-структурных связей между сферами общественной жизни государства, описанных В.С. Барулиным в труде «Диалектика сфер общественной жизни», подчеркнем, что каждая основная сфера общественной жизни по отношению к другим сферам обладает качествами либо причины, либо следствия, либо того и другого одновременно. В соответствии с этим может быть выделена определенная совокупность причинно-следственных взаимосвязей основных сфер общественной жизни.

Во-первых, сфера-причина определяет сущность сферы-следствия, ее основную качественную характеристику. Так, социально-классовая структура капиталистического общества определяет сущность государства, политической системы этого общества. Во-вторых, сфера-причина является источником возникновения сферы-следствия или ее составных элементов. Сфера-следствие и возникает как своего рода отпочкование от сферы-причины. Например, идеологическая деятельность была изначально присуща общественному управлению, политике. Но на определенном этапе она усложнилась и развилась настолько, что выделилась в отдельную подсистему уже другой – духовной – сферы. В-третьих, преобразование в сфере-причине обусловливает коренные преобразования в сфере-следствии. Революционные изменения в материально-производственной сфере, в системе производственных отношений в корне меняют весь облик социальной структуры общества. В этих трех моментах и проявляется специфическая ведущая роль сферы-причины по отношению к сфере-следствию, ее детерминационная активность [Барулин, 1982].

Далее В.С. Барулин для наглядности предлагает схематически обозначить сферы жизни общества порядковыми числами и на первое место (цифра 1) ставит материально-производственную сферу. В социальной философии эта область общественной жизни обозначается различными категориями: экономическая, материально-производственная, материальная сфера общественной жизни. Материально-производственная сфера выступает как экономическое пространство, в котором организуется хозяйственная жизнь страны, осуществляется взаимодействие всех отраслей экономики. На втором месте находится социальная сфера, 3-м – политико-управленческая, 4-м – духовная. Так, по мнению В.С. Барулина, формула (1 —> 2, 3, 4) является основополагающей и показывает детерминирующее воздействие материально-производственной сферы на все остальные сферы общественной жизни государства [Там же].

Таким образом, можно сделать вывод, что именно экономическая сфера жизни общества является главенствующей в агрегированном показателе «совокупная мощь государства». Она, как указано выше, тесно связана с обеспечением национальной безопасности государства. Именно этим обусловливается основное направление внешнеполитической

стратегии Китая как логичное продолжение экономических реформ в стране, которые и привели Китай к успеху. Реформы политики и открытости, построение системы экспортно-ориентированной экономики, дальнейшее накопление и инвестирование капитала – все это стало не только частью экономического развития страны, но основным направлением внешней политики Китая.

Вместе с тем нельзя говорить об отказе Китая от использования методов «мягкой силы», однако в силу своеобразности и специфичности своей культуры, использование Китаем такого рода методов достаточно ограничено. Сила магнитного поля Китая обеспечивается его экономической мощью. С точки зрения политиков Пекина, «мягкая сила» есть продолжение власти денег.

Стоит отметить, что наращивание «твердой силы» в настоящее время связано с экономической составляющей. Ввиду отсталости Китая от мировых лидеров в военно-промышленной отрасли, но благодаря своим экономическим реформам и системе управления в ходе значительного инвестирования в военно-промышленную отрасль, покупки образцов и лицензий и пр., разрыв в развитии стремительно сокращается.

Приоритет экономическому направлению внешней политики можно увидеть в концептуальном выражении. Так на 12 съезде КПК, проходившем в сентябре 1982 г., была сформулирована концепция «независимой и самостоятельной внешней политики», смысл которой сводился к невступлению в союзнические отношения с какой-либо из «сверхдержав», т. е. к уравниванию СССР и США как партнеров или противников, но главное – к подчинению внешней политики приоритетным целям экономического развития страны. Эта концепция официально определяет внешнеполитический курс Пекина и сегодня [Лукин, 2015, 102].

Основные принципы внешнеполитического курса Китая уходят своими корнями к великому реформатору, основоположнику «китайского чуда» Дэн Сяопину. В его стратегическом курсе, получившем название 28 иероглифов, содержится квинтэссенция современного поведения Китая на международной арене[2]. Что касается сегодняшнего дня, то основным курсом развития государства после прихода к власти пятого поколения во главе с председателем государства Си Цзиньпином является так называемый курс «китайской мечты о великом возрождении китайской нации». В его основе реализация долгосрочных ориентиров развития страны и повышение ее международного влияния, и вместе с тем реализация принципа нового экономического и политического порядка основанного на многополярности и противостоянии гегемонии. Данный курс можно в полной мере назвать всеобъемлющим, его реализация непосредственно связана с решением всех стоящих перед государством проблем как внутренних, так и внешних, и затрагивает все основные направления развития страны.

Основной целью Китая в настоящее время, как и прежде, является стремление к многополярному миру в противовес существующей гегемонии США. При этом стоит отметить

2 «**冷静**观察,稳住阵脚,**沉着**应付,**善于守拙**,**决不当**头,韬光养晦,**有所作**为» Хладнокровно наблюдай, защищай наши позиции, решай дела спокойно, скрывай наши потенциальные возможности и выжидай удобный случай, чтобы действовать, умей не высовываться, никогда не претендуй на лидерство».

отказ китайской стороны от предложенного президентом США Бараком Обамой тандема (G-2) по управлению миром, так как согласно ему США выступали бы в роли «старшего брата», а Китаю отводилась «подчиненная» роль. Следствием этого отказа стала озвученная госсекретарем США Хиллари Клинтон стратегия «поворот к Азии», основным направлением которой является сдерживание стремительного роста Китая. В качестве альтернативы Китай предлагает развертывание всестороннего сотрудничества со всеми странами, создание новых и укрепление существующих международных платформ по различным направлениям деятельности государств. Китай участвует в механизмах глобального управления, осознает несовершенство и ущербность многих из них, навязанных западными странами. Неприятие попыток изолировать Россию на международной арене побуждает и Китай, и Россию более активно участвовать в глобальном управлении, а также настаивать на реформе системы глобального управления, существующего мирового порядка и современного международного права [Петровский, 2015].

Кроме того, Китай привлекает близлежащие государства к сплочению в рамках существующих и создаваемых региональных организаций. Данные организации охватывают широкий круг вопросов безопасности и экономического развития. Примерами могут служить такие региональные организации как ШОС, БРИКС, Азиатский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС. Однако если ШОС и БРИКС являются организациями, созданными по инициативе главным образом России, Китая и других их членов, в которых не так заметно доминирование одной из стран, то относительно новых финансовых организаций, таких как Новый банк БРИКС, АБИИ очевидно доминирование Китая в силу тех денежных средств, вложенных Китаем в капитал этих организаций (в Новом банке БРИКС доля Китая составляет 41%, Россия, Индия, Бразилия – по 18% каждая, Южная Африка – 5%; в АБИИ Китай обладает правом вето). Таким образом, данные организации, созданные фактически в противовес существующим МВФ и Всемирному банку, рассматриваемым как организации, находящиеся под сильным влиянием США, в свою очередь также находятся под значительным контролем со стороны Китая.

Стоит также отдельно остановиться на новых проектах Китая, таких как «Экономический пояс шелкового пути» и проект «Морского шелкового пути». Оба эти проекта в настоящее время сочетаются между собой провозглашенным названием «один пояс – один путь». Впервые идея создания «экономического пояса шелкового пути» была выдвинута в сентябре 2013 года во время выступления председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев-университете. Идея экономического пояса шелкового пути подразумевает создание системы многостороннего сотрудничества и создание маршрута, пролегающего из Китая в Европу через Центральную Азию, Средний и Ближний Восток. В свою очередь идея проекта создания «морского шелкового пути» впервые была выдвинута практически одновременно с идеей «экономического пояса шелкового пути» в октябре 2013 года в Совете Народных Представителей Индонезии. Проектируемый маршрут данного морского пути от Южного

Китая до Европы будет пролегать через Южную Азию, Африку, Суэцкий канал и Средиземное море. Оценивая общую идею «Один пояс – один путь» на фоне общего для нынешнего Китая политического контекста, трудно не заметить, что авторы Концепции с первых шагов стремились вписать ее в стратегические задачи «мечты о великом возрождении китайской нации», с которой выступило новое поколение лидеров КНР [Си Цзиньпин посетил…, 2012, www]. Uоворя о курсе «в отношении сопредельных стран», председатель КНР подчеркнул, что «стратегической целью китайской внешней политики является служение задаче национального возрождения». Китай должен ускорить создание в качестве фундамента зон свободной торговли с соседями, расширять торговлю и инвестиции, создать новый образец региональной экономической интеграции [Си Цзиньпин: Китай…, 2013, www].

Приоритет данного стратегического проекта Китая проявляется также в интенсификации мер, направленных на его реализацию. Так уже в марте 2015 года был рассмотрен и принят правительственный документ «Концепция и план действий по совместному строительству экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века». В основу концепции положены пять пунктов: 1) усиление координации государств региона в политической области; 2) интенсификация строительства единой дорожной сети; 3) развитие торговли путем ликвидации торговых барьеров, снижение издержек торговли и инвестиций, повышение скорости и качества экономических операций в регионе; 4) увеличение валютных потоков за счет перехода на расчеты в национальных валютах; 5) усиление роли народной дипломатии, расширение прямых связей между народами двух стран.

Несмотря на то что цель развития торговли, ликвидации торговых барьеров, снижения издержек торговли и инвестиций, повышения скорости и качества экономических операций в регионе поставлена лишь на третье место, с уверенностью можно сказать, что она является «ядром» всей Концепции. Прямо декларируется намерение (в рамках общей либерализации торговых режимов) начать со странами «пояса» и «пути» обсуждение вопросов создания зон свободной торговли, совместного продвижения таких мер, как устранение/снижение тарифных барьеров, унификация таможенных и других регулирующих торговлю процедур. Это касается сферы инвестиций, которая должна стать «двигателем торговли», «инвестиционные свободы» мыслится распространить на самый широкий спектр промышленного и аграрного производства – от разведки и разработки ископаемых, развития многих видов энергетики, включая ядерную, до марикультуры и лесного хозяйства. Приветствуя направление в проект инвестиций из стран «пояса» и «пути», Концепция содержит прямой акцент на «поощрение» участия в региональном инфраструктурном строительстве непосредственно китайских компаний. Причем не только инвестициями как таковыми: в контексте тезиса о «разделении труда» говорится, что китайские компании должны «действовать непосредственно на местах», использовать здесь свои практические возможности и опыт управления [Уянаев, 2015, 247]. Как можно увидеть одним из основополагающих пунктов Концепции помимо экономического является политическая координация Китая со страна-

ми, входящими в проект «один пояс – один путь» и основным средством достижения этой цели должно служить всестороннее сотрудничество в рамках различных международных организаций, форумов, совещаний на различных уровнях.

Экономическое могущество Пекина обеспечивает ему в строительстве Экономического пояса положение неформального лидера, который выполняет самую важную из всех функций – пополнение и распределение финансовых средств, для чего в Китае создан Фонд Шелкового пояса с капиталом 40 млрд долларов. Для этой цели будет привлечен и формируемый по инициативе КНР Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, среди учредителей которого значатся Россия, Казахстан, Узбекистан и Таджикистан [Ларин, 2015, 38].

Использование различных международных организаций, форумов, совещаний на различных уровнях, вхождение в организации, не относящихся с формальной точки зрения к Китаю (такие как Арктический совет), создание новых структур и проектов, главными в которых являются вопросы экономического характера и поддержания безопасности, логичным образом вытекают из общего внешнеполитического курса Китая основанного на пяти принципах мирного сосуществования, основными целями которого является создание нового мирового экономического и политического порядка. Таким образом, подобные организации становятся основными проводниками внешней политики Китая и ее национальных интересов, на защиту которых ориентированы как государственный аппарат страны, так и коммерческие структуры.

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в настоящее время внешнеполитическая стратегия Китая, основанная на пяти принципах мирного сосуществования: взаимном уважении суверенитета и территориальной целостности, взаимном ненападении, невмешательстве во внутренние дела, равенстве и взаимной выгоде, – предлагает альтернативный силовому способ взаимодействия и реализации интересов государства. Вместе с тем увеличение экономической мощи страны, а вместе с тем и передовые позиции Китая в международных отношениях вызывают естественное стремление властей Пекина к расширению своего влияния, которое реализуется преимущественно экономически. Таким образом, понимая под внешнеполитической стратегией систему концептуальных подходов, определяющих жизненно важные национальные интересы государства и средства их обеспечения путем взаимодействия с окружающим миром, геоэкономика становится естественным способом познания внешней стратегии КНР. Хотелось бы привести слова премьера Государственного совета Китайской Народной Республики Ли Кэцна во время встречи с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным: «Экономика лежит в основе межгосударственных связей, и мы очень многое делаем для того, чтобы этот фундамент укреплялся. Но, разумеется, на этой базе мы выстраиваем партнерство по другим направлениям: и на международной арене, в сфере культуры, образования. Практически так или иначе всё имеет под собой экономическую базу» [Встреча Владимира Путина…, 2016, www].

Библиография

1. Барулин В.С. Диалектика сфер общественной жизни. М.: МГУ, 1982. 230 с.
2. Встреча Владимира Путина с Премьером Государственного совета Китайской Народной Республики Ли Кэцяном 25 июня 2016 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/52268
3. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 512 с.
4. Криворотов А.К. Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. № 18. Т. 18. 2013. С. 158-192.
5. Ларин А.Г. Возрождение Китая и некоторые вопросы Российско-Китайского сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т. 20. С. 37-56.
6. Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения, 2015. 792 с.
7. Неклесса А.И. Геоэкономическая система мироустройства // Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира. М.: Восточная литература РАН, 2002. С. 325-329.
8. Петровский В.Е. Сравнительный анализ опыта участия России и Китая в институтах глобального управления // Сравнительная политика. 2015. № 1(18). Т. 6. С. 65-77.
9. Си Цзиньпин посетил выставку «Путь возрождения» в Пекине // Russian.China.Org.Cn. 2012. 30 ноября. URL: http://russian.people.com.cn/31521/8041475.html
10. Си Цзиньпин: Китай будет продвигать дружеские отношения с сопредельными странами // Агентство Синьхуа. 2013. 26 октября. URL: http://russian.people.com.cn/31521/8437415.html
11. Тимофеев О.А. Арктический фронтир Китая: геополитические и экономические измерения // Современный Китай и его окружение. М.: URSS, 2015. С. 225-238.
12. Торкунов А.В., Мальгин А.В. Современные международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2012. 688 с.
13. Уянаев С.В. Новые «Шелковые пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т. 20. С. 242-259.
14. Fekete J. Government approves CNOOC-Nexen and Petronas-Progress takeover bids. URL: http://www.usnews.com/news/world/articles/2012/12/07/canada-oks-cnoocs-takeover-bid-for-nexen
15. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict From 1500 to 2000. N.Y.: Paperback, 1987. 439 p.
16. Luttwak E. From Geopolitical to Geo-economics, Logic of Conflict, Grammar of Commerce // The National Interest. 1990. № 20. P. 17-24.

Geo-economic dimension of foreign policy strategy of China

Anton V. Samoilov
Сотрудник войсковой части 33965,
Соискатель,
117602, Российская Федерация, Москва, ;
e-mail: laoshe1274@gmail.com

Abstract

One of the widely used theories of the state foreign policy strategy by N. Spykman (10 criteria of geopolitical power of the state) can be refracted in the light of geo-economics, the scientific sphere which has been gaining its strength in recent decades. Today there is an active inclusion of geo-economic vectors in the foreign policy of many countries, particularly China. The article considers the foreign policy strategy of China from the standpoint of geo-economics, and, primarily, such indicator as the aggregate power of the state. The author argues the thesis that the economic sphere of societal life is dominant for this indicator. It, in turn, ensures the national security of the state. The foreign policy course of "the Chinese dream of the great revival of the Chinese nation" is determined by these interlinked areas. Its geo-economic foundations are analyzed: the construction of a system of export-oriented economy, the implementation of long-term objectives of the country development, the accumulation and investment of capital, the implementation of the principle of the new economic and political order based on multipolarity and opposition to hegemony. The author claims the idea of subordination of China's foreign policy to priorities of economic development of the country with the aim of increasing the international influence of the state. The PRC uses a variety of international venues, participation in organizations, formally not related to China (e.g. the Arctic Council), the creation of new structures and projects, investing in strategically important facilities on the territory of other countries, etc. This concept determines the official foreign policy of Beijing today.

For citation

Samoilov A.V. (2017) Geoekonomicheskoe izmerenie vneshnepoliticheskoi strategii KNR [Geo-economic dimension of foreign policy strategy of China]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 217-231.

Keywords

Foreign policy, strategies of the state, geo-economics, People's Republic of China, international influence.

References

1. Barulin V.S. (1982) *Dialektika sfer obshchestvennoi zhizni* [The dialectics of spheres of public life]. Moscow: Lomonosov Moscow State University.
2. Fekete J. (2012) *Government approves CNOOC-Nexen and Petronas-Progress takeover bids.* Available at: http://www.usnews.com/news/world/articles/2012/12/07/canada-oks-cnoocs-takeover-bid-for-nexen [Accessed 20/12/16].
3. Kennedy P. (1987) *The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000.* New York: Paperback.
4. Kissinger H. (2014) *World order.* New York: Penguin Press. (Russ. ed.: Kissindzher G. (2015) *Mirovoi poryadok*. Moscow: AST Publ.).
5. Krivorotov A.K. (2013) Arkticheskaya aktivizatsiya Kitaya: vzglyad iz Skandinavii [Arctic revitalization of China: a view from Scandinavia]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity], 18 (18), pp. 158-192.
6. Larin A.G. (2015) Vozrozhdenie Kitaya i nekotorye voprosy Rossiisko-Kitaiskogo sotrudnichestva [The revival of China and some issues of Russian-Chinese cooperation]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity], 20, pp. 37-56.
7. Lukin A.V. (2015) *Vozvyshayushchiisya Kitai i budushchee Rossii* [Rising China and the future of Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
8. Luttwak E. (1990) From geopolitics to geo-economics, logic of conflict, grammar of commerce. *The national interest*, 20, pp. 17-24.
9. Neklessa A.I. (2002) Geoekonomicheskaya sistema miroustroistva [Geo-economic system of world order]. In: *Global'noe soobshchestvo: Kartografiya postsovremennogo mira* [Global community: Mapping of post-modern world]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publ., pp. 325-329.
10. Petrovskii V.E. (2015) Sravnitel'nyi analiz opyta uchastiya Rossii i Kitaya v institutakh global'nogo upravleniya [Comparative analysis of Russia's and China's participating in global governance institutions experience]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia], 6(1(18)), pp. 65-77.
11. *Si Tszin'pin posetil vystavku "Put' vozrozhdeniya" v Pekine* [Xi Jinping visited the exhibition "The Road of Revival" in Beijing] (2012). *Russian.China.Org.Cn.* [Russian.China.Org.Cn.], 30th Nov. Available at: http://russian.people.com.cn/31521/8041475.html [Accessed 20/12/16].
12. Si Tszin'pin: Kitai budet prodvigat' druzheskie otnosheniya s sopredel'nymi stranami [Xi Jinping: China will promote friendly relations with neighboring countries] (2013). *Agentstvo Sin'khua* [Xinhua News Agency], 26th Oct. Available at: http://russian.people.com.cn/31521/8437415.html [Accessed 20/12/16].

13. Timofeev O.A. (2015) Arkticheskii frontir Kitaya: geopoliticheskie i ekonomicheskie izmereniya [Arctic frontier of China: geopolitical and economic dimensions]. In: *Sovremennyi Kitai i ego okruzhenie* [Modern China and its environment]. Moscow: URSS Publ., pp. 225-238.
14. Torkunov A.V., Mal'gin A.V. (2012) *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Contemporary international relations]. Moscow: Aspekt Press Publ.
15. Uyanaev S.V. (2015) Novye "Shelkovye puti" Kitaya: printsipy i parametry ofitsial'noi "dorozhnoi karty" [The new "Silk roads" of China: principles and parameters of the official "road mapping"]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity], 20, pp. 242-259.
16. *Vstrecha Vladimira Putina s Prem'erom Gosudarstvennogo soveta Kitaiskoi Narodnoi Respubliki Li Ketsyanom 25 iyunya 2016 goda* [Vladimir Putin meets with the Premier of the State Council of the People's Republic of China Li Keqiang on June 25, 2016]. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/52268 [Accessed 20/12/16].

УДК 316.42

Противоречия процессов массовой коммуникации в современном обществе

Железнякова Светлана Ивановна
Кандидат социологических наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный переулок, 36;
e-mail: zhelezn11@mail.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

В статье речь идет о процессах массовой коммуникации в современном обществе. Описаны основные содержательные и функциональные характеристики массовой коммуникации, специфика задач средств массовой коммуникации в обществе переходного типа. Акцентировано внимание на новом средстве массовой коммуникации – таком, как всемирная информационная сеть Интернет. Обозначены основные проблемы, актуальные для исследований в сфере коммуникации: проблема объективности средств массовой коммуникации, проблема подготовленности аудитории и личности к деятельности по самостоятельному поиску и восприятию информации, проблема соблюдения правовых и этических норм в процессах распространения информации. Обозначена роль современных средств массовой информации в интеграции общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Железнякова С.И. Противоречия процессов массовой коммуникации в современном обществе // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 232-240.

Ключевые слова

Средства массовой коммуникации, средства массовой информации, Интернет, аудитория, информация, доверие, интеграция, телевидение, радио, пресса.

Введение

Средства массовой коммуникации в современном обществе выполняют ряд важнейших задач, среди которых информирование населения, формирование общенациональной повест-

ки дня. Можно сказать, что деятельность средств массовой коммуникации в немалой степени определяет сам облик современного общества на разных уровнях и в различных сферах его бытия – от экономической и политической до социальной и культурной. Современное общество, если рассматривать его с точки зрения ключевых, принципиальных характеристик и качеств, это, в числе прочего, общество быстрой и результативной коммуникации.

Согласно общепринятой трактовке [Джерри, Джерри, 1999], термин «коммуникация» понимается как: 1) передача или обмен информацией; 2) сообщения или единицы переданной информации; 3) средства коммуникации, под которыми подразумеваются прежде всего средства массовой коммуникации.

Человек отличается от любого другого живого существа уникальными способностями к общению и разнообразными средствами для передачи информации, причем список средств коммуникации постоянно расширяется. В индустриальном обществе с развитием электронной связи способы и средства общения создали то, что социологи называют «массовым обществом», «массовой культурой».

В теоретических исследованиях, посвященных проблеме массовой коммуникации в современном обществе, современность называют «эрой публики» [Психология толп, 1998, 266], массовое общество – «глобальной деревней», «каменными джунглями», средства массовой коммуникации – и «четвертой властью», и «двуликим Янусом»… Необходимо объективно рассмотреть некоторые особенности коммуникационных процессов в современном обществе с точки зрения присущих им характерных черт и влияния на общество.

Роль Интернета в коммуникационных процессах современного общества

Наиболее характерный элемент революции в сфере массовых коммуникаций, имеющий как технические, так и социальные последствия, – это возникновение всемирной информационной сети Internet (здесь и далее в тексте: Интернет). Основной его эффект – это свободное распространение информации, возможность доступа к информации любому человеку вне зависимости от места проживания, рода занятий, социального статуса и прочих характеристик.

Ключевые характеристики, определяющие социальные эффекты использования Интернета, следующие:

1) по степени проникновения: это всепроникающее средство массовой коммуникации, по факту отменяющее проблему границ;

2) по скорости: это наиболее быстрый и эффективный способ мгновенной многосторонней связи;

3) по количеству участников: это многосторонняя модель коммуникации;

4) это сравнительно меньшая, по сравнению с другими способами передачи информации, возможность осуществления контроля за распространением информации;

5) комплексность воздействия на все социальные институты. Это касается, в первую очередь, экономики и означает формирование виртуального экономического пространства. Это трансформация хорошо знакомых способов управления, функционирования ключевых социальных подсистем, таких, например, как образование, здравоохранение. В свою очередь, это приводит к изменению социальных структур и, как следствие, способов осуществления политико-управленческой деятельности в обществе.

Как полагал один из виднейших теоретиков массовой коммуникации социолог Маршалл Маклюэн, современные средства коммуникации перестраивают все формы социальной взаимозависимости и личной жизни [Маклюэн, 2003]. Общество формируется в большей степени под влиянием средств, которыми передаются сообщения, нежели самих сообщений [Капитонов, 1996, 318].

По нашему мнению, для социолога в анализе новейших средств и способов коммуникации принципиальным является вопрос о социальном контексте и социальных последствиях «Интернет-революции».

Очевидно, что такие характеристики общения в Интернете, как мгновенность, безграничность, невысокая цензурированность, приближают общество к коммуникации в диалоговом режиме без посредников, однако одновременно актуализируют требования к аудитории.

Во-первых, это требование к личности быть социально и информационно компетентной. Это означает наличие достаточно устойчивой мировоззренческой позиции, нежелание исполнять роль «флюгера» в оценках происходящих событий и в целом быть пассивным объектом социального манипулирования.

В поисковой информационной деятельности человек должен быть готов к адекватному восприятию, понимать смысл и мотивы коммуникатора, уметь не поддаваться манипулированию. Иначе человек находится в иллюзии самостоятельного информационного выбора, на деле подсознательно ожидая получения определенных установок реагирования и поведения. Социально зрелый, независимый и компетентный человек, умеющий сформулировать собственное мнение, может выполнить задачу избирательно подходить к сообщениям, понимать цели, смыслы, мотивы коммуникатора, контекст информации. А ведь именно это умение социологи считают важнейшим для гражданина информационного общества.

Новые требования к традиционным средствам массовой информации

И еще немаловажный аспект проблемы. Распространение компьютерных технологий предъявляет качественно иные требования к традиционным средствам массовой коммуникации. Какой должна быть современная газета, радио- и телепередача, имеют ли они вообще свою нишу в современном информационном пространстве? Ведь использование новейших технических средств изменило и эти формы средств массовой коммуникации. Теперь новости создаются и развиваются непосредственно на глазах получателя информации. Чрезвычайные происшествия,

стихийные бедствия, события повседневной жизни наблюдаются фактически «в прямом эфире», в режиме онлайн, зритель становится со-участником события. Эксперименты на телевидении с реалити-шоу, где в искусственно созданных условиях протекает часть жизни обычных людей, переворачивают представления о том, какова доля естественного и сконструированного в поведении человека, какую роль играют социальные стереотипы, установки, ожидания, образы «Я».

Этот же вопрос ставит и использование интерактивных методов на телевидении. В какой степени аудитория действительно независима в своих суждениях, не является ли коммуникация в ходе прямых эфиров, опросов мнимой, псевдокоммуникацией?

Таким образом, многие вопросы социальной психологии и социологии, как казавшиеся разрешенными, так и новые, возникают и требуют осмысления.

В трансформирующихся обществах, осуществляющих переход к рыночной экономике и демократической политической системе, средства массовой коммуникации выполняют особую социальную миссию. Существует концепция социальной ответственности средств массовой информации в демократическом обществе, в рамках которой заложены оценочные критерии их деятельности: объективность, достоверность, справедливость, взаимное доверие, оказание помощи в реализации социальных потребностей [Конецкая, 1997, 237]. Европейский институт СМИ выделяет такие функциональные признаки деятельности СМИ, как расширение взгляда на мир, уважение достоинства человека, объективность в подаче новостей, отражение плюралистического характера общества.

В демократическом обществе СМИ должны стать системой с обратной связью, превратиться в один из значимых институтов социального управления. Это как бы сверхзадача, миссия СМИ.

В этом плане показательны оценки социальной роли средств массовой информации в нашем обществе. В условиях нестабильности у людей естественно обостряется тяга к объективной информации, к ориентирам, дающим какую-то определенность. Одним из противоречий современного этапа развития общества является то, что наряду с претензиями к деятельности СМИ часто именно средства массовой информации являются более авторитетными для человека, чем многие другие общественные институты.

По актуальным данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, сотрудники которого в январе 2016 года провели опрос в 130 населенных пунктах 1600 россиян по квотной репрезентативной выборке, средства массовой информации являются ведущими источниками новостей о событиях в стране. Телевидение по-прежнему занимает в этом процессе ведущее место с долей в 57%, Интернету принадлежит доля в 16%, а газетам, радио – по 3% [ТВ, Интернет, радио, газеты…, 2016, www]. Причем уровень доверия к СМИ высок: прежде всего к телевидению и, опять-таки, к Интернету. Вариант ответа «доверяю» и «скорее доверяю» по отношению к телевидению выбран в сумме 75% опрошенных, по отношению к Интернету – 44% в сумме. Причем наблюдается существенное расслоение аудитории. Так, сегодня Сеть является главным источником новостей для 62% 18-24-летних, 47% 25-34-летних респондентов.

В условиях переходного общества социальная роль средств массовой информации имеет важнейшее значение в развитии гражданского общества. Деятельность СМИ позволяет гражданину получать разнообразную информацию о политическом процессе и политических субъектах, делать определенный политический выбор. При всех издержках СМИ являются ведущим каналом информирования, что подтверждается многочисленными исследованиями.

Естественно, что СМИ транслируют не только объективную информацию. Происходит также трансляция образов, стереотипов, имиджей. Очевидно, имидж, формируемый с помощью СМК, служит для влияния на поведение избирателя. Публикации в СМИ опросов общественного мнения, использование средств массовой информации в избирательных кампаниях ведет к доведению до населения позиций и альтернатив, предлагаемых партиями и кандидатами.

Другое направление деятельности СМИ – распространение рекламы. Реклама в переходном обществе несет особую нагрузку: кроме информации о товарах, она транслирует образ жизни «среднего класса», интегрирует и дифференцирует социальные группы, мотивирует потребительское поведение, что в конечном итоге стимулирует развитие производства. Суть рекламы – передать информацию о товаре, создать спрос при помощи СМК, поэтому рекламу можно рассматривать как одну из функций СМК.

Можно отметить и эффект воздействия профессии журналиста на сообщения СМИ. Журналист, по долгу профессии постоянно имея дело с важными процессами, освещая управленческие решения различных уровней, иногда невольно начинает транслировать «истину в последней инстанции», считать себя наиболее компетентным, а значит, имеющим право на подачу фактов в определенном контексте, что уже не отвечает изначальной миссии профессии – прежде всего объективно информировать, освещать события, доводить до сведения факты. Необходим и социологический анализ эффектов взаимодействия и в целом информационной деятельности в блогосфере, это также перспективное направление исследований.

Поэтому необходим анализ влияния личности журналиста, ньюсмейкера, блогера на сообщение, в конечном итоге на эффективность коммуникационного процесса. Какой должна быть роль журналиста? Может ли журналист обнаруживать свою гражданскую, политическую позицию, выбирать и отбирать информацию? Эти вопросы не раз были объектом дискуссий, споров, но требуется теоретический анализ влияния коммуникатора на сообщение и аудиторию. Вообще воздействие журналиста – это вопрос, прежде всего, о профессиональном мастерстве. Поэтому важно знать, какой образ профессии доминирует в сознании представителей этой социально-профессиональной группы, в чем они видят социальный смысл своей деятельности.

Еще один актуальный вопрос функционирования средств массовой информации в переходном обществе – вопрос о свободе слова, о трактовках этой свободы – правовой, политической, морально-этической. Информационная свобода – важнейший показатель подлинно демократического общества. Ее составляющие – свобода доступа к информации, ее производства и рас-

пространения. Но, и это очень важно, одновременно это проблема определения границ как в правовом, так и в этическом пространстве, возможностей доступа к определенной информации, относящейся как к вопросам общественной безопасности, так и к частной жизни.

Это проблема специфичного положения средств массовой информации как социального института на пересечении интересов государства, гражданского общества, организаций и людей с точки зрения материальных условий функционирования СМИ.

В обществе переходного типа СМИ и в целом СМК выполняют исключительно важную роль по социальной стабилизации, интегрированию социальных групп и индивидов в достижении консенсусов по основным жизненным вопросам. Индивид получает возможность самоидентификации себя в обществе, а также получает возможность для взаимодействия с другими. Поэтому и вопрос о социальной ответственности СМК становится вопросом общественно актуальным.

Заключение

Таким образом, социологическое рассмотрение процессов массовой коммуникации в современном обществе позволяет сделать ряд выводов.

В современном обществе массовая коммуникация рассматривается как разновидность человеческой коммуникации, характерная для современного постиндустриального общества с появлением средств для осуществления обезличенных контактов масс людей.

Средства массовой коммуникации в современном обществе – это социальный институт, пронизывающий все сферы общественной жизни и призванный обеспечить «обратную связь» в управлении.

В переходных обществах средства массовой коммуникации выполняют роль важнейших структурных элементов гражданского общества, но одновременно испытывают на себе все перипетии трансформационных процессов.

Говоря о социологическом изучении массовой коммуникации, отметим, что одним из наиболее актуальных направлений для дальнейшего изучения являются вопросы реального влияния современных СМИ на аудиторию. Особое внимание необходимо уделять самому «молодому» средству массовой коммуникации – Интернету.

Далее, это проблема изучения детерминант поведения потребителя информации, форм поискового поведения в информационной сфере, субъектов и факторов влияния на это поведение, вопросы структурирования аудитории, определения адекватных критериев для этого. По нашему мнению, направления социологического поиска в исследованиях массовой коммуникации должны концентрироваться и вокруг роли массовокоммуникационных процессов в достижении общественной интеграции.

Полагаем, что исследования массовой коммуникации являются актуальным направлением современного социологического поиска.

Библиография

1. Акопян К.З. и др. Массовая культура. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. 304 с.
2. Гаджиев К.С. Политическая наука. М.: Международные отношения, 1995. 400 с.
3. Гобозов И.А. Социальная философия. М.: Академический проект, 2010. 352 с.
4. Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1, 2: пер. с англ. М.: Вече; АСТ, 1999. Т. 1. 544 с. Т. 2. 528 с.
5. Капитонов Э.А. Социология XX века. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 512 с.
6. Катлип С., Сентер А., Брум Г. Паблик рилейшенз. Теория и практика: пер. с англ. М.: Вильямс, 2000. 624 с.
7. Коммуникативные стратегии информационного общества: труды III международной научно-теоретической конференции. СПб.: Изд-во политехнического ун-та, 2010. 272 с.
8. Конецкая В.П. Социология коммуникации. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. 304 с.
9. Маклюен Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, 2003. 464 с.
10. Московичи С. Машина, творящая богов / пер. с фр. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
11. Психология толп. М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1998. 416 с.
12. Сидоренко Н.И. (ред.). Философия. М.: Изд-во Российской экономической академии, 2004. 440 с.
13. ТВ, Интернет, радио, газеты: доверяй, но проверяй? // Всероссийский центр изучения общественного мнения, пресс-выпуск № 3098 от 04.05.2016. URL: http//www. wciom. ru
14. Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации. СПб.: Питер, 2004. 397 с.
15. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 448 с.

Contradictions of mass communication processes in modern society

Svetlana I. Zheleznyakova
PhD in Sociology, Associate Professor,
Department of history and philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36 Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: zhelezn11@mail.ru

Abstract

The article deals with the processes of mass communication in modern society. The author of the article describes the main content and functional characteristics of mass communication, specific features of the tasks of mass communication in a transitional society. She focuses attention on a new medium of mass communication – the world information network Internet. Moreover, the author identifies main problems that are relevant for research in the field of communication: the problem of the objectivity of the mass media, the problem of the readiness of the audience and the individual to the activity of independent search and perception of information, the problem of observance of legal and ethical norms in information dissemination processes. Thus, the author comes to a number of conclusions. In modern society, mass communication is considered to be a kind of human communication, characteristic of modern post-industrial society with funds for the implementation of impersonal contacts of people. Mass communication in modern society is a social institution that permeates all spheres of public life and designed to provide "feedback" in management. In the transition societies, the mass media play the role of the most important structural elements of civil society, but at the same time they experience all the vicissitudes of transformational processes.

For citation

Zheleznyakova S.I. (2017) Protivorechiya protsessov massovoi kommunikatsii v sovremennom obshchestve [Contradictions of mass communication processes in modern society]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theory and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 232-240.

Keywords

Mass media, media, Internet, audience, information, trust, integration, television, radio, press.

References

1. Akopyan K.Z. et al. (2004) *Massovaya kul'tura* [Mass culture]. Moscow: Al'fa-M; INFRA-M Publ.
2. Cutlip S., Center A., Broome G. (2000) *Public relations*. Pearson Publ. (Russ. ed.: Katlip S., Senter A., Brum G. (2000) *Pablik rileishenz. Teoriya i praktika*. Moscow: Vil'yams Publ).
3. Dzherri D., Dzherri Dzh. (1999) *Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar' (Collins)* [A great explanatory sociological dictionary (Collins)]. Moscow: Veche; AST Publ.
4. Fedotova L.N. (2004) *Sotsiologiya massovoi kommunikatsii* [Sociology of mass communication]. Saint Petersburg: Piter Publ.

5. Gadzhiev K.S. (1995) *Politicheskaya nauka* [Political science]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
6. Gobozov I.A. (2010) *Sotsial'naya filosofiya* [Social philosophy]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.
7. Harris R. (2002) *A cognitive psychology of mass communication*. Routladge Publ. (Russ. ed.: Kharris R. (2002) *Psikhologiya massovykh kommunikatsii*. Saint Petersburg: Praim-Evroznak Publ).
8. Kapitonov E.A. (1996) *Sotsiologiya XX veka* [Sociology of the 20th century]. Rostov n/D: Feniks Publ.
9. *Kommunikativnye strategii informatsionnogo obshchestva: trudy III mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Communicative strategies of the information society: Proc. of the III Int. Scientific and Theoretical Conference] (2010). Saint Petersburg: Polytechnic University.
10. Konetskaya V.P. (1997) *Sotsiologiya kommunikatsii* [Sociology of communication]. Moscow: International University of Business and Management.
11. McLuhan G.M. (1996) *Medien Verstehen*. Bollmann Vlg. Publ. (Russ. Ed.: Maklyuen G.M. (2003) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka*. Moscow: Kanon-Press-Ts Publ).
12. Moskovichi S. (1998) *Mashina, tvoryashchaya bogov* [Machine creating gods]. Moscow: Center for Psychology and Psychotherapy.
13. *Psikhologiya tolp* [Psychology of the crowd]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, KSP+ Publ.
14. Sidorenko N.I. (ed.) (2004) *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow: Russian Academy of Economics.
15. TV, Internet, radio, gazety: doveryai, no proveryai? [TV, Internet, radio, newspapers: trust, but check?]. *Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya, press-vypusk № 3098 ot 04.05.2016* [All-Russian Center for the Study of Public Opinion, press release No. 3098 of May 04, 2016]. Available at: http//www. wciom. Ru [Accessed 25/12/16].

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 32

Исследование состояния сельского хозяйства на острове Хайнань во время японской оккупации

Люй Хуэй
Доктор исторических наук, декан,
факультет русского языка,
Хайнаньский государственный университет
570228, КНР, пров. Хайнань, г. Хайкоу, р-н Мэйлань, ост. Хайдяньдао,
ул. Народный Проспект;
e-mail: 2625265589@qq.com

Аннотация

В феврале 1939 года японские войска оккупировали китайский остров Хайнань, и сельскохозяйственная политика Японии и, в частности, методы эксплуатации земельных ресурсов, были сходны с теми, что применялись в колонизированных японцами Северной Корее и Тайвани. При этом японцы внедрили ряд прогрессивных мер для развития сельского хозяйства, таких как улучшение сортов сельскохозяйственных и животноводческих культур. Эти меры объективно способствовали процессу модернизации сельского хозяйства на острове Хайнань. При этом достижения в области сельского хозяйства удовлетворяли исключительно военные нужды оккупационных войск. Нещадная эксплуатация, по сути, разграбление природных и материальных ресурсов острова нанесли значительный вред экологической среде Хайнани и надолго приостановили развитие сельского хозяйства уже после освобождения острова и возвращение его Китаю.

Для цитирования в научных исследованиях

Люй Хуэй. Исследование состояния сельского хозяйства на острове Хайнань во время японской оккупации // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 241-251.

Ключевые слова

Япония, остров Хайнань, сельское хозяйство, реформы, методы ведения сельского хозяйства, эксплуатация природных ресурсов, урожайность

Введение

В 1937 году Япония развязала широкомасштабную военную кампанию по оккупации китайских территорий. Один за другим под ударами японских войск падают Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и Нанкин. В следующем году, 10 октября, японцы захватывают самый стратегически важный населенный пункт Южного Китая – город Гуанчжоу.

Но волна наступления японских войск не ограничивается материковым Китаем – особое стратегическое положение острова Хайнань, его процветающее земледелие, лесоводство и запас полезных ископаемых притягивают японцев. Фактически, после реставрации Мэйдзи, не прекращаясь, увеличивается количество японцев, посещающих остров. В 1873 году Япония учредила в Хайкоу Цюнчжоуское[1] консульство, на базе которого в течение нескольких десятилетий проводилась работа по исследованию острова и фактической подготовке к его оккупации. В феврале 1939 года японский десант высадился на острове, и началось шестилетнее правление Японии над его территорией.

Исследование состояния сельского хозяйства на острове Хайнань

Для снабжения размещенных на территории острова японских войск, оккупационное правительство, завладев природными ресурсами тропического острова, разрабатывает детальный план развития сельского хозяйства.

В том же 1939 году, 25 сентября, генеральное консульство Японии в Хайкоу созывает Комитет по развитию сельского хозяйства на острове Хайнань и принимает «Сельскохозяйственный план острова Хайнань», «План по развитию сельского хозяйства» и «План по колонизации острова Хайнань» [Цзинь Шань, 2013, 96]. Во всех трех планах достаточно четко прописано намерение Японии превратить Хайнань с его тропическими ресурсами в свою аграрную базу, которая могла бы восполнить нехватку ресурсов на самих японских островах. В первую очередь планировалось выращивание каучуковых культур, масличных культур, риса, овощей, табака, сахарного тростника и прочих сельскохозяйственных объектов стратегического значения.

Вначале было проведено тайное исследование состояния сельскохозяйственных ресурсов на всей территории острова, еще более детальное, чем аналогичное исследование, проведенное до оккупации. Чтобы замаскировать свои истинные мотивы, выработавший вышеупомянутые «Три плана» комитет предписывал своим декретом «проведение полного обследования всех возможностей острова в условиях строгой секретности в связи с защитой от неквалифицированного вмешательства» [там же, 54-55].

В 1941-1942 годах отряд специального назначения японского военно-морского флота при посредничестве колаборционистов из правительства генерал-губернатора Тайваня на-

1 Цюнчжоу – старинное название острова Хайнань

правил на Хайнань три группы специалистов, в чьи обязанности входило тщательнейшее исследование и описание всех земельных угодий во всех городах, селах и горных областях острова. Их работа была оформлена в «Отчет по итогам исследования острова Хайнань», состоящий из нескольких разделов, которые содержали многостороннее описание географии, флоры, этнографии, антропологии, религии и энтомологии острова.

Затем японские предприятия быстро разместились на острове и взяли под свой контроль все земледелие и лесное хозяйство. В руках японцев оказались все сельскохозяйственные предприятия, занимающиеся выращиванием риса, овощей, сахарного тростника, табака, ананасов, джута, хлопка, кофе, каучука, лекарственных растений и т. п.

Японское акционерное общество колонизации Тайваня встало во главе комитета по управлению делами сельского хозяйства острова Хайнань, оно взяло на себя полную ответственность за развитие сельскохозяйственных и лесных ресурсов, включая принятие производственных планов, освоение пригодных для сельского хозяйства земельных территорий, распределение земельных ресурсов, проведение миграционных процессов, осуществление власти и контроля над местным населением, разведывание метеорологической обстановки, удобрение почвы и множество подобных вопросов. Совокупная площадь взятых японцами под контроль земель составляла 250. 000 му[2].

На захваченных территориях японские предприятия стали проводить широкомасштабные мероприятия по освоению сельского хозяйства. Завоевав Хайнань и высадив на территории острова десантные войска, японцы подчинили все вопросы, связанные с закупками и производством продукции сельского хозяйства, Хайнаньскому отделению Оккупационного правительства Трех Провинций (1939 – ноябрь 1942). В первую очередь был принят «Временный земельный декрет», который отдавал японцам во владение реки Янцзы и Хуанхэ с их плотинами, бухтами, портами, прилегающими сухопутными путями и целинными землями. Затем был принят «План освоения сельскохозяйственных угодий острова Хайнань», предписывающий скупку частных земельных участков у местных земледельцев. Чтобы нейтрализовать активное сопротивление крестьян, правительство Трех провинций предписывало проявлять дипломатичный подход при изъятии частных земель и концентрации их в руках японцев: земли следовало именно скупать, утрачивающим свои земли крестьянам следовало «предоставлять возможность по-другому зарабатывать на жизнь, выплачивать адекватную компенсацию, чтобы они не лишались средств к существованию», и только «в самых крайних случаях использовать военное вмешательство для подавления сопротивления» [там же, 151-158].

Кроме покупки земли, в программу входило взятие ее в аренду. Стоимость аренды исчислялась в японских единицах «те» (15 му по китайской мере исчисления). Разработанные земли оценивались в 50 «сен» в год, невозделанные, но пригодные для земледелия, земли оценивались в 30 «сен», плантации кофе, каучука, коксовых пальм – в 20 сен, земли в гор-

2 Китайская мера площади, 1 му равен 0.06667 гектарам.

ной и лесной местности – 5 сен, другие участки – в 2 сена. Это невероятно низкая стоимость аренды фактически приравнивала занятие японцами хайнаньских земель к открытой экспроприации.

Опубликованный 10 ноября 1942 года «План освоения земель острова Хайнань» недвусмысленно указывал, что в основе развития сельского хозяйства стоит задача обеспечения продовольствием японские войска, расквартированные на острове, снабжение Японии стратегически важными ресурсами и «охрана права собственности на землю» для японцев [Сыту Шанцзи, 1987, 151-158]. Это в точности соответствовало аграрной политике Японии на Тайване, в Корее и других колониях.

Затем была создана структура сельского хозяйства: организованы учебные занятия по земледелию и лесоводству, введен карантин на растения в Хайкоу, основана экспериментальная станция в Санья, основана южная лаборатория тропических ресурсов Токийского Императорского университета. Разные акционерные компании внутри самой Японии побуждали представителей молодого поколения отправиться на Хайнань, чтобы захватывать там земельные участки в прибрежной зоне, засевать пустыри и основывать фермерские хозяйства. Из Тайваня ввозился поливной рис, сахарный тростник, батат, овощи и другие культуры самых отборных сортов для экспериментального высаживания на Хайнани.

За время оккупации Япония вложила в Хайнань 600 миллионов юаней старыми деньгами, из них 270 миллионов было вложено в сельское хозяйство, лесоводство, животноводство и ирригацию, что составляет примерно половину от валовых инвестиций [Цзинь Шань, 2013, 98]. Развивая сельское хозяйство на острове, японцы использовали самые передовые технологии – они централизовали управление фермерскими хозяйствами, провели широкомасштабные меры по оптимизации земледелия, внедрили отменные сорта сельскохозяйственных культур, повысили уровень животноводства, стимулировали сельскохозяйственное производство путем обмена семенами и посадочным зерном, ввезли на остров передовое оборудование, подняли уровень экономической эффективности производства, построили ирригационную систему, внедрили управление сельским хозяйством на научной основе. Все эти меры объективно повысили уровень развития сельского хозяйства на Хайнани. Однако все эти меры в точности отражали основную цель освоения острова японцами: не только «ведение войны на средства самой войны»,[3] но и долговременная оккупация завоеванных территорий.

За время оккупации японцы, в общем, вложили в сельское хозяйство Хайнани сто миллионов юаней, потратив их на проведение ряда реформ, включающих в себя: расширение подведомственных правительству фермерских хозяйств племхозов, строительство местных питомников сельскохозяйственных культур, подготовку инструкторов-специалистов по ведению сельского хозяйства и рассылку их по деревням для руководства производственными процессами, стимулирование использования зеленых удобрений, организацию компаний по

3 Лозунг японского империализма в войнах 1937 -1945 гг.

переработке костного материала, организацию в деревнях образцово-показательных плантаций и рынков сбыта сельскохозяйственной продукции.

Японцы придавали особое значение высеванию риса, поскольку рис гарантировано обеспечивал продовольствием двадцатитысячный военный корпус, расквартированный на острове, и более десяти тысяч японских переселенцев, перебравшихся на Хайнань [Син Хандун, 2005, 167-168]. Раньше на острове не было хороших сортов риса, японцы улучшили сорта, ввезли «тайваньский крупный номер 5», гаосюнский номер 10», «цзянаньский номер 2», «рис Пэнлай» и другие высококачественные тайваньские сорта, из Японии и Тайваня прислали на остров агротехников, чтобы они руководили посадками. Согласно таблице результатов посадки риса в сельских хозяйствах уездов Линшуй и Малин, рис «Пэнлай» давал урожайность на 30% больше, чем местные сорта.

Но, несмотря на увеличившийся масштаб производства риса, его все-таки не хватало для поселившихся на острове японцев, и недостаток приходилось компенсировать за счет продукции, ввозимой на остров. Ежедневная норма выдачи риса на одного человека составляла у японцев два «хэ»[4]. Кроме японцев, рис разрешалось употреблять только чернорабочим японских компаний, а также крайне незначительному количеству местных жителей в целях умиротворения недовольства [Сыту Шанцзи, 1987, 106-109, 112-114]. Чтобы удовлетворять ежедневные потребности военных и переселенцев, японцы активно сажали овощи, завезя на остров свои любимые виды: капусту, баклажаны, помидоры, редис, китайскую капусту и горох, назначили премию за их культивацию, поощряли земледельцев разводить овощи.

Поскольку производимый на японском острове Хакайдо свекольный сахар, а также производимый на Тайване тростниковый сахар не могли обеспечить потребность японцев в сахарном песке, на острове Хайнань расширялось выращивание сахарного тростника. Однако сорта местного тростника были нехороши, его урожайность была вдвое ниже, чем на Тайване. Японцы завезли хорошие сорта, усилили выращивание тростника, и им удалось значительно поднять урожайность: 2,5 тысячи килограммов с неполивного поля и 3 тысячи – с поливного поля, что превышало тайваньские показатели. Улучшения сортов значительно повысили урожайность пшеницы, проса, чумизы, соевых бобов, гречихи, фасоли, батата и других сельскохозяйственных культур. Японцы также завезли на остров в большом объеме удобрения. С 1941 по 1943 гг. были ввезены сесбания коноплевая, красноцветный горох, падуб крупностебельный и другие виды зеленых удобрений в количестве 8,6 тонн, а также семена зеленых удобрений в количестве 9 тонн. Кроме того, японцы завезли хризантему цинераелистную и другие агрохимические препараты, всего 11 видов. На острове не хватало сельскохозяйственных машин и орудий, поэтому сюда были завезены молотилки, распылители, машины для свивания канатов, плуги глубокой вспашки, машины для копания рвов, катки-глыбодробители, корчеватели, совки для пересадки, серпы, лопаты и другие орудия, всего 61 вид.

4 Мера объема равная 0,18 кубических дециметров

В хайнаньское скотоводство Япония вложила 50 миллионов японских иен, активно развивая животноводство с помощью базирующихся на Тайване японских акционерных компаний. Эти компании организовывали племенные хозяйства на Хайнани, где экспериментально разводили коров, свиней, кур и пр., разбивали пастбища, ввозили молочных коров, обеспечивая японские войска молоком, сыром и другими молочными продуктами. В Хайкоу и уездных городах Нада, Лингао, Линшуй, Динань, Цзяцзи и прочих были построены скотобойни, поставлявшие японским войскам мясо. В Баймацзине и Юйлине было сооружено холодильное оборудование для хранения мяса. Изготовленные из коровьей кожи сумки и обувь отправлялись на рынки в Гонконге и других местах, вырабатывалась также костная мука и костное масло. В качестве меры профилактики против эпизоотии в холодильных помещениях держали большие запасы анти-сыворотки.

В марте 1942 года Комитет по реализации «трех планов» опубликовал «План поощрения сельского хозяйства и животноводства», согласно которому на севере острова следовало устроить центр поощрения и руководства сельским хозяйством с отделениями в Хайкоу, Цюншани, Динане, Вэнчане и Чэнмае. Временному правительству острова полагалось всемерно поощрять развитие сельского хозяйства и животноводства. Животноводам предписывалось улучшать количество поголовья коров, буйволов и свиней и наращивать выпуск продукции. Конкретные меры включали в себя: завоз буйволов и коров, охрану их от разбойных нападений, комплекс мер по предотвращению чумы рогатого скота, увеличение подведомственных правительству племенных хозяйств, поощрение разведения хороших пород скота и расширения выпуска продукции, мелиорацию пастбищ и улучшение кормов, упорядочение и объединение рассредоточенных в разных местах скотобоен, активное увеличение выпуска продукции разведения лошадей, свиней и домашней птицы, стимуляцию перерабатывающей промышленности [Ван Цзян, 2011, 59-61].

В августе 1943 года Японская акционерная компания колонизации Тайваня и Южная компания сформировали Хайнаньскую животноводческую акционерную компанию, взяв на себя ответственность по производству, импорту и экспорту продуктов животноводства, при совместном управлении животноводческой отраслью.

В хайнаньское лесоводство Япония вложила 90 миллионов японских иен, японские компании занялись разработкой Хайнаньских лесохозяйств – компания «Хайнань» в Юйлине, Дяолошане, Линшуе, компания «Наньго» в Цзюсуо, компания «Янцзин» в Хайкоу и Нада, компания «Ванцзи чжичжи» в Бэйли и Цзянфэне и прочие. В целом 10 японских акционерных обществ занялись разработкой Хайнаньских лесных ресурсов. Лесные ресурсы острова были чрезвычайно богаты, и основной деятельностью японских компаний была заготовка древесины, используемой при строительстве мостов, военных объектов, железных дорог, городов в Японии. Высококачественная необработанная древесина прямо доставлялась на Японские острова, иногда перед вывозом ее отесывали в балки, из сосен разных пород сперр-

ва изготовляли древесный уголь или выжимали из них масло и делали скипидар, который использовался потом для технической обработки боеприпасов японской армии.

Чтобы обеспечить непрерывную заготовку древесины японцы организовали лесопосадки. С Тайваня ввозилась для рассева каузурина хвощелистная, каркас китайский, сосна густоцветковая, каучук, кофе, коксовая пальма, тунг Форда и другие саженцы, а также сельскохозяйственные препараты, инсектициды, средства, используемые в животноводстве и для защиты водных ресурсов.

Кроме того, Япония предприняла активные меры по озеленению острова, которые, по замыслу, должны были не только «способствовать повышению производительности в лесохозяйстве, земледелии, скотоводстве и садоводстве, улучшению здравоохранения и санитарии, а также формировать в людях высокие моральные устои» и «защищать воздух от загрязнений» [Сыту Шанцзи, 2013, 154].

Согласно принятому в марте 1942 года «Плану культивирования рассады», мероприятия по озеленению охватывали площадь в 300 тысяч му, для культивирования рассады выделялось 2 миллиона саженцев. Озеленение проходило в таком порядке: сперва следовало высаживать растения, потребные для нужд армии, строек и объектов инфраструктуры, их надо было высаживать по обеим сторонам дорог, опоясывающих весь остров. Затем следовало озеленение Хайкоу, Санья, Юйлина и других главных городов. В третью очередь озеленялись территории, контролируемые японскими торговыми компаниями, и другие места. Кроме того, Комитет по управлению тремя провинциями приказывал, чтобы в Хайкоу, Санья и других областях были разбиты рассадники для культивирования саженцев, в которых экспериментально выращивались пальма, бегония, харитаки, тунг Форда, тунг молукский, каркас китайский, клен, делоникс королевский, гревиллея крупная, манго, лонган, ананас посевной, хлопковое дерево, дерево личи, сосна Рюкю, сосна густоцветковая, а также разные виды хвойных растений и бамбука [Цзинь Шань, 2013, 57-58].

Чтобы повысить объемы производства риса и овощей, японцы активно возводили на территории острова ирригационные сооружения, вложив в это дело 500 тысяч японских иен (согласно обязательствам, взятым на себя японской армией и японскими промышленными компаниями). Было возведено 47 объектов водного хозяйства и полевой ирригации на площади 7171 гектар, 16 из них, занимавших площадь 5776 гектар, остались незавершенными. Согласно постановлению от июля 1942 года «Экстренный план улучшения ирригации», меры по улучшению орошения должны были охватить площадь в 4 тысячи гектар, с которых ежегодно планировалось увеличить количество продукции зерновых до 10 тысяч даней, на что правительство было намерено ассигновать 350 тысяч иен. Ежегодно на мелиорации следовало задействовать 400 тысяч человек, использовать более десяти тысяч мешков цемента [Син Хандун, 2005, 169]. Таким образом, расходы на строительство ирригационных сооружений несли, в основном, японские промышленные компании. Помимо этого, японцы осуществляли ряд маломасштабных и быстро выполнимых инженерных работ: возведение

насыпей для водохранилищ и рытье акведуков, водоотводных каналов, дренажных канав, колодцев. В 1941 году, в целях разработки захваченных полезных ископаемых в рудниках и шахтах, японцы превратили в плотину естественный перепад на реке Чанхуа длиной более 40 метров, проложили там ирригационный канал для забора воды и в деревне Гуанба уезда Дунфан построили гидроэлектростанцию Дунфан.

В мае 1942 года был опубликован «Доклад о реализации программы экспериментального сельского хозяйства на острове Хайнань», в котором говорилось, что «С того момента как японская императорская армия завоевала Хайнань на 14 году правления императора Сева, поскольку географическое положение и природные ресурсы острова представляют высокую ценность, в том числе в экономическом и стратегическом отношении, острову уделялось пристальное внимание»; «наши войска, активно сотрудничая с предприятиями и торговыми компаниями, заняв Хайнань, занялись разработкой природных ресурсов и добились в этой области заметных успехов»; «в целях укрепления достигнутых результатов и поддержания общественного порядка и экономического развития, необходимо переместить на постоянное проживание на остров Хайнань из Японии значительное количество работников сферы сельского хозяйства, помочь им обосноваться на острове, с тем чтобы могущество и влияние Японии непрерывно проникали во все сферы производства и общества этого острова, позволив японцам взять под контроль сто процентов прибыли» [там же, 169-174]

Согласно данным доклада, в 1942-1943 годах из Японии на острова Хайнань планировалось переселять по сто семей в год, на что выделялись финансовые субсидии в размере 250 тысяч юаней. Переселение происходило под эгидой японского Министерства колоний, первый заезд переселенцев был в июне 1942 года. Высадившись на острове, они сперва размещались в Санья в подготовительном центре, находившемся под контролем японской армии, распределение конкретных видов работ между переселенцами было ответственностью Акционерной компании по колонизации Тайваня. В подготовительном центре приезжие проходили обучение около 11 месяцев, после чего их переселяли в назначенные им места проживания. Японские переселенцы образовывали собственные деревни компактного проживания.

Заключение

Попыткой японцев долговременно оккупировать Хайнань объясняется их пристальное внимание к развитию сельского хозяйства на острове, включая все предпринятые ими меры по стимулированию земледелия, охране сельскохозяйственного производства, улучшению лесоводства и животноводства, внедрению новых агротехнологий и тому подобные меры, объективно содействовавшие модернизации сельского хозяйства и внедрению передового опыта для получения и обработки сельскохозяйственной и животноводческой продукции. Все достигнутые ими успехи в этой области шли на службу потребностям оккупационной японской армии, тогда как сами хайнаньские земледельцы подвергались эксплуатации, и условия их жизни значительно

ухудшились. Перед лицом природных бедствий и неурожайных лет местное население не имело возможности воспользоваться богатыми природными ресурсами своей родной земли. Согласно «Хроникам уезда Ваннин», в августе и сентябре 1944 года три следовавших один за другим тайфуна полностью затопили поля, засаженные поздним рисом, и весь урожай был погублен. С конца 1944 до начала 1945 годов весь уезд был охвачен голодом, от голода умерло 40 тысяч человек, то есть четвертая часть всего населения уезда [Син Хандун, Чжан Синцзи, 1994, 45].

Более того, в период Китайской Республики степень «лесистости» острова составляла 50%, люди с их экономикой и окружающая среда сохраняли баланс, здоровый биогеоценоз. Японские захватчики, завладев островом, принялись развивать сельское хозяйство и горнодобывающую промышленность, нещадно эксплуатируя лесной массив и земельные ресурсы острова, что значительно ухудшило экологическую ситуацию. В долговременной перспективе это повлекло за собой заметное ухудшение и невосполнимые потери для устойчивого развития сельского хозяйства на острове Хайнань.

Библиография

1. Бедняк И.Я. Японская агрессия в Китае и позиция США. 1957. 173 с.
2. Бондаренко А.П. Год кризиса 1938-1939: документы и материалы. 1990. 432 с.
3. Ван Цзян. Грабительская экономика японцев на островах Тайвань и Хайнань, осуществляемая японскими акционерными компаниями в период оккупации // Исследование Новой истории. Хайкоу 2011. № 2. С. 50-69. 王键. 抗战时期台湾拓殖株式会社对广东、海南的经济侵掠[J]. 近代史研究, 2011(2), 50:69
4. Демин Л.М. Японская оккупация Индонезии. 1963. 234 с.
5. Малафеев К.А. Вопросы новой и новейшей истории. 1969. 268 с.
6. Сборник комитета краеведческой литературы Ваннина. Описание уезда Ваннин. Хайкоу: Хайнаньское книгоиздательство, 1994. 万宁县地方志编纂委员会编. 万宁县志. 海口:南海出版公司, 1994.
7. Син Хандун, Чжан Синцзи. Подлинные факты об установлении аграрной политики Японии на острове Хайнань в период японской оккупации // Научный вестник Университета имени Сунь Ятсена. Сборник статей. Гуанчжоу. 2005. № 2. С. 167-175. 邢寒冬, 张兴吉. 论抗日战争时期日本人在海南岛农业政策的确立[J]. 中山大学学报论丛, 2005(2), 167: 175
8. Сыту Шанцзи. История земель острова Хайнань. Хайкоу: Хайнаньское народное издательство, 1987. 司徒尚纪. 海南岛历史上土地开发研究[M].海口:海南人民出版社,1987.(11).
9. Цзинь Шань. За кулисами японской оккупации Хайнани – копии резолюций заседаний оккупационного правительства. Пекин: Издательство Прошивных Брошюр, 2013 (1). 金山等译. 日军侵琼内幕解密——海南岛三省联络会议决议事项抄录[M]. 北京:线装书局,2013.(1).
10. Чэнь Чжи. Новые записи об острове Хайнань. Хайкоу: Хайнаньское книгоиздательство, 2004. 陈植编著. 海南岛新志[M]. 海口:海南出版社, 2004.

The survey of agriculture on the Hainan island during the Japanese occupation

Lyui Khuei
Doctor of History, Dean,
Faculty of Russian Language,
Hainan State University
570228, Narodnyi Prospekt st., Haidiandao island, Meilan district, Haikou, Hainan prov., China;
e-mail: 2625265589@qq.com

Abstract

In February, 1939 Japanese troops occupied the Chinese island of Hainan. The agricultural policy of Japan was similar to their policy in other colonized countries (Northern Korea and Taiwan in particular). The same can be said about the methods of operating land resources. The Japanese introduced a number of progressive methods to enhance agricultural development, such as importing high-quality agricultural and livestock cultures. These measures seemingly promoted the process of modernization of Hainan agriculture. In the face of natural disasters and poor harvests, the local population did not have the opportunity to take advantage of the rich natural resources of their native land. In August and September 1944 three typhoons that followed one another completely flooded the fields planted with late rice, and the entire crop was destroyed. From the end of 1944 up to early 1945, the whole county was covered by famine, 40,000 people died of starvation, that is, one-fourth of the entire population of the county. At the same time these achievements met exclusively the military needs of occupational troops. Merciless exploitation, in fact, a plunder of natural and material resources of the island not only caused considerable harm to the ecology of the island, but for a long period of time it suspended the development of agriculture even after Hainan had been returned back to China.

For citation

Lyui Khuei (2017) Issledovanie sostoyaniya sel'skogo khozyaistva na ostrove Khainan' vo vremya yaponskoi okkupatsii [The survey of agriculture on the Hainan island during the Japanese occupation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theory and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 241-251.

Keywords

Japan, island of Hainan, agriculture, reforms, farming practices, operation of natural resources, agricultural productivity.

References

1. Bednyak I.Ya. (1957) *Yaponskaya agressiya v Kitae i pozitsiya SShA* [Japanese aggression in China and the US position].
2. Bondarenko A.P. (1990) *God krizisa 1938-1939: dokumenty i materialy* [Year of the crisis 1938-1939: documents and materials].
3. Chen' Chzhi (2004) *Novye zapisi ob ostrove Khainan'* [New records about the island of Hainan]. Khaikou: Khainan'skoe Publ. 陈植编著. 海南岛新志[M].海口:海南出版社.
4. Demin L.M. (1963) *Yaponskaya okkupatsiya Indonezii* [The Japanese occupation of Indonesia].
5. Malafeev K.A. (1969) *Voprosy novoi i noveishei istorii* [Questions of new and modern history].
6. *Sbornik komiteta kraevedcheskoi literatury Vannina. Opisanie uezda Vannin* [Collection of the Committee of Local History Literature Vannina. Description of Vannin County] (1994). Khaikou: Khainan'skoe Publ. 万宁县地方志编纂委员会编. 万宁县志. 海口:南海出版公司.
7. Sin Khandun, Chzhan Sintszi (2005) Podlinnye fakty ob ustanovlenii agrarnoi politiki Yaponii na ostrove Khainan' v period yaponskoi okkupatsii [Real facts about the establishment of Japan's agrarian policy on the island of Hainan during the Japanese occupation]. *Nauchnyi vestnik Universiteta imeni Sun' Yatsena. Sbornik statei* [Scientific Bulletin of Sun Yat-sen University. Coll. of articles], Guanchzhou, 2, pp. 167-175. 邢寒冬, 张兴吉. 论抗日战争时期日本人在海南岛农业政策的确立[J].中山大学学报论丛, 2005(2), 167: 175
8. Sytu Shantszi (1987) *Istoriya zemel' ostrova Khainan'* [History of lands of the island of Hainan]. Khaikou: Khainan'skoe narodnoe Publ. 司徒尚纪. 海南岛历史上土地开发研究[M].海口:海南人民出版社, 11.
9. Tszin' Shan' (2013) *Za kulisami yaponskoi okkupatsii Khainani – kopii rezolyutsii zasedanii okkupatsionnogo pravitel'stva* [Behind the scenes of the Japanese occupation of Hainan there are copies of the resolutions of the meetings of the occupation government]. Pekin: Proshivnykh Broshyur Publ., 1. 金山等译. 日军侵琼内幕解密——海南岛三省联络会议决议事项抄录[M].北京:线装书局, 2013.(1).
10. Van Tszyan (2011) Grabitel'skaya ekonomika yapontsev na ostrovakh Taivan' i Khainan', osushchestvlyaemaya yaponskimi aktsionernymi kompaniyami v period okkupatsii [The predatory economy of the Japanese on the islands of Taiwan and Hainan, carried out by Japanese joint-stock companies during the occupation]. *Issledovanie Novoi istorii* [Research of New History], Khaikou, 2, pp. 50-69. 王键. 抗战时期台湾拓殖株式会社对广东、海南的经济侵掠[J].近代史研究, 2011(2), 50:69.

УДК 323

Автомобилизация населения как социальная проблема в Якутии

Осипова Мария Егоровна
Аспирант, кафедра социологии и управления персоналом,
Финансово-экономический институт,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
677007, Российская Федерация, Якутск, ул. Кулаковского, 42;
e-mail: marios1692@mail.ru

Винокурова Ульяна Алексеевна
Доктор социологических наук,
кандидат психологических наук, доцент,
Финансово-экономический институт,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
677007, Российская Федерация, Якутск, ул. Кулаковского, 42;
e-mail: nio_agiik@mail.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

В статье проведен анализ статистических данных о транспортной ситуации в Республике Саха (Якутия). На протяжении последних лет в регионе отмечен рост дорожно-транспортных происшествий. В качестве основной причины возникновения дорожных конфликтов автор рассматривает человеческий фактор: установлено, что по вине водителей транспортных средств происходят более 80% несчастных случаев. Автор приходит к выводу, что проблема обеспечения безопасности дорожного движения носит социальный характер. Исследовательский интерес сосредоточен на социальных предпосылках формирования поведения водителей транспортных средств. Анализ социокультурного пространства, по мнению автора, позволит выявить модель поведения водителей транспортных средств. Осмысление ситуации на дорогах через призму социальной мобильности обозначает, что поведение водителей представляет собой устойчивую систему.

Для цитирования в научных исследованиях

Осипова М.Е., Винокурова У.А. Автомобилизация населения как социальная проблема в Якутии // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 252-261.

Ключевые слова

Социология автомобилизации, социокультурное пространство, город, поведение водителей, дорожно-транспортные происшествия, безопасность.

Введение

Система автомобильности, с точки зрения социологии мобильностей, представляет собой образ жизни с соответствующими социальными отношениями, процессами и взаимодействиями. С позиций социологии мобильностей «социальное как общество» приобретает новое качество как «социальное как мобильность во времени и в пространстве» посредством преимущественно современных средств транспорта. Физическое перемещение приобретает значение фундаментального акта, как созидающего социальную жизнь, так и спровоцированного ею же [Мулеев, 2015, 15]. «Транспорт – это черный ящик для социальных наук» [Шеллер, Урри, 2006, 208].

Условием транспортного поведения выступает социальная интенция – определенная потребность в перемещении [Мулеев, 2015, 22]. «Формы движения являются важными инструментами ощущения и переживания мира за пределами самого себя, т.е. того, как мир видится, ощущается, переживается и узнается, как он становится объектом чувств. Таким образом, мобильности связаны с онтологией и эпистемологией. Более того, на самом деле большая часть знания приходит к нам через объекты, каждый из которых вовлечен в какую-либо форму движения» [Урри, 2012, 155].

Наиболее перспективным в изучении поведения водителей автомобилей представляется социологический подход. Данный подход позволяет не только рассмотреть устойчивые социальные процессы в обществе, но, что более важно, проанализировать проекцию социокультурного пространства на человека, а также выявить механизмы их взаимодействия и динамику изменений.

Автором первого социологического исследования поведения водителей транспортных средств является Пьер-Эммануэль Берже. Он писал, что поведение водителей обусловлено такими субъективными факторами как социальные нормы и ценности [Barjonet, 1988, www]. Берже отмечал влияние на уровень транспортных рисков и безопасности таких факторов, как качество институтов, социальный капитал.

В рамках социологического подхода [Дулина, 2011; Каргаполова, 2011] водитель автомобиля рассматривается в качестве продукта социальных отношений, а также социокультурного пространства, где он проживает. Окружающая среда становится активным началом и важным фактором в процессе формирования поведения водителей автомобилей.

В данной статье нами собрана статистическая информация о динамике автомобилизации в Якутии и ее влияния на безопасность населения.

Динамика автомобилизации в Якутии за 2000-2015 гг.

Активная урбанизация городов России, наряду с увеличением численности городского населения, породила такое явление как автомобилизация городов. Сегодня автомобили прочно заняли свое место в жизни современного горожанина. Республика Саха (Якутия) занимает шестое место среди регионов Дальневосточного федерального округа по количеству собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения – 226,6 единиц (по состоянию на конец 2015 г.). В 2015 г. всего по республике зарегистрировано 226 013 единиц легковых автомобилей, показатель в два раза превышающий данные 2000 г.

С 2000 г. в Якутске, столице республики, наблюдается увеличение количества легковых автомобилей. Так, если в 2000 г. было зафиксировано 38606 единиц легковых автомобилей, то в 2015 г. количество легковых автомобилей составило 86720 единиц (см. рис. 1) [Стат. сборник].

Рост количества легковых автомобилей в г. Якутске с 2000 по 2005 гг. составил 21,10%, с 2005 по 2010 гг. – -3,11%. В 2011 г. увеличение количества легковых автомобилей составляет 1,65% к аналогичному показателю в 2010 г., в 2013 г. – 5,57%, в 2014 г. – -0,73%, в 2015 г. – -0,05%. Наибольший объем легковых автомобилей достиг 82530 единиц в 2012 г., что выше аналогичного показателя в предыдущем году на 56,56%.

Обеспеченность населения Республики Саха (Якутия) собственными легковыми автомобилями по итогам 2015 г. составила 226,60 единиц на 1000 человек [Стат. сборник].

В течение последних лет в регионе наблюдается тенденция ежегодного увеличения легковых автомобилей на душу населения (см. рис. 2).

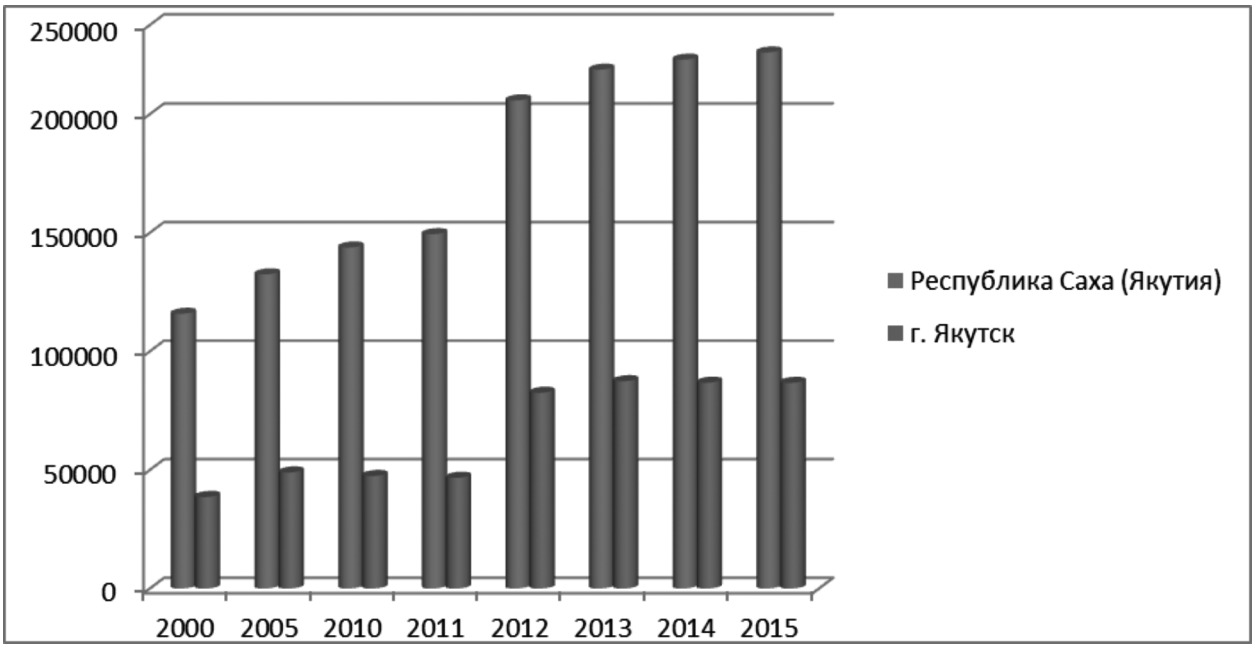

Рисунок 1. Наличие легковых автомобилей (единиц).

С учетом автомобилей в личной собственности. До 2012 г. количество транспортных средств в личной собственности граждан приведены по итогам проведенного технического осмотра, с 2012 г. – состоящие на учете транспортные средства.

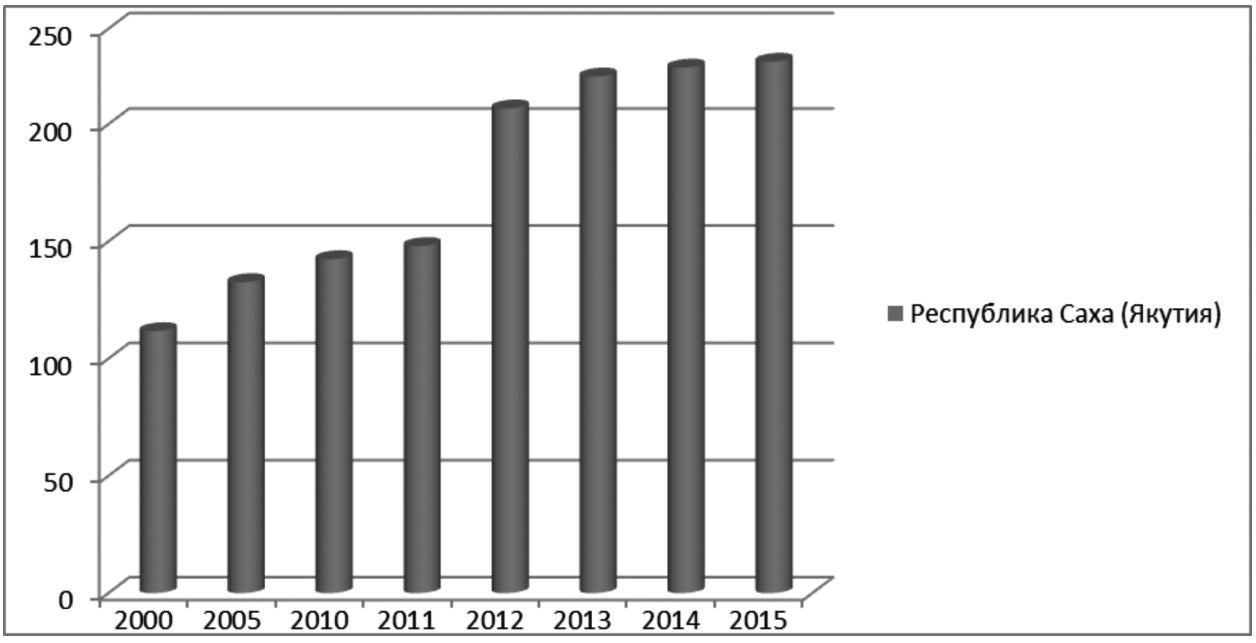

Рисунок 2. Обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями на 1000 человек населения в Республике Саха (Якутия).

До 2012 г. количество транспортных средств в личной собственности граждан приведены по итогам проведенного технического осмотра, с 2012 г. – состоящие на учете транспортные средства. За 2005-2010 гг. показатели рассчитаны с использованием численности населения по итогам ВПН-2010.

Обеспеченность населения г. Якутска собственными легковыми автомобилями в расчете на 1000 человек в 2005 г. составляла 176,30 единиц, увеличившись по сравнению с 2000 г. на 9,93%. В 2010 и 2011 гг. уровень обеспеченности населения легковыми автомобилями заметно снижается и составляет 148,00 и 141,30 единиц соответственно. Однако, уже в 2012 г. на 1000 человек населения приходится 252,6 единиц собственных легковых автомобилей. В 2013 г. в собственности граждан находилось 261,70 автомобилей, в 2014 г. – 255,30 автомобилей, по итогам 2015 г. – 252,00 автомобилей (см. рис. 3) [Стат. сборник].

Влияние автомобилизации на безопасность населения

Активная автомобилизация населения, разрастающийся парк автомобильного транспорта вызвали ряд угроз безопасности населения: перегруженность и аварийность на дорогах, загрязнение окружающей среды.

Нами предпринят краткий анализ дорожно-транспортных происшествий. Дорожно-транспортная ситуация остается одной из наиболее острых проблем г. Якутска, где сосредоточено наибольшее количество автомобилей в регионе.

По данным Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по Республике Саха (Якутия), в 2014 г. на территории республики зарегистрировано 1071 дорожно-транспортных происшествия. По сравнению с 2000 г. число происшествий увеличилось на 29,50%.

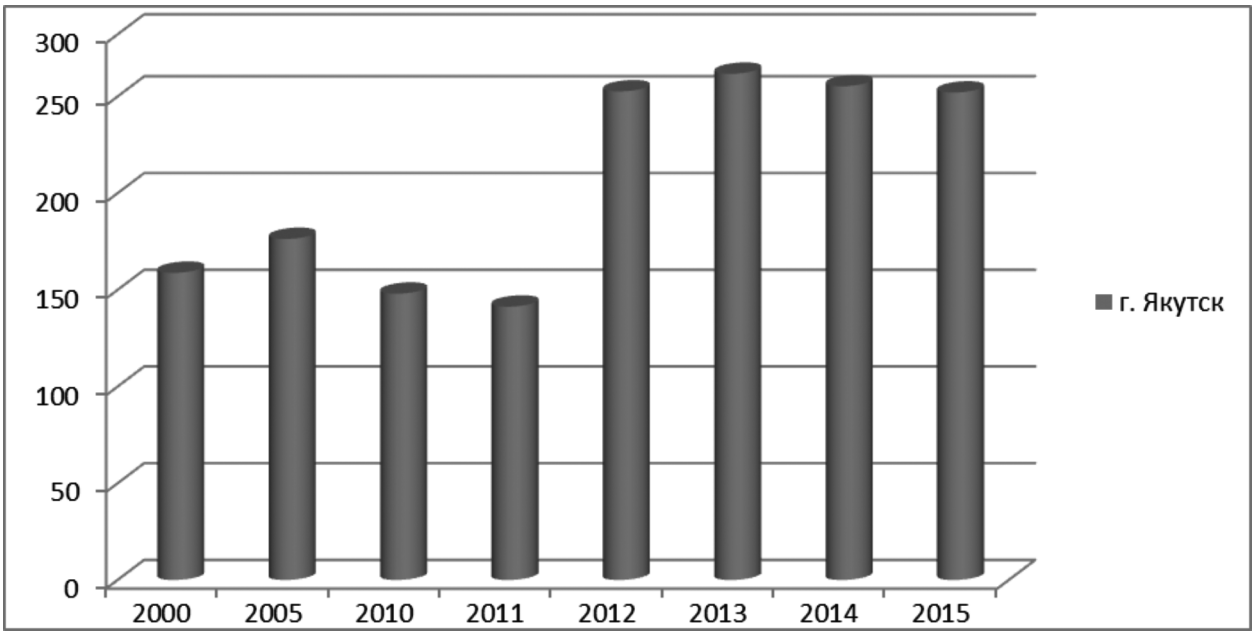

Рисунок 3. Обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями на 1000 человек населения в г. Якутске.

До 2012 г. количество транспортных средств в личной собственности граждан приведены по итогам проведенного технического осмотра, с 2012 г. – состоящие на учете транспортные средства. За 2005-2010 гг. показатели рассчитаны с использованием численности населения по итогам ВПН-2010.

В 2014 г. из общего количества дорожно-транспортных происшествий 74,70% приходилось на долю водителей легковых автомобилей, 9,40% грузовых автомобилей, 11,10% мототранспорта, 4,00% автобусов. Необходимо отметить, что 93,70% всех происшествий приходилось на водителей транспорта, принадлежащего физическим лицам.

В г. Якутске количество дорожно-транспортных происшествий с 2010 по 2015 гг. увеличилось на 20,55%: если в 2010 г. в столице было зарегистрировано 399 дорожно-транспортных происшествий, то в 2015 г. данный показатель составляет 481 дорожно-транспортное происшествие. Наибольшее количество дорожно-транспортных происшествий было установлено в 2014 г. – 491 происшествие (см. рис. 4) [Стат. сборник].

Согласно статистическим данным, превалирующая часть дорожно-транспортных происшествий в республике происходит по вине водителей автомобилей. На рисунке 5 показано соотношение числа происшествий на автомобильном транспорте по вине водителей транспортных средств к общему числу происшествий [Стат. сборник]. Более 80% несчастных случаев на автомобильных дорогах и улицах происходят не из-за механических неисправностей – они происходят по вине водителя. Данный факт подчеркивает решающую роль человека в процессе управления автомобилем.

При изучении динамики дорожно-транспортных происшествий в г. Якутске установлены значительные колебания. В 2015 г. зарегистрировано 481 дорожно-транспортное происшествие, в которых ранены 576 человек, погибли 33 человека. В 2010 г.

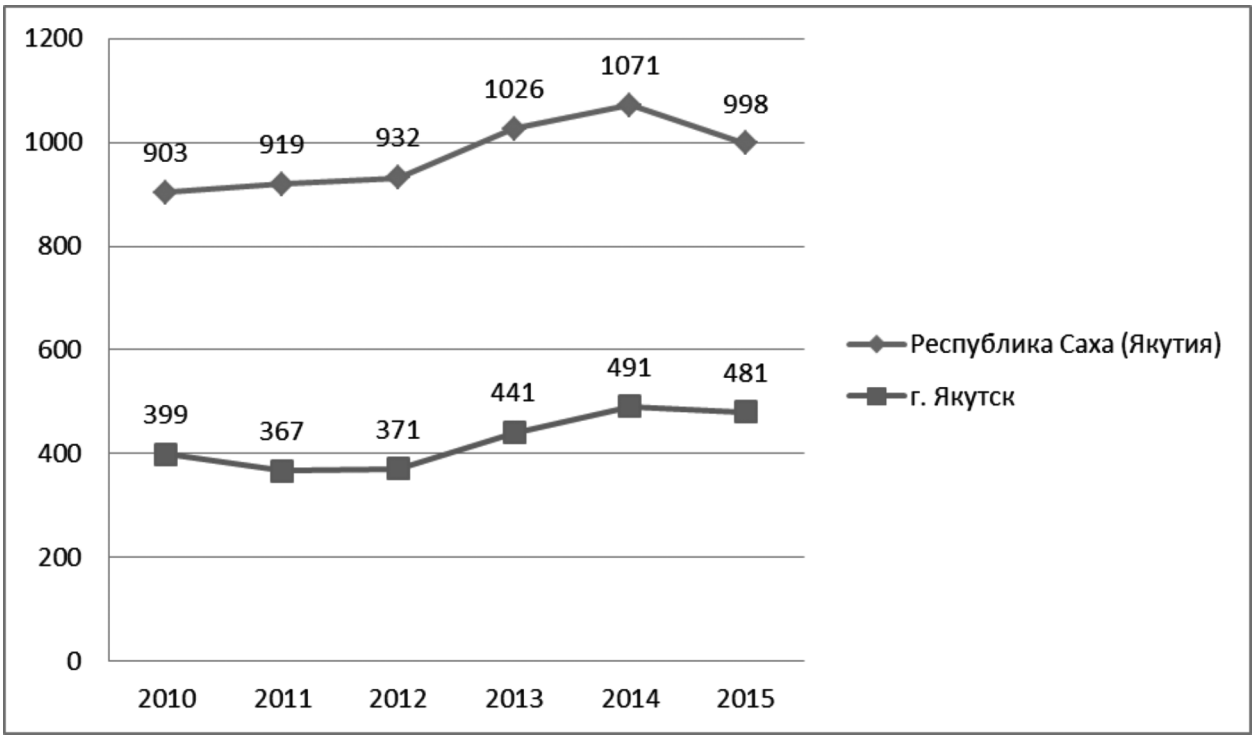

Рисунок 4. Число дорожно-транспортных происшествий.

показатель численности раненых в дорожно-транспортных происшествиях составлял 447 человек, погибших – 25 человек (см. рис. 6) [Стат. сборник].

Основными причинами происшествий по вине водителей являются: несоблюдение очередности проезда – 25,00%, нарушение правил проезда пешеходного перехода – 14,62%, неправильный выбор дистанции – 12,23%, нарушение правил расположения транспортных средств на проезжей

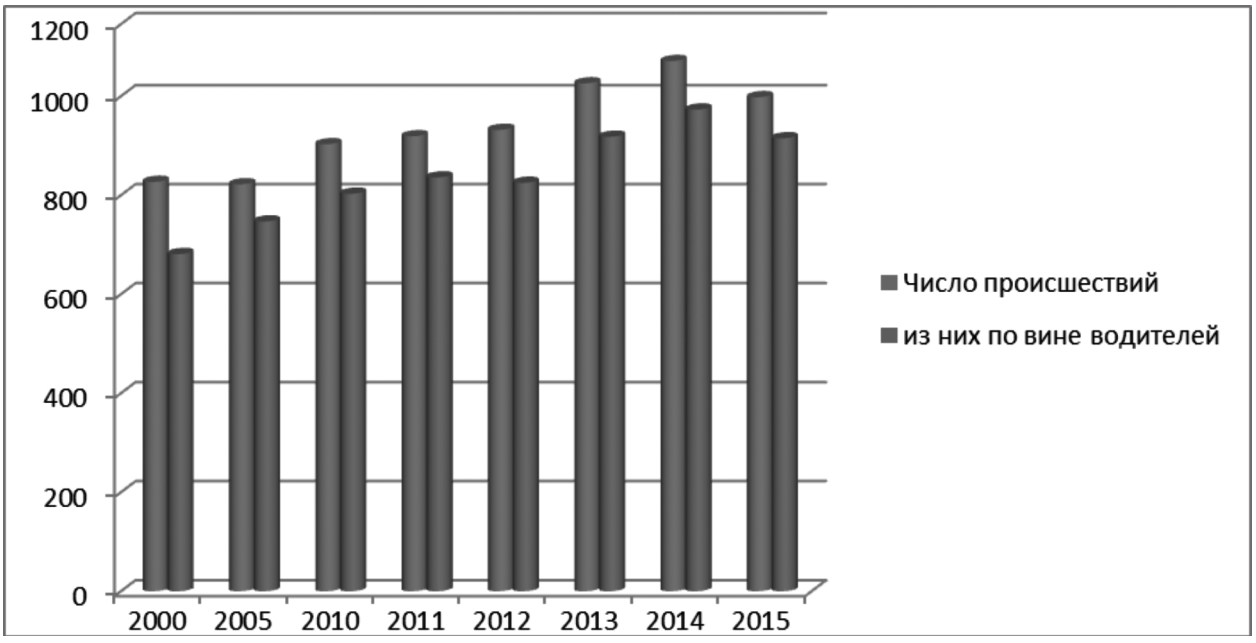

Рисунок 5. Число происшествий на автомобильном транспорте по Республике Саха (Якутия).

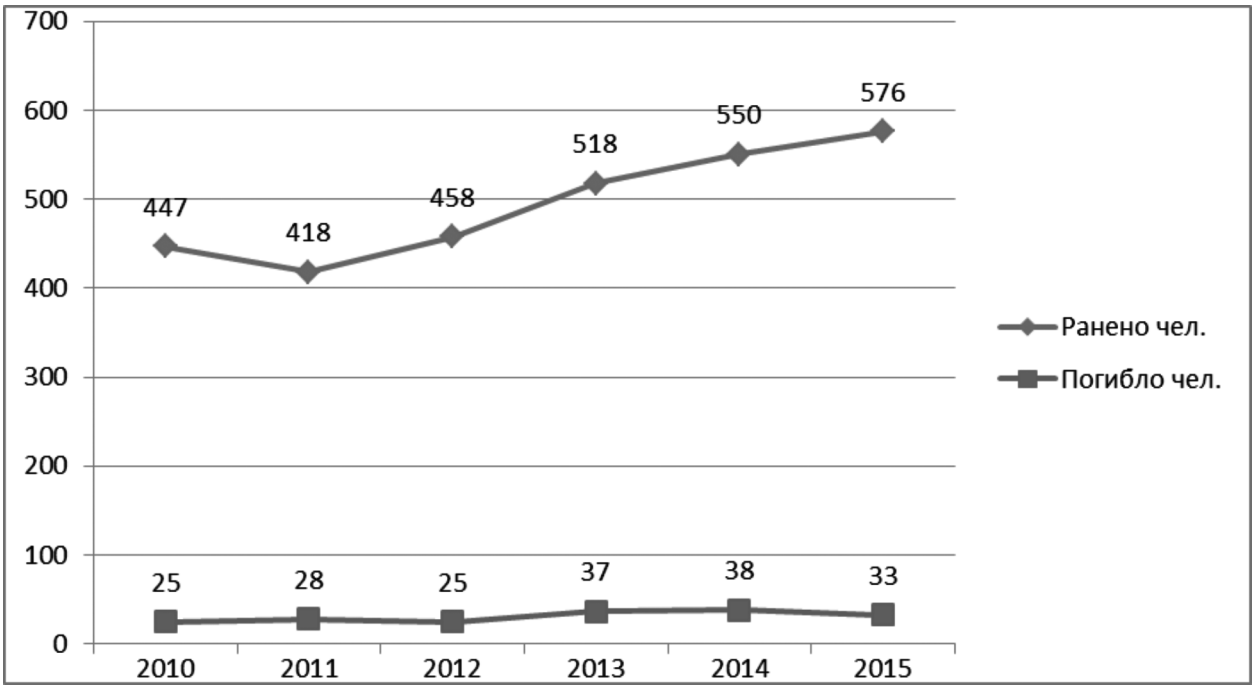

Рисунок 6. Ранено и погибло людей в дорожно-транспортных происшествия по г. Якутску.

части – 9,57% всех случаев нарушений правил дорожного движения, зарегистрированных в 2016 г. Также установлено, что в 19,67% случаях водители-виновники скрываются с места происшествия, в 15,48% - автомобилем управляют лица в состоянии алкогольного опьянения [Стат. данные].

Заключение

Дорога остается зоной повышенной опасности для жизни и здоровья человека. За последние 15 лет мы стали свидетелями того, как дорога превратилась в своего рода поле боя. Ежегодно в Республике Саха (Якутия) происходит более 900 дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибают и получают ранения свыше 1300 человек.

Стремительное ухудшение состояния безопасности на дорогах актуализирует проблему изучения поведения водителей транспортных средств для целей прогнозирования возникновения дорожно-транспортных происшествий и, как следствие, минимизации рисков возникновения аварийных ситуаций на дорогах и улучшения «дорожного климата».

На основании проведенного нами анализа статистических данных можно сделать вывод, что безопасность дорожного движения – это социальная проблема, которая требует рассмотрения теоретических и методологических оснований.

В этом ключе особое значение приобретает социологический подход к изучению поведения водителей транспортных средств. В рамках данного подхода раскрываются внутренние механизмы явления, ее структурные элементы, закономерности действий и поведения людей, а также взаимоотношения между людьми.

Изменение поведения водителей транспортных средств невозможно без изменения общепринятых норм и представлений об организации дорожного движения. Поэтому данный вопрос требует дальнейшего углубленного изучения социальной мобильности.

Библиография

1. Вильковский М.Б. Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. 592 с.
2. Дулина Н.В., Естрина О.В., Игнатенко Т.И., Овчар Н.А., Самчук М.М., Ситникова О.И. Социокультурное пространство региона: Методология исследования. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. 132 с.
3. Каргаполова Е.В. Тридцатый регион: потенциал социального развития. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. 375 с.
4. Кузнецов А. Космополитика имплицитных инноваций в городской мобильности: гибкость, неопределенность, инфраструктуры // Российская антропология и «онтологический поворот». Москва: ИЭА РАН, 2017. С. 257-291.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: «Искусство-СПб», 2000. 704 с.
6. Мулеев Е.Ю. «Транспортное поведение», «подвижность» и «мобильность»: к вопросу о концептуализации терминов // Социологический журнал. 2015. Том. 21. № 3. С. 8-28.
7. Урри Дж. Мобильности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.
8. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М., Изд. дом высшей школы экономики, 2012. 336 с.
9. Barjonet P.E. SARTRE. Social Attitudes to Road Traffic Risk. Report on Principal Aspects. Paris, 1994. 28 p.
10. Barjonet P.E. (Ed.). Traffic Psychology today. London: Kluwer Academic Publishers, 2001. 377 p.

Motorization of the population as a social problem in Yakutia

Mariya E. Osipova

Postgraduate,
Department of social science and HR,
Financial and Economic Institute,
North-Eastern Federal University,
677007, 42, Kulakovskogo st., Yakutsk, Russian Federation;
e-mail: marios1692@mail.ru

Ul'yana A. Vinokurova
Doctor of Social Science,
PhD in Psychology, Associate Professor,
Financial and Economic Institute,
North-Eastern Federal University,
677007, 42, Kulakovskogo st., Yakutsk, Russian Federation;
e-mail: nio_agiik@mail.ru

Abstract

The article analyzes statistical data on the transport situation in the Republic of Sakha (Yakutia). Over the past few years the region has seen an increase in road accidents. As the main reason for the occurrence of road conflicts the author considers the human factor: it is established that more than 80% of accidents occur due to drivers' fault. The author comes to the conclusion that the problem of ensuring road safety has a social nature. The research interest is focused on the social preconditions for the formation of behavior of drivers of vehicles. Analysis of socio-cultural space, according to the author, will reveal the model of behavior of drivers of vehicles. Understanding the situation on the roads through the prism of social mobility means that the behavior of drivers is a stable system. Based on our analysis of statistical data, we can conclude that road safety is a social problem that requires consideration of theoretical and methodological grounds. In this key, a sociological approach to studying the behavior of drivers of vehicles acquires special significance. Within the framework of this approach, the internal mechanisms of the phenomenon, its structural elements, laws of actions and behavior of people, as well as the relationships between people, are revealed. Changing the behavior of drivers of vehicles is impossible without changing the generally accepted norms and ideas about the organization of road traffic. Therefore, this issue requires further in-depth study of social mobility.

For citation

Osipova M.E., Vinokurova U.A. (2017) Avtomobilizatsiya naseleniya kak sotsial'naya problema v Yakutii [Motorization of the population as a social problem in Yakutia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 252-261.

Keywords

Sociology of motorization, socio-cultural space, city, behavior of drivers, road accidents, security

References

1. Barjonet P.E. (1994) *SARTRE. Social Attitudes to Road Traffic Risk. Report on Principal Aspects*. Paris.
2. Barjonet P.E. (ed.). (2001) *Traffic Psychology today*. London: Kluwer Academic Publishers.
3. Dulina N.V., Estrina O.V., Ignatenko T.I., Ovchar N.A., Samchuk M.M., Sitnikova O.I. (2011) *Sotsiokul'turnoe prostranstvo regiona: Metodologiya issledovaniya* [Socio-cultural space of the region: Research methodology]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ.
4. Kargapolova E.V. (2011) *Tridtsatyi region: potentsial sotsial'nogo razvitiya: monografiya* [The thirtieth region: the potential for social development].Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ.
5. Kuznetsov A. (2017) Kosmopolitika implitsitnykh innovatsii v gorodskoi mobil'nosti: gibkost', neopredelennost', infrastruktury [Cosmopolitanism of implicit innovations in urban mobility: flexibility, uncertainty, infrastructure]. In: *Rossiiskaya antropologiya i "ontologicheskii povorot"* [Russian anthropology and the "ontological turn"]. Moscow.
6. Lotman Yu.M. (2000) *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov: Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [The Semiosphere. Culture and Explosion. Inside the thinking worlds: Articles. Research. Notes]. St. Petersburg: "Iskusstvo-SPb" Publ.
7. Muleev E.Yu. (2015) "Transportnoe povedenie", "podvizhnost'" i "mobil'nost'": k voprosu o kontseptualizatsii terminov ["Transport behavior", "mobility" and "mobility": to the question of the conceptualization of terms]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 21, 3, pp. 8-28.
8. Urri J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobility]. Moscow: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa "Praksis" Publ.
9. Urri J. (2012) *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology beyond societies: types of mobility for the 21st century]. Moscow, Izd. dom vysshei shkoly ekonomiki Publ.
10. Vil'kovskii M.B. (2010) *Sotsiologiya arkhitektury* [Sociology of architecture]. Moscow: Fond "Russkii avangard" Publ.

УДК 316.34

Социальное расслоение населения России и проблемы формирования среднего класса: состояние и динамика

Федосеев Владилен Валентинович
Кандидат экономических наук, профессор,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
119071, Российская Федерация, Москва, Малая Калужская, 1;
e-mail: cubaseman@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам анализа динамики социального расслоения населения России, вызванного дифференциацией населения по среднедушевому денежному доходу за период с 2012 по 2015 год. Исходные данные для анализа взяты из статистических сборников Росстата за соответствующий период. В качестве основания для социальной стратификации населения взяты величины прожиточного минимума (ПМ) и стоимости минимальной потребительской корзины (МПК). Рассматриваются некоторые вопросы формирования среднего класса в России. На основе анализа данных, взятых из сборников Росстата за последние десятилетия и, в частности, за 2016 год автор статьи делает заключение о том, что в настоящее время численность среднего класса в России крайне низка. Значительное увеличение этой численности, в первую очередь за счет перевода в средний класс населения из более бедных категорий, является одной из важнейших задач социально-экономического развития России в ближайшие годы. Решение этой и других рассматриваемых рассмотренных в статье проблем требует коренного изменения направления вектора социальной политики нашего государства на современном этапе его развития.

Для цитирования в научных исследованиях

Федосеев В.В. Социальное расслоение населения России и проблемы формирования среднего класса: состояние и динамика // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 262-271.

Ключевые слова

Стратификация населения, среднедушевой доход, прожиточный минимум, минимальная потребительская корзина, дифференциация населения по доходам, порог нищеты, уровень бедности, средний класс, динамика социального расслоения.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Разделение населения на социальные группы (страты) является одним из основных направлений исследования современной социологии в разных странах. Вопросы социальной стратификации населения России рассматривались в работе автора [Федосеев, 2010, 100-104], в которой эта стратификация проводилась по признаку среднедушевого дохода на основе статистических данных Росстата за 2007 год. В качестве основания для разделения населения на социальные группы были взяты величины прожиточного минимума и стоимости минимальной потребительской корзины. В данной статье рассматривается период с 2012 по 2015 годы, при этом делается попытка ответить на следующие вопросы. Какова динамика социального расслоения населения России за рассматриваемый период? Как повлияли на это расслоение меры, принятые государством в области социальной политики за эти годы? Как менялась численность наиболее обездоленной части населения страны? Что можно сказать о динамике численности среднего класса России за рассматриваемый период? Следует отметить, что все расчеты сделаны автором на основе официальных данных, приводимых в статистических сборниках Росстата [Россия в цифрах, 2016, 111-135].

Специфика оснований социальной стратификации россиян

Существует несколько подходов к стратификации населения по среднедушевому доходу, при этом наиболее часто в качестве основания социальной стратификации выступают величина прожиточного минимума (ПМ) и стоимость минимальной потребительской корзины (МПК). Ряд методов определения этих величин описан в названной выше работе автора, при этом в основе данных методов лежит понятие месячного физиологического минимума потребления (ФМБ), или минимального набора продуктов питания. В данной работе не ставится цель расчета обоснованного значения величин МПК и ПМ с учетом сложившихся цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги. Официальная величина прожиточного минимума в целом по стране устанавливается ежеквартально Правительством Российской Федерации и приводится в сборниках Росстата, откуда она и взята для расчетов в данной статье. Для определения величины МПК автор использует то обстоятельство, что между тесно связанными между собою величинами ПМ и МПК существует довольно устойчивое соотношение, практически не меняющееся на протяжении последних лет. Дадим количественную оценку этого соотношения на основе анализа статистических данных.

Прежде всего, напомним, что месячный прожиточный минимум определяется как сумма минимальной потребительской корзины и обязательных платежей и сборов для трудоспособного населения в течение месяца. Таким образом, для детей и пенсионеров значения ПМ и МПК практически совпадают. Минимальная потребительская корзина, в свою очередь, включает в себя минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных то-

варов и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности. Расчеты автора на основе данных статистических сборников Росстата «Россия в цифрах» за докризисные 2004-2007 годы показали, что в тот период доля обязательных платежей и сборов составляла 10,4% от МПК для населения в трудоспособном возрасте; тогда с учетом средней численности за рассматриваемый период людей в трудоспособном возрасте, пенсионеров и детей эта доля для населения России в целом была равна 6,2% от МПК. Таким образом, для населения нашей страны в целом величина ПМ в некризисные годы составляла в среднем 106,2% от стоимости МПК, в соответствии с чем, величина МПК была равна 94,2% от ПМ. В годы кризиса рост обязательных платежей и сборов опережал рост цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги, необходимые для сохранения здоровья человека и обеспечение его жизнедеятельности, что несколько повлияло на соотношение между ПМ и МПК. Статистические расчеты позволяют сделать вывод, что в этот период величина ПМ составляла 107,0% от МПК и, следовательно, размер МПК был равен 93,5% от величины ПМ. Эти соотношения между величинами ПМ и МПК используются в настоящей работе.

Основой для расчетов в данной статье являются распределения населения России по величине среднедушевых денежных доходов за 2012-2015 годы (руб. в месяц), представленные в указанном выше сборнике Росстата и приведенные в таблице 1, при этом для определения значений внутри выделенных интервалов используются методы кусочно-линейной интерполяции.

Таблица 1. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов (в процентах к итогу)

Интервалы среднедушевых доходов (руб. в месяц)	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе по доходам:				
до 3000	2,8	2,0	1,5	1,1
3000,1-5000,0	2,9	2,2	1,8	1,3
5000,1-7000,0	6,9	5,6	4,8	3,8
7000,1-10000,0	11,9	10,4	9,4	8,0
10000,1-14000,0	15,3	14,2	13,4	12,1
14000,1-19000,0	15,5	15,2	15,0	14,4
19000,1-27000,0	16,7	17,5	17,8	18,2
27000,1-45000,0	17,2	19,3	20,7	22,5
свыше 45000,0	10,8	13,6	15,6	18,6

Эти распределения показывают, что за рассматриваемый период среднедушевые доходы в абсолютных размерах по населению в целом выросли, в связи с чем наблюдается уменьшение доли населения в нижних интервалах и увеличение этой доли в верхних интервалах распределений; здесь сказались принятые государством меры по социальной поддержке населения (индексация заработной платы бюджетников, размера пенсий и другие). Однако говорить о росте уровня жизни населения России на основе этих данных нельзя. Изменения в номинальных размерах среднедушевого дохода необходимо сопоставить с величиной ПМ и связанной с ней стоимостью МПК

за каждый рассматриваемый год. Конечно, из этих распределений непосредственно не видно, в каком направлении менялся за эти годы уровень социальной дифференциации населения страны, соответствующий анализ приводится в данной статье ниже. Однако следует обратить внимание на значительное увеличение суммарной доли наиболее обеспеченного населения в двух последних интервалах: от 28,0% в 2012 году до 41,1% в 2014 году. Таким образом, даже визуальный просмотр таблицы распределений населения по среднедушевому доходу свидетельствует о том, что за эти годы состоятельных и богатых в России стало значительно больше.

В названном выше сборнике Росстата приведены значения основных индикаторов дифференциации населения России по доходам (коэффициент фондов и коэффициент Джини), а также официально принятые величины прожиточного минимума, на основании которых и приведенного выше соотношения между ПМ и МПК можно получить данные о величинах МПК за рассматриваемый период. Эти показатели представлены в таблице 2.

Таблица 2. Индикаторы дифференциации населения России по среднедушевому доходу; величины прожиточного минимума, стоимости минимальной потребительской корзины, медианного и среднедушевого дохода (в среднем на душу населения; рублей в месяц)

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Коэффициент фондов, в разах	16,4	16,3	16,0	15,6
Коэффициент Джини	0,420	0,419	0,416	0,412
Прожиточный минимум (ПМ)	6510	7306	8050	9701
Стоимость минимальной потребительской корзины (МПК)	6087	6831	7527	9070
Медианный душевой доход	17290	19183	20843	23088
Среднедушевой денежный доход	23221	25928	27767	30225

Из таблицы 2 следует, в частности, что в условиях России недопустимо высокий уровень дифференциации по доходам, являющийся основной причиной резкого социального расслоения населения страны, в течение исследуемых лет оставался практически неизменным.

В этой таблице приведены величины медианного среднедушевого дохода, делящего все население на две равные по численности части: одна часть имеет среднедушевой доход ниже медианного значения, а другая – выше. Медианные значения (или просто медианы) рядов распределения в таблице 1 рассчитывались по формуле структурных средних общей теории статистики (см., например, [Статистика, 2010, 56]). В этих и последующих расчетах нижняя граница первого интервала и верхняя граница последнего интервала ряда распределения населения по доходам в таблице 1 были приняты равными 2000 и 95000 рублей в месяц на человека соответственно.

Из таблицы 2 очевиден рост значений среднедушевого дохода от 23221 руб. в месяц на душу населения в 2012 году до 30225 руб. в 2015 году. Однако сравнение показателей медианного и среднедушевого дохода в рассматриваемый период (две последние строки таблице 2) показывает значительное расхождение этих средних величин между собой: медианные значения значительно ниже среднедушевых. Это свидетельствует о том, что ряды распределения населения по доходам резко сдвинуты по величине душевого денежного дохода в направлении

последних интервалов. В результате численность населения с доходами ниже среднего значения в рассматриваемый период значительно превосходит численность населения с доходами выше среднего. Так, в 2015 году 63% населения имели доход ниже среднего по России, а доход выше среднего имели лишь 37% населения. Важнейшая задача приближения медианного душевого дохода к среднедушевому доходу может быть решена путем социальной поддержки малообеспеченных слоев населения и совершенствования налоговой системы.

Перейдем к анализу численности населения России в различных группах, выделенных по величине среднедушевого дохода за рассматриваемый период. Методика социальной стратификации населения России, разработанная Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН и описанная автором в названной в начале данной статьи работе, основана на соотношении среднедушевого дохода и величины прожиточного минимума. Результаты расчетов по этой методике приведены в таблице 3, при этом использовались уже упоминавшиеся методы кусочно-линейной интерполяции распределения населения по среднедушевому доходу.

Таблица 3. Социальное расслоение населения России по соотношению среднедушевого дохода и прожиточного минимума (ПМ)

Категория населения, соотношение среднедушевого дохода и ПМ	в процентах к итогу			
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Бедные, до 1 ПМ	10,9	10,9	11,4	13,4
Малообеспеченные От 1до 2 ПМ	25,2	25,4	25,8	28,2
Всего по первым двум категориям:	36,1	36,3	37,2	41,6
Относительно обеспеченные, от 2 до 5 ПМ	41,2	41,0	41,7	41,1
Состоятельные и богатые, свыше 5 ПМ	22,7	22,7	21,1	17,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

В упоминавшейся работе автора [Федосеев, 2010] рассматривалась также более детальная методика социальной стратификации населения, основанная на соотношении среднедушевого дохода и стоимости минимальной потребительской корзины. Результаты расчетов по этой методике представлены в таблице 4, при этом нижняя граница первого интервала и верхняя граница последнего интервала распределения населения России по среднедушевому доходу были приняты, как и ранее, равными 2000 и 95000 руб. в месяц соответственно.

Таблица 4. Социальное расслоение населения России по соотношению среднедушевого дохода и стоимости минимальной потребительской корзины (МПК)

Категория населения, соотношение среднедушевого дохода и МПК	в процентах по итогу			
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Порог нищеты, менее 0,5 МПК	2,9	2,5	2,2	2,1
Уровень бедности, от 0,5 до 1,0 МПК	6,6	6,8	7,6	9,6
Малообеспеченные, от 1,0 до 2,0 МПК	23,3	24,0	24,3	26,5
Всего по первым трем категориям	32,8	33,3	34,1	38,2
Обеспеченные, от 2,0 до 5,0 МПК	42,5	41,5	41,8	43,3
Состоятельные, от 5,0 до 10,0 МПК	17,3	17,8	17,9	16,2
Богатые, свыше 10,0 МПК	7,4	7,4	6,2	2,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Данные, приведенные в таблицах 3 и 4, позволяют сделать ряд выводов. Прежде всего, отметим, что коэффициент бедности за рассматриваемой период вырос с 10,9% до 13,4%. За эти годы численность наиболее обездоленных групп населения заметно увеличилась: за период с 2012 года по 2015 год доля живущих ниже порога нищеты, бедных и малообеспеченных увеличилась с 32,8% до 38,2%. Это свидетельствует о недостаточности адресной социальной поддержки со стороны государства данных категорий граждан нашей страны. Особо следует выделить то обстоятельство, что на протяжении последних лет доля населения, живущего ниже порога нищеты, хотя и несколько сократилась, но по-прежнему довольно значительна. Даже по официальным данным в эту категорию входят более трех миллионов жителей России, именно они нуждаются в немедленной социальной поддержке государства. Наличие такой значительной по численности группы населения является весьма негативной характеристикой социального положения населения в нашей стране.

Особый интерес для анализа представляют данные по двум последним категориям населения, представленным в таблице 4. Доля общей численности населения, относящегося к этим категориям, за рассматриваемые годы несколько снизилась: с 24,7% в 2012 году до 18,5% в 2015 году. Однако если доля категории «состоятельные» за эти годы снизилась на 1,1%, то доля населения в категории «богатые» снизилась на 5,1%. Следовательно, можно сделать вывод, что за годы санкций значительная часть населения из категорий «состоятельные» и «богатые» перешла в категории, более низкие по величине среднедушевого дохода.

Как неоднократно заявлялось, главной целью социальной политики руководства России является увеличение числа богатых и снижение числа бедных в стране. Данные таблиц 3 и 4 свидетельствуют о том, что эта цель не достигнута. Таковы результаты деятельности государства в социально-экономической сфере в изучаемые годы.

Современные проблемы формирования и развития численности российского среднего класса

Перейдем к проблемам формирования и динамики численности среднего класса в России за 2012-2015 годы. Как известно, средний класс – важнейшая социальная группа населения для любого современного общества. Успех проводимых в России реформ, в том числе модернизации экономики, в значительной мере будет зависеть от того, насколько эти преобразования будут поддержаны большинством населения, в какой мере удастся сформировать массовые слои, которые станут непосредственными носителями новой идеологии, морали, новой экономической и трудовой ориентации. Проблема формирования совокупности таких слоев населения сейчас обобщенно формулируется как проблема создания в стране среднего класса.

Массовый средний класс – это один из основных признаков страны с развитой современной экономикой и развитыми общественными отношениями. Отсутствие достаточно сильного и представительного среднего класса характерно для развивающихся стран третьего мира. Россия не будет иметь достойного будущего, она будет обречена на постоянное отставание, если не удастся создать условия для развития такого среднего класса, который вобрал бы в себя большинство населения.

В современных условиях средний класс является главной социальной силой, обеспечивающей развитие материального производства, прирост национального богатства, осуществление научно-технических инноваций и культурный рост, а также служащей гарантией стабильности в обществе.

Одним из базовых при выделении среднего класса в современной социологии является объективный критерий, то есть анализ имущественного и доходного состояния, а также характер выполняемых в общественном разделении труда функций. Принимая во внимание эти факторы и учитывая мнение опрошенных при социологических обследованиях, многие социологи считают, что средний класс начинается там, где прекращается экономия на продуктах питания, на покупке необходимых предметов домашнего обихода, на приеме гостей; для верхнего слоя среднего класса характерна возможность «отдыхать в свое удовольствие» [Жеребин, Романов, 2002, 318].

Рассмотрим социальную структуру среднего класса в современных условиях. В большинстве исследований, несмотря на некоторые различия в подходах авторов к этой проблеме, к среднему классу относят научных и инженерно-технических работников, управленческий, административный персонал, не занимающий высших постов, интеллигенцию, городских и сельских мелких собственников, в том числе небольшую часть крестьянства и фермеров.

Формирование среднего класса напрямую связано также с другой серьезнейшей проблемой – нарастающим социальным неравенством. В таблице 2 отмечалось, что отношение доходов 10% наиболее высокодоходных групп населения к доходам 10% наименее обеспеченных групп (коэффициент фондов) в рассматриваемый период было равно около 16. Следует отметить, что в этом соотношении не учитываются размеры владения недвижимым имуществом, реальный социальный статус и властные возможности, учет которых дал бы еще более высокое значение коэффициента фондов. Очевидно, что усиление поляризации в обществе является серьезным препятствием на пути создания массового среднего класса.

Перейдем к расчету численности населения России, отнесенного к среднему классу. Основной проблемой в этих расчетах является определение нижней и верхней границ среднедушевого дохода для среднего класса. В разных странах имеются различные методики определения этих границ. В нашей стране ряд исследователей, исходя из *самых минимальных требований* (выделено автором), определяют в качестве нижней границы для среднего клас-

са удвоенное значение ПМ или утроенное значение МПК, а в качестве верхней – удвоенный медианный среднедушевой доход (см., например, [Социальная статистика, 2003, 244-245]). Если принять такую точку зрения (конечно, небесспорную), то на основе официальных данных статистических сборников Росстата о распределении населения по среднедушевому доходу и рассчитанных величин МПК и медианного дохода, можно оценить численность среднего класса в России и ее динамику за 2012-2015 годы. Эти данные и результаты расчетов приведены в таблице 5, в которой для определения нижней и верхней границ душевого дохода для среднего класса использованы данные таблицы 2 (в качестве нижней границы автором взято более обоснованное, по его мнению, утроенное значение МПК).

Таблица 5. Стоимость минимальной потребительской корзины, медианный среднедушевой доход (рублей в месяц) и численность среднего класса

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Утроенная стоимость минимальной потребительской корзины (МПК), руб.	18261	20493	22581	27210
Удвоенный медианный среднедушевой доход, руб.	34580	38366	41686	46176
Численность среднего класса (в процентах от всего населения)	26,7	26,4	26,6	23,7
млн. человек	38,3	37,9	38,9	34,7

Заключение

Проведенные расчеты позволяют сделать ряд выводов. Они показывают, что численность населения, отнесенного к среднему классу, в рассматриваемом периоде постоянно уменьшалась; увеличение этой численности в 2014 году связано с присоединением Крыма к России. Главный вывод проанализированных данных заключается в том, что в настоящее время численность среднего класса в России крайне низка. Значительное увеличение этой численности, в первую очередь за счет перевода в средний класс населения из более бедных категорий, является одной из важнейших задач социально-экономического развития России в ближайшие годы. Решение этой и других рассматриваемых в данной работе проблем требует коренного изменения направления вектора социальной политики нашего государства на современном этапе его развития.

Библиография

1. Жеребин В.М., Романов А.Н. Уровень жизни населения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 592 с.
2. Россия в цифрах, 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. 543 с.
3. Социальная статистика / Под ред. М.Р. Ефимовой. М.: Финансы и статистика, 2003. 560 с.
4. Статистика / Под ред. И.И. Елисеевой. СПб.: Питер, 2010. 368 с.
5. Федосеев В.В. Стратификация населения по среднедушевому доходу // Труд и социальные отношения. 2010. № 2. С. 100-114.

Social stratification of the population of Russia and problems of the middle class formation: the status and dynamics

Vladilen V. Fedoseev
PhD in Economics, Professor,
Moscow State University of Design and Technology;
119071, 1 Malaya Kaluzhskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: cubaseman@mail.ru

Abstract

The article is devoted to analysis of the dynamics of social stratification of Russia's population, caused by the differentiation of the population by average per capita income for the period from 2012 to 2015. The source data for the analysis are taken from the statistical compilations of Rosstat for the corresponding period. The subsistence minimum and the cost of the minimum consumer basket are taken as a basis for social stratification of the population. The paper covers some aspects of middle-class formation in Russia. Based on the analysis of data taken from collections of Rosstat for the last decades and, in particular, for 2016, the author makes a conclusion that currently the number of middle class in Russia is extremely low. A significant increase in this number, primarily due to the transfer of the population from the poorer categories in the middle class, is one of the most important tasks of socio-economic development of Russia in the coming years. The solution to this and other problems considered in the article requires a radical change in the direction of the vector of social policy of our state at the present stage of its development.

For citation

Fedoseev V.V. (2017) Sotsial'noe rassloenie naseleniya Rossii i problemy formirovaniya srednego klassa: sostoyanie i dinamika [Social stratification of the population of Russia and problems of the middle class formation: the status and dynamics]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 262-271.

Keywords

Stratification of the population, per capita income, subsistence level, minimal consumer basket, differentiation of the population by income, poverty threshold, the poverty level, the middle class, the dynamics of social stratification.

References

1. Efimova M.R. (ed.) (2003) *Sotsial'naya statistika* [Social statistics]. Moscow: Finansy i statistika Publ.
2. Eliseeva I.I. (2010) *Statistika* [Statistics]. St. Petersburg: Piter Publ.
3. Fedoseev V.V. (2010) Stratifikatsiya naseleniya po srednedushevomu dokhodu [Population stratification on average income]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* [Labour and social relations], 2, pp. 100-114.
4. *Rossiya v tsifrakh, 2016: Krat. stat. sb.* [Russia in figures, 2016: Short statistical book] (2016). *Rosstat* [Rosstat]. Moscow.
5. Zherebin V.M., Romanov A.N. (2002) *Uroven' zhizni naseleniya* [The standard of living of the population]. Moscow: YuNITI-DANA Publ.

УДК 32.019.5

Медиативный функционал современного «новояза» (между онлайн и оффлайн культурой)

Олешкова Анна Михайловна

Кандидат исторических наук,
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического института,
622031, Российская Федерация, Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57;
e-mail: philos@ntspi.ru

Аннотация

В данной статье автор рассматривает мировоззренческие, методологические и эмпирические основания медиативного функционала современного «новояза». Теоретическое основание представлено междисциплинарными подходами, расположенными на стыке социологии, культурологи, политологии, философии и лингвистики. Важную методологическую роль играет критический дискурс-анализ, предполагающий интерпретацию отношений социального неравенства, вражды, а также злоупотребления власти, реализуемой через символическое пространство текста. Нужно выделить два ключевых тезиса: применительно к анализу социокультурных процессов современности следует говорить о феномене «новояза» (квазиполитической и идеологической системы, устанавливающей связь между онлайн- и оффлайн-культурой); «новояз» не только объясняет, но и формирует социокультурную реальность. Эмпирический материал представлен, во-первых, словоупотреблениями, используемыми в Интернет-пространстве (блоги, комментарии к новостной хронике, мемы), что отражает дискурс онлайн-культуры; во-вторых, примерами слоганов, изображенных на автомобильных наклейках, как элементе оффлайн-культуры, соответственно. Делается вывод, что активный переход современного общества в стадию медиализации позволяет говорить о сосуществовании онлайн и оффлайн культуры и процессах их синхронизации.

Для цитирования в научных исследованиях

Олешкова А.М. Медиативный функционал современного «новояза» (между онлайн и оффлайн культурой) // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 272-280.

Ключевые слова

«Новояз», дискурс, контекст, идеология, насилие, власть, онлайн, оффлайн.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Тема данного исследования актуализирует междисциплинарные усилия целого ряда наук и походов. В нашем случае важны работы, которые позволяют понять, что в окружающей действительности считать состоявшимся социальным фактом, как определить истину, каким образом соединяются знание, дискурс и насилие, и что, в конечном счете, означают эти понятия. Так, в отношении социально-философской научных областей выделим лишь некоторые направления, выходящие на аспекты онтологии, эпистемологии, этики и философии языка.

1) Постмодернистские теории языка и сам постмодернизм в широком культурологическом смысле. После смерти Ж. Деррида одним из всемирно известных французских философов является Ален Бадью. Его взгляды представляют собой соединение марксизма, психоанализа Лакана и постмодернизма. С его точки зрения истину следует понимать, как случайно выбранный путь, как постсобытийное следование, не зависящее от внешнего закона. В контексте Интернет-коммуникации важно понять, что новостная хроника и, как следствие, высказывание по ее поводу, может быть включено в соотношение «событие» – «идея» [Бадью, 2016, 22-25], в котором событие создает возможность, а идея обозначает эту возможность.

2) Идея насилия во фрейдомарксизме Славоя Жижека: «субъективное» и «объективное» [Жижек, 2010, 12-16]. Субъективное насилие сосуществует с объективным насилием, которое имплицитно присутствует в виде неравенства и несправедливости в том порядке, который на сегодняшний день является господствующим.

3) Представления Ж. Бодрийяра, прежде всего, заключенные в концептах «симулякр» [Бодрийяр, 2015]и «несобытие» [Бодрийяр, 2016].

4) Среди междисциплинарных авторов следует отметить Тео Ван Дейка, работы которого активно используют как социологи, так и лингвисты. Для нас важное значение имеет теория дискурса средств массовой информации и разработка метода критического дискурс-анализа, позволяющего анализировать феномен насилия и неравенства через язык [Ван Дейк, 2013].

5) Концепция власти и дискурса М. Фуко, согласно которой власть следует воспринимать как имманентное свойство общества, выраженное в различных феноменах, ограничивающих и фиксирующих действия субъектов [Фуко, 2015]. Образ безумцев, которых культура в определенный момент начинает выводить за границы нормы, удачно экстраполируется на механику публичных дискуссий на актуальные квазиполитичские темы, представленные прежде всего в современном медиапространстве. Особенно показательным являются такие модели поведения как бан (англ. – «запрещать, объявлять вне закона») и троллинг (сленг, англ. – «ловля рыбы на блесну»), направленные на управление поведением другого субъекта.

В совокупности указанные направления современной гуманитаристики позволяют разработать концепцию «новояза», что позволит приблизиться к понимаю скрытых (как минимум, неочевидных) социокультурных процессов, отражающих взаимоотношение субъектов в различных контекстах.

Культура как контекст

Современная медиализированная культура может быть интерпретирована в категориях «онлайн» и «оффлайн», т. е. фактически в рамках и за пределами Интернет-коммуникации, соответственно. Концепция контекста занимает важное место в междисциплинарном социальном знании [Van Dijk, 2008]. Контекстные условия бытования любого феномена подразумевают объективные и субъективные аспекты. Сама идея контекста как решающего условия одновременно и объективна, и субъективна. С одной стороны, существуют отдельные, верифицируемые атрибуты субъекта: пол, возраст, этнос, социальная группа, идентичность и др. С другой – любое событие релевантно самому субъекту и существует только потому, что введена категория «субъект». Именно субъект интерпретирует события так, что они начинают быть значимыми (или нет) и, в конечном счете, оказывают влияние на дискурс.

Применительно к соотношению объективных и субъективных составляющих контекста нужно вспомнить социологическую идею самосбывающегося пророчества, емко выраженную в теореме Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» [Мертон, 2008]. Человек мыслит и действует не только в ответ на объективные характеристики сложившейся ситуации, но и руководствуясь субъективными значениями, важными именно для него.

В этой связи дискурс и социокультурное пространство определяются взаимным влиянием, их связь опредмечена в культурных конвенциях, которые таковы только для определенного социума. Отдельный субъект будет понят другим субъектом и отторгнут другим вследствие таких конвенций, как идеология, ценности, знание, вера.

«Новояз»: конфликтный потенциал онлайн- и оффлайн-контекстов

Современный мир и процессы, которые его характеризуют, заключены в различных социокультурных измерениях. Активные процессы медиализации, выраженные в росте влияния медиа на общество [Матисон, 2013, 13], позволяют разделить его оффлайн и онлайн проявления, с открытым вопросом о степени первичности и важности этих контекстов.

Современный миропорядок сложно назвать устойчивым, скорее, следует выделять отдельные реперные точки, которые указывают на хрупкий баланс культурных конвенций. Проблемы, которые в теоретическом и практическом смыслах стали классическими (и в

некотором роде стертыми из перечня реальных социальных проблем), выражены в трудно определяемых феноменах расизма, экстремизма, шовинизма, национализма.

Элементы общества, в соответствии с любой научной интерпретацией, не равны друг другу, по определению. Каждый субъект находится в состоянии кооперации и антагонизма одновременно. Удвоение современного мира и порождение виртуальной культурой новых правил поведения усложняет состояние неравенства и доминирования, которыми характеризуются человек XXI века. Классическое деление общества на эксплуататоров и эксплуатируемых дополняется гендерным неравенством, доходя до апогея глобальным противостоянием в дихотомии «большинство» – «меньшинство» [Штомпка, 2005, 361-369]. Многочисленные Интернет-площадки для дискуссий дополняют перечень несогласных друг с другом по линиям политической и квазиполитической тематики: выборы в Америке, коррупционные скандалы в среде чиновников, позиция по конфликтам в Сирии и Украине, отношение к роли религии в современном обществе – это лишь поверхностный перечень вопросов сегодняшнего дня, которые порождают взаимную стигматизацию общества, опредмеченную в современном «новоязе». Деление субъектов на «православнутых» и «либерастов», «правосеков» и «колорадов», «пятую колонну» и «поцреотов», «Усраину» и «Фашингтон» и т. д. – указывает на поляризацию настроений общества, которые формируются стихийно под влиянием медиаповода и распространяются не только в онлайн-пространстве (блоги, комментарии, твиты, мемы и т. д.), но и за его пределами.

Пространство современного города с его типичной инфраструктурой начинает включать в себя элементы индивидуализации, через которые возможно проследить актуализацию общественных настроений и интуиций. Самым показательным примером являются автомобильные наклейки, информационное содержание которых говорит не только о соотношении онлайн и оффлайн культуры (через совпадение текстов с Интернет-мемами), но и о прямом их соответствии в контексте динамики изменения общественного мнения по актуальным вопросам современной медиаповестки.

Выделим некоторые примеры стикеров на автомобили, сгруппировав их по базовым (крупным) темам, отражающим идеологические позиции «говорящего социума» [Кнорре-Дмитриева, 2016]. И в этой связи отметим, что оперирование данным понятием («говорящий социум») подразумевает сложность определения актора действия, который оказывается растворенным в общем потоке группового, а не индивидуального смысла. При этом анонимность высказывания в культуре-онлайн сменяется более четкой идентификаций в оффлайн-пространстве.

Историческое наследие, героическое прошлое: «Не в силе Бог, а в правде. Александр Невский» (используется старославянский шрифт); «Если Бог за нас, то кто против нас? Дмитрий Донской»: «Русская армия всех сильней»; «Россия – священная наша держава».

Поддержка политического лидера: «Путин всегда прав», «Кто нас обидит, и трех дней не проживет. В. Путин».

Синкретическое сознание (соединение первой и второй темы): совместное изображение Путина и Сталина

Великая отечественная война (как самостоятельная тема и контекст для квазиполитических высказываний): «Я помню, я горжусь», «Ваша победа в наших сердцах», «Спасибо деду за Победу», «Спасибо вам, что мы войны не знали, простите, что страну про... рали»; «Спасибо деду за Победу, спасибо Путину за Крым!»; «1941-1945. Можем повторить»; «Верхний палеолит. 35-10 тыс. лет до н. э. Можем повторить» (пародия предшествующего слогана); «Трофей из Берлина; «На Берлин!».

Протестные настроения, критика политического лидера, проблема кроррупции: «За Навального», «Я против партии жуликов и воров», «Путин, уходи», «Страной правят <...>».

Отношение к Америке (противоречивое): «Хочешь попасть в Америку?; «Обама чмо»; «Обама чмоки» (пародия предшествующего слогана).

Как и «новояз» Оруэлла, современный «новояз» не всегда построен на оперирования прозрачными смыслами. Скрытые или переносные смыслы, многообразие аллюзий (как минимум, исторических прецедентов) требуют многослойного прочтения и установку на понимание первоисточника.

Эвфемизм – основа современного «новояза»

Синкретизм в восприятии и трактовке ряда социальных феноменов создает предпосылки бытования современного «новояза» с его важной особенностью поляризации и стигматизации «говорящего социума». В этой связи показательным является ускользающий концепт «раса» [Гиссис, 2016], который является промежуточным аспектом между социальными и биологическими явлениями. Особенности его социальной конструкции основываются на допущении именно биологических отличий между людьми. При этом рассуждения о расах в реальных дискурсивных практиках скрываются в дискуссиях о культурных отличиях конфессиональных и этнически групп, что усиливает проблему политизации категории «раса» в актуальных вопросах, попадающих в плоскость политического и квазиполитического высказывания.

Условно, первый тип характерен для политика, высказывающегося в публичном пространстве (например, о проблемах миграции, беженцев). Второй тип формируется в медиапространстве и может быть свойственен любому представителю «говорящего социума». Именно в этом случае политика – это повод высказаться на любую другую тему: большой спорт, экологические проблемы, памятники культуры и др. И в том, и в другом случаях создаются оценочные конструкции повседневного и политического дискурсов.

«Новояз» и идеология

Еще со времен своего «изобретателя» Дж. Оруэлла, понятие «новояз» характеризовалось таким важным признаком, как идеологичность. В Приложении «О нововязе» Оруэлл отметил, что «новояз» «обслуживает идеологию ангсоца» [Оруэлл, 1989, 200]. В отношении

«новояза» XXI века подчеркнем, что данный термин подразумевает несколько аспектов: как минимум, не только язык власти, но, язык непротиворечивой позиции власти; как максимум, «новояз» – это язык угнетения, способ стигматизации общества или отдельных его категорий. В обоих случаях власть понимается в широком смысле слова, как социально-политическая и социально-психологическая категория.

Между «классическим» «новоязом» и его современной модификацией есть серьезные отличия. Современный «новояз» является «говорящего социума», который характеризуется, во-первых, исчезнувшим субъектом; во-вторых, стремлением к доминированию и власти.

Таблица 1. Признаки и условия функционирования «новояза» XXI в. сравнительно с «новоязом» XX в.

Общее	Особенное
Искусственный язык, специально разработан	Частично сконструирован
Опирается на старояз	Усложняется, самоорганизуется
Официальный язык	Сосуществует с официальным
Стремление к единообразию «Регулярность грамматики»	Намеренное и случайное искажение языковых норм (орфография, пунктуация, орфоэпия), как следствие, возникновение нового означаемого и означающего.
Конспирология	Призывы к очищению языка
Упразднение старых слов	Корректировка слов
Несовпадение означающего и означаемого (двоемыслие)	Преобладание лаконичных конструкций, являющихся базой для слоганов
Стереотипизация, мифологизация и архетипизация реальности	Временная убежденность и хештегизация сознания
Исторические параллели	Возможное несовпадение говорящего субъекта и информации
Морализаторство	Анонимный характер элементов коммуникации
Создание врагов	Троллинг как процесс, придающий дополнительное искажение означающему
Эмоциональный компонент, скрытая или явная агрессия	Идеологическая опосредованность (возможное отсутствие прямой связи с официальным языком власти)
Игнорирование диалектических связей и детерминизма	Усложненная редукция
Наличие антиномий	«Этос» и «пафос» вместо «логос»
Иррациональное вместо рационального	Софистика и эристика вместо диалектики
Ранжированная речь: полтика, повседневность, наука (по Оруэллу, т.н. A, B, C.)	Речевая эклектика, внедрение сленговых и жаргонных выражений политический и научный дискурс
Нарушение этимологии	Произвольное и выборочное использование понятий, терминов, теорий, фактов, оценок.
Милитаризм	Повышенное стремление к идентификации и самоидентификации
Дегуманизация	Жертвенность, самоизоляция
Оптимизация языка, использование только необходимых точных слов	Упрощение языковых правил и норм, снижение словарного запаса, синтаксическая простота предложений

Заключение

Таким образом, в создании любой социальной ситуации представляется важным действие объективных и субъективных переменных, представляющих собой социокультурный

контекст, связанный с дискурсом. Активный переход современного общества в стадию медиализации позволяет говорить о сосуществовании онлайн и оффлайн культуры и процессах их синхронизации. Источником дискурсивных смыслов может выступать каждая из них. Современный «новояз», как идеологическая и квазиполитическая система, позволяет определить соответствие норм обоих форматов культуры.

Библиография

1. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2016. 192 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
3. Бодрияйр. Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016. 224 с.
4. Жижек С. О насилии. М.: Издательство «Европа», 2010. 184 с.
5. История расизма еще не закончена. Расизм из эпохи вай-фая: преодоление или новые клише? URL: http://gefter.ru/archive/17511
6. Кнорре-Дмитриева К. О чем думают москвичи? Как относятся друг к другу и к власти? Читайте стикеры на стеклах машин. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/03/04/67667-171-speshish-v-ad-ustuplyu-dorogu-187
7. Матисон Д. Медиа дискурс. Анализ медиа-текстов. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр» (О.В. Гритчина), 2013. 264 с.
8. Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса). 2008. URL: http://socioline.ru/pages/r-merton-samoispolnyayuscheesya-prorochestvo-teorema-tomasa
9. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. 384 с.
10. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение Тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.
12. Штомпка П. Социология: анализ современного общества. М.: Логос, 2005. 664 с.
13. Van Dijk T.A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. New York: Cambridge University Press, 2008. 267 p.

Modern "newspeak" in media: between online and offline

Anna M. Oleshkova

PhD in in Historical sciences,

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (Branch) Russian State Vocational and

Pedagogical University,
622031, 57 Krasnogvardeyskaya st., Nizhny Tagil, Russian Federation;
e-mail: philos@ntspi.ru

Abstract

Object. In the last few years there has been a growing interest in media culture investigation. This article considers the worldview, methodological and empirical foundations of the modern "newspeak" functionality in mass media. The theoretical basis is represents by cross-disciplinary approaches such as sociology, culturology, political science, philosophy and linguistics. **Methodology.** Research methodology involves application of general and special scientific approaches, including critical discourse analysis, which involves interpreting the relationship of social inequality, enmity, and abuse of power realized through the symbolic space of the text. **Results.** It is worth highlighting two key theses: analyzing the socio-cultural processes at the present time, we can speak about the phenomenon of "newspeak" (a quasi-political and ideological system that establishes a link between online and offline culture); "Newspeak" not only explains, but also reproduces socio-cultural reality. The empirical material is presented by the words used on the Internet (blogs, comments, memes), which reflect the discourse of online culture; examples of bumper stickers slogans, as an element of offline culture. **Conclusion.** Summing up the results, it can be concluded that the active transition of modern society into the stage of medialization allows talking about the coexistence of online and offline cultures and their synchronization.

For citation

Oleshkova A.M. (2017) Mediativnyi funktsional sovremennogo "novoyaza" (mezhdu onlain i offlain kul'turoi) [Modern "newspeak" in media : between online and offline]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 272-280.

Keywords

"Newspeak", discourse, context, ideology, violence, power, online, offline.

References

1. Badiou A. (2010) *La Philosophie et l'Événement*. Paris: Germina Publ. (Russ. ed.: Bad'yu A. (2016) *Filosofiya i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiyu Alena Bad'yu*. Moscow: Institut Obshchegumanitarnykh Issledovanii Publ.).
2. Baudrillard J. (1981) *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée Publ. (Russ. ed.: Bodriiyar Zh. (2015) *Simulyakry i simulyatsii*. Moscow: POSTUM Publ.).

3. Baudrillard J. (2002) *Le'spirit du terrorisme*. Paris: Galilée Publ. (Russ. ed.: Bodriyair. Zh. (2016) *Dukh terrorizma. Voiny v zalive ne bylo*. Moscow: RIPOL klassik Publ.).
4. Foucault M. (1975) *Surveiller et punir, naissance de la prison*. Paris: Gallimard Publ. (Russ. ed.: Fuko M. (2015) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie Tyur'my*. Moscow: Ad Marginem Press Publ.).
5. *Istoriya rasizma eshche ne zakonchena. Rasizm iz epokhi vai-faya: preodolenie ili novye klishe?* [The history of racism is not over yet. Racism from the Wi-Fi epoch: overcoming or new clichés?]. Available at: http://gefter.ru/archive/17511 [Accessed 14/01/17].
6. Knorre-Dmitrieva K. *O chem dumayut moskvichi? Kak otnosyatsya drug k drugu i k vlasti? Chitaite stikery na steklakh mashin* [What do Muscovites think? How do they relate to each other and to power? Read stickers on the windows of cars.]. Available at: https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/03/04/67667-171-speshish-v-ad-ustuplyu-dorogu-187 [Accessed 14/01/17].
7. Matison D. (2013) *Media discourses: analysing media texts*. N.Y.: Open University Press. (Russ. ed.: Matison D. (2013) *Media diskurs. Analiz media-tekstov*. Kharkiv: Gumanitarnyi Tsentr (O.V. Gritchina) Publ.).
8. Merton R. (2008) *Samoispolnyayushcheesya prorochestvo (Teorema Tomasa)* [Self-Fulfilling Prophecy (Thomas theorem)]. Available at: http://socioline.ru/pages/r-merton-samoispolnyayuscheesya-prorochestvo-teorema-tomasa [Accessed 14/01/17].
9. Orwell G. (1989) *1984 i esse raznykh let* [1984 and essays]. Moscow: Progress Publ.
10. Sztompka P. (2002) *Socjologia. Analiza społeczeństwa*. Kraków: Wyd. Znak (Shtompka P. (2005) *Sotsiologiya: analiz sovremennogo obshchestva*. Moscow: Logos Publ.).
11. Van Dijk T.A. (2008) *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. N. Y.: Cambridge University Press.
12. Van Dijk T.A. (2008) *Discourse and Power*. UK: Palgrave. (Russ. ed.: Van Deik T. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii*. Moscow: LIBROKOM Publ.).
13. Žižek S. (2007). *Nasilje.* Ljubljana: Društvo za teoretsko psihoanalizo Publ. (Russ. ed.: Zhizhek S. (2010) *O nasilii*. Moscow: Evropa Publ.).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 32

Развитие методологии социологических исследований мониторинга политических процессов

Подорова-Аникина Оксана Николаевна

Кандидат политических наук,
доцент кафедры социально-коммуникативных технологий,
ФГБОУ ВО Ухтинский государственный технический университет,
169300, Республика Коми, Ухта, ул. Первомайская, 13;
e-mail: your_news@mail.ru

Аннотация

Вопросы политического коммуникативного взаимодействия власти и общества, электорального выбора, поддержки, перспективного развития государственных проектов приобретают особую актуальность в современной России в условиях социально-политического реформирования и постсоветской модернизации. Работа посвящена исследованию и анализу вопросов политического мониторинга, специфики его теоретико-методологических оснований в современных условиях. В статье автор определяет ключевые направления социологических исследований в сфере взаимодействия власти и общества, определяет роль мониторинга в процессах изучения социальной динамики политических коммуникаций. Отдельно рассматривается вопрос предметного поля политического мониторинга и его ключевых функций. Грамотное проведение социологических исследований позволяет освещать, изучать влияние процессов информатизации и демократизации на социально-политическое взаимодействие, прогнозировать социальную динамику. Статья будет интересна аспирантам, преподавателям, специалистам в области политической социологии и коммуникативистики, связей с общественностью, рекламы.

Для цитирования в научных исследованиях

Подорова-Аникина О.Н. Развитие методологии социологических исследований мониторинга политических процессов // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 281-289.

Ключевые слова

Политическое коммуникативное пространство, политический мониторинг, эффект коммуникации, политическая модернизация, социальная динамика.

Введение

Политическое развитие и социальная структура – те направления в теоретико-прикладном анализе, на которые устремлено особое внимание любого государства в современных условиях. Противоречия развития и совершенно новое состояние социальных институтов и процессов в мире стоят в центре внимания исследователей, в том числе в современной России.

Неразрывная связь традиционно характеризует взаимодействие общества и власти. Перевес влияния источника и получателя в коммуникативном акте, модель коммуникации, в каждый конкретный период истории меняется. В современном мире во весь рост встает вопрос социального управления и роли системы СМИ в этом процессе [Соловьев, 2013].

Особое внимание в современном государстве уделяют социально-политическим исследованиям [Соловьев, 2014]. В свете актуализации вопросов применения рекламных и PR-технологий в ходе электоральных кампаний исследования проводятся уже давно не только на федеральном, но и на региональном уровнях.

Актуальные направления

При анализе практики таких известных институтов изучения общественного мнения, как ФОМ и ВЦИОМ, особо стоит отметить то, что на общефедеральном уровне исследования проводятся регулярно, по особо актуальным вопросам – еженедельно. Это говорит о том, что отслеживание социально-политических процессов ведется в динамике и является особо значимым, так как своевременная фиксация изменения общественного мнения и настроений, изучение проблемного фона, прогнозирование развития социально-политической ситуации крайне важно в условиях демократизации современной России. Актуальны здесь:

– оценка настроений аудитории и своевременное выявление общественного мнения по вопросам как внутренней, так и внешней политики государства;

– диагностика социальной динамики и самочувствия граждан, оперативное выявление степени его определяющего влияния на настроения гражданского общества;

– исследование, оценка изменений реакции населения на реформы, особо значимые политические события;

– изучение и прогнозирование путей формирования идеологических ценностей в социуме;

– социальная оценка результатов работы над конкретными проектами и деятельности в целом различных органов власти и политических институтов.

Исследования в регионах проводятся в тех ситуациях, когда важно получить оперативную информацию о социально-политической ситуации в отдельном административном об-

разовании для принятия управленческих решений в различных областях жизнедеятельности общества [Патрушев, Филиппова, 2014].

Актуальны в регионах:

– оценка уровня удовлетворенности/недовольства властью жителями субъекта федерации;

– оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления в регионе;

– социологический мониторинг ситуации в муниципалитете.

В преддверии выборов повышается значимость вопросов поддержки и электорального выбора [Подорова-Аникина, 2013].

Тематика актуальных опросов представляет особый интерес, так как отражает непосредственно социальную динамику [Патрушев, 2016]. Один из последних опросов ФОМ посвящен поиску ответа на вопрос в социальном сознании: «Отношение к выборам – 2016. Важное или неважное событие – выборы? И как оцениваются их итоги? » (октябрь 2016 г.). Или «Политические взгляды и протестный потенциал молодежи. Как россияне оценивают действия властей?» (октябрь 2016 г.). Результаты последнего опроса показали, что работу президента В.В. Путина большинство опрошенных оценивают положительно. 48% молодых полагают, что страна развивается в правильном направлении, 21% – что в неправильном; у 31% респондентов вопрос вызвал затруднения. Протестный потенциал молодежи довольно низок. Здесь лишь 14% говорят, что у них возникает желание принять участие в митинге или любой другой политической акции, 4% – уже в них участвовали.

Продолжая обзор популярных тем опросов отметим:

– «Интерес к теледебатам. Влияют ли теледебаты на решение о голосовании» (сентябрь 2016 г.);

– «Интерес к политике: мониторинг» (май 2016 г.);

– «Выборы в Думу-2016. Знают ли россияне о думских выборах-2016?» (май 2016 г.);

– «Путин: 4 года третьего срока президентства. Изменилось ли отношение россиян к В.В. Путину за все время его президентства?» (май 2016 г.);

– «Интерес к внешней политике: мониторинг. Как оцениваются результаты российской внешней политики?» (март 2016 г.) и др.

ВЦИОМ уделяет большое внимание политическим вопросам в современных условиях. Функционирует проект «Изучение передовых технологий электорального прогнозирования» [Баскакова, 2015, 182]. Особое внимание исследователи уделяют технологиям прогнозирования результатов волеизъявления граждан [Седова, Баскакова, 2014].

Как отмечают многие исследователи, стоит помнить, что практика анализа мнения общественности в США имеет более длинную историю, нежели в России [Баскакова, Седова, 2015]: там накоплен значительный опыт в области составления электоральных прогнозов, а во всем, что касается опросных методик, США обладают наиболее современными технологиями, позволяющими получать достоверные результаты [Экспертное обсуждение...,

www]. Изучение американского опыта применения прогнозных методик может стать эффективным инструментом развития в стране исследовательских подходов. Этому направлению посвящена значительная часть исследований, проводимых в рамках работы ВЦИОМ. В 2015 году Центром было проведено исследование, в котором был обобщен опыт ведущих исследовательских американских центров.

Обобщая, определим, что в центре исследования мониторингового наблюдения стоит динамично функционирующая совокупность социальных отношений определенного качества и содержания, возникающих между взаимодействующими субъектами социально-политического коммуникативного поля. Его пространство включает различные уровни структурной организации управления общественной жизнью субъектов, позволяет обеспечить комплексный подход к формированию методического инструментария социально-политического мониторинга.

Анализируемые элементы, функции мониторинга

Таким образом, определенное предметное поле видится информативным и универсальным для обеспечения эффективного контроля и прогноза динамики процесса социально-политического управления [Сморгунов, 2015].

Такой подход обеспечивает целостное отражение всей совокупности элементов и конкретных ситуаций, под воздействием которых развертываются политико-коммуникативные взаимодействия в обществе, требующие принятия определенных и актуальных мер [Соловьев, 2015, 34]. В содержательном плане система показателей ориентирована на изучение признаков, характеризующих социальные отношения субъектов социальной деятельности, оценку. Она представлена системой объективных важных для сбора данных: специфика социальной ситуации, социальный статус, ожидания, ценностные, политические ориентации и т. п. [Милецкий, 2013]. Для каждой группы этих показателей в мониторинге предусмотрены свои специальные методы сбора, обработки, анализа.

Можно выделить основные функции социального мониторинга в политической сфере для детального анализа.

1. Функция диагностическая, которая непосредственно связана с выявлением уровня эффективности функционирования социально-политических процессов и явлений, управления ими. Все это предполагает системно проработанный процесс получения, накопления, обработки и анализа поступающей информации; разработку и моделирование системы оперативного анализа и контроля динамики социально-политических процессов, в том числе с опорой на использование современных компьютерных технологий; своевременное определение наиболее остро стоящих проблем социально-политической сферы и их детерминант; вычленение нуждающихся в социальной поддержке; последовательное обеспечение должного уровня развития социально-политической среды. Эта функция, как показывает практика, реализуется с опорой на типовые методики, позволяющие быстро и регулярно

собирать информацию. Стоит отметить важность, значимость диагностической функции в системе организации работы по управлению социально-политической сферой посредством обеспечения регулярного мониторинга.

2. Функция прогностическая, которая связана с предвидением хода социально-политических процессов, преобразованием их объектов, структуры, изменением общественно-политических взаимодействий отношений. Включает в себя разработку технологий модернизации социально-политической сферы, снятия напряженности, выделение перспектив жизнедеятельности социума, определение динамики демографических процессов, качества жизни населения и других элементов, являющихся предметом социального управления [Сморгунов, Волкова, 2014]. Используются социологами различные методы прогнозирования. Наиболее часто применяются опросы экспертов, на их основе разрабатывают сценарии прогнозов. При этом строгость проведения процедур (их точное и последовательное выполнение) определяет эффективность экспертных методов прогнозирования.

3. Функция планирования, которая предполагает разработку и внедрение проектов социально-политического развития. Сущность процесса заключается в научно обоснованном определении целей, показателей, формулировании задач, мероприятий и порядка их реализации, сроков выполнения, распределения ресурсов. Функция напрямую связана с организационно-методическим обеспечением процесса социально-политического управления и включает в себя: подготовку необходимых регламентирующих документов (решений и проектов), формирование организационных структур, обеспечивающих реализацию планов, оперативный контроль выполнения показателей плана, регулярный анализ социальной динамики. Все это позволяет не только предложить актуальный социально-политический проект, но и обозначить актуальные ориентиры, общие задачи, сроки достижения результатов.

Что касается информационных блоков, на которые можно разделить анализируемые в ходе социально-политического мониторинга пространства, то это ключевые направления: социально-трудовых, социально-политических, социально-потребительских, социокультурных отношений и социально-психологического самочувствия.

Мониторинг предполагает сбор информации, оценку и прогноз по стабильной и объективной системе показателей. Стандартность информационного набора обеспечивает удобство поиска и фиксации и придает социальному мониторингу свойства информационного процесса. Система показателей постоянно развивается. Наиболее значимая часть показателей должна оставаться в течение сравнительно длительного времени неизменной, хотя каждый раз мы можем, при изменении внешних условий или наших установок, вводить новые. Допустимо дополнить исследовательский поиск новыми методами сбора информации, а также вариантами подачи материала.

Формирование системы сбора и обработки эмпирических показателей является наиболее ответственным этапом разработки мониторинга, поскольку он является информационным источником для принятия решений. Ошибки неизбежно отразятся на прогнозном мо-

делировании. Крайне важно приведение всех показателей в удобные для измерения, анализа и оценки формы, объединяющие как количественные, так и качественные данные.

Заключение

Подводя некоторый итог, стоит отметить следующее: именно социологические опросы позволяют вычленять немаловажные условия социальной динамики политических коммуникаций в современной России, проводить оценку роли СМИ в этих процессах.

Как любое социологическое исследование, мониторинг социально-политической среды ставит перед исследователями проблему обеспечения достоверности и надежности получаемой информации. Принципиальным в ходе подготовки к проведению исследования является вопрос о периодичности опросов, проводимых в рамках мониторинга. Сроки каждый раз могут устанавливаться в зависимости от специфики региональных условий и конкретного текущего момента. Причем частота замеров может быть различной для каждого из блоков наблюдаемых показателей социальной сферы. Необходим углубленный сравнительный анализ, сопоставление опыта стран, имеющих уже определенный опыт демократизации, и передовых институтов, занимающихся изучением социальной динамики, общественных настроений и движений.

Библиография

1. Баскакова Ю.М. Электоральное прогнозирование в США: игроки рынка и понимание прогнозов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 195-202.
2. Баскакова Ю.М., Седова Н.Н. Проекты ВЦИОМ по изучению лучших мировых практик электоральных исследований и прогнозирования // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 4. С. 180-183.
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. URL: http://wciom.ru
4. Милецкий В.П. Современное российское общество в контексте российской модернизации // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. 2013. Ч. 1. С. 105-108.
5. Патрушев С.В. Массовая политика: институциональные основания. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 286 с.
6. Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Массовая политика в России: к проблеме изучения и концептуализации // Политическая наука. 2014. № 4. С. 9-29.
7. Подорова-Аникина О.Н. Коми региональное измерение социодинамики политических коммуникаций современной России. Ухта: УГТУ, 2013. 166 с.
8. Сморгунов Л.В., Волкова А.В. (ред.) Публичные ценности и государственное управление. М.: Аспект Пресс, 2014. 400 с.

9. Седова Н.Н., Баскакова Ю.М. Экспедиционный проект ВЦИОМ // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 180-186.
10. Сморгунов Л.В. Управление публичной политикой: коллективная монография. М.: Аспект Пресс, 2015. 320 с.
11. Соловьев А.И. Особенности российского политического режима // Политические институты России и Франции: Традиции и современность. М., 2014. С. 145.
12. Соловьев А.И. Право и политика как механизмы легитимации государственных проектов // Признание права и принцип формального равенства. Сборник трудов международной научной конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации. 2015. С. 23-34.
13. Соловьев А.И. Политическая коммуникация как объект политико-социологического исследования // Евгеньева Т.В. (ред.) Политическая социология. Учебно-методический комплекс. М.: РОССПЭН. 2013. С. 412-433.
14. Фонд Общественное Мнение (ФОМ), официальный сайт. URL: http://fom.ru
15. Экспертное обсуждение результатов исследования «Институциональные проблемы массовой политики: методологические и теоретические аспекты» // Официальный портал ИС РАН 2015. URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=3631

Development of methodology of sociological research of political processes monitoring

Oksana N. Podorova-Anikina
PhD in Politology, Associate Professor,
Department of social and communication technologies,
Ukhta State Technical University,
169300, 13 Pervomaiskaya st., Ukhta, Republic of Komi, Russian Federation;
e-mail: your_news@mail.ru

Abstract

The issues of political communicative interaction between government and society, electoral choice, support, long-term development of public projects are of particular relevance in modern Russia in terms of socio-political reformation and post-Soviet modernization. This article is devoted to the study and analysis of issues of political monitoring, the specificity of its theoretical and methodological foundations in modern conditions. The author of this article determines the key directions of sociological research in the sphere of interaction be-

tween power and society, defines the role of monitoring in the process of studying the social dynamics of political communications. The article also considers the subject field of political monitoring and its key functions. The author concludes that sociological research allows to examine the impact of processes of informatization and democratization of socio-political interaction, to predict the social dynamics. Like any sociological study, monitoring of the socio-political environment makes the researchers face the problem of ensuring the validity and reliability of the received information. The question of the frequency of the surveys performed during the monitoring is principal in preparation for the study. Time can be set depending on the specifics of regional conditions and the specific of the moment. Moreover, the frequency of measurements may be different for each block of observed indicators of the social sphere. It is required a depth comparative analysis, comparison of the experiences of countries with a certain experience of democratization, and advanced institutions involved in the study of social dynamics, social attitudes and movements. The article will be of interest to graduate students, lecturers, professionals in the field of political sociology and communication studies, public relations, and advertising.

For citation

Podorova-Anikina O.N. (2017) Razvitie metodologii sotsiologicheskikh issledovanii monitoringa politicheskikh protsesso [Development of methodology of sociological research of political processes monitoring]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 281-289.

Keywords

Political communicative space, political monitoring, effect of communication, political modernization, social dynamics.

References

1. Baskakova Yu.M. (2015) Elektoral'noe prognozirovanie v SShA: igroki rynka i ponimanie prognozov [Electoral forecasting in the USA: market players and understanding the forecasts]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 6 (130), pp. 195-202.
2. Baskakova Yu.M., Sedova N.N. (2015) Proekty VTsIOM po izucheniyu luchshikh mirovykh praktik elektoral'nykh issledovanii i prognozirovaniya [Projects of VCIOM on the study of best global practices in electoral researches and forecasting]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 21 (4,) pp. 180-183.
3. Ekspertnoe obsuzhdenie rezul'tatov issledovaniya "Institutsional'nye problemy massovoi politiki: metodologicheskie i teoreticheskie aspekty" [Expert discussion of the results of the research

"Institutional problems of mass politics: methodological and theoretical aspects"]. *Ofitsial'nyi portal IS RAN 2015* [Official portal of the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences]. Available at: http://www.isras.ru/publ.html?id=3631 [Accessed 13/03/17].

4. Fond Obshchestvennoe Mnenie (FOM) [Public Opinion Fund (POF)]. *Ofitsial'nyi sait* [Official website]. Available at: http://fom.ru [Accessed 19/03/17].
5. Miletskii V.P. (2013) Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo v kontekste rossiiskoi modernizatsii [Modern Russian society in the context of Russian modernization]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russian: trends and perspectives of development], ch. 1, pp. 105-108.
6. Patrushev S.V. (2016) Massovaya politika: institutsional'nye osnovaniya [Mass politics: the institutional foundations]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ.
7. Patrushev S.V., Filippova L.E. (2014) Massovaya politika v Rossii: k probleme izucheniya i kontseptualizatsii [Mass politics in Russia: to the problem of the study and conceptualization. *Politicheskaya nauka* [Political science], 4, pp. 9-29.
8. Podorova-Anikina O.N. (2013) *Komi regional'noe izmerenie sotsiodinamiki politicheskikh kommunikatsii sovremennoi Rossii* [Komi regional dimension of sociodynamics of political communications in contemporary Russia]. Ukhta: Ukhta State Technical University.
9. Sedova N.N., Baskakova Yu.M. (2014) Ekspeditsionnyi proekt VTsIOM [The expedition project of Russian Public Opinion Research Center (VCIOM)]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 3, pp. 180-186.
10. Smorgunov L.V. (2015) *Upravlenie publichnoi politikoi* [Management of public policy]. Moscow: Aspekt Press.
11. Smorgunov L.V., Volkova A.V. (red.) (2014) *Publichnye tsennosti i gosudarstvennoe upravlenie* [Public values and public administration]. Moscow: Aspekt Press.
12. Solov'ev A.I. (2013) Politicheskaya kommunikatsiya kak ob"ekt politiko-sotsiologicheskogo issledovaniya [Political communication as the object of political and sociological research]. In: Evgen'eva T.V. (ed.) *Politicheskaya sotsiologiya* [Political sociology]. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 412-433.
13. Solov'ev A.I. (2014) Osobennosti rossiiskogo politicheskogo rezhima [Features of the Russian political mode]. In: *Politicheskie instituty Rossii i Frantsii: Traditsii i sovremennost'* [Political institutions of Russia and France: Traditions and modernity]. Moscow.
14. Solov'ev A.I. (2015) Pravo i politika kak mekhanizmy legitimatsii gosudarstvennykh proektov [Law and politics as mechanisms of legitimation of public projects]. *Sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii "Priznanie prava i printsip formal'nogo ravenstva"* [Proc. Int. Conf. "Recognition of rights and principle of formal equality"], pp. 23-34.
15. *Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VTsIOM)* [All-Russian Center for the Study of Public Opinion)]. *Ofitsial'nyi sait* [Official website]. Available at: http://wciom.ru [Accessed 14/03/17].

УДК 316

Дискурсологический подход к пониманию социальных технологий управления

Исхакова Эльмира Ильдусовна
Аспирант
кафедра государственного муниципального управления и социологии,
ФГБОУ ВПО Казанский национальный исследовательский
технологический университет,
420015, Российская Федерация, Республика Татарстан, Казань, ул. К. Маркса, 68;
e-mail: iskhakova.elm@mail.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

В статье рассматриваются дефиниции понятия «социальные технологии» и делается экскурс в основные подходы к определению указанного термина. Придя к выводу, что существующие подходы во многом являются продолжением теоретического вектора в изучении социальных технологий, который был задан в 1970-1980-х годах, и не учитывают постмодернисткий парадигмальный сдвиг, который произошел в социальных науках, автор обосновывает необходимость рассмотрения социальных технологий управления через призму дискурсологического подхода. В рамках предлагаемого подхода социальные технологии выступают в качестве дискурсивных технологий – технологии конструирования и интерпретации социальной реальности. Будучи частью управленческого процесса, эти технологии определенным образом воздействуют на социальные процессы и отдельных индивидов с целью их изменения или сохранения в текущем состоянии, в том числе за счет специфических практик организации знания и навязывания «режима истины».

Ключевые слова

Социальные технологии, подходы к определению социальных технологий, управление как дискурс, дискурсологический подход.

Для цитирования в научных исследованиях

Исхакова Э.И. Дискурсологический подход к пониманию социальных технологий управления // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 290-300.

Введение

Управление социальными системами, которое стало предметом научного анализа в XX в., ввело в широкий оборот понятие «социальные технологии», которые стали активно изучаться после 1950-х гг. Само понятие «социальные технологии» появилось гораздо раньше – в конце XIX – начале XX вв., причем ученые того времени зачастую использовали его без каких-либо пояснений, в качестве очевидного и понятного для своих читателей концепта [Аргамакова, 2015, 79].

Одно из ранних определений социальных технологий принадлежит американскому социологу Ч. Хендерсону. В своей статье, опубликованной в начале прошлого столетия, он определил социальные технологии как «систему осознанного и целенаправленного организовывания людей, при которой каждая действующая естественная социальная организация находит свое истинное предназначение и все факторы кооперируются в гармонии для достижения все увеличивающихся совокупных и лучших пропорций стремления к «здоровью, богатству, красоте, знанию, коммуникабельности и справедливости» [Henderson, 1901, 472]. Его позиция изложена в интерпретации социальных технологий как метода достижения искомого состояния общества на основе имеющегося олицетворения того, что должно быть [там же, 468]. Стоит отметить, что за три года до Ч. Хендерсона понятие «социальные технологии» было использовано другим американским социологом – Э. Смолом, предметом исследования которого были закономерности развития общества, пути достижения разумных социальных целей в соответствие с ними [Small, 1898, 131].

Согласно определению Дж. Стайнер, социальная технология является связующим звеном между социологической теорией и практикой социальной работы, которая соединяет воедино принципы и данные социальных наук, проливающие свет на социальные проблемы и помогающие выстроить практику социальной работы [Steiner, 1929, 501]. В подобном ключе рассматривает социальные технологии Л. Бернард, который понимает под ними средства устранения существующих социетальных диспропорций и достижения правомерных общественных целей [Bernard, 1935, 51].

Дискурсологический подход к пониманию социальных технологий управления

Среди зарубежных исследователей, занимавшихся проблемой социальных технологий, особо следует выделить К.Р. Поппера. Хотя ученый не дал четкого определения феномена «социальная технология», из общей логики его рассуждении становится понятно, что речь идет об изучении и последующем практическом применении общих законов и фактов социальной жизни, необходимых для поэлементных (пошаговых) социальных преобразований

и социального усовершенствования (в т. ч. посредством прогнозирования результатов внедряемых изменений) [Поппер, 1993, 55, 68-70].

При этом несомненной заслугой К.Р. Поппера является разработка концепта социальной инженерии, противопоставляемой им историцизму, под которым он понимает все социально-философские теории, основанные на вере в историческую необходимость, включая марксизм. Социальная инженерия К. Поппера исходит из идеи о том, что основу политики составляет не наука о неизменных исторических тенденциях, а социальная технология. Суть научной основы политики состоит в сборе фактической информации, необходимой для построения или изменения общественных институтов в соответствии с целями или желаниями индивидов. Социальным инженерам и социальным технологам интересен, прежде всего, утилитарный аспект функционирования социальных институтов: насколько хорошо они приспособлены для достижения тех целей, которые перед ними поставлены? Социальная инженерия предназначена для информирования людей, какие шаги следует предпринять, чтобы достичь тех или иных искомых результатов. Для подобного «технологического» подхода характерно рациональное рассмотрение институтов как средств, обслуживающих определенные цели, и оценка их исключительно с точки зрения их целесообразности, эффективности, простоты и иных подобных параметров [Поппер, 1992, 54-55]. Из вышесказанного становится понятно, что социальные технологии и социальная инженерия, в понимании Поппера, являются во многом синонимичными понятиями.

В отечественных социальных науках проблематика социальных технологий как таковая стала рассматриваться лишь с середины 1970-х гг. [Щербина, 2014, 114], хотя несколькими десятилетиями ранее этот концепт был использован, в частности, в работе Е.А. Преображенского «Новая экономика», пусть и в довольно специфическом виде (как «наука об организованном производстве, об организованном труде, наука о системе производственных отношений» в строящемся социалистическом обществе) [Преображенский, 2008, 87]. При этом в отечественной традиции понимание социальных технологий было близким классическим идеям, лежащим в основе данного концепта.

Неувядающий интерес российских исследователей к этому феномену объясняет факт многообразия как дефиниций социальных технологий, так и попыток их типологизации. Например, М.В. Плотников и С.В. Смельцова указывают на четыре употребляемых значения термина «социальная технология» в современной научной и специальной литературе, олицетворяющих четыре разных подхода:

1) эпистемологический, в котором социальная технология трактуется как система знаний, (Л.Я. Дятченко, И.Г. Зайнышев, В.А. Луков, Б.А. Суслаков и др.);

2) деятельностный, в котором социальная технология понимается как деятельность социолога-практика (Н. Стефанов, М. Марков, А.И. Пригожин, В.В. Щербина и др.);

3) инструментальный, интерпретирующий социальную технологию как средство социальных преобразований (В.Г. Афанасьев, Ж.Т. Тощенко, Л.Г. Ионин, Е.В. Желнина и др.);

4) утилитарный, понимающий под социальной технологией инновационный метод оценки и использования социальных объектов (В.П. Иванов, В.И. Патрушев, Э.С. Капитонов) [Плотников, Смельцова, 2012, 172-179].

Другой принцип типологизации данного феномена мы обнаруживаем у В.В. Кривченкова, выделившего три подхода к определению социальных технологий, отличающихся точкой зрения различных взглядов на их характер:

1) когнитивный (Л.Я. Дятченко, И.Г. Зайнышев, В.А. Луков, Б.А. Суслаков и др.), в рамках которого социальные технологии предстают в виде системы научных представлений об оптимальных способах преобразования социальной реальности;

2) деятельностный (Н. Стефанов, М.Марков, А.И. Пригожин, В.В. Щербина и др.), при котором под социальными технологиями понимается рациональная деятельность по внедрению указанных научных представлений в управленческую практику;

3) комплексный (В.Г. Афанасьев, Л.Г. Ионин, А.К. Зайцев и др.), рассматривающий социальные технологии как двухаспектную систему, соединяющую научные представления с практической, социально-преобразовательной деятельностью, т.е. обеспечивающую реализацию научных знаний о преобразовании общества в контексте практической деятельности [Кривченков, 2016, 49-50].

Проиллюстрируем сказанное рядом дефиниций социальных технологий, принадлежащих вышеупомянутым авторам, а затем для сравнения добавим ряд более современных определений указанного концепта.

Согласно определению, сформулированному Н. Стефановым, под социальными технологиями понимается «деятельность, в результате которой достигается поставленная цель и изменяется объект деятельности» [Стефанов, 1976, 32].

По мнению М. Маркова, социальные технологии представляют собой «способ реализации конкретного сложного процесса путем расчленения его на систему исследовательских взаимосвязанных процедур и операций» [Марков, 1982, 48]. В.Г. Афанасьев понимает под социальными технологиями средство перевода «абстрактного языка науки, отражающей объективные законы развития общества, на конкретный язык решений, нормативов, предписаний, регламентирующих, стимулирующих людей… на наилучшее достижение поставленных целей» [Афанасьев, 1977, 235].

Л.Я. Дятченко указывает на их специфику как специально организованной области знаний «о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов» [Дятченко, 1993, 52]. Г.И. Иконникова делает акцент на том, что социальные технологии – это механизм соединения знаний с условиями их реализации [Иконникова, 1984, 27]. В.В. Щербина полагает, что социальные технологии находятся на стыке сфер науки и управленческой практики [Щербина, 1990, 79].

Все эти подходы к анализу социальных технологий отражают родовые характеристики позитивистской методологии, и они, по существу, до сих пор не утратили своей актуаль-

ности. Применяемые современными исследователями трактовки данного феномена вполне вписываются в рамки научной позиции, сложившейся в 1970-1990-е гг., и это несмотря на произошедшие в социальной практике изменения, связанные и с распадом СССР, и с существенным расширением спектра социальных технологий [там же, 115-117]. В исследовании данного феномена фактически никак не сказался постмодернисткий парадигмальный сдвиг, который произошел в социальных науках. На это справедливо указывает известный исследователь данной проблемы В.В. Щербина, подвергший критике современное состояние дел в сфере современного изучения социальных технологий, обративший внимание на хаотичность, эклектичность и в какой-то степени произвольность в современном применении указанного концепта. Он предложил снять с повестки дня сам вопрос о возможности унификации различающихся трактовок социальных технологий, предложив вместо этого подход к выделению различных их типов [Щербина, 2014, 117-121].

На наш взгляд, одним из решений этой методологической проблемы является дискурсологический подход к социальным технологиям. В рамках предлагаемой нами дискурсологической методологии социальные технологии предстают в качестве дискурсов (а точнее – дискурсивных технологий), которые используются для преобразования социальной реальности и управления ею. Основу дискурсологического подхода составляет, в первую очередь, совокупность идей, связанных с понятием «дискурс» и рассмотрение управления в качестве дискурса. М. Фуко, который одним из первых начал использовать указанное понятие в подобном контексте, определил его как «практику, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят». Он подчеркивал, что дискурс – это событие знака (т. е. означающего элемента, который отсылает к содержанию или репрезентации), хотя его функция представляет собой «нечто большее, нежели просто использование знаков для обозначения вещей», что, в свою очередь, не позволяет свести дискурс к языку и речи [Фуко, Археология…, 1996, 49]. Дискурсы конструируют реальность, присваивая значения материальным и нематериальным объектам посредством их организовывания и упорядочивания: они не просто «*отражают* объекты, события и категории, которые до этого существовали в социальном мире. Напротив, они *конструируют* версию этих вещей. Они не просто описывают вещи, они их *создают*» [Potter, 1987, 6].

Понятие дискурса тесно связано с вопросом власти / доминирования, хотя трактовки этой связи различаются. Например, М. Фуко рассматривает власть и дискурс как тесно связанные и фактически неотделимые друг от друга понятия: «именно в дискурсе власть и знание соединяются воедино…дискурс может быть и инструментом, и следствием власти… дискурс является проводником власти, производит ее и усиливает ее…» [Foucault, 1978, 100-101]. Он обращает внимание на то, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью процедур, призванных нейтрализовать его властные полномочия. Примером подобных процедур являются процедуры исключения, в т. ч. запреты («говорить можно не все,

говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец, что не всякому можно говорить о чем угодно»), а также разделение и отбрасывание (дискурс «сумасшедшего» не равнозначен дискурсу «нормальных людей») [Фуко, Воля к истине…, 1996, 51-52].

Теоретик критического дискурс-анализа Т. Ван Дейк разделяет понятия дискурса и власти, полагая, что посредством особого доступа и контроля над средствами публичного дискурса и коммуникации доминирующие группы или институты могут воздействовать на структуры дискурса таким образом, что в результате знания, убеждения, нормы, ценности и идеология реципиентов – прямо или косвенно – формируются в интересах доминирующей группы. Власть во многих демократических обществах, как пишет Т. Ван Дейк, увещевает и манипулирует, а не принуждает (основываясь на применении силы), или же побуждает, как, например, в случае с прямым формулированием команд, приказов, угроз или экономических санкций [Ван Дейк, 2013, 89].

Так или иначе, исследователи сходятся в том, что власть и дискурс всегда идут рука об руку. А поскольку в основе управления лежат отношения власти и подчинения, а также различные дискурсивные практики, связанные с коммуникацией (информирование, убеждение, взаимодействие при принятии решений и пр.), управление, как и власть, обладает дискурсивной природой [Bruce, 2011, 142-143].

Предлагаемый нами подход также базируется на идее о том, что социальные технологии охватывают деятельность управления социальными процессами, группами и отдельными индивидами в качестве практики дискурсивного вмешательства («усилия по изменению реальности посредством изменения дискурсов, которые способствуют ее образованию» [Karlberg, 2005, 1]). При этом социальные технологии являются средством социального конструирования знания и реальности, основанного на социальных и гуманитарных науках (хотя они могут частично основываться и на вненаучных типах знания – мифах, магии, религии, ценностного сознания, искусства, повседневного опыта), в котором участвуют как социальные институты (организационные технологии), так и отдельные индивиды (креативные технологии) [Касавин, 2012, 101].

Заключение

Социальные технологии в рамках дискурсологического подхода играют роль связующего звена между (научной) экспертизой и принятием управленческих решений [Leibetseder, 2011, 11] (прежде всего, на политическом уровне, однако, вполне очевидно, что это справедливо и для отдельных социальных институтов, а также для больших и малых групп). Социальные технологии являются частью различных форм власти, выделенных М. Фуко – пасторальной власти, биовласти и дисциплинарной власти [там же, 12-14], и осуществляют управленческое воздействие через регулирование различных практик посредством соответствующей организации знания (выдвижения на передний план той или иной его части) и

навязывания определенного «режима истины» [Foucault, 1980, 131], а также его объективизация в дискурсах и институтах (в т. ч. властных).

Таким образом, в рамках предлагаемого дискурсологического подхода, социальные технологии можно определить как дискурсивные технологии, т. е. технологии конструирования и интерпретации социальной реальности, которые, в контексте властно-управленческих отношений на макро-, мезо- и микро-уровнях, определенным образом воздействуют на социальные процессы и отдельных индивидов с целью их изменения или сохранения в текущем состоянии.

Библиография

1. Аргамакова А.А. Прикладное социогуманитарное знание, социальные технологии и инженерия // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLVI. № 4. С. 70-84.
2. Афанасьев В.Г. Человек и управление обществом. М.: Политиздат, 1977. 381 с.
3. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.
4. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. Белгород, 1993. 343 с.
5. Иконникова Г.И. О понятии социальной технологии // Философские науки. 1984. № 5. С.21–29.
6. Касавин И.Т. Социальные технологии. Теоретические концептуализации и примеры // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С.100-111.
7. Кривченков В.В. Социальные технологии управления устойчивым развитием многофункциональных спортивных комплексов: дис. … канд. соц. наук. Белгород, 2016. 225 с.
8. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М.: Прогресс, 1982. 189 с.
9. Плотников М.В., Смельцова С.В. Социальные технологии как объект социологического исследования // В мире научных открытий. 2012. № 4.3 (28). С. 169-188.
10. Поппер К.Р. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993. 188 с.
11. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М.: Феникс, 1992. 436 с.
12. Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика). М., 2008. 639 с.
13. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М.: Прогресс, 1976. 254 с.
14. Фуко М. Археология знания. М.: Ника-Центр, 1996. 195 с.
15. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
16. Щербина В.В. Проблемы технологизации социоинженерной деятельности // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 78-85.
17. Щербина В.В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 113-124.

18. Bernard L.L. The Place of the Social Sciences in Modern Education // The Journal of Educational Sociology. 1935. Vol. 9. № 1. P. 47-55.
19. Bruce B.C. The discourse of management and the management of discourse // International Journal Strategic Change Management. 2011. Vol. 3. № 1-2. P. 141-154.
20. Foucault M. The history of sexuality. Vol. 1. New York: Vintage Books, 1978. 176 c.
21. Foucault M. Truth and Power // Power/knowledge: Selected interviews and other writings, 1972-1977. Brighton: Harvester Press, 1980. P. 109-133.
22. Henderson C. R. The Scope of Social Technology // The American Journal of Sociology. 1901. Vol. 6(4). P. 465-486.
23. Karlberg M. The power of discourse and the discourse of power: pursuing peace through discourse intervention // International Journal of Peace Studies. 2005. Vol. 10. № 1. P. 1-25.
24. Leibetseder B.A Critical Review on the Concept of Social Technology // Social Technologies. 2011. Vol. 1(1). P. 7-24.
25. Potter J. Discourse and Social Psychology. Beyond Attitudes and Behaviour. London: Sage, 1987. 256 c.
26. Small A.W. Seminar Notes: The Methodology of the Social Problem. Division I. The Sources and Uses of Material // The American Journal of Sociology. 1898. Vol. 4. № 1. P. 113-144.
27. Steiner J.F. The Limitiations of a Conceptual Approach to the Applications of Sociology to Social Work // Social Forces. 1929. Vol. 7. № 4. P. 500-502.

A discoursological approach to understanding of social technologies of managment

Elmira I. Iskhakova
Postgraduate
Department of Public Administration and Sociology,
Kazan National Research Technological University,
420015, 68 K. Marx str., Kazan, Tatarstan Republic, Russian Federation;
e-mail: iskhakova.elm@mail.ru

Abstract

In this article the definitions of the concept "social technologies" are considered and an excursus to the main approaches on definition of the above term is conducted. In the process of study, the author finds out that current approaches are the continuation of the theoretical vector in studying of social technologies that has been set in 1970-1980s.

Moreover, these approaches don't take into account postmodernist paradigmatic shift that happened in social sciences. Thus, the author grounds the necessity of considering social technologies of management through the perspective of a discursological approach. As a result, within the scope of the proposed approach social technologies turn out to be discursive technologies, that is to say, technologies of construction and interpretation of a social reality. Being a part of a managerial process, these technologies, in a certain manner, influence social processes and individuals in order to change them or to keep them in the current state, a.o. by means of applying specific practices of knowledge organization or imposition of "the truth regime".

For citation

Iskhakova E.I. (2017) Diskursologicheskij podhod k ponimaniju social'nyh tehnologij upravlenija [A discoursological approach to understanding of social technologies of management] *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 290-300

Keywords

Social technologies, approaches to the definition of social technologies, management as a discourse, a discursological approach.

References

1. Afanasyev V.G. (1977) *Chelovek i upravlenie obshestvom* [The man and society management]. Moscow: Politizdat Publ.
2. Argamakova A.A. (2015) *Prikladnoye sotsiogumanitarnoye znanie, sotsial'nye tehnologii i injeneriya* [Applied socio-humanistic knowledge, social technologies and engineering]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. 46., (4) pp. 70-84.
3. Bernard L.L. (1935) The Place of the Social Sciences in Modern Education. The Journal of Educational Sociology. 9., (1). pp. 47-55.
4. Bruce B.C. et al. (2011) The discourse of management and the management of discourse. International Journal Strategic Change Management. 3., (1-2). pp.141-154.
5. Dyatchenko L. Ya. (1993) *Sotsial'nye tehnologii upravleniya obshestvennymi protsessami* [Social technologies of managing societal processes]. Belgorod: The Centre of Social Technologies.
6. Foucault M. (1969) Archéologie du Savoir. Paris: Gallimard. (Russ. ed.: Foucault M. (1996) Arheologiya znaniya. Moscow: Nika-Tsentr Publ.).
7. Foucault M. (1978) The history of sexuality. Introduction. 1. New York: Vintage Books.
8. Foucault M. (1980) Truth and Power. Power/knowledge: Selected interviews and other writings, 1972-1977. Brighton: Harvester Press, pp. 109-133.

9. Foucault M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i sexual'nosti. Raboty raznyh let* [The will to the truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works written in different years]. Moscow: Kastal' Publ.
10. Henderson C. R. (1901) The Scope of Social Technology. The American Journal of Sociology. 6. (4). pp. 465-486.
11. Ikonnikova G.I. (1984) *O ponyatii sotsial'noy tehnologii* [On the concept of social technology]. *Filosofskiye nauki* – [Philosophical sciences]. (5), pp. 21-29.
12. Karlberg M. (2005) The power of discourse and the discourse of power: pursuing peace through discourse intervention. International Journal of Peace Studies. 10. (1). pp. 1-25.
13. Kasavin I.T. (2012) *Sotsial'nye tehnologii. Teoreticheskie kontseptualizatsii i primery* [Social technologies. Theoretical conceptualizations and examples]. *Obshestvennye nauki i sovremennost'* – [Social sciences and modernity]. (6). pp. 100-111.
14. Krivchenkov V.V. (2016) *Sotsial'nye tehnologii upravleniya ustoichivym razvitiem mnogofunktsionalnyh sportivnyh kompleksov*. *Dokt. Diss.* [Social technologies of management of sustained development of multifunctional sport complexes. Doct. Diss]. Belgorod.
15. Leibetseder B. (2011) A Critical Review on the Concept of Social Technology. Social Technologies. 1(1). pp. 7-24.
16. Markov M. (1982) *Tehnologiya i effektivnost' sotsial'nogo upravleniya* [Technology and efficiency of social management]. Moscow: Progress Publ.
17. Plotnikov M.V., Smeltsova S.V. (2012) *Sotsial'nye tehnologii kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Social technologies as the subject of sociological research]. *V mire nauchnyh otkrytiy – In the realm of scientific inventions*. (4.3) (28). pp. 169-188.
18. Popper K.R. (1957) The Poverty of Historicism. London: Routledge. (Russ. ed.: Popper K.R. (1993) *Nisheta istoritsizma.* Moscow: Progress Publ.).
19. Popper K.R. (1945) The open society and its enemies. The spell of Plato. 1. London: Routledge. (Russ. ed.: Popper K.R. (1992) *Otkrytoe obshestvo i ego vragi.* Chary Platona. Moscow: Fenix Publ.).
20. Potter J., Wetherell M. (1987) Discourse and Social Psychology. Beyond Attitudes and Behaviour. London: Sage.
21. Preobrazhenskiy E.A. (2008). *Novaya ekonomika (teoriya i praktika):* 1922-1928 gg. [New Economics (theory and practice): 1922-1928]. Moscow: Glavarhive Moskvi Publ.
22. Sherbina V.V. (1990) *Problemy tehnologizatsii sotsioinjenernoy deyatel'nosti* [The problems of technologization of social-engineering activities]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* – [Sociological researches]. (8), pp.78-85.
23. Sherbina V.V. (2014) *Sotsial'nye tehnologii: istoriya poyavleniya termina, transformatsiya soderjaniya, sovremennoe sostoyanie* [Social technologies: history of the concept's appearance, transformation of its meaning, current state]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* – [Sociological researches]. (7), pp. 113-124.

24. Small A.W. (1898) Seminar Notes: The Methodology of the Social Problem. Division I. The Sources and Uses of Material. The American Journal of Sociology. 4., (1). pp. 113-144.
25. Stefanov N. (1976) *Obshestvennye nauki i sotsial'naya tehnologiya* [Social sciences and social technology]. Moscow: Progress Publ.
26. Steiner J.F. (1929) The Limitiations of a Conceptual Approach to the Applications of Sociology to Social Work. Social Forces. 7., (4), pp. 500-502.
27. Van Dijk T.A. (2008) Discourse and Power. Houndmills: Palgrave Macmillan (Russ. ed.: Van Dijk T.A. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii.* Moscow: Librokom Publ.).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 35

Обеспечение экологической безопасности как фактор устойчивого развития муниципального образования

Хазов Константин Николаевич

Аспирант,

кафедра социальных технологий,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;

e-mail: xazov_k@mail.ru

Аннотация

В конце XX века в России произошли кардинальные изменения в системе сложившихся общественных отношений, что привело к появлению ранее неизвестных рисков и угроз во всех сферах обеспечения безопасности общества. В числе этих угроз можно назвать: терроризм, сепаратизм, социальные, политические, этнические и религиозные конфликты, а также большое количество принципиально новых угроз экологической безопасности, способных нанести существенный урон как обществу в целом, так и определенному социуму, проживающему на конкретной территории. Результатом сложившейся ситуации стал рост социальной напряженности, а также снижение уровня и качества жизни людей, при этом масштабы данных явлений на сегодняшний день имеют общегосударственный характер. Для решения существующих проблем необходимо наличие пристального внимания и более активных действий со стороны органов государственной власти, местного самоуправления, а также общества в целом. При этом следует отметить, что решение проблем обеспечения экологической безопасности осуществляется на всех уровнях власти и управления, в том числе и на муниципальном уровне. Безопасная экологическая ситуация является важнейшим индикатором, определяющим качество жизни людей, проживающих на территории муниципального образования, а также его устойчивое развитие. В этой связи крайне важно понять значение фактора обеспечения экологической безопасности для устойчивого развития муниципального образования. В рамках данной статьи рассмотрены различные точки зрения, существующие в научном сообществе, относительно определения понятия «безопасность» в целом, а также влияния на систему национальной безопасности муниципального уровня экологической безопасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Хазов К.Н. Обеспечение экологической безопасности как фактор устойчивого развития муниципального образования // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 301-309.

Ключевые слова

Безопасность, экологическая безопасность, муниципальные образования, государственное и муниципальное управление, устойчивое развитие.

Введение

Граждане России заинтересованы в том, чтобы система национальной безопасности отвечала их требованиям, чтобы ее основные структурные образования и параметры соответствовали их каждодневным и перспективным целям и устремлениям. В то же время пространству, где возник и существует человек, внутренне присуща опасность, а, следовательно, человек существует в условиях постоянной опасности и полная безопасность практически никогда не обеспечивается [Данилов-Данильян, 2001, 17-21].

Характеризуя современную ситуацию в области обеспечения безопасности в нашей стране, следует отметить, что в последние десятилетия вопросам обеспечения безопасности на различных уровнях и в различных сферах уделялось особое внимание со стороны ученых и практиков в области политических, социологических, экономических, исторических, социально-экологических, социально информационных и других дисциплин [Загребнев, 2010, 90].

Не обошли данные исследования вниманием и процессы обеспечения экологической безопасности, и это неслучайно, ведь на сегодняшний день обеспечение экологической безопасности является одной из главных составляющих обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В пункте 24 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» признается значение охраны окружающей среды и рационального природопользования для обеспечения национальной безопасности России, то есть впервые на уровне программно-нормативного документа признана значимость обеспечения экологической безопасности для национальной безопасности России. При этом обеспечение национальной безопасности Российской Федерации осуществляется через проводимую государственную политику, реализация которой, в свою очередь, возложена на органы государственной власти и местного самоуправления.

Муниципальный уровень экологической безопасности является базовым в системе обеспечения экологической безопасности государства, так как именно на муниципальном уровне решается большинство задач в области обеспечения экологической безопасности, а при-

нимаемые управленческие решения органов местного самоуправления призваны решать имеющиеся проблемы обеспечения безопасной жизнедеятельности населения.

Соотношение понятий «безопасность» и «экологическая безопасность»

Рассматривая вопросы обеспечения экологической безопасности на муниципальном уровне, необходимо понять, что представляет собой феномен безопасности. В настоящее время в научной литературе существует большое количество подходов к определению понятия «безопасность».

А. А. Прохожева определяет «безопасность» как сложнейшее социальное явление, которое объективно имеет конкретно-исторический характер и тесно связано со всеми формами и направлениями взаимодействия в системе «природа – человек – общество» [Прохожева, 2005, 79].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля безопасность определяется как «отсутствие опасности, сохранность, надежность» [Даль, 1979, 67].

По мнению Е.В. Песеговой, «безопасность – это состояние устойчивого функционирования и воспроизводства социального объекта / субъекта, поддерживаемое с помощью особой институциональной среды» [Песегова, 2009, 114].

Исходя из приведенных трактовок термина «безопасность», очевидно, что создание условий для нормального развития социума возможно лишь при гармоничном взаимодействии и взаимовлиянии нескольких компонентов, таких как природа и человек, что, в свою очередь, подтверждает важность экологического фактора.

Характеризуя понятие «экологическая безопасность», согласимся с С.Н. Русиным, который под экологической безопасностью понимает деятельность, направленную на предотвращение негативного воздействия окружающей природной среды на жизненно важные интересы человека, общества и государства [Русин, 2010, 13].

Таким образом, обеспечение экологической безопасности органами местного самоуправления непосредственно влияет на все сферы жизнедеятельности общества на территории муниципального образования.

В то же время А.К. Голиченков в системе обеспечения экологической безопасности справедливо выделяет «конечную цель» – достижение и поддержание такого качества окружающей природной среды, которое позволило бы обеспечить решение социальных, экономических и экологических проблем, и соответствующие «подцели», среди которых – обеспечение охраны окружающей природной среды, обеспечение рационального (устойчивого) использования природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности человека и других объектов [Голиченков, 2013, 5].

Таким образом, экологическая безопасность является основным фактором устойчивого развития любой социальной системы.

Обеспечение экологической безопасности как фактор устойчивого развития муниципального образования

Согласно статье 4 Постановления Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 29 декабря 1992 года «О принципах экологической безопасности в государствах Содружества», основным принципом обеспечения государством экологической безопасности является приоритет экологической безопасности для жизни и здоровья личности и общества в целом [О принципах экологической безопасности в государствах Содружества…, 1994].

Статья 42 Конституции Российской Федерации прямо предусматривает, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением [Конституция Российской Федерации…].

В соответствии со статьей 10 Федерального закона «Об охране окружающей среды» органы местного самоуправления осуществляют управление в области охраны окружающей среды.

При этом, как отмечают Я.Д. Вишняков и Т.А. Илюшникова, реализация объема природоохранных полномочий органов муниципального самоуправления требует адекватной организационной модели управления, в том числе повседневной системной координации процессов природоохранной деятельности различных отделов, комитетов [Вишняков, Илюшкина 2001, 13], то есть выработки слаженной системы управления экологической безопасностью на муниципальном уровне. Однако, несмотря на это, по мнению Т.Г. Пыльневой, территория, так же как и экологическая обстановка, не является объектом экологического управления.

Данный подход кажется нам не совсем верным как с научной, так и с практической точки зрения, ведь кроме закрепления на законодательном уровне полномочий органов местного самоуправления по обеспечению экологической безопасности, органы местного самоуправления, действуя на уровне, непосредственно приближенном к населению, призваны решать вопросы обеспечения жизнедеятельности населения. Это предполагает создание всех условий для нормального функционирования и гармоничного развития человека, включая благоприятную среду обитания в городских, сельских поселениях и других муниципальных образованиях [Тишкина, Фомкина, Жаворонкина, 2015, 205].

Таким образом, обеспечение экологической безопасности является важнейшим фактором, непосредственно влияющим на создание условий для нормального, устойчивого функционирования муниципального образования. При этом особая роль в устойчивом развитии территории многими учеными отводится как раз экологическим факторам [Воссина, 2015, 293].

Заключение

Поводя итог, следует отметить, что обеспечение экологической безопасности является одним из основных факторов устойчивого развития муниципального образования. Без

наличия на территории муниципального образования безопасной экологической среды невозможно обеспечить всестороннее и комплексное развитие муниципального образования, снижение антропогенных рисков для жизни и здоровья населения, улучшение качества жизни населения.

Библиография

1. Вишняков Я.Д., Илюшникова Т.А. Глобальный экологический кризис и пути выхода из него: эколого-экономические и управленческие аспекты // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. № 5. С. 60-71.
2. Воссина А.Е., Кустикова М.А. Роль органов местного самоуправления в реализации экологической политики предприятия // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2015. № 2. С. 290-301.
3. Голиченков А.К. Организационный механизм (управление) в сфере охраны окружающей природной среды, использования природных ресурсов, обеспечения экологической безопасности человека и других объектов: экологическое управление. М.: МГУ, 2013. С. 5.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1989. 699 с.
5. Данилов-Данильян В.И., Залиханов М.Ч., Лосев К.С. Экологическая безопасность: общие принципы и российский аспект. М.: МНЭПУ, 2001. 328 с.
6. Загребнев С.А. Региональная безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2010. № 10. С. 90-92.
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. О принципах экологической безопасности в государствах Содружества: рекомендательный законодательный акт: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств // Ведомости Федерального Собрания РФ. 1994. № 4. Ст. 206.
9. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 28.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Общая теория национальной безопасности / под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: РАГС, 2005. 338 с.
11. Песегова Е.В. Высшая школа как стратегический компонент национальной безопасности РФ (социологическая интерпретация) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. № 10 (65). Вып. 9. С. 114-117.
12. Пыльнева Т.Г. Экономика и управление природопользованием и охраной окружающей среды на федеральном, региональном и муниципальном уровнях: вопросы теории и практики. Липецк: Липецкое изд-во Минпечати РФ, 1999. 271 с.

13. Русин С.Н. Концептуальные проблемы экологической безопасности и государственная экологическая политика (правовой аспект) // Экологическое право. 2010. № 5. С. 12-18.
14. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. указом Президента Рос. Федерации от 31.12.2015 № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации: гос. система правовой информации. М., 2017. URL: http://www.pravo.gov.ru/index.html
15. Тишкина Т.В., Фомина К.С., Жаворонкина К.А. Разработка мероприятий по улучшению экологической ситуации на муниципальном уровне // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 11 (3). С. 205-208.

Ensuring environmental safety as a factor for sustainable development of a municipality

Konstantin N. Khazov
Postgraduate,
Department of social technologies,
Belgorod State National Research University,
308015, 85 Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: xazov_k@mail.ru

Abstract

At the end of the XX century, there were cardinal changes in the existing social relations in Russia, which led to the emergence of previously unknown risks and threats in all areas of security of the society. In this regard, previously unknown security threats first appeared, including terrorism, separatism, social, political, ethnic and religious conflicts, as well as a large number of innovative environmental threats that can cause significant damage to both society at large and a specific community, living in a particular area. The result of this situation was the increase in social tensions, as well as reduction in the level and quality of people's lives, and the scale of these phenomena today are national in nature. Solving the existing problems requires a careful attention and more action on the part of public authorities, local government, and society as a whole. It should be noted that the solution of environmental security issues is carried out at all levels of government and administration, including at the municipal level. Safe environmental situation is an important indicator of the quality of life of people living in a municipality, as well as its sustainable development. In this context, it is vital to understand the importance of the

environmental safety factor for the sustainable development of a municipality. This article considers different points of view that exist in the scientific community characterizing the concept of security as a whole, as well as the impact on the national security of the municipal level of the environmental security system.

For citation

Khazov K.N. (2017) Obespechenie ekologicheskoi bezopasnosti kak faktor ustoichivogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya [Ensuring environmental safety as a factor for sustainable development of a municipality] *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 301-309.

Keywords

Security environmental safety, municipalities, state and municipal management, sustainable development.

References

1. Dal' V.I. (1989) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. 1* [Explanatory dictionary of the live Great Russian language: in 4 vols. Vol. 1]. Moscow: Russkii yazyk Publ.
2. Danilov-Danil'yan V.I., Zalikhanov M.Ch., Losev K.S. (2001) *Ekologicheskaya bezopasnost': obshchie printsipy i rossiiskii aspect* [Environmental safety: general principles and the Russian aspect]. Moscow: International Independent Ecological-Political University.
3. Golichenkov A.K. (2013) *Organizatsionnyi mekhanizm (upravlenie) v sfere okhrany okruzhayushchei prirodnoi sredy, ispol'zovaniya prirodnykh re-sursov, obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti cheloveka i drugikh ob''ektov: ekologicheskoe upravlenie* [Organizational mechanism (control) in the sphere of environmental protection, use of natural resources, ensuring environmental safety of humans and other objects: environmental management]. Moscow: Moscow State University.
4. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovani-em 12.12.1993: s uchetom popravok, vnesennykh zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 21.07.2014 № 11-FKZ [Constitution of the Russian Federation (as amended at July 21, 2014)]. *SPS ''Konsul'tantPlyus''* [SPS Consultant].
5. O printsipakh ekologicheskoi bezopasnosti v gosudarstvakh Sodruzhestva: rekomendatel'nyi zakonodatel'nyi akt: prinyat postanovleniem Mezh-parlamentskoi Assamblei gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Neza-visimykh Gosudarstv [On environmental safety principles in the member states of the Commonwealth of Independent States: Recommended Legislative Act] (1994). *Vedomosti Federal'nogo Sobraniya R.F. (St. 206)* [Bulletin of the Federal Assembly of the Russian Federation (Art. 206)], 4.

6. Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ (v red. ot 28.12.2016) [On the general principles of local self-government in the Russian Federation: Federal Law No. 131- FZ of October 06, 2003 (as amended at December 28, 2016)]. *SPS "Konsul'tantPlyus"* [SPS Consultant].
7. Pesegova E.V. (2009) Vysshaya shkola kak strategicheskii komponent natsional'noi bezopasnosti RF (sotsiologicheskaya interpretatsiya) [Higher school as a strategic component of the National Security of the Russian Federation (sociological interpretation)]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo"* [Scientific statements of Belgorod State University. Series. "Philosophy. Sociology. Law"], 10 (65), pp. 114-117.
8. Prokhozhev A.A. (ed.) (2005) *Obshchaya teoriya natsional'noi bezopasnosti* [The general theory of national security]. Moscow: Russian Academy of State Service under the President of the Russian Federation.
9. Pyl'neva T.G. (1999) *Ekonomika i upravlenie prirodopol'zovaniem i okhra-noi okruzhayushchei sredy na federal'nom, regional'nom i munitsipal'nom urovnyakh: voprosy teorii i praktiki* [Economics and natural resource management and environmental protection at the federal, regional and municipal levels: questions of theory and practice]. Lipetsk: Lipetsk Publishing House of the Russian Federation Ministry of Press.
10. Rusin S.N. (2010) Kontseptual'nye problemy ekologicheskoi bezopasnosti i gosudarstvennaya ekologicheskaya politika (pravovoi aspekt) [Conceptual problems of ecological safety and state environmental policy (legal aspect)]. *Ekologicheskoe pravo* [Environmental law], 5, pp. 12-18.
11. Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: utv. uka-zom Prezidenta Ros. Federatsii ot 31.12.2015 № 683 [National Security Strategy of the Russian Federation] (2017). *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii: gos. sistema pravovoi informatsii* [Official internet-portal of legal information: the state system of legal information]. Moscow. Available at: http://www.pravo.gov.ru/index.html [Accessed 27/02/2016].
12. Tishkina T.V., Fomina K.S., Zhavoronkina K.A. (2015) Razrabotka meropriya-tii po uluchsheniyu ekologicheskoi situatsii na munitsipal'nom urovne [Development of measures to improve the environmental situation at the municipal level]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences], 11 (3), pp. 205-208.
13. Vishnyakov Ya.D., Ilyushnikova T.A. (2001) Global'nyi ekologicheskii krizis i puti vykhoda iz nego: ekologo-ekonomicheskie i upravlencheskie aspekty [The global environmental crisis and ways out of it: ecological, economic and administrative aspects]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad], 5, pp. 60-71.
14. Vossina A.E., Kustikova M.A. (2015) Rol' organov mestnogo samoupravleniya v realizatsii ekologicheskoi politiki predpriyatiya [The role of local governments in the implementation of the environmental policy of an enterprise]. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya "Ekonomika*

i ekologicheskii menedzhment" [Scientific journal of Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics. Series "Economics and environmental management"], 2, pp. 290-301.

15. Zagrebnev S.A. (2010) Regional'naya bezopasnost' v sisteme natsional'noi bez-opasnosti Rossiiskoi Federatsii [Regional security in the national security of the Russian Federation]. *Vlast'* [Power], 10, pp. 90-92.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

1) заголовок (название) статьи;

2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);

3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;

4) аннотация (авторское резюме);

5) ключевые слова;

6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;

7) список использованной литературы в алфавитном порядке;

8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих слов);

– оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);

– «англоязычной» (написанной качественным английским языком);

– **объем от 150 до 250 слов**.

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

– книги;

– статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;

– диссертации и авторефераты;

– нормативные акты;

– электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

– архивы;

– неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: *Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii* [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 или http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои корректировки, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 an 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

– informative (be free of common words);

– original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);

– substantive (to reflect the main content of an article and research results);

– structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);

– "English-speaking" (written in high-grade English);

– **volume from 150 to 250 words**.

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: *Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii* [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 or http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

No	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Cultorology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes make-up, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.